

Елена Петровна Блаватская

Карма судьбы

Karma of Destiny
by H. P. Blavatsky

"SATYAT NASTY PARO DHARMAH"

Елена Петровна Блаватская
Карма судьбы

«НЕТ РЕЛИГИИ ВЫШЕ ИСТИНЫ»

издательство
Москва
2002

УДК 299
ББК 86.42
Б47

Блаватская Е.П.

Б47 Карма судьбы / Е.П.Блаватская; Пер. под ред. К.Леонова. —
М., ООО «Издательство АСТ», 2002. — 494, [2] с.

ISBN 5-17-010831-1.

От оцифровщика. Отличия от оригинала:
Обычные сноски имеют сквозную нумерацию;
Добавлена фотография Елены Петровны Блаватской;

Содержание

РАДДА БАЙ	
ВЕРА ЖЕЛИХОВСКАЯ О СВОЕЙ СЕСТРЕ	
ЕЛЕНЕ ПЕТРОВНЕ БЛАВАТСКОЙ	6
I.....	6
II.....	9
III.....	11
IV.....	12
V.....	15
VI.....	17
VII.....	21
VIII.....	23
IX.....	25
X.....	28
XI.....	30
«ТЕОСОФСКИЕ МАХАТМЫ»	34
ЧЕЛЫ И МИРСКИЕ ЧЕЛЫ	38
ПОСВЯЩЕНИЯ В МИСТЕРИИ	43
О «ГИМАЛАЙСКИХ БРАТЬЯХ»	44
«МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ»	48
УМЕСТНЫЕ ВОПРОСЫ.....	50
ДАЯНАНД САРАСВАТИ И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ.....	54
ОТВЕТ РЕДАКТОРА.....	54
ЛАМЫ И ДРУЗЫ	55
АВАТАРЫ	62
БУДДИЗМ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ХРИСТИАНСТВА.....	63
ИДОЛОПОКЛОНСТВО.....	65
АРИЙСКО-АРХАТСКИЕ ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ О СЕМИРИЧНОМ ПРИНЦИПЕ В	
ЧЕЛОВЕКЕ.....	66
КОММЕНТАРИИ	82
I.....	82
II.....	83
III.....	83
IV.....	84
V.....	85
НЕКОТОРЫЕ КОММЕНТАРИИ ОТНОСИТЕЛЬНО «ПЯТИКОНЕЧНОЙ ЗВЕЗДЫ»	85
ПЯТИКОНЕЧНАЯ ЗВЕЗДА	87
ПОЧЕМУ НЕРАЗРУШИМ ЯЗЫЧЕСКИЙ СИМВОЛИЗМ?.....	90
ХАЛДЕЙСКИЕ «ВЕДЫ» ИЛИ «ВЕДИЧЕСКИЕ» ХАЛДЕИ?	94
КАББАЛА.....	100
ГЕРМЕТИЧЕСКИЙ ОГОНЬ	101
«ИСТОРИЧЕСКИЙ» ЗОРОАСТР И ЗАРАТУШТРА ТАЙНЫХ ПИСАНИЙ.....	102
НЕВО «БИРС НИМРУДА»	107

ФЕРЕКИД	113
ЗНАНИЕ ПРИХОДИТ В ВИДЕНИЯХ.....	114
О ДРЕВАХ ЖИЗНИ.....	114
К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ ДРЕВНЕЙ РАСЫ ГИГАНТОВ	118
ОПАСНОЕ ЗНАНИЕ.....	119
ОБ ОДНОЙ ВАЖНОЙ БИБЛЕЙСКОЙ ОШИБКЕ	120
"НЕПОГРЕШИМОСТЬ" СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ	121
ДРЕВНИЕ ДОКТРИНЫ, ОПРАВДАНЫЕ СОВРЕМЕННЫМ ПРОРОЧЕСТВОМ	122
О КОСМИЧЕСКИХ ЦИКЛАХ, МАНВАНТАРАХ И КРУГАХ	125
О ЦИКЛАХ И СОВРЕМЕННЫХ ЗАБЛУЖДЕНИЯХ	128
ВАВИЛОН СОВРЕМЕННОЙ МЫСЛИ	130
I.....	130
II	134
НАУКА ЖИЗНИ.....	140
ДВОЙНОЙ АСПЕКТ МУДРОСТИ.....	147
ПСИХИЧЕСКОЕ И НОЭТИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ	153
I.....	153
II	161
ЕСТЕСТВЕННЫЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ МАГНИТЫ	167
СУБСТАНЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА МАГНЕТИЗМА	173
ЧЕРНАЯ МАГИЯ В НАУКЕ.....	183
НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МЕСМЕРИЗМЕ И ГИПНОТИЗМЕ.....	199
ГИПНОТИЧЕСКИЕ МЕДИУМЫ И «ИСТОРИЧЕСКИЕ» ВИДЕНИЯ	199
«МЕТИЛ В КОМАРА, А ПОПАЛ В СЛОНА»	199
СЛУЧАИ ОДЕРЖИМОСТИ.....	199
ДУХИ ПРИРОДЫ И ЭЛЕМЕНТАЛЫ.....	199
ОБ АСТРАЛЬНЫХ ТЕЛАХ, ИЛИ ДОПШЕЛГЕНГЕРАХ.....	199
О СОСТОЯНИИ САМОУБИЙЦЫ ПОСЛЕ СМЕРТИ.....	199
К ВОПРОСУ О СМЕРТИ И САТАНЕ.....	199
ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ САМОУБИЙСТВО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ?.....	201
ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ АБОРТ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ?	205
БРАК И РАЗВОД В РЕЛИГИОЗНОМ, ПРАКТИЧЕСКОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ.....	206
ЖЕНЩИНЫ ЦЕЙЛОНА.....	210
СУЕВЕРИЕ	214
ВСЕГО-НАВСЕГО — ГИПНОТИЗМ?	218

ОДУШЕВЛЕННЫЕ СТАТУИ	222
ТАУ-ТРИАДЕЛЬТА.....	229
<i>Африканская магия .....</i>	<i>229</i>
ДРЕВНЯЯ МАГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ.....	232

РАДДА БАЙ

Вера Желиховская о своей сестре Елене Петровне Блаватской

I

Елена Петровна Блаватская, урожденная Ган [фон Роттен-штерн-Ган], более известная у нас в России под литературным псевдонимом Радды Бай, под которым в восьмидесятых годах [девятнадцатого века] писала свои талантливые очерки об Индии,¹ была необычайным явлением даже в наш век, освоившийся с необыкновенными личностями. В России ее деятельности и ученых трудов («Разоблаченная Изиды», «Гайная доктрина», «Ключ к теософии», «Голос безмолвия», «Драгоценные камни Востока», «Теософский словарь») и разнообразных статей в ее лондонском журнале «Lucifer», в индийском «The Theosophist» и множестве английских и французских изданий, почти не знают. Для нас, русских людей, они представляют лишь внешний интерес, как замечательное умственное движение, возбужденное во всем мире русской женщиной, без всяких на то средств, кроме своего ума, громадных знаний и необычайной силы воли. Того нравственного значения, за которое ее прославляют на Западе, провозглашая борцом за жизнь загробную, за главенство в человеческом бытии духа, за ничтожество плоти и земной жизни, данных нам лишь как средство усовершенствования бессмертной души нашей, как противницу материализма и поборницу духовных начал в человеке и природе, — в России она иметь не может. Она могла приобрести такое значение и влияние на умы человеческие лишь там, где потрясены устои христианства, либо где они совсем неведомы. Мы же, ее соотечественники, не погрязшие, благодарение Богу, в нелепости западного материализма, можем только воздать должное ее уму и знаниям вообще, а затем ее литературному таланту, хотя бы в той мере насколько он проявился в нашей русской прессе. Елена Петровна была дочерью известной русской писательницы, Елены Андреевны Ган, урожденной Фадеевой,² когда-то названной Белинским «русской Жорж Санд». Отец Елены Петровны, командуя батареей конной артиллерии, вел военную, кочевую жизнь, отразившуюся на раннем воспитании девочки. Когда, по смерти матери, ее родные, Фадеевы и Витте, взяли сирот к себе на воспитание, Елена Петровна никогда не могла привыкнуть к обычному распределению занятий с учителями и гувернантками, которых постоянно приводила в отчаяние непокорностью рутине и в восторг остротой ума и способностей, в особенности филологических и музыкальных. Все свойства ее характера отличались решительностью и более подходили бы мужчине, чем женщине. Энергия никогда не покидала ее в трудностях и опасностях необычайной жизни ее. С детства у нее была страсть к путешествиям, к смелым предприятиям, к сильным ощущениям. Она никогда не признавала авторитетов, всегда шла самостоятельно, сама себе прокладывая пути, задаваясь независимыми целями, презирая условия света, решительно устраняя стеснительные для ее свободы преграды, встречавшиеся на пути... В семнадцать лет она вышла самовольно замуж за человека, годившегося ей в отцы, и через несколько месяцев, не задумываясь, его бросила, уехала неведомо куда и почти десять лет исчезала так, что даже родные годами не знали о ее местопребывании...

¹ В журнале «Русский Вестник» были опубликованы: «Из пещер и дебрей Индостана», «Дурбар в Лахоре», «Загадочные племена на Голубых горах» и др.

² Писавшей под псевдонимом «Зинаида Р.».

Близким своим она сознавалась, что затем только и обвенчалась с Н. В. Блаватским,³ чтобы «быть свободной» от контроля родных.

Большую часть молодости Блаватская провела вне Европы; несколько лет жила в северной Индии, изучая языки, санскритскую литературу и те отвлеченные знания, которыми славятся индийские раджа-йоги,⁴ и за которые впоследствии ей пришлось много поплатиться. Слишком усердные последователи, прославляя ее какой-то -чародейкой, дали повод врагам упрекать ее в обманах и называть шарлатанкой...

Соскучившись по своим родным, Блаватская возвратилась в Россию ровно через десять лет, в 1859 году. Сначала она приехала ко мне, сестре своей, и отцу нашему в Псковскую губернию, а потом к родным матери в Тифлис. Она возвратилась из своих странствий человеком, одаренным исключительными свойствами и силами, проявившимися немедленно и поражавшими всех ее окружающих. Она оказалась сильнейшим медиумом, состояние, которое она впоследствии сама сильно презирала, считая его не только унижительным для человеческого достоинства, но и очень вредным для здоровья. Позже ее психические силы, развернувшись, дали ей возможность подчинить своей воле и контролировать внешние проявления медиумизма. Но в 27 лет они проявлялись помимо ее воли, редко ей повинуюсь. Ее окружали постоянные стуки и постоянные движения, происхождение и значение которых она тогда еще не умела объяснить...

— Сама не знаю, что за напасть такая! — говорила она. — Пристала ко мне какая-то сила, из Америки ее вывезла. Мало того, что кругом меня все стучит и звенит, но вещи движутся, поднимаются без толку и надобности... Да и кроме того, осмысленные проявления выказывает: в разговоры стуками мешается и на вопросы отвечает, и даже мысли угадывает. Чертовщина какая-то!

Тогда американские теории, завезенные на практике в Петербург Юмом, уже всем были известны. Тем не менее, мало кто имел в России случай видеть медиумические проявления на деле..

Удивительные свойства Блаватской наделали такого шума в Пскове, что и поныне, более чем 30 лет спустя, старожилы помнят се кратковременное в нем пребывание.

В особенности, поражали осмысленные ответы на задуманные вопросы; такое всезнание сил, орудовавших вокруг Блаватской, и в то время уже дало ей прозелитов из среды завзятых скептиков, гораздо более, чем движение неодушевленных предметов и постоянно видимые ею «тени», которые она описывала, тени, оказывавшиеся верными портретами умерших лиц, которых она сама никогда не знала, но присутствовавшие узнавали постоянно по ее описаниям.

Скоро Псков и отчасти Петербург, как позже и весь Кавказ, заговорили о «чудесах», окружавших Блаватскую. На нее приезжали смотреть как на диво, ее атаковали письмами и просьбами и самыми нелепыми требованиями, которым она благодушно подчинялась, позволяя себя связывать, класть на мягкие подушки и принимать всякие меры к предупреждению обмана. Что не мешало отнюдь всему вокруг нее звонить, стучать и ходуном ходить. Эти проявления всегда бывали, даже во время сна и болезненного беспомыслия Елены Петровны.

В особенности не стало границ толкам, когда с помощью ее «духов» (так называли все эти проявления) был открыт убийца, совершивший преступление в окрестностях нашей деревни, села Ругодева, где мы проводили лето. Ее духи прямо назвали имя преступника, деревню и дом мужика, где он скрывался, недоумевавшему становому, который тотчас туда поскакал и там действительно нашел его и арестовал.

С ужасом и презрением к своему тогдашнему «бессмысленному, произвольному медиумизму» вспоминала впоследствии Елена Петровна об этом времени. Через несколько лет она совершенно покорила своей воле эти силы, вредные свойства и нечистое происхождение которых она определяет в сочинениях своих с полной уверенностью в своей правоте, хотя мотет быть и ошибочно. На следующий год Блаватская уехала в Тифлис. По

---

³ Это был очень хороший, хотя несколько заурядный, пожилой человек, служивший в то время на Кавказе, куда он только что был назначен во вновь сформированную Эриванскую губернию вице-губернатором.

⁴ Раджа-йог — великий мудрец. Раджа-йоги не надо смешивать с факирами или простыми фокусниками, показывающими удивительные феномены по всем городам Индии.

дороге, именно в Задонске, у обедни, ее узнал преосвященный Исидор, бывший экзарх Грузии, впоследствии митрополит С.-Петербургский, находившийся проездом из Киева. Он знал ее еще в Тифлисе и прислал служку звать ее к себе. Преосвященный расспрашивал ее ласково, где и как она странствовала, куда едет и пр. Заметив вскоре окружавшие ее феномены, владыка обратил на них внимание. С большим интересом расспрашивал, задавал вопросы мысленно и, получив на них толковые ответы, был еще более изумлен...

На прощание он благословил ее и напутствовал словами, которые навеки остались ей памяты и дороги как мнение об исключительном даре ее просвещенного иерея православной церкви. Он сказал: «Нет силы не от Бога! Смущаться ею вам нечем, если вы не злоупотребляете особым даром, данным вам... Мало ли неизведанных сил в природе? Всех их не дано знать человеку, но узнавать их ему не воспрещено, как не воспрещено и пользоваться ими. Он преодолет и, со временем, может употребить их на пользу всего человечества... Бог да благословит вас на все хорошее и доброе».⁵

Е. П. Блаватская прожила на Кавказе (где протекала ее ранняя юность) еще года четыре. Ее талантливая, подвижная натура постоянно требовала новой деятельности, новых интересов и занятий. Довольствоваться обычной, заурядной средой, бесцветным существованием большинства женщин ей было немислимо. Она искала целей разнообразных, как рыба ищет воды, а вольная птица — воздушной шири, без пределов и препон ее своеобразному полету.

Она всю жизнь, можно сказать, металась, разыскивая что-то, стараясь выбиться на вольный свет из уз и оков, ее стеснявших. Всегда неудовлетворенная, она хваталась за то и другое и, вновь обманутая надеждой, бросала начатое предприятие и стремилась в погоню за новой приманкой.

Эти стремления к неведомому, долго не дававшемуся ей, чему-то отвлеченному, неуловимому, к ей самой непонятной вначале задаче, выполнение которой лежало на ней тяжелым и требовательным сознанием возложенного на нее долга, — прекратились лишь с появлением на ее горизонте интересов, возбужденных теософским учением.

Тогда она сразу остановилась, как блуждавший корабль, нашедший, наконец, верную пристань, останавливается и уверенно опускает свой якорь. Этому делу она была верна всю жизнь. Она отдала ему здоровье, время и всю душу, в нем узнав, наконец, то дело, которому была предназначена, в котором, ей казалось, она нашла достойную всех усилий цель: распространение между людьми всех сословий и рас веры в единство духовных сил человечества, в познание теософии — древнейшей религии разума.

— Идеалы и вера почти везде утрачены! Лженаука их уничтожила, — говорила она. Люди нашего века требуют научного оплота, научных доказательств бессмертия духа: древняя эзотерическая наука — Аумная религия — как называли ее наши православные отцы церкви (от санскритского корня слово Аум — Высшая Сила) — даст им их!

Но все это пришло гораздо позже. Всю молодость Елена Петровна бросалась из места в место, от одного дела к другому, не находя занятия по душе. Надо принять во внимание, что в те годы женская деятельность была явлением не столь обычным, как ныне, но она не держалась рутины и умела преодолевать препятствия.

Она была великая искусница в рукоделиях, умела прекрасно делать искусственные цветы; одно время у нее была целая мастерская, и дела шли очень успешно. Потом она занималась торговлей в более обширном смысле: сплавом леса, орехового наплыва за границу. Для чего даже переселилась в Мингрелию на берега Черного моря.

Еще позже она занялась каким-то дешевым способом добывания чернил. И это у нее спорилось недурно. Впоследствии она перепродала его.

В 1864 году она снова уехала на юг России, потом в Грецию и, наконец, в Египет. Там она, еще не дойдя до заключений о зловредности спиритических занятий, очень увлеклась составлением местного общества спиритов, во время сеансов которого происходили замечательные явления, засвидетельствованные не раз местными газетами.

Для близких ее этот период пребывания Блаватской в Каире ознаменовался первым проявлением ее способностей видеть умерших в самый день их кончины, что в последующей жизни с нею бывало постоянно. Никто почти в семье или из ее близких не умирал за тысячи

---

⁵ Данный случай был описан в журнале «Ребус» в очерке «Правда о Е. П. Блаватской», 1883 г., NN 40-48.

верст от нее для нее неведомо: она всегда видела их и в тот же день писала об этом явлении своим, осведомляясь о подробностях смерти.

«Правда ли, что безрукий Петр умер?» — писала она мне, ничего еще не зная о кончине этого слуги семейства нашей матери, на другой день после события. — «Я видела его... Представь себе, у одной нашей англичанки, медиума, писавшей карандашом на гробнице фараона, вдруг появились фразы на языке, которого никто из ее спутников прочесть не мог. Я была в стороне и подошла как раз вовремя, чтоб помешать исполнению их намерения бросить исписанную непонятными каракулями бумажку и прочесть на ней следующее русское послание ко мне: «Барышня! Барышня! Помогите! Помолитесь обо мне! Пить хочу! Мучаюсь!..» По самому названию (барышня) я догадалась, что это пишет кто-нибудь из Фадеевских наших людей и сама взяла карандаш...»

Писавший назвался Петром Кучеровым; объявил ей, что умер накануне, в богадельне, куда я поместила его вместе с сто братом, когда эти люди остались беспомощными инвалидами после смерти старших членов семьи Фадеевых и отъезда из Тифлиса. Петр объяснил ей, что и брат его недавно умер, и все это оказалось вполне, число в число, верно. Этот бедный человек был при жизни горький пьяница и, если верить показаниям его, по смерти был наказан мучительной жаждой, воздаянием за свой грех.

После сеанса Елена Петровна видела его самого и подтвердила это в том же письме, которое она писала в Египте, тогда как человек этот умер накануне в Тифлисе. Надо сказать, что и телеграфов тогда еще на Кавказе не было, если бы и вздумалось кому-либо ими воспользоваться для таких, никому неинтересных сообщений.

II

В 1873 году Е. П. Блаватская уехала в Америку. Англичанин Синнет, ее биограф, в книге «Случаи из жизни мадам Блаватской», утверждает, что у нее уже и тогда «были постоянные психические сношения с ее учителями оккультизма в Тибете и на Цейлоне», что, послушная только их велениям, она всегда готова была к переездам из страны в страну... Прав ли он? Зависит от мнений верующих или скептиков. Но факт тот, что едва она попала в этот рассадник спиритизма, где уже в то время проявлялись феномены материализации, как все ее письма переполнились скорбью и негодованием по этому поводу. Посещение ею «Коттеджа Вермои» братьев Эдди, о которых полковник Г. С. Олькотт⁶ написал целую книгу под заглавием «Люди с того света»,⁷ кажется было последним камнем на весах мнения Блаватской о спиритизме. Она начала писать статью за статьей в американских журналах, указывая опасность медиумизма. Письма ее переполнились раздражением против злоупотреблений спиритов силами и здоровьем медиумов и людским суеверием.

У братьев Эдди Елена Петровна впервые встретила с ярым спиритом, полковником американской службы, сражавшимся за свободу невольников, Генри С. Олькоттом, и скоро успела привлечь его к своему мнению. Оба ярые противники материализма, они не отрицали пользы, принесенной огрубевшему в безверии миру неожиданным вторжением в него спиритизма, но находили, что роль его должна ограничиться обращением общества к вере в «нечто, не снисшееся нашим мудрецам», но не ввергать их в другую крайность, — в суеверие и «в вызывание дурных сил, иначе говоря, в черную магию...»

«Какие мы спириты, Бог с вами!» — писала она своим родным. — «Если я примкнула к создающемуся здесь Теософскому обществу — ветви индийского Арийского братства, — то именно потому, что они честно борются с предрассудками и с злоупотреблениями лжепророков буквы, жрецов Калхасов, и с бреднями спиритов. Мы, пожалуй, спиритуалисты, да и то не на американский, а на древнеалександрийский лад...»

Вскоре в американских газетах стали появляться похвалы ее статьям. Разбор ее печатной полемики с профессором Гексли, проповедником материализма, наделал шуму. В то же время она задумала писать свой первый ученый труд «Разоблаченную Изиду». В

---

⁶ Будущий президент Теософского общества, соратник Блаватской по делам Общества с момента его основания.

⁷ Обратившую и в России на себя внимание благодаря статьям о ней профессора Вагнера в «Русском Вестнике».

письмах же ее начали все чаще и решительнее появляться намеки, что не ей принадлежит то, что она пишет; что сама она не понимает, что с ней творится. Но для нее вполне очевидно, что говорит она и пишет об ученых и отвлеченных предметах не сама от себя — потому, что она в них «ни бельмеса не понимает», — но внушает ей и «диктует некто знающий все».

Эти странные проявления неведомо откуда в сорок лет осенивших ее научных знаний, в соединении с такими необычайными указаниями на какое-то «вселение», очень тревожили близких Е. П. Блаватской... Они, одно время, положительно опасались за ее рассудок.

«Скажи мне, милый человек», — писала она тетке своей,⁸ — «интересуешься ли ты психо-физиологическими тайнами? А ведь все это для любого физиолога удивительная задача. У нас в Обществе есть очень ученые члены (например, профессор Уайлдер, археолог-ориенталист), и все они являются ко мне с вопросами и уверяют, что я лучше их знаю и восточные языки, и науки, как положительные так и отвлеченные. Ведь это факт, а против факта, как и против рожна, не попрешь!.. Так вот скажи ты мне, как могло случиться, что я до зрелых лет, как тебе известно, круглый неуч, вдруг стала феноменом учености в глазах людей действительно ученых?.. Ведь это непроницаемая тайна!.. Я — психологическая задача, ребус и энигма для грядущих поколений, сфинкс!.. Подумай только, что я, которая ровно ничего не изучала в жизни, я, которая ни о химии, ни о физике, ни о зоологии — как есть понятия не имела — теперь пишу обо всем этом диссертации. Вхожу с учеными в диспуты и выхожу победительницей... Я не шучу, а говорю серьезно: мне страшно, потому что я не понимаю, как это делается!.. Все, что я ни читаю, мне кажется теперь знакомым... Я нахожу ошибки в статьях ученых, в лекциях Тиндаля, Герберта Спенсера, Гексли и других... У меня толкутся с утра до вечера профессора, доктора наук, теологи. Входят в споры — и я оказываюсь права... Откуда же это все? Подменили меня, что ли?»

В то же время она присылала вырезки из разных газет, которые подтверждали ее словесные и печатные победы над различными авторитетами и, кроме того, возвещали свету массу таких невероятных фактов об оккультных свойствах и феноменальных способностях основательницы Теософского общества, что людям здравомыслящим было невозможно им верить. «Феномены» — попросту чудеса, которые в целых книгах расписывают приверженцы ее, Олькотт, Джадж,⁹ а впоследствии Синнет и многие другие, — вместо славы доставили Блаватской только горе и обвинение в шарлатанстве и обманах. Воистину услужливые друзья оказались опаснее врагов. Они только возбудили недоверие к своему учению и его представительнице, прославляя то, что она сама всегда презрительно называла «psychological tricks» («психологическими фокусами»), известными в Индии сотням тысяч людей...

Враги, которых, понятно, у нее было множество, воспользовались неосторожностью приверженцев Блаватской, обвиняя ее в «этих фокусах», тогда как если б о них никто и не знал, это нисколько не повредило бы ее делу и уж никак не уменьшило бы достоинств ее сочинений. О них нет двух мнений: и друзья и враги сходятся в признании их гениальности. Первый ее капитальный труд «Разоблаченная Изида» вызвал сотни лестных отзывов в американской, а позже и в европейской прессе. Мало русских людей читали эти два толстейших тома с целыми колоннами ссылок мелкого текста на писателей всех стран.¹⁰ Но тем знаменательнее факт, как удивительно сошлись мнения об этом классическом сочинении Блаватской двух выдающихся российских деятелей: архиепископа армянского преосвященного Айвазовского¹¹ и нашего талантливый писателя Всеволода Сергеевича Соловьева. Первый, как только прочитал «Разоблаченную Изиду», а заодно и книгу Синнета «Оккультный мир», изобилующую рассказами о «феноменах», тотчас написал мне, что, по его мнению, «большого феномена, чем появление такого сочинения из под пера женщины — и быть не может»; а второй (г. Соловьев) пишет от 7 июля 1884 года из Парижа почти в тех

⁸ Надежде Андреевне Фадеевой, родной сестре ее матери.

⁹ Джадж У. К., по образованию юрист, член Теософского общества, редактор журнала «Path», выходящего в Нью-Йорке.

¹⁰ Доньяне «Разоблаченная Изида» еще не переведена на русский язык. [Биографический очерк написан в 1893 г., через два года после смерти Е. П. Б. — Прим. ред.]

¹¹ Брат знаменитого живописца, умерший в 1880 г. в Тифлисе.

же выражениях: «Читаю вторую часть «Изиды» и совершенно убеждаюсь, что это феномен!»¹²

По нашему и этих двух свидетельств для нас, русских, достаточно, чтоб доказать, что книга эта имеет неопровержимые достоинства.

III

Россия вступила в войну с Турцией, и не стало покоя Елене Петровне. О! какие разгромные статьи писала она в американские газеты в конце 1876 и в течение всего 77 года, направленные против иезуитства католиков, выраженного во враждебных антиславянских выпадах папы. Как она болела душой, каждым фибром, каждой каплей своей русской православной кропи за кровь своих соотечественников. Письма се того времени не чернилами, а кровью и слезами писаны.

Она делает великолепный перевод на английский язык тургеневского стихотворения «Виндзорский крокет», и его публикуют сразу в нескольких газетах. Ей не дают покоя нью-йоркские поляки своими антироссийскими выходками. Появление же в печати пресловутой папской речи, в которой говорится о том, что «чем скорее будет подавлена схизма, тем лучше», и что «рука Божия может руководить и мечом башибузука», — повергло ее в жар и недомогание.

Оправившись, она разразилась рядом таких язвительных статей, обличающих папу и его «благословение турецкого оружия», что нью-йоркский *нунций* счел благоразумным вступить с ней в переговоры и прислал парламентаря. Но тот, разумеется, не был принят, а следующая статья Елены Петровны еще расцвела описанием этого визита «доморощенного» иезуита... Среди постоянного беспокойства за исход войны, за своих близких,¹³ в которых она принимала участие, Блаватскую даже не радовал громкий успех ее книги, лестные отзывы о пей таких ученых мужей, как Уильям Джон Дрейпер и Альфред Рессел Уоллес... Последний в своей рецензии на «Изиду» писал: «Я поражен вашей эрудицией», — восклицает этот соперник Дарвина, — «положительно, вы открыли мне новый непредвиденный мир с точки зрения, которая объяснила мне многое донныне непонятное...»

Этой осенью Блаватская несколько раз была встревожена видением двоюродного брата, Александра Витте (в то время майора Нижегородского драгунского полка), в крови, с перевязанной головой. К несчастью видение это оказалось пророческим. 2 октября 1877 года он просто чудом спасся от гибели. Но при этом был контужен в голову так сильно, что едва не умер. Контузия оставила роковые последствия — вечные головные боли — осложнившие через несколько лет болезнь, от которой А. Ю. Витте и скончался в 1884 году.

Несказанно радовали Елену Петровну победы русского оружия, за которыми она пристально следила; гораздо больше, чем ее собственные успехи. Это явствует из ее писем в Россию. Взятие Плевны, например, подвигло ее на восторженно-радостное послание к родным; тогда как присланный в то же время из Англии диплом, присваивающий ей почетное масонское звание, вызвал лишь умеренное удовлетворение и шутивное замечание в письме:

«Слушайте, братцы!» — пишет она. — «Довожу до вас курьез: английские масоны, главой коих является сам принц Уэльский, прислали мне диплом за мою «Изиду»... Я, значит, нынче — «таинственный масон»!.. Того и жду, что за добродетели мои меня в папы римские посадят... Посылаю вырезку из масонского журнала. А орден очень хорош — рубиновый крест и роза».

Еще до европейских масонов диплом на членство на санскритском языке с изображением брамииских символов прислала ей старейшая в мире (еще дохристианская) ложа Бенаресского общества Сат-Бай.

---

¹² Впоследствии г. Соловьев круто изменил свое мнение и всячески старался доказать противное. Но письма его, хранящиеся у меня, изобличают его фальшь. — В. Ж.

¹³ За дядю своего Ростислава Андреевича Фадеева, двоюродного брата Александра Юльевича Витте и племянника Ростислава Николаевича Яхонтова.

Вскоре после заключения мира с Турцией Елене Петровне Блаватской пришлось волею-неволей принять американское гражданство. Один американец, умирая, завещал ей свое имение. Для получения его ей было необходимо выполнить простую формальность, но это ужасно взволновало ее.

«Только что вернулась из верховного суда, где принимала присягу в верности Американской республике», — писала она. — «Теперь я равноправная с самим президентом Соединенных Штатов гражданка... Это все прекрасно: такова моя оригинальная судьба. Но до чего же противно было повторять за судьей тираду, которой я никак не ожидала, — что-де, я, отрекаясь от подданства и повиновения императору Всероссийскому, принимаю обязательство любить, защищать и почитать единую конституцию Соединенных Штатов Америки... Ужасно жутко мне было произносить это подлейшее отречение!.. Теперь я, пожалуй, политическая и государственная изменница?.. Нечего сказать!.. Только как же это я перестану любить Россию и уважать государя?.. Легче языком сболтнуть, чем на деле исполнить».

И точно, всю жизнь она, какой была горячей патриоткой, такой и осталась. Приняв гражданство, она еще долго продолжала, как и во все время войны, присылать деньги на русских раненых, и даже первые выручки, полученные за «Изиду», пошли на ту же цель. Все, что получала она в то время за статьи в русских газетах, все шло целиком на Красный Крест и на бараки кавказских раненых.

IV

Весной 1878 года с Е. П. Блаватской случилось странное происшествие, она неожиданно упала в обморок, продолжавшийся несколько дней. Ее сочли умершей и собирались хоронить, когда из Индии была получена Олькоттом телеграмма от того человека, которого она считала внушителем всех своих знаний и называла «Учителем». Он писал: «Не бойтесь, она не умерла и не больна, но заработалась. Тело ее требовало отдыха. Будет здорова». По истечении пяти суток Блаватская пришла в себя и действительно оказалась совершенно здорова.

После этого руководители Теософского общества, оставив его в Америке на попечение м-ра Джаджа (который и поныне является его американским главой), собрались и переехали в Индию. Они мотивировали свой исход желанием более углубленно изучать санскрит и на месте принять участие в совместной работе над восстановлением первобытных верований индусов с ученым проповедником Даянандом Сарасвати — великим реформатором, прозванным «индийским Лютером». Даянанд проповедовал единобожие по Ведам, священным книгам буддизма, писанным в древние времена, когда еще религия не была искажена многобожием, измышленным браминами, превратившими чистое и нравственное учение Будды в пеструю мифологию.

Теософское общество задалось тремя следующими основными целями:

1)основание всемирного Братства без различия вероисповеданий, рас и происхождения. Члены его обязались постоянно стремиться к нравственному самоусовершенствованию и посильной помощи своим ближним — как духовной, так и материальной;

2)содействие в распространении арийских и других восточных языков, наук и знаний;

3)изыскания в области сокровенных законов природы и психических сил человека.

Из трех этих задач лишь первая обязательна для всех; выполнение же второй и третьей предоставляется на добрую волю членов.

17 февраля 1879 года Блаватская и Олькотт достигли берегов Индии.¹⁴ На пристани в Бомбее братство Арья Самадж приготовило им торжественную встречу, с музыкой, цветами и слонами.

---

¹⁴ Приезд и первое время пребывания в Индии превосходно описано в книге «Из пещер и дебрей Индостана», опубликованной в «Русском Вестнике». Это сочинение, написанное по-русски и подписанное псевдонимом Радда Бай, было переведено на английский язык.

Вот отрывок из ее письма к родным, в котором она с присущим ей юмором повествует об этой встрече:

«Меня и смех и злость разобрали, как подплыл к пароходу баркас, украшенный цветами, и лодки с музыкой. Опутали нас гирляндами так, что Олькотт стал похож на карнавального *boeuf gras* [откормленного быка], а я на шарообразный рассадник лилий и роз, и с музыкой провезли на баркасе к пристани. Там новое удивление! Встретили нас местные танцовщицы, чуть не совсем голые, окружили, все время бомбардируя цветами, и провели... вы думаете к экипажу?.. Как же! — к белому слону... Господи! Что только стоило мне влезть по рукам и спинам голых кули¹⁵ на эту громадину. Чуть я не вывалилась из павильона на спине его, когда слон вставал... Других «счастливец» усадили просто в паланкины, а меня с Олькоттом повезли под бубны, литавры и радостные выкрики, как обезьян на показ, в помещение Арья Самадж».

Закипела неустанная работа. Олькотт все больше разъезжал, а Елена Петровна писала, по одиннадцати часов в сутки не разгибаясь работала. Она писала в местные газеты, посылала корреспонденции во все страны света и готовила материалы для задуманного ею журнала «Теософист».

Британские власти заподозрили их было в зловерных намерениях: в шпионаже, в пропаганде русского влияния. За ними установили полицейский надзор; их письма вскрывались, на них косо смотрели... Блаватская выходила из себя! Писала негодующие письма друзьям своим в Лондон. Многие влиятельные лица обрушились газетными статьями и письмами на местные бомбейские власти в их защиту.

Решающую роль во всем этом деле сыграло письмо, адресованное лорду Литтону (вице-королю Индии) лордом Линдсеем, членом Королевской академии наук, президентом лондонского Астрономического общества.

«Ваша полиция осрамилась!» — писал он, — «я сам член их Общества, так вы, пожалуй, и меня за агитатора сочтете, если я приеду в Бомбей?..»

Заступничество подействовало. Полицейский надзор был снят, но осталось несмываемое пятно. И по сей день враги Теософского общества и Е. П. Блаватской лично то и дело укоряют ее в шпионаже.

Несмотря на предубеждение англо-индийских властей против основательницы Теософского общества, зиждущегося на ее русском происхождении, к тому же не скрывающей своего патриотизма,¹⁶ она все же сумела завоевать надлежащее ей положение и приобрела многих друзей в среде литераторов и др. лидеров, формирующих общественное мнение.

Вскоре ее стали приглашать на рауты, обеды и на пикники в местные дачные места: Симл, Отакамунду и тому подобные гористые районы. Она очень тяготилась обязательными выездами, отвыкнув от общества и туалетов, да еще в условиях нестерпимой тропической жары и предельной занятости. Ради пользы дела приходилось терпеть определенные неудобства, уступая настояниям «друзей», пускать в ход «естественные феномены» — для привлечения внимания профанов к действительности «оккультных сил» — и все это ради пропаганды Общества... Местные газеты¹⁷ подхватывали рассказы «очевидцев» на лету, прославляя «чудеса проповедницы теософии» и составляя ей репутацию колдуньи, которая шла ей не в прок, провоцируя обвинения в шарлатанстве в ущерб тех истинных заслуг, которые и без того должны были доставить ей известность.

А тут еще приятель ее, редактор правительственной газеты «Пионер», м-р А. П. Сипнет, премного погрешил против Е. П. Блаватской, разумеется, без всякого намерения навредить ей. И, даже, напротив, думая прославить ее такими книгами, как его «Оккультный мир», — возбуждающими лишь весьма понятное недоверие. По окончании летнего сезона в Симле вновь были подняты враждебные толки, возбужденные статьями «Пионера», описывающими невероятные случаи. Решительнее других поднялись клерикалы, вполне объяснимо относившиеся с неприязнью к простым членам, а тем более к основательнице Теософского общества, пропагандировавшего, как бы то ни было, хоть и весьма

¹⁵ Индийских грузчиков.

¹⁶ Это было время военных действий русских войск в Афганистане и во всем Закаспийском крае. Враждебные чувства англичан против России сильно обострились.

¹⁷ «Indian Mirror», «Amritta-Bazar-Patrika», «The Pioneer» и пр.

нравственное, но не чисто христианское учение. В ход пошли, помимо клеветы о пророссийской агитации, и другие басни порочащие Блаватскую. Самым нелепым было обвинение в самозванстве. Придумали, что настоящая Е. П. Блаватская умерла и похоронена в Адене, а та, которая выдает себя за нее, это не она, а ее горничная... Пришлось прибегнуть ей к свидетельству близких и родных: к дяде ее, генералу Ростиславу Андреевичу Фадееву, и князю А. М. Дондукову-Корсакову, исполняющему в то время обязанности главноначальника на Кавказе. Последний выслал ей свидетельство о том, что муж ее был вице-губернатором в Эривани. Кроме того, он написал ей дружеское письмо, как к старой знакомой.

Все это было опубликовано друзьями и прозелитами Елены Петровны, но их, понятно, было меньше, чем неприятелей и равнодушных, в которых утверждались неприязненные к ней отношения. И вражда к ней, возбужденная миссионерами-иезуитами и патриотическими фанатиками, увеличивалась по мере того, как возрастала популярность Теософского общества и ширилось влияние его представителей на высшие туземные касты — на индусов, браминов и сингалезских буддистов, во множестве примыкавших к Обществу.

Г. С. Олькотт, президент Теософского общества, открыто принял буддизм. Во время их посещений острова Цейлона, сингалезцы каждый раз устраивали им царский прием. Елена Петровна Блаватская всегда настаивала на том, чтобы одним из основных принципов Общества была свобода совести, а именно: равноправие всех религий и самая широкая терпимость его членов к взаимным верованиям и убеждениям друг друга; и этот принцип никогда не был нарушен, хотя из-за этого Теософское общество вынуждено было разойтись со своим патроном, индусским проповедником единогобожия Даянандом Сарасвати, вследствие его требования, чтобы в состав Общества входили исключительно буддисты. Тем не менее тяготение в Обществе к буддизму, в особенности в Индии, оказалось весьма велико. Сам его основатель и президент даже составил буддийский катехизис, одобренный для введения во все училища самим Сумангаллой, главным первосвященником на Цейлоне.

От всех этих беспокойств, вызванных клеветой и всяческими неурядицами, Блаватская нравственно страдала более всех, к тому же на ней сказывались и неподходящие климатические условия, увеличивая ее хронические недуги. Болела она постоянно, а несколько раз так сильно и опасно, что доктора отрекались от нее, решительно приговаривая ее к смерти. Но в этих крайних ситуациях, по свидетельству многих очевидцев, всегда случалось что-либо непредвиденное, возвращавшее ее к жизни в последнюю минуту. Или откуда не возьмись появлялся неизвестно кем присланный туземный знахарь и давал ей неведомое чудодейственное лекарство; или просто приходил спасительный сон, несущий с собой облегчение; или же за нею являлись неизвестные люди и куда-то увозили ее на некоторое время, откуда она приезжала облегченная. Такие случаи засвидетельствованы десятками лиц, в присутствии которых протекала ее болезнь и на глазах у которых она временно исчезала; об этом же свидетельствуют и штемпеля тех писем Блаватской, которыми она извещала о своих неожиданных исчезновениях. Передо мной, например, ее письмо из Мирута в окрестностях Аллахабада, в котором она пишет, что «получила приказание, оставив железные и торные пути, следовать за присланным провожатым через джунгли в священные роци Деобенда...»

Следующим письмом сестра меня извещала, что тибетский лама по имени Дебо-Дургай излечил ее в этих «священных рощах».

«Я была в бреду», — рассказывает она, — «не помню, как внесли меня на носилках на огромную высоту. Очнулась я на следующий день под вечер. Я лежала посреди большой, каменной, совершенно пустой комнаты. Вокруг в стенах были высечены изображения Будды; кругом курились какие-то кипевшие в горшках снадобья, а надо мной совсем белый старик-лама делал магнетические пассы».

Вскоре она снова заснула на целые сутки, и во сне ее спустили обратно с гор и передали на руки друзьям, ожидавшим внизу. Так вся жизнь Е. П. Блаватской была соткана из странностей и необыкновенных происшествий.

Нравственные потрясения всегда отзывались на физическом ее состоянии. Так ранней весной 1881 года она сильно заболела, пораженная и до глубины души потрясенная ужасным происшествием 1-го марта.

Она писала:

«Господи! Что ж это за ужас? Светопреставление, что ли у вас?.. Или Сатана вселился в исчадия земли нашей русской! Или обезумели несчастные русские люди?.. Что ж теперь будет? Чего нам ждать?!.. О, Господи! Атеистка я, по-вашему, буддистка, отщепенка, республиканская гражданка, а горько мне! Горько! Жаль царя-мученика, семью царскую, жаль всю Русь православную!.. Гнушаюсь, презираю, проклинаю этих подлых извергов — социалистов!» «Пусть все смеются надо мной, но я, американская гражданка, чувствую к незаслуженной мученической смерти царя-самодержца такую жалость, такую тоску и стыд, что в самом сердце России люди не могут их сильнее чувствовать».

Ее журнал «Теософист» вышел в траурной обложке. Это было внимание Олькотта к ее чувствам. Сама она лежала больная...

Придя в себя, она написала в «Пионер» превосходную статью обо всем, что свершил царь Александр II, и очень была довольна тем, что большинство газет ее перепечатали.

На выражение некоторыми местными органами удивления по поводу «облачившихся и траур американской гражданки и ее журнала» Блаватская послала коллективный ответ в «Bombay Gazette».

«Не как русская подданная надела я траур», — между прочим говорит она в ней, — «а как русская родом. Как единица многомиллионного народа, облагодетельствованного тем кротким и милосердным человеком, по которому вся родина моя оделась в траур».

«Этим я хочу высказать любовь, уважение и искреннее горе по смерти царя моих отца и матери, сестер и братьев моих в России!»

Ей прислали портрет царя в гробу.

«Как посмотрела я на него», — пишет она тетке своей Н. А. Фадеевой, — «верь не верь, должно быть помutilась рассудком. Неудержимое что-то дрогнуло во мне, да так и подтолкнуло руку мою и меня саму: как перекрещусь я русским большим крестом православным, как припаду к руке его, покойника, так даже остолбенела... Это я-то, — старину вспомнила, — рассентиментальничалась. Вот уж не ожидала».

Зимой с 1881 на 1882 год вся индийская теософская община переехала на постоянное место жительства в Адьяр, прелестное местечко в предместье Мадраса. Там Теософское общество купило дом и землю на реке, впадающей в океан, которую Елена Петровна тотчас окрестила на русский лад Адьяркой. Так слывет она и поныне в этой штаб-квартире теософов.

Тотчас по приезде была особенно торжественно отпразднована седьмая годовщина существования Теософского общества. На эти годовщины всегда бывают в Адьяре съезды делегатов от всех ветвей Общества. Но особенно торжественны и многолюдны они бывают в те годы, где замешано число семь, чрезвычайно почитаемое теософами по своему мистическому, издревле чтимому оккультистами, тайному значению. Все свои начинания, переезды и местожительства они всегда норовят соединить с этим «счастливым» числом.

Ранней весной 1884 года Олькотт и Блаватская собирались выехать по делам в Европу. Поэтому уже в декабре они двинулись из Адьяра в Бомбей.

В то же самое время еще раз повторилось явление, не раз уже с нею бывавшее, но всегда поражавшее близких Елены Петровны.

В Одессе, в конце декабря, скончался ее дядя, Ростислав Андреевич Фадеев. Одновременно с его кончиной она видела его три раза кряду и писала своим:

«Я еду под гнетом страшного горя: либо родной дядя умер, либо я сошла с ума!..»

Первые два видения она объяснила сном, но третье не укладывалось в подобное объяснение. Она ехала в Бомбей. Была одна в купе, но не спала, когда вдруг увидела его перед собою, но таким, каким был он двадцать лет тому назад. Она не только его видела, но и говорила с ним...

Лишь приехав в Суэц, она из газет узнала, что не была жертвой галлюцинации, а точно (как и была в том уверена, хотя и старалась утешить себя предположениями противного) видела самого умершего.

Таким видениям (доподлинности явлений умерших, по собственной их воле, без всяких вызовов и медиумических вмешательств) она безусловно верила. Да и не могла не верить, наблюдая их на протяжении всей своей жизни.

VI

Едва сойдя на европейский берег, Е. П. Блаватская была осыпана приглашениями из Лондона, Парижа и Германии, но упорно отказывалась от них, стремясь лишь к одному: устроить свидание с теткой своей Фадеевой и со мной.

Она писала нам умоляющие письма, призывая нас приехать к ней в гости. Погостив некоторое время в Ницце у леди Кетнесс, герцогини де Помар, председательницы одной из двух парижских ветвей Теософского общества, она в мае переехала в Париж, сняв себе там отдельную небольшую квартиру, где рассчитывала прожить спокойно. Но весть о ее прибытии скоро появилась в газетах, и ее стали осаждать друзья, знакомые, репортеры и просто любопытствующие.

Желая хоть на время спастись из этого осадного положения, она приняла приглашение своих больших поклонников графа и графини Д'Адемар,¹⁸ живших неподалеку от Сен-Дени, в прелестной вилле возле Энгхьена.

Там она прожила со всем своим штатом (приехавшим для встречи с него из Нью-Йорка м-ром Джаджем, со своим секретарем м-ром Бертрамом Китлеем, с брамином Могини Чаттерджи и слугою-индусом) три недели, о которых ее милые хозяева и все находившиеся с нею, теперь, после смерти Елены Петровны Блаватской, вспоминают с величайшим благоговением.¹⁹

Отдохнув на вилле Гонзаг, Елена Петровна вернулась в Париж как раз вовремя, чтобы встретить меня и тетку, которым была невыразимо рада. Все шесть недель, что мы у нее гостили, она старалась отделаться от своих многочисленных навязчивых посетителей, но это ей не всегда удавалось.

В то время ни в Германии, ни во Франции еще не было должным образом организованных филиалов Теософского общества. В Париже, где и поныне нет единого Общества, неукоснительно следующего теориям Блаватской, а лишь несколько разрозненных и враждующих между собой ветвей, несогласие которых приводит в отчаяние строгих членов его в Англии и Америке, тогда и вовсе не было собственных теософов. Было очень много праздно любопытствовавших иностранцев — по большей части русских парижан; были и французские охотники до сенсаций, а между ними попадались, разумеется, и серьезные люди, ученые профессора и доктора различных наук. Из них самым знаменательным посетителем Е. П. Блаватской был выдающийся астроном и талантливый писатель Камилл Фламарион. Он просиживал часто целые дни напролет один на один с Еленой Петровной, а иногда являлся с женой и упрашивал Блаватскую поехать к ним, провести у них день.

Бывало множество так называемых «оккультистов» — ясновидящих, магнетизеров, чтецов мыслей. Полковник Олькотт, возвращаясь из постоянных своих отлучек в Лондон, целые дни проводил с ними в беседах и присутствуя на сеансах, так как сам он являлся сильным магнетизером, известным многими замечательными исцелениями. В частности он лечил и романиста Всеволода Соловьева, который дивился его силе. Но с еще большим воодушевлением тот восторгался «феноменами», производимыми Е. П. Блаватской: звуковыми,* которые были слышны всем, и световыми, постоянно происходившими вокруг

¹⁸ Впоследствии графиня Д'Адемар издавала теософский журнал под общим руководством Блаватской («Revue Theosophique». Redacteur en chef H. P. Blavatsky). Оба, и муж и жена, до конца оставались преданными друзьями, вопреки ошибочным показаниям г-на Соловьева в журнале «Русский Вестник» за февраль 1892 г.

¹⁹ Вот отрывок из письма графини к Джаджу, которым она ему напоминает об одном из вечеров на вилле Гонзаг, где они у нее гостили («Люцифер», июль, 1891).

* «Помните ли вы тот удивительный вечер, когда мадам Блаватская сидела в нашей гостиной, погруженная в задумчивость. Как она, встав, вдруг подошла к окну, отвернутому в сад, и, махнув рукой,

пес, но которые видел он один. Г-н Соловьев, впоследствии столь круто изменивший свое мнение о теософии, как и свои взгляды на его провозвестницу, в то время был ярким поклонником и того и другого, предрекая им великую славу. Все это явствует из писем г. Соловьева к Елене Петровне Блаватской и ко мне. Он не только ждал великих благ от покровительства всемогущих «Учителей» или махатм — патронов Теософского общества, но даже состоял в общении с ними: получал письма от раджа-йога Кут-Хуми и видел самого раджа-йога Морию в его астральном теле... Впрочем, он видел однажды и саму Е. П. Блаватскую у себя в комнате, в Париже, в то время, когда она находилась в Индии. Он сам чрезвычайно занимательно рассказывал нам об этом явлении в письме от 22-го декабря 1884 г. Но надо думать, что он увлекся... Такие излишества от людей несдержанных, или же попросту лицемерных, преувеличивавших оккультный дар Блаватской, — в силу ли особой преданности или по расчету, в ожидании особых благ от дружбы с ней, — ей только вредили. Но тем не менее всем было очевидно удивительное развитие ее психических свойств: ясновидения, чтения мыслей, видения того, что творилось за тридевять земель от нее. Такого рода духовные феномены беспрестанно демонстрировались ей, гораздо чаще, чем даже звуковые феномены,²⁰ или проявления животного магнетизма.

Под последним термином подразумеваются явления, подобные нижеследующему.

Для демонстрации своих возможностей при большом стечении посетителей попросит, бывало, Блаватская сложить присутствующих руки на руки, горкой. Сама же только рукой проведет по воздуху над этой грудой рук, и все тут же с криком отскакивали в стороны, — каждому казалось, будто его ладонь пронзало стрелой насквозь, пригвозждая его к столу. Точно такое же болезненное ощущение она, по своей воле, могла производить, проводя над каким-либо органом человеческого тела.

Один старик, магнетизер Звett, друг и ученик известного оккультиста и мага барона Дюпота, утверждал, что при «зложелании» таким электро-магнетическим ударом можно нанести ощутимый вред и даже убить.

Такие «естественные» феномены, как чтение нераспечатанных писем, или же более удивительные происшествия с перемещением портретов раджа-йога Мории и самой Елены Петровны в закрытом медальоне, с которого присутствовавшие не спускали глаз, были много раз описаны в русских и иностранных газетах и журналах. Один особенный случай, засвидетельствованный многими очевидцами, а именно: психометрическое прочтение Блаватской запечатанного письма Е. А. Витте к ее сестре Н. А. Фадеевой и привнесение в него отпечатка теософской звезды, нарисованной красным карандашом на отдельном листе бумаги, очень красноречиво описан г. Соловьевым в статье «Любопытный феномен», напечатанной в журнале «Ребус».²¹

Как и многие другие в то время, г. Соловьев добивался и жаждал «феноменов», как манны небесной... В Париже Блаватская не имела покоя от его просьб научить производить подобно ей электрические, звуковые и прочие проявления. А когда она уехала в конце июня в Лондон, то он доставал ее и там письмами. И если бы он один! В письме от 7-го июля она пишет своей тетке: «Одолевают меня корреспонденты мои! Просто не знаю, что и делать с ничемными письмами влюбленных в меня людей. На половину, разумеется, я не отвечаю. Но ведь множество таких, которых я и сама люблю и которым бы я желала помочь, как, например, Всеволоду Сергеевичу Соловьеву!..»

Позже она опять писала из Лондона, жалуясь не столько на недосуг от занятий, как на то, что ее вечно отрывают от дел.

«Никогда мне и здесь не выздороветь! Это не жизнь, а какой-то безумный чад с утра до ночи. Визиты, обеды, вечера и митинги — ежедневно!.. Одна Ольга Алексеевна

властным жестом вызвала издали тихую музыку?.. Как эта чудная, сладостная гармония будто неслась, летела к нам из дальних областей небесного эфира, все ближе, все громче, и вдруг зазвучала полным аккордом над нами, в самой комнате, где мы сидели... Помните, как индус Могини тогда бросился к ее ногам и приложился губами к подолу ее платья?.. Этим поцелуем он выразил тот общий восторг, который все мы чувствовали к удивительному созданию, потерю которого мы никогда не перестанем оплакивать!..»

²⁰ Звуковые феномены или «бросание аккордов», или же «звон астральных колокольчиков» слышался постоянно по произволу Елены Петровны. Куда она, бывало, махнет рукой, оттуда и летят гармонические звуки, будто аккорды арфы или другого струнного инструмента.

²¹ За 1-ое июля 1884 г. Приводим ссылку на эту публикацию лишь потому, что в таком необычайном деле именно в России дороги любые свидетельства авторитетных русских людей

Новикова²² перевозила ко мне весь сановный Лондон, кроме министра Гладстона, который, по словам «St. James Gazette», «столько же боится меня, как и восторгается мной». Каково? Это уж просто наваждение какое-то! ... 21 июля было собрание в честь основателей Теософского общества в *Princes Hall*. Разослано было 1000 билетов. Ольга Алексеевна Новикова привезла представителей всех посольств, румынского князя Гику, весь штат своего преданного друга Гладстона и, наконец, Хитрово, нашего генерального консула, приехавшего по делам из Египта. ... Вот картина, которую предоставляю вам вообразить. Зала громадная, дамы в бальных туалетах, парадные костюмы всех наций. Я сижу на подобии трона в балетах в черном бархатном платье, с ненавистным мне хвостом в три аршина, а ко мне то и дело подводят всех желающих со мной лично познакомиться. Представьте себе, в продолжении двух часов пожимать руки и улыбаться 300 леди и джентльменам! Уф!!! ... Государственный секретарь по делам Индии уселся возле меня и комплименты откалывал насчет любви ко мне индусов... я, было, перепугалась, чтоб и тут не приплели политического колорита. ... Кроме всяких европейских *notabilities* [знаменитостей], напредставляли мне кучу разных черных и желтых принцев: явайских, малайских — почем я знаю!.. А профессор Крукс с женой поместились за моим креслом, словно адъютанты, и он, то и дело, называет мне своих коллег по Королевскому обществу, знаменитых ученых: физиков, астрономов и всяческих мракологов. ... И вдруг Синнет стал в позу и заораторствовал.

— Леди и джентльмены! Вы видите женщину, которая свершила мировое дело. Она одна задумала и выполнила колоссальный план: создание целой армии культурных людей, коих долг бороться с материализмом и атеизмом, равно как и с суеверием и с невежественными толкованиями христианского учения (то есть против 137 сект скакунов, прыгунов, ревунов и тому подобных мракобесов), посрамляющих христианский мир. ... Взгляните, леди и джентльмены культурной Англии, на женщину, доказавшую миру, что может сделать сила воли, неуклонное стремление к заданной цели, к ясно осознанному идеалу!.. Одна, больная, без средств и без покровителей, лишь с помощью своего первообращенного апостола — полковника Олькотта, мадам Блаватская задумала соединить в одно интеллектуальное целое всемирное братство добровольцев всех рас и всех наций, и вот она выполнила эту задачу! Она осилила равнодушие невежд, сопротивление фанатиков, вражду и клевету осмысленным и энергетическим выполнением своей гуманной миссии... — и проч., все в таком же духе...»

Хотя друзья Елены Петровны и надеялись, что здоровье ее поправится в Европе, но она все время болела и в начале августа было опять слегла.

Случилось это в Кембридже. Ее там чествовали профессора университета. После торжественного обеда был митинг. Блаватская устала страшно и на другой день слегла.

К счастью тут приехал для свидания с нею, проездом из Америки в Германию, некто г. Гебхард, преданный ей друг и убежденный теософ, как и вся семья его.

Он ужаснулся ее состоянию и, не долго думая, не жалея никаких средств, сам съездил в Лондон и убедил приехать на консилиум ведущих специалистов, профессоров.

Доктора тщательно осмотрели ее, возились два часа, ощупывали, остукивали, записывали, совещались и, решив, что во всем организме Блаватской здоров лишь один мозг, предписали, разумеется кроме лекарств, недостижимые для нее средства: отдых, полное спокойствие, приятные развлечения и прочие немислимые удовольствия, которые доктора вообще любят прописывать пациентам... Были два приемлемых совета: массаж и железистые воды. Их взялся осуществить с предоставлением всевозможного ухода и комфорта г-н Гебхард, но с условием, что она переедет к нему в Эльберфельд, где находились его фабрики шелковых и парчовых материй, и жила вся его семья.

Разумеется, Елена Петровна согласилась на переезд в этот небольшой, по дивно красивый городок, тем более, что этот добрый и щедрый друг (чтоб не прерывать ее занятий) требовал, чтобы она переезжала к нему со всем штатом индусских и британских секретарей и тех друзей, в доме которых она жила в Лондоне. В то же время полковник Олькотт должен был воспользоваться этим случаем для созыва в Эльберфельде съезда немецких теософов с

²² Урожденная Киреева. В английской и русской прессе более известная под заглавными буквами «О. К.»

целью формирования и правильной организации германской ветви Теософского общества.²³ Одним словом, дом Гебхардов в Эльберфельде на многие месяцы превратился в европейский теософский центр, куда к Елене Петровне, усердно лечившейся, съезжались последователи ее учения со всех сторон, не исключая и России, представителями которой были фрейлина У. Н. Глинка, романист Вс. С. Соловьев,²⁴ Г. А. Цорн и г-жа Гемерлей из Одессы, и оттуда же наезжавшая, единственно ради племянницы своей, а отнюдь не ради теософии, Н. А. Фадеева.

Почти все гости и все домочадцы г. Гебхарда описывали и устно, и письменно множество произошедших там «феноменов».

Особого упоминания заслуживают таинственные появления писем махатм²⁵ Мории и Кут-Хуми, в которых всегда находились прямые ответы на тему разговоров, в данную минуту занимавшую присутствующих...²⁶ Перечислить все чудеса, описанные лицами, в разное время окружавшими Елену Петровну Блаватскую, невозможно. Да по нашему разумению и совершенно излишне, так как не в них суть и задача ее стремлений. Хотя она сама, и в особенности те, которых она называла своими «Учителями», и прибегали, если верить рассказам ее приверженцев, к фактическим демонстрациям «тайных сил, сокрытых в природе и в духе человека» (как определяют источники этих необычайных проявлений сами теософы). Но они прибегали к ним лишь ради того, чтобы привлечь внимание всеотвергающих материалистов; чтобы заставить их задуматься и понять, что есть силы превыше того немногого, что ведомо человечеству, и возбудить в них желание развить духовную сторону своего бытия через «самосовершенствование».

В борьбе с материализмом — с нравственными язвами эгоизма и разврата, порожденными безверием нашего времени, — а также в посильной помощи нуждающимся и состояла главная и единственная задача трудов Е. П. Блаватской и цель всех последних лет ее жизни.

VII

Пока основатели Теософского общества находились в Европе, их недруги в Индии не дремали. По инициативе шотландского иезуита Патерсона²⁷ в Адьяре разыгрался целый заговор. Подкупленная им экономка Блаватской и ее муж, столяр, которые должны были присматривать за вещами и поддерживать порядок в комнатах до ее прибытия, — люди, которых она буквально спасла от голодной смерти, — смастерили такую канитель подложных писем и столярных сооружений, будто бы предназначенных для будущих обманов, что они послужили поводом для недоброжелателей к вечной на нее клевете.

Сколько бы потом се сторонники ни давали опровержений, как решительно и ясно ни доказывали фальшь и нелепость этих обвинений, показывая всю безответственность действий лондонского Общества психических исследований, напечатавшего свой недобросовестный «отчет», основываясь лишь на показаниях одного человека, не позволившего даже сличить почерк сфабрикованных писем с подлинным почерком Елены Петровны, ничто не помогло снять с нес несправедливого обвинения.

Почему? Потому, вероятно, что большинство протестов, доказывающих всю несостоятельность обвинений Блаватской в такой, например, глупости, как заказывание обманных потайных сооружений в своем доме во время своего отсутствия, или такой несусветной клеветы, как подлог будто бы ею самую сфабрикованных писем раджа-йогов, писем, написанных на разных языках и присылаемых из всех уголков земного шара и

---

²³ Германская ветвь существует и поныне под председательством тогда же избранного в Эльберфельде президента — известного доктора наук Гюббе Шлейдена, издателя теософского журнала «Сфинкс».

²⁴ Тут произошло, между прочим, и свидание г. Соловьева с Махатмой Морией в его астральном теле, или с его «двойником», подробно описанное им во многих письмах, а также в отчетах Лондонского общества психических исследований.

²⁵ Махатма — «великая душа». Принятое название ученых раджа-йогов в Индии.

²⁶ В любом теософском журнале желающие могут найти описание этих и многих других, невероятных для большинства простых смертных, происшествий. Перечень их, засвидетельствованный очевидцами, есть также в книге Синнета «Случаи из жизни мадам Блаватской».

²⁷ Он сам, судя по отчетам об этом деле (неоднократно освещенным в печати), не скрывал, что «ради христианских целей» не задумываясь подкупал слуг Е. П. Блаватской «для доставления нужных ему сведений».

получаемых где бы то ни было как в ее присутствии, так и без нее²⁸ — почти никогда не находили места в сторонних журналах, а почти исключительно публиковались в теософских органах. Отчет же Общества психических исследований (враждебно настроенного к Теософскому обществу), переведенный на все языки, получил широкое распространение.²⁹ Когда же и где не преобладала клевета и злоба людская над правдой и справедливостью?.. Учением теософов, благотворительными делами Общества, созданного Е. П. Блаватской, ее учеными трудами и ее нравственными устремлениями интересуется избранное меньшинство, а у нас в России и вовсе почти никто. Такими же живыми сенсационными рассказами как воспоминания г. Соловьева о его знакомстве с покойной Е. П. Блаватской, кто не поинтересуется? Кто не посмеется его веселым разоблачениям? А смеясь, кто же станет допытываться до его мотивов? Разбираться, правду ли он говорит?.. Кому какое дело до того, сколько выстрадала Блаватская от таких, в сущности, несостоятельных нападков ее зложелателей. Смех, хотя бы и вызванный ложью, легче распространяется между людьми и лучше запоминается, чем скучная никому неинтересная правда.³⁰

Справедливости ради следует отметить, что в английской, американской и индийской прессе появилось множество опровержений злостной клевете мадрасского миссионерского печатного органа «Христианская коллегия» и фальшивым (может быть и непреднамеренно, а по неопытности следователя, м-ра Ходжсона, — «одураченного юнца», как его называет журнал «Журнал журналов» м-ра Стэда) донесениям, легшим в основу отчета Общества психических исследований. Тем не менее, вся эта история едва не стоила жизни Елене Петровне. Она решила немедленно возвратиться в Мадрас, хотя доктора предупреждали ее об опасности, которой она подвергалась. Она предпочла рискнуть своим здоровьем, а, возможно, и самой жизнью, лишь бы опровергнуть бесстыдный навет иезуитского журнала, который напечатал, что она «не посмеет возвратиться в Индию», потому что кроме обманов и лжи, которыми она «морочила легковверных, она, к тому же, еще и присвоила кассу самого Теософского общества...»

Каково было ей, отдавшей все свое личное состояние, все свои литературные заработки на созданное ею Общество, читать такую клевету?

Разумеется, она тотчас собралась и уже в ноябре снова была в Индии.

Здесь ряд торжественных встреч убедительно опроверг навет журнала «Христианская коллегия» и отчасти вознаградила самоотвержение Елены Петровны. Учащиеся высших мадрасских учреждений преподнесли ей сочувственный и благодарственный адрес, подписанный восемьюстами студентами, большая часть которых даже не принадлежала к Теософскому обществу.³¹ Помимо ее учения, все индийцы благодарны ей за то, что своим влиянием Теософское общество смягчило классовые предрассудки, заставив англичан отбросить свою заносчивость в отношении туземцев, познакомившись ближе через индусскую и буддийскую литературу с их интеллектуальным уровнем развития. Опять-таки, с лучшими произведениями их древней литературы западную Европу познакомили талантливые сочинения и переводы Блаватской. Индийцы это хорошо осознают и вряд ли когда забудут ее имя.

Но несмотря на утешительные проявления участия и дружбы, несмотря на лестные овации и встречи, Елена Петровна, войдя в свой кабинет и увидав неожиданные сооружения негодяя-столяра Колумба (недоконченный шкаф с двойным дном и какую-то перегородку на шалнерах, которая, впрочем, не двигалась из-за отсыревшего дерева), пришла в такое негодование, так взволновалась, что в тот же вечер слегла... Три недели она боролась со смертью. Опять европейские доктора объявили ее на смертном одре, и опять она их поразила, внезапно оправившись, в то время как доктор возвестил присутствующим последнюю агонию.

И хотя непосредственная опасность миновала, но, тем не менее, по мнению врачей, она была бы приговорена к неминуемой смерти, если бы осталась в Мадрасе. Ходить она не

²⁸ Последние письма махатм получены в Лондоне после смерти Блаватской — явное доказательство того, что, если кто здесь и лжет и фабрикует письма, то уж никак не она!

²⁹ Им теперь и воспользовался г. Соловьев для забрасывания грязью светлой памяти Елены Петровны Блаватской в журнале, прежний издатель которого, М. П. Катков, так гордился сотрудничеством с нею!

³⁰ Интересующихся действительным мнением г. Соловьева, которое он выражал в своих прежних письмах, отсылаю к моему ответу ему под заглавием: «Е. П. Блаватская и современный жрец Истины».

³¹ Этот адрес хранится в Адьярском архиве, а его копии разосланы во все ветви Теософского общества.

могла совсем. Ее подняли на кресле на пароход и отправили в сопровождении знакомого доктора, плывшего тоже в Италию, с двумя не то слугами, не то компаньонкой и секретарем-туземцем, обратно в Европу.

Олькотт с нею поехать не мог: с трудом были собраны средства па ее путешествие. Да кроме того, по случаю всех этих передряг, в среде самого Общества поднялись такие интрига и волнения, что президент его, волей-неволей, должен был оставаться па своем посту.

Совсем больная, нравственно разбитая, Елена Петровна достигла Италии в самом жалком душевном и физическом состоянии. Она поселилась возле Неаполя, в Торре-дель-Греко, желая уединиться так, чтобы никто и не знал, где она. Олькотт взял с нее слово, что она даже писать никому не будет, кроме самых ей близких... Он думал, что так скорее утихнут толки и забудется кутерьма, поднятая происками индо-иезуитов.

Пребывание ее в Торре-дель-Греко явилось одним из печальнейших эпизодов ее жизни... Но, разумеется, вынужденное отчуждение от нес всех ее друзей не могло продолжаться долго: се скоро разыскали, и посыпались на нее отовсюду уверения в преданности и приглашения. В то же время в Индии непричастные к этому делу члены Общества подняли целый бунт против Олькотта, требуя ее адрес, не признавая никакого представительства, ни авторитета помимо ее.

Узнав, что отчасти на здоровье Блаватской подействовали нелепые обвинения в том, что она «измыслила никогда не существовавших раджа-йогов», индусы засыпали ее письмами, а журналы — заявлениями об их доподлинном существовании. Из Негапатамы, страны по преимуществу пандитов (ученых), пришло послание за 70-ю подписями, перепечатанное во всех теософских журналах.³² Вот вкратце его содержание:³³

«Мы, нижеподписавшиеся, были несказанно удивлены, ознакомившись с «Отчетом лондонского Психического общества о теософии». Настоящим заявляем, что существование махатм никоим образом и никем не измышлено. Наши прапрадеды, еще задолго до мадам Блаватской, были убеждены в их психической силе, ибо знали их и общались с ними. И сейчас в Индии есть множество лиц, не имеющих никакого отношения к Теософскому обществу, но находящихся с ними [махатмами] в постоянных сношениях. Мы располагаем многими доказательствами существования и деятельности этих «высших существ». Пусть мистер Ходжсон и его «комитет» поищут правду поглубже, и тогда может быть сами найдут, что поторопились и составили ошибочное заключение. ... Он, со своим комитетом, выказал величайшее невежество в истории Индии и индийцев, а за ними и пресловутое Общество психических исследований совершило грубейшую ошибку, не оправдав надежд, возложенных на него мистиками».

Помимо таких официальных заявлений, Елена Петровна получила множество дружеских протестов против ее затворничества и того, чтобы она придавала слишком большое значение поверхностным заключениям неопытного следователя (которого, скажем в скобках, сама же и потребовала для разбирательстве и Адьяре) и готовности Общества психических исследований им верить. Она сама писала родным своим из Вюрцбурга, куда переселилась летом по настоянию многих друзей:

«Я понимаю, что Психическому обществу на руку такая передряга. Оно бьет на то, чтобы не расходиться с европейской наукой. Так как же оно могло бы честно и безбоязненно заявить, что все наши феномены — результаты не обманов, а сил, европейским ученым совершенно неизвестных и непонятных. Это было бы для них опасно: вооружило бы против психистов главные общественные силы Англии, научные корпорации и духовенство. Лучше уж нас, теософов, которые ничего не боятся и идут вразрез с рутинной своей прямой дорогой постараться затоптать!.. Ну вот я и обманщица, и шпионка! Я у них как бельмо на глазу, потому что не своя, а русская; вот и произвели в оплачиваемого агитатора. Господи! Узнаю свою вечную долю: *d'avoir la reputation sans en avoir eu le plaisir* [пользоваться дурной славой, не имея от этого никакой выгоды]. Уж хоть бы, в самом деле, родной России какую пользу принесла, а то всего только и было, что отрицательная польза: почти все редакторы лучших газет в Индии — мои друзья-приятели — прекрасно знали, что каждое их слово против России режет меня по сердцу, ну и воздерживались! Вот и вся моя услуга родине, навсегда потерянной...»

³² Их насчитывается более 20-ти названий, но преимущественно на английском языке.

³³ «Бостонский Курьер», 18 июля, 1886.

VIII

Визиты и письма многочисленных «друзей» скрашивали жизнь Е. П. Блаватской. В Вюрцбурге ее снова посетили русские знакомые и, разумеется, Всеволод Соловьев, который целых шесть недель прогостил там, и, хотя ныне он пишет («Русский Вестник», 1892 г.) совсем другое, но письма его того времени доказывают, в каком восторге он был от психических сил моей сестры.

Возвратившись в Париж, он писал ей самые дружеские письма, где сообщал о своих разговорах о ней с мадам Адам и известным доктором Шарлем Рише; о том, что он их обоих окончательно «убедил в действительности» ее личной силы и «феноменов, исходящих от нес», и сулил ей скорый «триумф, от которого померятся все психисты...»³⁴

Такие дружеские проявления полного доверия радовали Елену Петровну, не позволяя ей даже предполагать грядущих новых огорчений. Она, к несчастью, не умела ни любить, ни страдать вполнину. Обманываясь в людях, которым верила, она страдала глубоко, гораздо более, чем большинство их того заслуживало.

Хотя у нее было много тревог и в Вюрцбурге, и болела она в ту зиму крепко, однако, несмотря на все невзгоды, ее новое сочинение «Тайная доктрина» очень быстро подвигалось. В октябре она писала Синнету:

«Я очень занята «Тайной доктриной». То, что было в Нью-Йорке (имеются ввиду картины психографического ясновидения, или «внушения», — как она их сама называла), повторяется еще несравненно яснее и лучше!.. Я начинаю надеяться, что эта книга отомстит за нас. Такие предо мной картины, панорамы, сцены, допотопные драмы!.. Еще никогда я лучше не слышала и не видела».

Графиня Констанция Вахтмейстер, вдова министра иностранных дел в Стокгольме, поселилась в эту зиму с Еленой Петровной Блаватской и с той поры с нею почти не разлучалась, отдав всю жизнь, состояние и время пропаганде учения.³⁵

Рано потеряв любимого мужа, она тоже, было, увлеклась спиритизмом и сама была медиумом. Но углубившись в теории теософов относительно вреда и опасности медиумического состояния, она поборола в себе это свойство и всей душой предалась теософии и оккультизму.

«Я убедилась», — писала она мне, — «что человек имеет двойственную природу, и что для некоторых избранных, умеющих развить свои силы до возможного совершенства, открываются новые широкие и светлые горизонты, недоступные другим. Они именно те, о которых так красноречиво повествует св. Павел: те, для коих не существует ни времени, ни расстояния. Бывают еще такие счастливы, прирожденные оккультисты, которые от рождения одарены свойствами, облегчающими достижение такого высшего духовного развития. Такова Блаватская. Я в этом совершенно убедилась».

Далее следует описание «изумительных» способов и приемов Блаватской при занятиях ее. Как в прежние времена Олькотт и Джадж описывали ясновидение и феномены, сопровождавшие написание «Изиды» в Америке, точно так же описывает и графиня Вахтмейстер рождение на свет в Вюрцбурге «Тайной доктрины»...

Чуждаясь этой «сказочной», так сказать, стороны жизни и деятельности Блаватской, мы не будем передавать ее рассказов,³⁶ но не можем не выразить удивления по поводу сходства их с рассказами первых ближайших сотрудников Елены Петровны. «Феномены духа», по свидетельству графини, составляли обыденные явления их жизни в Вюрцбурге, а потом в Остенде. Они были так обычны, что она никогда не удивлялась, когда Елена Петровна заранее предупреждала ее о содержании писем, которые получались на следующий день, или заранее просила ее отвечать то-то и то-то на будущие запросы. Мы, ее близкие, всегда удивлялись, как в этой необыкновенной женщине вмещались, казалось бы, не совместимые крайности: проникновение мыслей, знание будущего и вместе с тем детская наивность,

³⁴ Это письмо Вс. С. Соловьева к Е. П. Блаватской, из Парижа, от 8 октября 1885 г. и многие другие можно прочитать в моем памфлете: «Е. П. Блаватская и современный жрец Истины».

³⁵ Графиня Вахтмейстер и теперь работает вместе с сыном своим, тоже посвятившим себя теософии. Граф теперь в Индии, а мать его с утра до вечера трудится, безотлучно находясь в Сити, в Лондонской конторе Теософского общества.

³⁶ «Люцифер», июнь, 1891. К. Е. Вахтмейстер «В Вюрцбурге и Остенде».

простодушие, легкоеверие и незнание людей. И, Боже мой, как часто, благодаря последним свойствам своим, сестра моя доверялась недостойным людям и пила из-за этого горькую чашу!

Размеры этого биографического очерка не позволяют мне останавливаться на новой сложной интриге, именно в это время разразившейся над головой Елены Петровны. Человек лживый, честолюбивый и мстительный, чаявший добиться того, чего получить не мог, озлобившись на нее, подстроил нехорошее, изменническое, обманное дело, желая окончательно скомпрометировать ее во мнении некоторых ее последователей и рассорить с самыми близкими ей людьми. Если это ему и не удалось, то все же сильно отразилось на спокойствии Блаватской и, разумеется, на ее здоровье. По всей вероятности, ему даже удалось отнять у нее несколько лет жизни. Чем этот «преданный друг», как он сам себя постоянно называл, уверяя, что никогда не изменит своих дружеских чувств, и может ныне по праву гордиться!..

IX

Болея телом и душою, Блаватская несколько раз в течение этих двух лет принималась отпрашиваться «в отставку», уверяя, что, устранившись от прямого участия в администрации Теософского общества, она тем самым лучше ему послужит, имея больше времени писать... Но никто ни в Англии, ни в Америке, ни в Индии и слышать не хотел об этом. Напротив, европейские члены Общества усердно призывали ее принять на себя исключительное представительство в Европе, предоставив Олькотту Индию. А из Индии летели к ней усердные призывы и мольбы не оставлять их и возвратиться в Адыар. Последнее было немыслимо, поэтому она понемногу склонялась к Англии, боясь туда сразу перебраться из-за климатических условий. Но, по ее собственным словам, ее лондонские последователи все чаще и усерднее наезжали к ней за инструкциями, используя при этом все меры воздействия на ее окончательное решение перебраться за Ла-Манш и издание у них нового «Теософиста».

В то время сестра моя опять летом гостила у своих верных друзей Гебхардов в Зльбсрфельде, где свиделась со мной и старшей моей дочерью, и с нами же окончила сезон на морских купаниях в Остенде. Туда на поклон к пей заезжало множество посетителей из Германии, Франции и Швеции, но более всего из Лондона по делам. Там уже приступали к печатанию первой части «Доктрины». Кроме того, Синнет писал свою книгу о жизни Е. П. Блаватской и несколько раз приезжал совещаться о ней. На зиму же к ней снова приехала графиня Вахтмейстер, и с той поры ни она, ни мадам Гебхард ее не оставляли, чередуясь, дежурили возле нее до самого ее переезда в Лондон, неустанно ухаживая за ней в болезнях и помогая в трудах. За помощниками по научным занятиям вообще дело теперь не стояло. Из Лондона к ней то и дело являлись люди науки, доктора и профессора, желавшие заранее познакомиться с содержанием ее новой книги, предлагая свои услуги и помощь. Были и такие, что приезжали издалека: из Стокгольма, из Швейцарии, из Америки.

Вообще одну ее теперь никогда не оставляли. И слава Богу, что было кому позаботиться и побережь ее: к весне она опять перенесла тяжелую болезнь... Остендские доктора уже готовы были уложить ее в гроб, но врач Аштон Эллис, из Лондона, не допустил до этого.

Узнав из телеграммы графини Вахтмейстер, что Блаватской очень дурно, он, бросив все, тотчас переплыл канал и целую неделю неотлучно при ней находился, за что и поплатился прекрасным местом при Вестминстерской больнице. Он, не задумываясь, самовольно бросил службу, чтобы помочь женщине, которую, надо заметить, знал не лично, а только по ее творениям и делу.

В конце апреля (1887 г.) друзья перевезли Елену Петровну в Англию, окружив переезд ее всевозможными заботами, перенося ее в креслах на пароход и в вагон, заранее приготовив для нее прелестную виллу в Норвуде, среди цветущей местности, вполне заменявшей дачу.

Тут закипела работа.

Тотчас же приступили к изданию нового журнала и к образованию особого отдела лондонского Теософского общества, под названием «Ложа Блаватской». В лондонском Обществе председательствовал Сипнет; но теперь местные теософы находили, что главенство обязательно должно перейти к основательнице Общества, и сам Синнет ее просил

об этом. Но она решительно отклонила это предложение, резонно заявив, что ей в таком случае пришлось бы бросить «Доктрину»... Она вскоре и без того завалила себя делами, работая не меньше, чем прежде в Адьяре. Своим она писала, извиняясь за короткие письма:

«Вы подумайте сколько у меня неотложного, ежедневного дела! Издавать мой журнал «Люцифер», писать статьи в парижский «Лотос», в нью-йоркский «Путь», в мадрасский «Теософист», который без моих статей (как жалуется Олькотт) потерял слишком много подписчиков; продолжать второй том «Тайной доктрины», да поправлять по пяти раз корректуры первого тома; да принимать по двадцати и тридцати человек, ежедневно являющихся за делом и без дела. Ведь тут не 24, а 124 часа в сутки не хватит... Не бойтесь: не пишу, значит здорова, сравнительно! А то сейчас напишут другие. Вон видели вы на обложке журнала «Лотос» сенсационное заявление, что он издается «*sous l'inspiration de H. P. Blavatsky*» [«вдохновляемый Е. П. Блаватской»]?.. А какое там «*inspiration*» [«вдохновение»], когда некогда в него иногда и слова написать!.. Получаете вы его?.. Я для вас обеих подписки взяла, а третью — для Каткова. Пусть хоть взглянет. Я Каткова просто обожаю за его патриотизм! Молодец. Режет правду. Такие статьи, как его, делают честь всей России. Я уверена, что, если бы родной дядя³⁷ жив был, он нашел бы в них отголосок собственных мыслей...»

«Что вы на меня напали за то, что я свой журнал Люцифером назвала?» — пишет она в другом письме. — «Это прекрасное название! *Lux, Lucis* — свет; *ferre* — носить: «Светоносец» — чего лучше?.. Это только благодаря мильтоновскому «Потерянному раю» Люцифер стал синонимом падшего духа. Первым честным делом моего журнала будет снять поклеп недоразумения с этого имени, которым древние христиане называли Христа. «Эасфорос» греков, «Люцифер» римлян, ведь это название Утренней Звезды, провозвестницы яркого света солнечного. Разве сам Христос не сказал о себе: «Я, Иисус, звезда утренняя» (Откровение св. Иоанна, XXII, 16)?.. Пусть и журнал наш будет, как бледная, чистая звезда зари предвещать яркий рассвет правды — слияние всех толкований по букве в единый по духу свет истины!»

В ту же осень открыли теософскую типографию и отдельную контору в центре торгового Лондона, в Сити. Начали, кроме ежемесячного журнала, издавать еженедельные брошюры «T. P. S.» — их аббревиатура равно может означать «Theosophical Published Siftings» или «Theosophical Published Society» [«Издание теософских исследований» или «Издание Теософских) общества»]. Такое большое дело вскоре обратило на себя внимание даже лондонской прессы и публики, привычных к активным проявлениям общественной жизни.

Обратило и английское духовенство внимание на успехи нового учения и быстрый рост Теософского общества. Но надо отдать ему должное: оно не позволило себе тех излишеств, на которые пустились индошотландские иезуиты в Мадрасе.

Хотя, по инициативе представителей епископальной церкви, в Лондоне и прошло несколько бурных митингов, однако, прекрасное, выдержанное в христианском духе письмо, опубликованное Е. П. Блаватской в «Люцифере» под заглавием «Lucifer to the Archbishop of Canterbury» [Люцифер архиепископу Кентерберийскому], прекратило всяческие препирательства. Оно доставило, по собственному заявлению примаса Англии, «если не учению теософов, то его проповеднице» полную его симпатию и уважение...

На многочисленных собраниях Теософского общества нередко присутствовало духовенство, их посещала и сама супруга епископа Кентерберийского.

Вещие видения Елены Петровны не прекращались. В начале июля 1886 года мы были удивлены письмом ее (из Остенда), в котором она просила дать ей подробности о смерти А. М. Бутлерова. Это письмо было получено в то же время, как извещение о его кончине появилось в столичных газетах. Оно было написано ею в самый день его смерти, как известно, последовавшей в имени покойного профессора, в Казанской губернии. В июне же следующего года я, живя в Петербурге, получила от сестры следующее письмо:

«Я видела странный сон. Будто мне принесли газеты, я открываю и вижу только одну строчку: «Теперь Катков действительно умер». Уж не болен ли он? Узнай, пожалуйста, и напиши... Не дай Бог!»

---

³⁷ Ростислав Андреевич Фадеев.

М. Н. Катков тогда был в Петербурге, но о болезни его еще не говорили. Однако заговорили недели через две-три, и вскоре все газеты наполнились его именем. Ему становилось все хуже и хуже, пока не наступила развязка: Катков действительно умер! — как увидела Блаватская в своем вещем сне.

Стоит привести здесь и письмо ее к Н. А. Фадеевой. Вот оно вкратце:

Maycot. Crown-Hill, Upper Norwood, 5 августа 1887 г.

«В большом, я милый друг, горе! Эта смерть Каткова просто в туман какой-то привела меня. Думаю, думаю и сама не разберусь. Ну, «что мне Гекуба и что я Гекубе»?.. Ну, поди же!словно с ним хороню всю Россию... Да, смерть этого великого патриота и смелого защитника многолюбимой мною матушки-России сбила меня с колеи. Обидно!.. Страшно обидно, что вот только проявится из ряда вон русский человек — Скобелев ли, Аксаков, кто другой — так и прихлопывает смерть в самую нужную минуту. Ведь не подыхает же Бисмарк, Баттенберг, болгарские регенты или Солсбери, и *tutti quanti* [все прочие], нет? А всё наши. Чем был для России Катков теперь только можно видеть и сообразить: вой радостный раздаётся из всех журнальных редакций. Только две — «Pall-Mall» и «St. James Gazette» благородно отозвались: какое бы-де бремя с нас не сымала эта смерть, но «желательно было бы, чтоб в Англии нашлись такие два-три патриота, каким был Катков...» «Давайте и нам побольше Катковых, тогда Англия будет лучше преуспевать...» Писала сейчас письмо в редакцию его, надо было! Семь лет ведь работала для «Московских ведомостей» и для «Русского вестника»... Хоть, вероятно, и не поверят искренности моей печали, а я писала, что чувствую... Тот не патриот и не русский человек, кто не сознает в эти тяжелые для России дни, что эта утрата для нее незаменима! Много у России «правителей» да кандидатов на них, но другого такого верного стража ее национальных интересов — нет! И долго еще, может быть, не будет. Господи! что за несчастье преследует Россию?.. Словно темные силы опутали се невидимой сетью... И некому теперь более разрушать эти петли могучим, правдивым словом прозорливого патриота!.. Для меня, потерявшей всякую надежду увидеть родную Русь, вся моя любовь к ней, все горячее желание видеть ее торжествующей над врагами, сосредоточивалось и как бы отвечивалось в передовых статьях Каткова. Кто так напишет, как он писал?.. Кто же теперь, когда и он, и дядя, и Аксаков, и все, все ушли. Кто сумеет разгадать, кто посмеет рассказывать, как они разгадывали и указывали России на козни против нее?.. Пропала Россия!.. Потеряла своего лучшего защитника и путеводителя, своего вождя на поле политики. Да, правда, «закрылось навеки бдительное око патриота», как дракон оберегавшего интересы нации, и лишь теперь поймут, чем Катков был для царя и отечества. Стало быть был он опасным и попадал метко, когда все иностранные дипломаты и пресса дрожали при его имени, — как теперь дрожат от радости, что избавились. Лафа-де нам теперь будет дурачить Россию...

«Счастливые христиане православные, могущие искренно пожелать покойному: «царствие, тебе, небесное, великий патриот!» Я же могу только из глубины души пожелать ему «вечную память» в сердцах всех любящих родину русских.

«Ставит эта родина, Россия-матушка, статуи да памятники своим поэтам, музыкантам, авторам. Поставит ли Москва первопрестольная памятники тому, кто, думаю, сделал для России своим могучим словом не менее, чем Минин и Пожарский сделали мечами. Лучше бы вместо театральных эффектов погребения, с венками от Национальной Лига республиканской Франции, доказала Россия, что не зарастет в сердцах верных сынов ее тропа к его могиле. Пусть запомнят наши дипломаты его указания, да на деле докажут, что уроки его не пропали даром, а раскрыли им глаза. Пусть не допускают, чтобы Россия была отдана на посмеяние Европы, благодаря свинопасам — регентам, да Миланам, австрийским холопам. А зарастет тропа в их памяти, то да будет им стыдно!..

«Вот, что я им написала... Может дурой назовут?.. Ну, пушай дура. Зато не лицемерно, от сердца высказалась.

«Пока жива — ваша всегда... А коли позволят там —• так и после Нирваны все ж ваша. Е. Б.»

Х

Очень обижали Е. П. Блаватскую неверные сведения, печатавшиеся о ней в России. Эти известия бывали до того курьезные, что она неоднократно даже обвинялась в убийствах и т. п. уголовных преступлениях. Отвечать на такие басни она никогда не хотела. Но ее сторонники не раз пытались возражать на «отечественную клевету» на уважаемую проповедницу. Однако безуспешно: их протесты в России к сведению не принимались, а бросались редакторами, вероятно, в печку...

Тем не менее раз или два ее близкие, возмущенные нелепостями, возводимыми на нее, должны были вмениться, но никогда их законных протестов не принимали те органы, где были даны о ней ложные сведения.³⁸ Раз даже сама Елена Петровна написала возражение, но и его отвергла наклепавшая па нес газета... Она была очень омрачена и по этому поводу писала:

«Ну что это они все врут?.. Откуда они взяли, что я собираюсь упразднить христианство и проповедовать буддизм? Если б читали в России что мы пишем, так и знали бы, что мы проповедуем чистую хриstopодобную теософию — познание Бога и жизненной морали, как се понимал сам Христос. В третьем ноябрьском номере «Люцифера» за 1887 год моя статья («Эзотерический характер Евангелий»), где я так возвеличиваю проповедь Христа, как дай Бог всякому истинному христианину, не зараженному папизмом или протестантскими бреднями. Много они знают, что проповедует Блаватская!.. Объявляют: «построила капище в Лондоне и посадила в него идола Будды!..»

«Выдумали вздор! Сами они идолы, нот что! Уж если репортеры их городят пустяки, так имели бы мужество печатать возражения. Уж, кажется, я необидное нимало, самое добродушное письмо написала, а у N и его поместить добросовестности не хватило?.. Ну, Бог с нами, милые соотечественники!..»

С каждым днем лондонскому Теософскому обществу все больше прибавлялось работы, и само оно разрасталось не по дням, а по часам. Вскоре и вторая штаб-квартира, снятая на два года па Лэнсдоун Роуд, возле Кепсингтонских садов, и размещенная в гораздо большем доме, чем первая, стала мала. Задумали найти такой дом, в котором возможно было бы отвести отдельную залу для собраний на 300-400 человек и, кроме того, устроить кабинет или павильон в саду с одной дверью, без окон, покрытый вместо крыши куполом голубого стекла. Он предназначался для занятий по оккультизму членов Эзотерической секции, с открытием которой у Елены Петровны прибавилось хлопот, связанных с проведением два раза в неделю устных занятий. Она лично давала уроки присутствующим «эзотеристам» и следила за их правильной передачей отсутствующим, рассылая конспекты, с чертежами и вычислениями, всем, записавшимся в ее Секцию.

В начале зимы 1889 года Блаватская стала очень редко и мало писать своим. Я укоряла ее за это, вопрошая: «чем уж так ужасно занята, что ни слова не пишешь?»

Елена Петровна ответила в характерной ей манере.

«Друг и сестра! Твой неосмотрительный вопрос поразил нас, как бомба, начиненная наивным незнанием активной жизни теософа! Я, как прочла твое Козьма-Прутковское изречение, так созвала своих и перевела им его па язык Шекспира. А как перевела, так Барт, Арчи, Райт, Мид, графиня и весь мой домашний штат в разные стороны в обмороке попадали от твоего диффамациопного вопроса... Чем занята? Это я-то?!.. Да если есть на свете перезанятая жертва, так это твоя сестра горемычная. Вот пересчитай, Зоил бессердечный, мои занятия: каждый месяц пишу от 40 до 50 страниц эзотерических инструкций, — наставления в тайных науках, которые не могут печататься, а несчастные пять-шесть добровольцев-мучеников эзотеристов должны по ночам сидеть, рисовать, писать и па машине литографировать, всего только в число 320 экземпляров... Я же должна все пересматривать, что бы не ошиблись и не осрамили моих оккультических занятий. Ведь у меня учатся седые ученые, каббалисты и франкмасоны, как ты сама видела. Потом издание «Люцифера» па мне лежит: от передовой статьи более или менее забирающей за моей подписью, до корректуры. «Revue Theosophique» тоже моя графинюшка Адемар присылает,

³⁸ Точно так и «Русский Вестник» ныне, напечатав 29 глав нападок на нее г. Соловьева, отказался поместить их опровержение, которое я должна была издать отдельно. — В. Ж.

и ей помочь надо! Да и самой кушать: значит еще и хлебную статейку в чужие журналы поставить надо. Да приемы по субботам, да митинги каждый четверг, с учеными расспросами, со стенографом за спиной, да двумя-тремя репортерами по углам, тоже время-то берут?..

«К каждому четвергу ведь и подготовиться надо, потому что не с улицы люди приходят, не неучи, а такие господа, как электрик Кинхланд, как доктор Уильям Бенет, как натуралист Картерблэк. Я должна быть готова защищать теорию оккультизма против прикладных наук так, чтобы по отчету стенографа прямо можно было печатать в нашем новом специальном ежемесячном журнале под заглавием «Transactions of the Blavatsky Lodge» [«Труды ложи Блаватской»].

«Спохватились мои теософы, написали, видишь ли, циркуляр по всему белому свету: «Н. Р. В.³⁹ -де стара и больна. Помрет Н. Р. В., тогда — свищи! Некому будет нас уму-разуму учить, тайной премудрости. Давайте-ка сделаем складчину на расходы»... И вот — сделали. Один стенограф да издание стоят им более 40 фунтов стерлингов в месяц. А «Н. Р. В.» сиди с продранными локтями, без гроша в кармане, да отдувайся за всех — учи их! Уж конечно я сама ни гроша не приму за такое учение!.. «Серебро твое да будет тебе на погибель, ибо ты помыслил приобрести дар Божий за деньги», — говорю я тем, кто воображает купить божественную мудрость веков за фунты и шиллинги...»

«Забирательные» статьи Елены Петровны Блаватской весьма часто касались России и русских, и очень жаль, что для таковых не находилось переводчика. Более верное представление о ней имели бы ее соотечественники, если бы могли прочесть такую статью, какой разразилась она по поводу глупейших британских «митингов негодования» относительно наших «жестокостей в Сибири» и наших «притеснений евреев». Статья эта опубликована в журнале Блаватской [«Люцифер», июнь, 1890] под заглавием «Бревно и сучок». Или ту, что она написала по поводу катастрофы 17 октября... Даже последнее печатное слово Е. П. Блаватской, появившееся уже после смерти ее, в майском номере «Люцифера» за 1891 год, касалось нашей русской царской семьи. В статье, озаглавленной «Истинное Величие», она пишет:

«Погребение г-жи Стреттер, англичанки, бывшей няни детей покойного Императора Александра II, произвело, два-три дня тому назад, большое впечатление на жителей Петербурга. Государь Александр III, герцогиня Эдинбургская и все остальные их братья, великие князья Российского Дома, следовали за гробом этой простой женщины пешком, а государыня императрица ехала в траурной карете... Вот прекрасный урок и пример сердечного внимания, который двор королевы Виктории — бездушный раб формализма и этикета — должен бы принять во внимание и призадуматься над ним глубоко».

Примечательно, что рядом с этими последними словами, вышедшими из под пера Елены Петровны Блаватской, помещено первое, поспешное извещение о ее собственной кончине...

Это траурное извещение поражает тем сильнее читателя своей неожиданностью, что в той же самой книге (и даже на той же самой странице) кончается статья, подписанная ее инициалами «Н. Р. В.» («Цивилизация, как смерть красоты в искусстве»), а другая, «Мои книга», открывает тот же номер журнала — статья, в которой она сама с такой строгостью относится к своим сочинениям, с какой никогда не разбирает их ни один критик.

XI

На втором году переселения Блаватской в Англию она познакомилась с той талантливой и преданной женщиной, которая ныне, по смерти провозвестницы теософского учения, стала главным ее оплотом и двигателем в Англии. Я говорю о миссис Анни Безант, ораторе-писательнице, которая приобрела широкую известность в Англии еще до того, как она познакомилась с Блаватской.

Вот что последняя писала о ней осенью 1889 года.

«Война у меня с материалистами и атеистами хуже, чем когда-нибудь!..»

---

³⁹ «Н. Р. В.» — латинские заглавные буквы имени Елены Петровны Блаватской, которыми ее называли вес близкие в Англии, по тамошнему обычаю.

«Восстали па меня все либеральные безбожники, все «свободомыслители» — друзья Брэдлоу — за то, что я, будто бы, совратила с пути истинного их возлюбленную Анни Безант. Правда, что я из этой правой руки атеиста Брэдлоу, материалистки убежденной и деятельной, сделала наиярейшего теософа. Она теперь тоже меня называет своей спасительницей, как и Гебхарды, как и маркиз Шифре⁴⁰ и прочие бедняги, сбитые с толку нашими недомыслимыми мыслителями... Прочтите ее *profession de foi* [символ веры]: «Почему я стала теософом», брошюру, где она объясняет, почему она сделалась убежденным теософом. Она прочла эту исповедь в зале, где собралось две тысячи человек, все больше члены Общества свободомыслия, между которыми она занимала, после лидера его Брэдлоу, самое видное место. Ее обращение как громом поразило Англию! Прочтите вырезки из газеты, которую посылаю.

«Церковники так обрадовались ее отречению от безверия, что даже позабыли свою ненависть ко мне и хвалят теософию!!! Вот так происшествие! Но что это за сердечная, благородная, чудесная женщина! И как она говорит! Слушаешь и не наслушаешься! Демосфен в юбке!.. Это такое приобретение, что я не нарадуюсь! У нас именно не доставало красноречивого оратора. Я говорить совсем не умею. А это — соловей какой-то! И как глубоко умна, как всесторонне развита! Она пренес-частная была... Ее жизнь целый роман. Уж эта помощница не изменит ни делу, ни даже мне».

Блаватская была права: с такой сотрудницей она могла бы отдохнуть и успокоиться, если бы дни ее не были сочтены. Переход в лагерь теософов этой «заступницы пролетариев», этой проповедницы рабочих классов, обожаемой лондонскими бедняками, известной всей Англии своей педагогической деятельностью, наделал большое волнение в социалистических кругах и во всей прессе. Ист-Энд — это лондонское царство нищих, особенно его несчастные работницы, рабыни фабрикантов-кулаков, возопили, думая, что она их покидает... Но эта энергичная женщина успокоила их, объявив, что, напротив, сделавшись членом Общества, одна из главных целей которого практическая филантропия, она будет им еще лучшей помощницей и слугой.

Она сдержала слово. С ее помощью первые значительные деньги, предоставленные в распоряжение Е. П. Блаватской на благотворительность одним богатым членом ее Общества⁴¹, 1000 фунтов стерлингов, были пущены на долгосрочное приобретение дома в Ист-Энде, где был открыт приют для женщин-работниц.

Открытие этого клуба-приюта на 300 женщин с дешевейшим, если не вполне даровым прокормлением, с даровой библиотекой, воскресными уроками, швейными и другими машинами; вдобавок с 40, почти бесплатными, кроватями для женщин в нем, преимущественно сирот, — произвело самое лучшее впечатление и дало много прозелитов Теософскому обществу.

К тому времени вышли из печати, один за другим, два тома «Гайной доктрины», лестными отзывами о которой положительно переполнялась вся английская и американская пресса, нашедшая отголоски во всей Западной Европе. И, вслед за ними, «Ключ к теософии» и «Голос безмолвия», труды, окончательно давшие имени Е. П. Блаватской почетное место не только в теософском мире, но и в науке, и во всемирной литературе.

Но вслед затем доктора объявили сильно занемогшей Елене Петровне, что она не переживет весны, если не даст себе продолжительного полного отдыха; что доработалась она до крайне опасного истощения мозга и перенапряжения нервной системы.

В феврале 1890 года ее едва живую отправили в Брайтон, на морской берег, где целый день катали в ручной коляске, не позволяя ни на минуту ничем заниматься, даже читать или писать письма.

Два месяца отдыха немного восстановили ее силы, но, к сожалению, не надолго, потому что не далее как в мае она снова принялась за многочисленные свои занятия.

К этому времени ближайшими сотрудниками Блаватской (графиней Вахтмейстер, Анни Безант, братьями Китлей и пр.), жившими с нею постоянно под одним кровом, было подыскано новое помещение для их общежития — «штаб-квартиры Теософского общества»,

⁴⁰ Испанец, представитель мадридской ветви Теософского общества.

⁴¹ Такие пожертвования часто давали Блаватской возможность поддерживать многие благотворительные учреждения в Индии: школы, библиотеки Теософского общества; но в Англии она ничего еще дотоле не предпринимала общественного, довольствуясь лишь помощью бедным членам их братства.

как гласит надпись над главным входом. Три дома, соединенные садом, на цветущей улице Авеню Роуд в парке Регента. К главному большому дому была пристроена одноэтажная зала для собраний⁴²; там же было прекрасное помещение для Е. П. Блаватской на нижнем этаже; а на верхнем — комнаты для проживающих с нею пяти или шести дам и трех-четырех ее личных секретарей.

Такого роскошного помещения еще не было у нее в Лондоне. Но, входя в него. Елена Петровна сказала:

— Не проживу я долго в этом доме: нет на нем моего числа — цифры 7. Отсюда меня вывезут — на сожжение!⁴³

Так оно и случилось. Хотя ее убеждали, что в их помещении, на другом доме, есть N 17, и что 19 (номер ее главного дома) тоже счастливое число, но она качала головой и возражала, улыбаясь:

— Я ведь и не считаю смерть несчастьем! Страдая, как я, можно ли считать освобождение от тела — несчастьем? Окунуться в бестелесный покой, в блаженную нирвану, что может быть желанней?.. Лишь бы закончить дело, дописать третью и четвертую книгу «Доктрины»! Тогда можно и отдохнуть...⁴⁴

В июле 1890 года Елена Петровна переехала на Авеню Роуд, а в мае следующего года ее не стало.

В ту весну, после страшно суровой для Англии зимы 1891 года, в Лондоне начались повальные эпидемии. В особенности свирепствовала инфлуэнца, которой переболели решительно все в теософской штаб-квартире. Заболела и Блаватская, что не помешало ей все время заботиться о других больных и интересоваться всеми. Одиннадцатого апреля, в четверг, день их собрания, она в последний раз была в зале заседаний, но в ту же ночь слегла. Однако утром порывалась «работать». У нее, как всегда, были неотложные письменные дела, но не могла уже встать: у нее оказалось 40 градусов жару.

Через неделю, однако, она поправилась и снова села за свой письменный стол. Ей надо было отвечать на приветственные телеграммы из Америки...

Первые успехи Е. П. Блаватской начались в Соединенных Штатах. Они же доставили ей и последние удовольствия и лавры в этой жизни. Из Бостона два дня кряду посылали ей телеграммы со съезда американской секции Теософского общества, куда она отправила делегатами от лондонского Общества миссис Безант и д-ра Арчибальда Китлей. Она послала с ними письмо «к своим первообращенным братьям по теософии и согражданам»; как бы завет, как действовать им в будущем на преуспевание их дела, и вместе с тем дружеское послание, которым, словно зная близкое грядущее, она прощалась с ними... Три раза было перечитано там это последнее ее письмо. И каждый раз чтение его побуждало слушавших передавать по телеграфу «основательнице и главной представительнице их Общества» чувства благодарности и сочувствия, и самые горячие пожелания здоровья. Последние письма с Бостонской конференции были получены, когда Е. П. Блаватская уже лежала в гробу, но телеграммы были прочитаны ею и доставили ей радостную минуту... Это действительно были не официальные сообщения, а глубоко прочувствованные приветы людей, искренно преданных, сочувствующих ее недугам и благодарных ей за труды ее.

В первых числах мая Блаватская снова сильно заболела, вероятно простудившись. У нее сделалась ангина и бронхит, и всякие осложнения в груди, в горле. Однако, она мужественно боролась с одолевавшими ее недугами и все порывалась, до последней минуты, к своему письменному столу. Она даже скончалась подле него, «на своем посту», — как говорят ее приверженцы, — не в постели, а в своем кресле. Знаменательно, что в то самое утро, 8 мая, доктор всех обнадежил, найдя, что она вне опасности.

Она оделась и хотела приступить к занятиям, но вдруг закрыла глаза, и во втором часу дня ее не стало.

---

⁴² Рассчитанная на 300 человек, по теперь ее перестраивают за невозможностью вместить всех желающих бывать на лекциях.

⁴³ Елена Петровна Блаватская завещала, чтобы тело ее было кремировано.

⁴⁴ Третья часть этого сочинения написана и скоро выйдет из печати; четвертой же уж никогда не появиться. Хорошо, что сочинение это в каждой части своей представляет отдельное, вполне самостоятельное целое.

«Она ушла так тихо и мирно», — напишет о ней очевидец, — «что мы, стоявшие возле нее, даже не заметили, когда она в последний раз вздохнула... Великое чувство мира снизошло на нее и на нас, когда мы опустили па колени, поняв, что все кончено...»

В блестящий майский день гроб, где покоилось тело основательницы Теософского общества, весь покрытый цветами, увезли на станцию Ватерлоо, а оттуда в Уокинг, где находится лондонский крематорий. Не было никаких торжественных шествий, по неперемому ее желанию никто даже не надел траура. Только у дверей пекла, которое должно было превратить в прах ее тело, было произнесено несколько слов благодарности и последнего привета «творцу и вдохновительнице теософского движения, учившей своих последователей жить честно, чисто и деятельно, — на пользу другим и в преуспевание своего вечного бессмертного духа!..» Так сказано было в речи над ее телом.

Праха ее разделен на три части, которые хранятся в урнах в Нью-Йорке, Адьяре и Лондоне — в собственных апартаментах Блаватской, сохраняемых в память ее нетронутыми необитаемыми.

Невозможно перечислить всех демонстраций, речей и статей, появившихся в возвеличение и похвалу покойной сестры моей.⁴⁵ Всюду собираются пожертвования для стипендий в школах, для библиотек, для литературного фонда имени Блаватской: «Н. Р. В.'s. Memorial Fund» достиг в Индии, Америке и Англии очень значительных цифр. Но всего замечательней были по ней поминки и богослужения на Цейлоне. Там открыты три стипендии ее имени в женских училищах, но кроме того одето несколько странствующих монахов и накормлено около 3000 нищих. Везде в Индии, Америке и Англии, во всех теософских центрах, решено поминать каждую годовщину ее смерти — благотворениями, чтением ее сочинений на торжественных митингах и милостыней. День этот назван «Днем Белого Лотоса».

По нашему мнению, одно из лучших надгробных слов Е. П. Блаватской сказано в дельной статье публициста Стэда, в его «Журнале журналов», за июнь 1891 г., где на первой странице помещены четыре ее портрета.

«Не говорите мне о ее феноменах!» — между прочим восклицает он. — «Каково их значение, когда эта великая женщина, в наш век безверия, свершила феномен духовный, феномен небывалый, заставив многих самых образованных людей нашего поколения уверовать, что невидимый нам мир населен мыслящими существами, несравненно превосходящими нас разумом и истинными познаниями... Блаватская свершила это чудо! ... Населив вновь мир духа, обобранного современной наукой до бессмысленной пустоты, эта русская женщина, эта «шпионка», — по мнению англо-индийского правительства, — привлекла к сотрудничеству образованнейших лидеров общественного мнения и, уже в преклонных летах, удрученная страданиями, сумела обратить в прозелита такую незаурядную личность, как Анни Безант, годами ратовавшую за атеизм, а ныне прославляющую власть «махатм», покровителей теософского движения!»

---

⁴⁵ Разумеется нашлось много и насмешников, и хулителей, но утешительно, что хвалы ее уму и деятельности опираются на сочинения ее и факты, тогда как брань ее врагов — бездоказательна.

Имя Блаватской, русской женщины, возбудившей такое мировое движение, не сотрется со скрижалей истории, а должно получить заметное место в числе деятелей конца XIX века.

«ТЕОСОФСКИЕ МАХАТМЫ»

С искренним и глубоким сожалением (хотя и без удивления, поскольку за долгие годы я смогла подготовиться к таким заявлениям) я прочла в рочестерском «Оккультном слове», издаваемом миссис Дж. Кейбл, преданным президентом Теософского общества в этом городе, ее редакционную статью, написанную совместно с м-ром У. Т. Брауном. Ее внезапное изменение чувств можно считать вполне естественным для женщины, поскольку у нее никогда не было таких возможностей, как у м-ра Брауна; и ее чувства, с которыми она пишет: «после большого желания ... вступить в контакт с теософскими Махатмами мы пришли к заключению, что бесполезно пытаться достигнуть психическим взором Гималаев...» — бесспорно разделяются многими теософами. Оправданы ли подобные жалобы, и кто в этом виноват, теософы или «махатмы», — вопрос остается открытым. Этот вопрос был в подвешенном состоянии в течение нескольких лет, и его следует решить сейчас, поскольку двое жалующихся заявляют, поставив под этим свои подписи, что «мы (они) не должны следовать за восточными мистиками, *которые не могут подтвердить свою способность помочь нам*». Эта последняя часть предложения требует серьезного исследования. Я прошу дать мне возможность сделать несколько замечаний по этому поводу.

Скажем вначале, что тон всей статьи — это тон настоящего *манифеста*. Сокращая и убирая библейские выражения, в изобилии встречающиеся в статье, ее можно свести к следующей декларации-парафразе: «Мы стучали в их дверь, и они не ответили нам; мы просили их о хлебе, они отказали нам даже в камне». Обвинение чрезвычайно тяжелое; тем не менее, это и несправедливо, и нечестно, — вот то, что я собираюсь показать.

Поскольку я была первой в Соединенных Штатах, кто сделал достоянием общественности факт существования наших Учителей, и сделала доступным священные имена двух членов Братства, неизвестных до того в Европе и Америке (за исключением немногих мистиков и посвященных), но священных и почитаемых на всем Востоке и особенно в Индии, что привело к возникновению множества вульгарных спекуляций и насмешек вокруг этих святых имен и закончилось публичным осуждением, поэтому я полагаю, что моим долгом является опровержение уместности последнего путем объяснения всей ситуации в целом, ибо я чувствую себя главным обвиняемым. Может быть, это будет полезно для некоторых, и интересно для других. Пусть никто не думает, однако, что я выступаю как защитник тех, кто, совершенно очевидно, не нуждается в защите. То, что я намереваюсь сделать, это просто представить *факты*, а после этого ситуация пусть будет оцениваться по существу. На ясное заявление наших братьев и сестер о том, что они «жили шелухой (чем-то внешним и несущественным)», «искали странных богов», не получая доступа к ним, я, в свою очередь, спросила бы столь же открыто: «Уверены ли вы, что стучали в правильную дверь? Уверены ли вы в том, что не утратили своего пути, *останавливаясь слишком часто во время путешествия у каких-то странных дверей, за которыми лежат в засаде злейшие враги тех, кого вы ищете?*» Наши УЧИТЕЛЯ — это не «какой-нибудь ревнивый бог»; они просто святые смертные, и тем не менее более высокие, чем кто-либо в этом мире, в моральном, интеллектуальном и духовном отношениях. Сколь бы святыми и продвинутыми в науке мистерий они ни были, все же они люди, члены

Братства, являющиеся первыми внутри него, кто показал себя находящимся на службе его освященным временем законам и правилам. И одно из первых правил этого Братства требует, чтобы те, кто начинает свое путешествие на Восток, под руководством и с благословения тех, кто является хранителями этих мистерий, следовали бы только прямой дорогой, не останавливаясь на каждом повороте и не пытаясь примкнуть к другим «Учителям» и профессорам, принадлежащим часто Науке Левой Руки; они должны иметь доверие и быть терпеливыми, а также удовлетворять некоторым иным требованиям. Не обладая ни одним из этих качеств, какое право имеют те или иные мужчины или женщины взывать к обязанности Учителей помогать им?

Поистине «*Живущие на пороге* находятся внутри!»

Каждый теософ, став кандидатом в *челы*, или удостоившись чести быть избранным, должен сознавать неписаное взаимное обязательство, даже если не последовало официального заявления и признания обеих сторон, — *подобное обязательство является священным*. Это — узы на весь семилетний испытательный срок. Если в течение этого времени, невзирая на многие недостатки и ошибки кандидата, вполне естественные для человека (за исключением двух, о которых нет необходимости заявлять в печати), он остается во всех своих искушениях *верным избранному им Учителю*, или Учителям (в случае *мирских* кандидатов), то только тогда теософ будет посвящен в ... и с этих пор ему позволено сколько угодно общаться со своим *гуру*, и все его просчеты, кроме одного специально оговоренного, будут рассматриваться сквозь пальцы: они принадлежат его будущей *карме*, но оставлены в настоящем на усмотрение и суд Учителя. Он один лишь имеет власть судить, можно ли в течение этих долгих семи лет, несмотря на ошибки и прегрешения *челы*, позволить ему отдельные контакты с гуру, инициатива которых принадлежит либо ему, либо адепту. Последний находится в курсе всех причин и побуждений, которые приводят кандидата к греху совершения или несовершения какого-либо поступка, и является единственным, кто может оценить разумность или неразумность ободрения и поощрения ученика; поскольку только он имеет право на это, считая, что он сам находится под действием неумолимого закона кармы, которого не может избежать никто, от дикого зулуса до высшего из архангелов, — и поэтому он должен быть в высшей степени ответственен за свои собственные поступки.

Таким образом, главное и единственное обязательное условие, требуемое от кандидата или челы в период испытания, — это просто безусловная верность выбранному Учителю и его целям. Это условие *sine qua non* [совершенно необходимое]; и это, как я говорила, связано не с каким-либо чувством зависти, а просто с тем обстоятельством, что если *магнетические отношения между обоими когда-нибудь разрушатся, то для их восстановления потребуется вдвое больше времени*; и кроме того, несправедливо и неразумно, чтобы Учитель тратил свои силы на тех, чье конечное дезертирство часто можно ясно предвидеть заранее. Сколь многие из тех, кто ожидая «одобрения заранее», как я это назвала бы, и будучи разочарованы в этом, обвиняют своих Учителей в эгоизме и несправедливости вместо того, чтобы скромно повторять *mea culpa* [моя вина]? Они способны по своей воле рвать нить, связывающую их с Учителем, десять раз за один год, и все же будут каждый раз надеяться, что все вернется к старому! Я знаю об одном теософе, — разрешите мне не называть его имени, хотя я надеюсь, что он узнает себя сам, — спокойном, интеллигентном молодом джентльмене, мистике по природе, который в своем неблагоприятном энтузиазме и нетерпении менял *Учителей* и свои взгляды примерно полдюжины раз менее чем за три года. Прежде всего он предложил себя, был принят для испытания и дал клятву ученичества; примерно через год после этого, он внезапно решил жениться, хотя к тому времени он имел несколько доказательств телесного присутствия своего Учителя и был удостоен нескольких поощрений. Оставив планы на женитьбу, он начал искать «Учителей» в Других странах и стал фанатичным последователем розенкрейцеров; затем он вернулся к теософии в качестве христианского мистика; после этого пытался совершенствовать свой аскетизм, живя с женой; в конце концов он оставил эту идею и превратился в спиритуалиста. И сейчас, решив еще раз попробовать, «чтобы его приняли назад как чела» (я имею его письмо), и не получив ответа от своего Учителя, он вообще отрекся от него и стал искать так же, как это сказано в вышеупомянутом манифесте, своего старого «Ессея-Учителя, и испытывать духов при помощи его имени». Талантливый

и уважаемый редактор «Оккультного слова» и ее секретарь правы, они выбрали единственно верный путь, на котором с очень небольшим количеством слепой веры, они разумеется не встретят ни разочарований, ни обмана. «Для многих из нас приятно», — говорят они, — «подчиниться зову «Человека Скорбей», который никого не отправит назад, из-за того, что тот является недостойным или не набравшим определенный процент личных добродетелей». Откуда они это знают? Разве только они приняли ужасную по своему цинизму и весьма опасную догму протестантской церкви, которая учит прощению даже самого тяжкого преступления, если только убийца *искренне верит* в то, что кровь «Искупителя» спасет его в последний момент, — что это, кроме *слепой*, далекой от философии, веры? Эмоциональность — это не философия; и Будда посвятил свою долгую, полную самопожертвования, жизнь тому, чтобы спасти людей именно от этого *порожденного дьяволом* суеверия. Почему мы говорим сейчас, не переводя дыхания, о Будде? Учение о спасении благодаря личным добродетелям и самозабвению — это краеугольный камень в учении Господа Будды. Оба вышеупомянутых автора могли «искать *странных богов*», и скорее всего они так и делали, но это *не были наши* УЧИТЕЛЯ. Они «трижды отреклись от Него», а теперь, «с кровотокающими ступнями и изнеможенным духом» хотят «молиться, чтобы Он (Иисус) взял нас (их) еще раз под свое крыло», и так далее. Конечно, «Учитель из Назарета» пока еще делает им одолжение. Они все еще «живут *шелухой*» и в «слепой вере». Но в этом они являются самыми лучшими судьями, и никто в нашем Обществе не имеет права вмешиваться в их личные верования; но лишь небеса могут помочь в том, чтобы однажды они, будучи глубоко разочарованными, не превратились в наших злейших врагов.

И все же тем теософам, которым не нравится наше Общество в целом, никто никогда не давал каких-либо поспешных обещаний; тем более, ни Общество, ни его основатели никогда не предлагали своих «Учителей» как *премию за хорошее поведение*. Многие годы каждому новому члену говорилось, что *ему не обещают ничего*; он должен ожидать всего лишь от своих личных заслуг. Теософ полностью свободен и ничем не ограничен в своих поступках. Если он чем-то недоволен, он волен *alia tentanda via est* [искать другие пути], менее тяжелые и утомительные; и так до тех пор, пока он не будет готов принять на себя ученичество и не решится заслужить покровительство Учителя. Прежде всего к таким людям я обращаюсь сейчас с вопросом: а выполнили ли *вы* свои обязательства и обещания? Вы, которые охотно возложили бы всю вину на Общество и его Учителей (последние — воплощение милосердия, терпимости, справедливости и вселенской любви), вели ли вы *подобающую жизнь*, которую должен вести человек, пожелавший стать кандидатом в ученики, и соблюдали ли вы все необходимые в таком случае требования? Пусть тот, кто чувствует в своем сердце и своей совести, что так оно и было, — что он не совершал никаких серьезных проступков, никогда не сомневался в мудрости своего Учителя, никогда не искал *другого* Учителя, или Учителей, стремясь как можно быстрее сделаться оккультистом и овладеть оккультными силами; и что он никогда не изменял ни в помыслах, ни на деле своему теософскому долгу, — пусть тот, говорю я, выйдет вперед и *протестует*. Он вправе делать это без всякого страха, поскольку не понесет за это никакого наказания и даже не получит ни единого упрека, если не считать того, что он будет исключен из Общества — того самого, которое известно своими самыми широкими и либеральными взглядами, наиболее всеобъемлющего из всех известных и неизвестных Обществ. Я опасаясь, правда, что мое приглашение останется без ответа. Я знаю, что за одиннадцать лет существования Теософского общества из семидесяти двух принятых на испытательный срок полных член и нескольких сотен *мирских* кандидатов всего лишь *трое* до сих пор не утратили своего статуса, и *всего лишь один* из них достиг истинного успеха. Никто не вынуждает кого-либо идти в ученичество; никаких обещаний не дается, — ничего, кроме того, что между Учителем и вероятным учеником существуют взаимные обязательства. Истинно, истинно, много есть званых, но мало избранных; или, точнее, мало тех, у кого есть достаточно терпения, чтобы пройти весь мучительно горький путь до конца, — если можно выразить таким образом простую настойчивость и единство цели.

И что же сказать об Обществе в целом за пределами Индии? Кто из многих тысяч его членов ведет *истинную жизнь*? Может быть, так скажет тот, кто является вегетарианцем — *но таковы ведь слоны и коровы* — или тот, кому случается быть холостым, хотя его бурная молодость шла совсем в другом направлении; или же тот, кто изучает «Бхагавадгиту» или

«Философию йоги», *читая их кверху ногами*, но являются ли они истинными теософами, *живущими в соответствии с духом Учителей*? Как не сутана делает человека монахом, так и длинные волосы с поэтическим выражением лица недостаточны, чтобы превратить кого-либо в верующего последователя *божественной* Мудрости. Посмотрите вокруг себя и на так называемое ВСЕОБЩЕЕ Братство! Общество, созданное для того, чтобы исправить бросающееся в глаза зло христианства, чтобы избежать фанатизма и нетерпимости, ханжества и суеверия, для того, чтобы развивать истинную всеобщую любовь, простирающуюся вплоть до бессловесных тварей, — во что превратилось это Общество в Европе и Америке за одиннадцать лет испытаний? Лишь в одном отношении нам удалось достичь успеха по сравнению с нашими христианскими братьями, которые, по красочному выражению Лоренса Олифанта, «убивают друг друга для пользы Братства и сражаются, как дьяволы, за любовь Бога»; успех состоит в том, что мы избавились от *любых догм* и пытаемся сейчас благоразумно избавиться от последних следов даже номинальной авторитарности. Но во всех других отношениях мы ничем не лучше их: злословие, клевета, немилосердие, критицизм, бесконечные призывы к войне, взаимные упреки, которыми мог бы гордиться сам христианский черт! И все это, надо полагать, вина Учителей? ОНИ не намерены при помощи пинков и скандалов помогать тем, кто помогает — таким образом — другим, идущим по пути спасения и освобождения от эгоизма. Поистине, *мы являем собой* пример для всего мира, и кто как не мы достойны составить компанию святым аскетам снежных гор!

Теперь несколько слов перед тем, как я закончу. Меня спросят: «И кто же Вы, чтобы находить у нас ошибки? Тот ли вы человек, кто имеет связь с Учителями и ежедневно получает Их одобрение? Являетесь ли Вы столь святой, никогда не ошибающейся и столь достойной?» На это я отвечаю: нет, не являюсь. Моя природа весьма несовершенна; у меня много бросающихся в глаза недостатков — и потому моя карма тяжелее, чем у какого-либо другого теософа. *Это является* — и так и должно быть — мишенью для моих врагов, а также некоторых друзей, поскольку столько лет я чувствую себя прикованной к позорному столбу, и вряд ли в этом что-то можно изменить. И все же я *бодро* встречаю испытание. Почему? Потому что я знаю, что несмотря на все мои недостатки, я нахожусь под защитой Учителей. И если это так, то причина этого весьма проста: за тридцать пять лет и даже более, с 1851 года, когда я впервые увидела Учителя *во плоти* и лично, *я никогда не отрекалась от Него* и даже никогда не усомнилась в Нем, хотя бы и мысленно. Никогда никакая жалоба или ропот, направленный против Него, не срывались с моих уст, и ни на мгновение не возникали они в моем сознании даже при самых тяжелых испытаниях. С самого начала я понимала, чего следует ожидать, и о чем я уже говорила выше и что я не устаю повторять другим: как только кто-либо вступает на Путь, ведущий к *ашираму* благословенных Учителей, последних и единственных хранителей первичной Мудрости и Истины, — с тех пор его карма обрушивается на него целиком и сокрушает его всем своим весом, вместо того чтобы быть равномерно распределенной в течение всей его жизни. Тот, кто верит в то, что он исповедует, и в своего Учителя, тот преодолет это и выйдет победителем из всех испытаний; а тот, *кто сомневается*, кто проявляет малодушие и боится получить то, что ему причитается по заслугам, пытаюсь избежать правосудия, тот терпит неудачу. Он все равно не сможет избежать кармы, но он утратит и то, ради чего он шел на риск преждевременной встречи с ней. Именно поэтому, хотя карма столь постоянно и беспощадно избивала меня, используя моих врагов как свое бессознательное оружие, я и смогла все это выдержать. Я чувствовала уверенность в том, что Учитель не позволил бы мне погибнуть, что Он всегда появился бы в *одиннадцатый* час, — *и так оно и было на самом деле*. Три раза я была спасена Им от смерти; последний раз почти против моей воли; тогда я опять вернулась в этот холодный, греховный мир от любви к Тому, кто научил меня всему, что я знаю, и сделал меня тем, чем я являюсь. Поэтому я совершаю Его работу и выполняю Его указания, и это дало мне львиную силу для того, чтобы выдержать сокрушительные удары — физические и нравственные — одного из которых было бы достаточно, чтобы погубить любого теософа, если бы он усомнился в могущественной защите. Преданность Тому, кто служит для меня олицетворением долга, и вера в коллективную Мудрость этого великого, мистического и все же реального Братства святых людей, — это мое единственное достоинство и причина моего успеха в оккультной

философии. И, повторяя сейчас вслед за *Парагуру* — моего Учителя УЧИТЕЛЕЙ — те слова, которые Он высказал в своем послании к тем, кто хотел бы превратить Общество в «клуб чудес», вместо того, чтобы сделать его Братством Мира, Любви и взаимной Помощи: «Уж лучше пусть прекратит свое существование Теософское общество, и его несчастные основатели останутся не у дел», и я добавляю к этому, — пусть лучше пропадут двенадцать лет упорного труда и даже сама наша жизнь, чем свершится то, к чему сейчас намечается тенденция: теософы, преуспевающие на политических «рингах» в поисках личной власти и авторитета; теософы, критикующие и клеветующие друг на друга, как это могут делать только две соперничающие христианские секты; наконец, теософы, отказывающиеся вести *праведную жизнь* и вместо этого критикующие и стремящиеся опорочить величайших и благороднейших людей, потому лишь, что связанные своими мудрыми законами — древними и основанными на многотысячелетнем опыте человечества — эти Учителя отказываются взаимодействовать с кармой и быть на вторых ролях по отношению к любому теософу, взывающему к ним несмотря на свои собственные заслуги и прегрешения.

Если быстро не произойдут радикальные реформы в наших Американских и Европейских теософских обществах, — я опасюсь, что вскоре на весь мир останется лишь один центр теософских обществ и теософии, а именно — в Индии; к этой стране я возношу все молитвы моего сердца. Вся моя любовь и все мои устремления принадлежат моим возлюбленным братьям — сынам древней Арьяварты — родины моего УЧИТЕЛЯ.

ЧЕЛЫ И МИРСКИЕ ЧЕЛЫ

Поскольку слово *чела* вместе со многими другими было введено теософией в номенклатуру западной метафизики, а также потому, что область распространения нашего журнала постоянно увеличивается, для пользы наших, если не восточных, то во всяком случае западных, членов было бы полезно дать более точное, чем это было сделано до сих пор, определение значения этого термина и правил ученичества. Таким образом, «чела» — это тот, кто предложил себя в качестве ученика, чтобы на практике изучить «тайные мистерии природы и психические силы, дремлющие в человеке». Духовный учитель, которому он предлагает свою кандидатуру, в Индии называется *гуру*; и истинный гуру — это всегда адепт оккультной науки. Человек глубокого экзотерического и эзотерического знания, и прежде всего последнего; тот, кто подчинил свою телесную природу воле; тот, кто развил в себе самом две силы (*сиддхи*), одну для управления природными явлениями, и вторую для исследования тайны природы с помощью способностей своего существа, пребывавших ранее в скрытом состоянии, а теперь ставших активными, — таким должен быть истинный гуру. Предложить себя в качестве кандидата в челы достаточно легко, но превратиться в адепта — это наиболее трудная из задач, когда-либо выполняемых человеком. Имеется множество «прирожденных» поэтов, математиков, ремесленников, государственных деятелей, и т. п., но прирожденный адепт — это нечто практически невозможное. Ибо, хотя изредка мы слышим о ком-то, имеющем экстраординарные внутренние способности для приобретения оккультного знания и силы, все же даже такой человек должен проходить через те же самые тесты и испытания и совершать ту же самую самотренировку, что и любой менее талантливый человек, стремящийся к тому же. В этом смысле совершенно справедливо то, что не существует королевской дороги, по которой могли бы путешествовать люди, особо выделенные и обласканные судьбой.

В течение столетий выбор чел — помимо традиционной группы людей внутри *гонпа* (храма) — производился самими гималайскими Махатмами среди естественных мистиков в Тибете, где их довольно много. Единственные исключения были сделаны для людей Запада таких, как Фладд, Томас Воган, Парацельс, Пико делла Мирандола, граф Сен-Жермен и т. п., чья близость к этой небесной науке заставила этих далеко обитающих адептов вступить с ними в личные контакты и передать им малую (или большую) часть целостной истины, в той

мере, в какой это было возможно в окружающих их социальных условиях. Из книги IV Киуте, главы «Законы Упасан», мы узнаем, что чела должен обладать следующими качествами:

1. Совершенным физическим здоровьем;
2. Абсолютной нравственной и физической чистотой;
3. Неэгоистичностью своих целей; всеобщим милосердием; состраданием ко всем одушевленным существам;
4. Правдивостью и непреклонной верой в закон кармы, верой, не зависящей от какой-либо силы, которая могла бы на него повлиять: закон, действию которого не может помешать никакая иная сила, и который не может быть изменен молитвой или какой-нибудь экзотерической церемонией;
5. Смелость, бесстрашная в любой опасной ситуации, даже под угрозой смерти;
6. Интуитивное восприятие любого существа как проявление Авалокитешвары или Божественного Атмана (Духа);
7. Спокойная незаинтересованность, но в то же время высокая оценка всего, что составляет наш объективный и преходящий мир, в его отношении к невидимым областям.

Таковы, по меньшей мере, должны быть требования к тому, кто стремится к совершенному ученичеству. За единственным исключением первого пункта, который, в принципе, хотя и очень редко, мог быть модифицирован, все остальные должны были выполняться неукоснительно, и все они, в большей или меньшей степени, должны были быть развиты во внутренней природе челы БЕЗ ЧЬЕЙ-ЛИБО ПОСТОРОННЕЙ ПОМОЩИ, прежде чем он действительно мог быть подвергнут испытаниям.

Когда самосовершенствующийся аскет — находящийся внутри или вне обычного мира — достигал какого-то успеха в соответствии со своими способностями, он становился хозяином своих: 1) *шарира* — тела; 2) *индрия* — чувств; 3) *доша* — недостатков; 4) *дукха* — страданий; он был готов стать единым со своим *манасом* — разумом, *буддхи* — интеллектом, или духовным разумом, и *атмой* — высочайшей душой, т. е. духом. Когда он становится готов для этого, и к тому, чтобы увидеть в *атме* высшего правителя в мире чувств, а в воле — высшую созидательную энергию (силу), тогда он, в соответствии с освященными временем правилами, может быть взят одним из посвященных. Тогда ему возможно будет показан мистический путь, в конце которого он может быть обучен безошибочному различению *фала*, то есть результатов, произведенных причинами, и ему будут даны способы достижения *анаварга* — освобождения от страдания повторных рождений (процесса, в который не может вмещаться неведающий), и таким образом избежать *пратъябхава* — перевоплощения.

Но со времени образования Теософского общества, одной из важных задач которого было пробуждение в арийском сознании дремлющей памяти об этой науке и о трансцендентальных человеческих способностях, с тех пор правила выбора челы стали слегка менее строгими в одном отношении. Многие члены Общества, на практике убедившись в справедливости вышеизложенного, и справедливо полагая, что если кто-то ранее достиг цели, то и они, будучи внутренне готовы к этому, тоже могут достичь ее, следуя тем же самым путем, начали настаивать на их принятии в качестве кандидатов. И постольку отказать им, по меньшей мере, в возможности начать, означало бы вмешательство в действие кармы, а также потому, что они были столь настойчивы, — это было дано им. Результаты весьма далеки от того, чтобы быть обнадеживающими, данная статья предназначена как раз для того, чтобы показать этим несчастным причину их неудачи, а также предостеречь других от того, чтобы они опрометчиво выбирали себе подобную судьбу. Предполагаемые кандидаты, хотя их заранее открыто предостерегали против этого, ошибочно начинали смотреть в будущее с точки зрения собственного эгоизма, утрачивая при этом чувство прошлого. Они забыли, что ничего не сделали для того, чтобы заслужить редкую честь быть избранными; ничего, что оправдывало бы ожидания такой привилегии; что они не могли похвастаться ни одним из вышеперечисленных достоинств. Как люди эгоистического, чувственного мира, женатые или одинокие, торговцы, гражданские или военные служащие, представители ученых профессий, они принадлежали к той школе, которая была предназначена скорее для их поглощения животной природой, и в гораздо меньшей степени — для развития их духовных

способностей. И все же каждый из них и все они имели достаточно тщеславия, чтобы предполагать, что специально для них может быть сделано исключение из закона, существующего множество веков, как если бы в их личности в мир пришел новый *Аватар!* Все ожидали, что их научат тайным вещам, им будут даны сверхъестественные силы потому, что они просто присоединились к Теософскому обществу. Некоторые искренне решили внести улучшение в собственную жизнь и отказаться от своего неправильного пути; мы должны, во всяком случае, проявить к ним справедливость.

Поначалу все отказались, и президент, полковник Олькотт, в первую очередь; что касается последнего, то сейчас не будет никакого вреда в том, чтобы сказать, что формально он не был принят как чела до тех пор, пока не доказал в течение более чем года особых трудов и при помощи непредвзятого определения то, что его испытание может завершиться благополучным образом. Затем со всех сторон стали поступать жалобы — и от индусов, которые могли бы обо всем знать лучше, и от европейцев, которые конечно не могли ничего знать о правилах. Раздавались крики о том, что Общество не может этого вынести, хотя некоторым теософам и был дан шанс попробовать. Все иные благородные и бескорыстные пункты нашей программы игнорировались — долг человека по отношению к своему соседу, к своей стране, его обязанность помогать, просвещать, поощрять и поднимать тех, кто слабее и менее благополучен, чем он; все эти цели были попораны в их безумном стремлении стать адептами. Призыв к феномену, феномену, феномену без конца звучал повсюду, и основателям мешали в их действительной работе, безрассудно приставая к ним с просьбами вступить за них перед Махатмами, на которых обрушивался настоящий гнев, хотя все удары и пришлось на их бедных посредников. В конце концов, от высших авторитетов пришло извещение о том, что некоторые из наиболее настойчивых кандидатов могут быть приняты под их обещание. Результат этого эксперимента, возможно, показал бы лучше, чем множество молений, что означает ученичество и каковы могут быть последствия эгоизма и безрассудства. Каждого кандидата предостерегали, что в любом случае он должен ждать годами, прежде чем его готовность может быть подвергнута испытанию, и что он должен пройти через серию тестов, которые выявят все то, что есть в нем, будь оно плохим или хорошим. Почти все они были женатыми мужчинами, и поэтому были названы «мирскими челами» — термином, новым для английского языка, но давно имевшим свой эквивалент в азиатских языках. Мирской чела — это всего лишь человек этого мира, который подтверждает свое желание приобрести мудрость в духовных вещах. В действительности, каждый член Теософского общества, который признает две из трех наших декларированных целей, является таковым. Ибо, хотя он и не принадлежит к числу истинных чел, он все же имеет возможность стать одним из них, поскольку переступил через пограничную линию, отделяющую его от махатм, и отдал самого себя под их наблюдение. Присоединяясь к Обществу и связывая себя обязательством помогать в его работе, он принял на себя обязанность действовать в какой-то мере совместно с Махатмами, по повелению которых и было организовано наше Общество, остающееся под их покровительством. Присоединение к Обществу — это введение; все остальное полностью зависит от самого члена, и ему не следует никогда надеяться на некое особое благоволение от одного из наших махатм, или каких-либо других махатм, — если бы даже они и согласились бы стать им известными, — надеяться можно лишь на то, что получено посредством личных достижений. *Махатмы являются слугами, а не арбитрами закона кармы.* МИРСКОЕ УЧЕНИЧЕСТВО НЕ ДАРУЕТ НИКОМУ НИКАКИХ ПРИВИЛЕГИЙ, КРОМЕ ПРИВИЛЕГИИ РАБОТАТЬ РАДИ ТОГО, ЧТОБЫ СТАТЬ ДОСТОЙНЫМ, ПОД РУКОВОДСТВОМ УЧИТЕЛЯ. Будет ли чела видеть своего Учителя или не будет, не имеет никакого значения для результата: его добрые мысли, слова и дела принесут свои плоды, а злые — свои. Хвастаться мирским ученичеством или выставлять его напоказ, — это вернейший способ ослабить связь с гуру, свести ее просто к пустому названию, поскольку это будет *prima facie* [первейшее] доказательство бесполезности и непригодности такого человека для дальнейшего прогресса. Долгие годы близких отношений с Махатмами научили нас справедливости выражения: «Сперва заслужить, а потом желать».

В природе, как оказывается, действует ужасный закон, который не может быть изменен, и деятельность которого выявляет кажущуюся тайну выбора определенных «чел», которые, в течение нескольких последних лет, оказались не лучшими образцами

нравственного поведения. Помнит ли читатель старую поговорку: «Не будите спящую собаку»? В этой поговорке содержится глубокий оккультный смысл. Никто из мужчин или женщин не знает о своей собственной нравственной силе, пока он не подвергнет ее *испытанию*. Тысячи людей проходят вполне достойно через всю жизнь, поскольку они никогда не оказывались в экстремальной ситуации. Это безусловный трюизм, но он наиболее подходит к данному случаю. Тот, кто пытается вступить в ученичество, тем самым пробуждает и доводит до крайности все дремлющие страсти его животной природы. Ибо это начало борьбы за обладание, в которой не будет пощады. Это, раз и навсегда, «быть или не быть»; победа означает приобщение к АДЕПТСТВУ, неудача — позорное мученичество; поскольку пасть жертвой вождения, гордости, скупости, суетности, эгоизма, трусости, или любого другого из этих низших пристрастий, — это действительно позорно, если исходить из стандарта истинного человечества. Чела призван к тому, чтобы бесстрашно встречать не только все дремлющие наклонности своей природы, но и, кроме того, всю массу пагубных сил, накопленных в обществе и в нации, к которым он принадлежит. Ибо он представляет собой совокупность всех этих факторов, и то, что действует на отдельного человека или на группу людей (город или нацию), действует и на любого другого человека. В этом случае его борьба за добро наталкивается на все то зло, которое есть около него, и которое направляет против него всю свою ярость. Если он согласен идти вместе со своими соседями и быть почти такими же, как они — скажем, чуть лучше, или чуть хуже, чем средний человек, — то никто не обратит на него никакого внимания. Но пусть будет известно, что он способен обнаружить пустоту общественной жизни, ее лицемерие, эгоизм, плотские интересы, алчность и другие скверные качества, и что он решил поднять самого себя на более высокий уровень, — сразу же он будет подвергнут ненависти, и все плохое, фанатичное, тлетворное пошлет против него мощный поток энергии. Если он силен внутренне, то он стряхнет это с себя, так же как сильный пловец переправится через поток, который снесет вниз более слабого. Но если чела имеет хотя бы один скрытый недостаток, в этой нравственной битве он должен сделать, все, что может, то есть должен вынести его на ясный свет. Налет условностей, которыми «цивилизация» покрывает всех нас, должен быть полностью снят, и внутренняя сущность, без малейших покровов, скрывающих ее истинную природу, должна быть выставлена напоказ. Обычаи общества, которые в большей или меньшей степени налагают на человека моральные ограничения, заставляют его платить дань добродетели тем, что он кажется хорошим, вне зависимости от того, каков он на самом деле, — все эти обычаи должны быть забыты, а эти ограничения разрушены в связи с этим ученичеством. Он находится сейчас в атмосфере иллюзий — *майи*. Зло принимает свой наиболее соблазнительный вид, и заманчивые страсти пытаются завлечь неопытного ищущего в пучину психического унижения. Это вовсе не похоже на случай, описанный великим художником, когда Сатана играет в шахматы с человеком, и ставкой является его душа, в то время как добрый ангел последнего стоит около него, советуя и помогая ему. Ибо в данном случае происходит, борьба между волей челы и его плотской природой, и карма препятствует тому, чтобы какой-либо ангел или гуру вмешивался бы, пока результат не определен. Бульвер Литтон с живостью своей поэтической фантазии изобразил это нам в своей книге «Занони», которая еще будет когда-нибудь по достоинству оценена оккультными; а в своей «Странной истории» он показал темную сторону оккультного исследования вместе с ее смертельными опасностями. Один махатма дал недавно такое определение ученичества: это «психический растворитель, который уничтожает весь шлак и оставляет одно лишь чистое золото». Если кандидат имеет скрытое влечение к деньгам, или политической софистике, или к материалистическому скептицизму, или пустому хвастовству, ко лжи, грубости, к плотским удовольствиям всякого рода, — можно быть уверенным, что эти зерна прорастут; то же, с другой стороны, относится и к благородным свойствам человеческой природы. Проявляется истинный человек. Поэтому, не является ли верхом безумства, если кто-либо оставляет гладкий путь общепринятой жизни и хочет карабкаться на скалы ученичества, не обладая чувством уверенности в том, что его внутреннее содержание соответствует данному выбору? Об этом хорошо сказано в Библии: «Пусть стоящий обратит внимание на того, кто падает»; этот текст предполагаемые челы должны бы хорошо усвоить, прежде чем очертя голову броситься в драку! Для некоторых из наших мирских чел было бы лучше, если бы они подумали дважды, прежде чем стремиться к

испытаниям. Мы взываем к разуму нескольких бедных неудачников последнего года. Одному в голову пришло что-то плохое, он отрекся от благородных чувств, высказанных всего лишь несколько недель назад, и стал последователем религии, которую он только что презирал и считал бесспорно ложной. Другой стал банкротом и скрылся с деньгами своих сослуживцев, — а он также считал себя теософом. Третий отказался сам от великой распущенности и признался в этом выбранному им гуру, со слезами и рыданиями, но безрезультатно. Четвертый попался в ловушку, связав себя с человеком противоположного пола, и отпал от своих самых дорогих и верных друзей. Пятый обнаружил признаки умопомрачения и был доставлен в суд с обвинением в недостойном поведении. А шестой застрелил самого себя, чтобы избежать последствий уголовного преступления, будучи на грани разоблачения! И мы можем двигаться дальше и дальше в этом направлении. И все они, по-видимому, были искренними искателями правды и считались в мире достойными людьми. С внешней стороны, по своим проявлениям, они вполне могли бы быть признаны кандидатами в ученичество, но «внутри них была гнилая испорченность и кости мертвеца». Мирской налет был столь толстым, что скрывал отсутствие под ним истинного золота, и когда «растворитель» делал свое дело, то кандидат в каждом случае обнаруживал лишь позолоченную внешность морального шлака, от поверхности до самой сердцевины...

В том, что было рассказано выше, мы имели дело, конечно, с неудачниками среди мирских чел; в других случаях был также и некоторый успех, и они постепенно проходили через первые этапы своего испытания. Некоторые сделали себя полезными для Общества и всего мира в целом благодаря хорошему примеру и наставлениям. Если они еще держатся, то это хорошо как для них, так и для всех нас: хотя условия исключительно жестоки, но все же «нет невозможного для того, кто ХОЧЕТ». Трудности ученичества не уменьшатся до тех пор, пока не изменится человеческая природа и не разовьется новый характер. Св. Павел («К Римлянам», VII, 18-19), вероятно, имел в виду чела, когда сказал: «Желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю».

И в мудрой Киратаджанья Бхарави (XI, 32) написано:

Врагам, что в нас гнездятся до сих пор —
Страстям порочным — нужно дать отпор,
Тот, кто избавится от их оков,
Тот станет равным покорителю миров.

ПОСВЯЩЕНИЯ В МИСТЕРИИ

В тайном труде, посвященном Мистериям и ритуалам Посвящения, приведены весьма вольные, но тем не менее верные положения из сокровенных позиций и испытаний, которым подвергались послушники, обнаруживаются следующие подробности:

(1) Неофит — изображающий Солнце, подобно «Сахасракиране» «он обрамлен тысячью лучами» — показан коленапреклоненным перед Иерофантом. Последний в процессе представления отрезает семь локонов длинных волос неофита,⁴⁶ а в следующем — (2) — действию сверкающая корона послушника из золотых лучей сбрасывается и заменяется

---

⁴⁶ См., так же, «Книгу Судей» XVI, в которой Самсон, еврейский Геркулес, символически олицетворяющий Солнце, говорит, что потеря «семи кос головы его» лишает его (физической) силы, т. е. убивает материального человека, оставляя только духовного. Но Библия не дает объяснения, или, вернее, преднамеренно скрывает эзотерическую истину, заключенную в семи локонах семеричного физического, или земного, человека, отрезанного, и таким образом отделенного, от духовного. По сей день верховные ламы отрезают во время обрядовых посвящений локонов волос кандидатов для религиозной жизни, следуя правилу, с которого начинаются шесть последующих предписаний для «упасака», который ГОТОВ. Локон волос, как и тонзура римских католических священников, является данью тому же самому образу-мистерии.

венком, сплетенным из веток дерева с острыми шипами, символизирующим утрату.⁴⁷ Это представление разыгрывалось в Индии, а так же в транс-Гималайских регионах.

По мере становления «Совершенного», Сакридагамину (дословно «тому, кто обретет новое рождение») предстоит, среди прочих испытаний, спуститься в Паталу, «нижний мир», только пройдя это испытание, он может надеяться стать «Анагамином» — «тем, кто больше не должен возрождаться». У полного Посвященного перед вступлением на следующий Путь есть выбор: появиться, по своему усмотрению, в мире людей в человеческом обличье, или он может сначала сделать остановку в мире богов (Девакхане Посвященных), и только потом возродиться на нашей земле. Таким образом, на следующей стадии мы видим послушника, готовящегося к путешествию.

(3) Каждый вид искушения — у нас нет права перечислять их или говорить о них — имеет место на его пути. Если он выходит победителем над ними, то Посвященный продолжает дальше [свой путь], если он оступился — это задерживает его, а часто означает для него потерю [пути].

Эти ритуалы продолжаются в течение семи дней.

О «ГИМАЛАЙСКИХ БРАТЬЯХ»

Сэр, — «согласно авторитетному мнению одного адепта(?), они (теософы и мадам Блаватская) все являются медиумами, находящимися под влияниями низших духов». Такое высказывание допущено вами в редакционном обзоре «Окультурного мира» м-ра Синнетта («Спиритуалист», 17 июня 1881 г.). Недоумевая, как вообще могло возникнуть подобное мнение, я лично не нахожу в нем ничего вызывающего возражения, и более того, в другом месте вы сделали мне честь, высказав убеждение, что я являюсь «сильным физическим медиумом», — этот термин по крайней мере снимает с меня то подозрение, что я обычная обманщица. Это послание направлено скорее не против вас лично, но против притязаний предполагаемого «адепта». Также следует уделить внимание и другому вопросу для того, чтобы по возможности прояснить ситуацию.

В последние семь лет я являюсь одним из тех людей на земле, которые подвергаются наибольшим оскорблениям, и можно сказать, что я уже привыкла к подобным вещам. Поэтому я вряд ли взяла бы сейчас перо для того, чтобы защищать свой собственный имидж. Если люди, забывая о том, что я женщина, и к тому же пожилая, еще и настолько тупы, что не могут понять, что если бы я заявила о себе не только как о теософе и об одном из основателей нашего Общества, то я жила бы во всех отношениях — в материальном и социальном — лучше, с общепринятой точки зрения; и если, невзирая на все преследования и сопротивление, я продолжаю настаивать на том, что я ничего другого не сотворила, то кажется очевидным, что я не могу быть той шарлатанкой и притворщицей, какую некоторые люди видят во мне; и если люди этого не понимают — я действительно не могу помочь им. Глупые не могут, а умные не хотят видеть абсурдность такого обвинения, поскольку, как говорит Шекспир:

То, что привычно дуракам спускают,
В поступках мудрых сразу подмечают.

Итак, я требую места на ваших страницах не для того, чтобы защитить себя, а для того, чтобы ответить тем, чьи высказывания *ex-cathedra* [с кафедры] возмутили чувство

---

⁴⁷ Не нужно объяснять, что *Санджна* — чисто духовное сознание — это внутреннее восприятие неофита (или челы) и Посвященного; опаляющее воздействие на него земных чувств, символизируемых обжигающими лучами Солнца. Следовательно семь локонов соответствуют семи основным грехам, и подобно семи добродетелям, приобретенным Сакридагамином (кандидатом «для нового рождения»), они могут быть получены им только через суровое испытание и страдание.

справедливости у многих наших теософов в Индии, и защитить именно их — тех, которые имеют право на все самые благоговейные чувства, на какие способна моя природа.

Новоявленный корреспондент — один из тех опасных в своей анонимности типов, которые злоупотребляют литературной привилегией скрывать свое истинное имя и таким образом уклоняются от ответственности за одной или двумя заглавными буквами — в последнее время занял почетное место на страницах вашего журнала. Он называет себя «адептом»; это легче сделать, чем доказать, но по силам ли ему это? Прежде всего, на взгляд спиритуалистов, также как и скептиков, в общем-то не имеет значения, откуда родом «адепт» — из Тибета, Индии или из Лондона. Последний [скептик] будет настаивать на том, чтобы его [адепта] называли обманщиком; и первый [спиритуалист], хотя бы он [адепт] и доказал на деле свою силу, хотел бы, чтобы в нем видели медиума или фокусника. А Ваш «Дж. К.», заявляющий в «Спиритуалисте» от 24-го июня, что «феномены, сопутствующие истинным адептам, находятся в совершенно иной плоскости, чем спиритуализм», рискует — даже если он прав — тем, что оброненные им бранные слова вернуться к нему самому, причем с обеих затронутых им сторон.

Но если бы он мог доказать то, что утверждает, а именно: что он обладает силой, дающей человеку право называться посвященным, тогда он мог бы презирать такие эпитеты. Воистину так, — но я опять-таки спрашиваю: готов ли он к тому, чтобы подтвердить свое заявление? Прежде всего, язык, которым он пользуется, вовсе не таков, какой когда-либо был использован истинным адептом. Он насквозь догматичен и авторитарен, слишком насыщен оскорбительной клеветой по отношению к тем, кто никак не хуже или не ниже его самого; и ему совершенно не удастся убедить — не только непосвященных, но и тех, кто действительно знает кое-что об адептах и посвященных — в том, что он один из тех сведущих, к которым он апеллирует. Величая себя адептом, чей «иерофант является западным джентльменом», он несколькими строками ниже признается в полном своем незнании того, чего, по-видимому, никак не может не знать любой истинный адепт! Я говорю «не может», поскольку во всем свете нет ни единого признанного неопита, который бы не знал о Гималайском братстве. Санкция на получение последнего и высшего посвящения, истинного «слова, подобного слабому дуновению», может быть получена лишь от тех братств в Египте, Индии и Тибете, к одному из которых принадлежит «Кут Хуми Лал Сингх». Это верно, что бывает «адепт» и адепт, и они отличаются друг от друга, также как адепты от искусства или науки. Что касается меня, то я знаю в Америке сапожника, который рекламирует себя как «адепта в высоком искусстве изготовления парижской обуви». Дж. К. говорит о братьях «по духу», рассуждает о «божественной каббале, завершающейся в Боге», о «рабской магии» и т. д., и его фразеология окончательно убеждает меня в том, что он является лишь одним из тех дилетантов западного оккультизма, которые были столь хорошо представлены несколько лет назад франкопорожденными «египтянами» или «алжирцами», которые предсказывали людям их судьбу по *таро* и располагали своих посетителей внутри круга с тетраграмматоном, начертанном в центре. Я вовсе не утверждаю, что Дж. К. принадлежит к этим последним, но я прошу его призадуматься. Хотя он совершенно мне неизвестен и скрывается за своими двумя инициалами, я не последую его грубому примеру и не буду оскорблять его за все это. Но я еще раз повторю, что его язык выдает его. Если он каббалист, то и он, и его «иерофант» — это лишь посредственные самоучки средневековых, и так называемых «христианских», каббалистов; адептов, подобных Агриппе, Кунрату, Парацельсу, Вогану, Роберту Фладду и некоторым другим, которые открыли свое знание миру *лишь для того, чтобы лучше сокрыть его*, и которые не дали никакого ключа к нему в своих трудах. Он напыщен-но разглагольствует о своих собственных знаниях и силе, и переходит далее к суждениям о людях, о которых он не знает и не может знать ничего. О «Братьях» он говорит так:

Если они и являются истинными адептами, то они не проявили достаточно много мудрости, и организация, которая должна внедрять их учение, потерпела полное фиаско, ибо даже основы психических и физических принципов истинной теософии и оккультной науки совершенно неизвестны членам этой организации — Теософского общества — и не практикуются ими.

И откуда только он это взял? Быть может, теософы сделали его своим доверенным лицом? И если даже он что-то знает о британском Теософском обществе, то *что* он может

знать об аналогичном индийском Обществе? Если же он принадлежит к какому-либо из них, то он предаёт его целиком и является изменником. Но если это не так, то что он может сказать о его функционерах, поскольку и Общество в целом, и особенно его эзотерические секции, насчитывающие лишь очень немногих «избранных», — это конфиденциальные объединения людей?

Чем внимательнее я вчитываюсь в его статью, тем более меня забавляет высокомерный тон, преобладающий в ней. Если бы я была спиритуалистом, я была бы склонна заподозрить в ней доброго «гоака» Джона Кинга, инициалы которого совпадают с подписью Дж. К. Пусть он сперва познакомится с этим братом из «Западного Герметического кружка по исследованию духовного плана» и получит хотя бы самые общие сведения об адептах, чтобы не показать себя в ещё более смешном виде.

1. Ни один истинный адепт ни под каким видом и никогда не раскроет себя в этом качестве перед не посвящённым. Он никогда не позволит себе говорить пренебрежительно с людьми, которые, может статься, ничуть не глупее его самого, а во многих случаях и значительно превосходят его в мудрости. Но если бы даже теософы действительно были такими несчастными ми заблудшими созданиями, каковыми они рисуются в его воображении, то и тогда истинный адепт не стал бы их высмеивать, а попытался бы им помочь.
2. Никогда не было ни одного истинного посвящённого, который не знал бы о тайных братствах Востока. Исключение составляет Элифаса Леви, который отрицал их наличие, в то время как его аутентичная подпись говорит о совершенно противоположном. Даже П. Б. Рэндольф, этот удивительный, хотя и немного странный, американский гений, этот наполовину посвящённый провидец, получивший свое знание на Востоке, не сомневается в их действительном существовании, о чем можно найти свидетельство в его собственных работах.
3. Тот, кто разглагольствует о своем оккультном знании и рассказывает, как он применяет *свои* силы во имя какого-то определенного пророка, божества, или аватара является в лучшем случае всего лишь сектантским мистиком. Он не может быть адептом в том смысле, как это понимается на Востоке, т. е. *махатмой*, поскольку его суждение всегда будет сильно за висеть от тех предубеждений, которые он получил вместе со своей догматической религией.
4. Великая наука, названная вульгарной «магией», восточными знатоками определяется как «Гупта-Видья», которая охватывает все отдельные науки, поскольку она является высшей точкой знания и вершиной философии, и которая является универсальной; таким образом, как это верно замечено, она не может быть ограничена какой-либо особой нацией или привязана к определенной территории. Однако, поскольку Истина — *едина*, метод достижения высшего мастерства на пути к ней также неизбежно должен быть *единым*. Его нельзя разложить на части, ибо каждая отдельно взятая часть, предоставленная самой себе, будет, подобно лучам света, неизбежно стремиться от центра, а не к центру, который является конечной целью знания; и эти части могут снова стать *Целым* только если собрать их воедино, в противном же случае они так и останутся ничем иным, как отдельными лучами.

Этот триумф, который иные назовут элементарной математикой для маленьких мальчиков, следовало все же привести, чтобы освежить в памяти таких «адептов», столь легко забывающих, что «христианский каббализм» — это лишь часть *Универсальной* Оккультной Науки. И если они действительно считают, что им нечему больше учиться, то чем меньше они будут обращаться за сведениями к «восточным адептам», тем лучше будет и для тех, и для других. Существует лишь одна величественная дорога к «Божественной Магии»; не замечать и избегать ее — это значит специально выбирать одну из дорог, отходящих от этой главной магистрали, и подобно одинокому путнику при этом легко оказаться в лабиринте, из которого нет выхода. Я думаю, что магия существовала за тысячи лет до христианской эры; а если это так, то должны ли мы, вместе с нашими чересчур учеными друзьями — «западными каббалистами» — считать все это *черной* магией, практикуемой «Старой фирмой Дьявол и Ко.»? Но вместе со всеми людьми, которые знают, о чем они говорят, я заявляю, что все это не соответствует истине; что Дж. К., по-видимому, в высшей степени незнаком даже с той колоссальной разницей, которая существует между

каббалистом и оккультистом. Осведомлен ли он о том, что каббалист — по сравнению с оккультистом — выглядит как едва заметный холмик у подножия Гималаев по сравнению с Эверестом? О том, что известная еврейская каббала Симона Бен Иоханн это всего лишь искаженная версия ее первоисточника — великой халдейской «Книги Чисел»? Также как эта первая, с ее приспособленностью к еврейскому Закону, с ее смешанной международной англологией и демонологией, с ее Орфиэлями, Рафаэлями и греческими тетраграммами есть бледная копия халдейской, так и каббала христианских алхимиков и розенкрейцеров — это ничто иное, как исковерканное издание еврейской. Сосредотачивая оккультную силу и ее конкретные проявления в каком-либо одном национальном боге или аватаре — будь он Иеговой, или Христом, Брамой или Магометом, — каббалист все более отклоняется от единой расположенной в самом центре Истины.

И только лишь оккультист — восточный адепт — утверждает Свободного Человека, всемогущего благодаря своему Божественному Духу настолько, насколько может быть всемогущим человек на земле. Свободный от всех человеческих предрассудков и религиозных заблуждений; он в одно и то же время является и халдейским мудрецом, и персидским магом, и греческим волшебником, и египетским герметистом, и буддийским рахатом, и индийским йогой. Он собрал в один пучок все отдельные части Истины, рассеянные среди разных наций, и держит в своих руках Единую Истину, ярко светящийся факел, который никакой встречный ветер не может обратить вспять, задуть или поколебать. Он не является Прометеем, который крадет частицу Священного Огня и оказывается после этого прикованным к Кавказским горам для того, чтобы хищные птицы выклевали его внутренности, он имеет Бога внутри себя и не зависит больше от прихоти или каприза какого-либо доброго или злого божества.

Верно, что «Кут Хуми» обращается к Будде. Однако, это не потому, что братья воспринимают его в божественном свете или даже считают «Богом», но просто потому, что он есть Покровитель тибетских оккультистов, величайший из *иллюминатов* и адептов, самопосвященный своим собственным Божественным Духом, или «Богосущностью», во все тайны невидимой вселенной. Поэтому говорить об имитации «жизни Христа», Будды или Зороастра, или любого другого человека на Земле, которого та или иная нация считает своим богом и вождем, это значит показать себя самого сектантом, даже внутри каббализма, который сам является лишь частью единой «Универсальной Науки» — оккультизма. Последний — доисторичен, и является современником интеллекта. Солнце светит равно как для европейских христиан, так и для азиатских язычников, и я вынуждена признать, что последние воспринимают его с большей полнотой, чем предыдущие.

В конце концов, достаточно обратить внимание на то предложение более чем спорного достоинства, способное выйти скорее из-под пера иезуита, чем каббалиста, из которого следует, что «братья» это лишь филиал давно существующей фирмы «Дьявол и Ко.», чтобы убедиться в том, что Дж. К. не знает ничего, кроме «абракадабры», извлеченной из старых заплесневелых манускриптов христианского каббализма. Он может произвести некоторое впечатление своими напыщенными фразами, приправленными «*Anch'io son pittore!*» [«Я тоже художник!»], лишь на неискушенного дилетанта или несведущего спиритуалиста.

Поистине, не обязательно отправляться в Тибет или Индию, чтобы найти там какое-то знание и силу, «скрытое в каждой человеческой душе»; но приобретение высочайшего знания и силы требует не только многих лет тяжелейшего труда, озаряемого высшим разумом, и терпения, не сгибаемого никакой опасностью, но также и многих лет пребывания в относительном одиночестве, и общения лишь с немногими людьми, преследующими ту же самую цель; в таком месте, где сама природа, подобно неопиту, хранит абсолютную ничем не нарушаемую тишину, если не полное молчание; где воздух на сотни миль свободен от всяких гнилостных примесей; где атмосфера и человеческий магнетизм абсолютно чисты, где не проливается ни капли человеческой крови. Можно ли обрести такие условия в самом Лондоне, или хотя бы в любом маленьком провинциальном городке Англии?

«МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ»

Из всех феноменов, созданных оккультным способом и связанных с нашим Обществом, ни один не был засвидетельствован более широким кругом наблюдателей, или стал более широко известным и обсуждаемым в последних теософских публикациях, как таинственное продуцирование писем. Сам этот феномен был настолько хорошо описан в «Окултном мире» и других изданиях, что было бы бесполезно повторять это описание здесь. Наша нынешняя задача скорее связана с процессом, чем с явлением мистического образования писем. М-р Синнетт добивался объяснения этого процесса и получил следующий ответ от уважаемого махатмы, который ведет с ним переписку:

«...Помните, что эти письма не написаны, но внушены, или материализованы, и тогда все ошибки будут исправлены... Я был должен обдумать его, тщательно «сфотографировать» каждое слово и предложение в моем мозгу, прежде чем оно могло быть повторено при помощи материализации. Так же, как запечатление на химически обработанной поверхности изображений, созданных камерой, требует предварительной настройки фокуса на нужный объект, ибо иначе — как это часто случается с плохими фотографами — ноги сидящего могут появиться вне всяких пропорций с его головой, и тому подобное; необходимо сперва привести в порядок наши предложения и вообразить каждое письмо появившимся на бумаге в наших умах, прежде чем оно станет пригодным для прочтения. Для начала это все, что я могу сообщить вам».

С тех пор, как это было написано, Учителя соизволили разрешить отодвинуть завесу еще немного в сторону, и таким образом *modus operandi* [способ действия] может быть объяснен теперь более полно для непосвященного. Даже те, кто имеет поверхностное знание о месмеризме, знают о том, как мысли месмериста, хотя они и безмолвно сформулированы в его уме, мгновенно передаются уму воспринимающего человека. Для оператора, если он обладает большой силой, не является необходимостью находиться рядом с человеком для создания такого результата. Некоторые прославленные практики этой науки известны своей способностью погружать своих пациентов в сон даже на расстоянии нескольких дней пути. Этот хорошо известный факт будет служить для нас проводником в понимании сравнительно неизвестного вопроса, который обсуждается здесь. Письма, отвечающие на вопросы, передаются посредством некоторого вида психологического телеграфа; махатмы очень редко пишут свои письма обычным путем. Существует, так сказать, некая электромагнетическая связь на психологическом плане между махатмой и его челами, один из которых работает как его секретарь. Когда Учитель хочет написать письмо таким способом, он привлекает внимание чела, которого он выбрал для этой задачи, при помощи некоего астрального колокольчика (который слышали столь многие из членов нашего Общества, равно как и других людей), звенящего рядом с ним, таким же образом, как посылаются сигналы отправляющей телеграфной станцией — принимающей станции, перед телеграфированием сообщения. Затем мысли, появляющиеся в уме махатмы, облекаются в слова, произносимые мысленно, и усиленными астральными токами он посылает их к ученику таким образом, что они попадают в мозг последнего. Отсюда они передаются при помощи нервных токов к ладоням его рук и кончикам его пальцев, которые лежат на листе магнетически приготовленной бумаги. Поскольку эти мысле-волны запечатлеваются таким образом на тонкой бумаге, материалы для нее поставляется из океана *акаши* (проникающего между каждым атомом чувственно воспринимаемой вселенной) посредством оккультного процесса, описание которого заняло бы слишком много места...

Из всего этого совершенно ясно, что успех таких письменных сообщений, как вышеприведенное, главным образом зависит от следующего: 1) силы и ясности, с которыми мысли приводятся в движение; и 2) степени свободы принимающего мозга от искажений любого рода. Точно так же обстоит дело и с обыкновенным электрическим телеграфом. Если по той или иной причине в батареях, создающих электрическое напряжение, оно ниже того значения, которого требует данная телеграфная линия, или происходит поломка принимающего аппарата, передаваемое сообщение либо искажается, либо становится неясным и неразборчивым. Телеграмма, посланная агентом Рейтера из Симлы в Англию по

поводу распределения мнений в местном правительстве о законопроекте по процедуре искоренения преступности, который вызвал столь много дискуссий, дает нам намек на то, какие ошибки могут возникать в процессе материализации. Такие ошибки на самом деле очень часто возникают, как это можно заключить из того, что говорит махатма в вышеприведенном отрывке. «Помните», — говорит Он, — «что эти письма не написаны, но *внушены*, или материализованы, и *тогда все ошибки. будут исправлены*». Обратимся к поиску ошибок в материализации. Принимая к сведению обстоятельства, при которых появляются грубые ошибки в телеграммах, мы видим, что если махатма почему-то становится уставшим или позволяет своим мыслям блуждать в течение этого процесса, либо не может создать требуемую интенсивность в астральных токах, по которым передаются его мысли, либо же расстроенное внимание ученика создает нарушения в его мозгу и нервных центрах, все это служит большой помехой для успешного проведения процесса.

Это должно быть весьма огорчительно, что примеры вышеприведенных общих принципов нам не позволено опубликовать. В противном случае, автор настоящей статьи не сомневается в том, что те факты, которыми обладает он один, сделали бы эту статью много более интересной и поучительной. Однако, достаточно и вышеприведенного для того, чтобы дать читателям ключ ко многим несомненным тайнам, связанным с материализацией писем. Это должно удовлетворить всех честных и искренних спрашивающих и с особой силой повлечь их по пути духовного прогресса, единственному, который может привести к знанию оккультных феноменов; но нужно опасаться того, что страстное влечение к грубой материальной жизни столь сильно в современном западном обществе, что ничто не придет к ним до тех пор, пока их глаза будут закрыты для непрошеной истины. Они подобны свиньям Цирцеи, которые не сознавая своего грязного уродства, не задумываясь растоптали бы Улисса, пытающегося вернуть им их человеческий облик.

УМЕСТНЫЕ ВОПРОСЫ

Не могли бы Вы или кто-либо из ваших читателей просветить меня в отношении следующих вопросов:

1. Кто такой «йог»?
2. Может ли он быть поставлен наряду с Махатмой?
3. Можно ли поставить рядом с йогами и Махатмами Вишвамитру, Вальмики, Вашиштху и других риши?
4. Или только с Махатмами?
5. Или только с йогами?
6. Знали ли йоги оккультную науку?
7. Необходимо ли вегетарианство для изучения и развития оккультной науки?
8. Знали ли наши риши оккультные пауки?

Вы сделаете мне большое одолжение, пролив некоторый свет на эти вопросы.

Искренне ваш, Г. Н. Вакил
Бомбей, 30 апреля 1883 г.
161, Малабар Хилл

1. Слово «йог» в Индии весьма многозначно. Сегодня оно служит для обозначения очень грязного, покрытого коростой и лишенного одежды человека, который никогда не стрижет и не расчесывает свои волосы, покрывает себя от своего лба до пяток мокрой золой, совершает *пранаяму*, не осознавая ее истинного значения, и живет на милостыню. И лишь случайно это название относится к тому, кто достоин такого наименования. Однако, истинный смысл этого слова, если провести его этимологический анализ, покажет, что его корень — «юг», *соединять*, и таким

образом будет получено его реальное значение. Подлинный йог — это человек, который, отказавшись от материальных благ, порвал свою связь с миром и в результате более или менее продолжительного периода тренировок достиг воссоединения своей души с «Универсальной Душой», или «соединился» с Парабрахмом. Если под словом «йог» наш корреспондент подразумевает последнего индивидуума, а именно, того, кто связал свой 7-ой и 6-ой принципы, или атман и буддхи, и благодаря этому установил свои низшие принципы, или манас (животную душу и *персональное эго*) *en rapport* [в гармонии] с Универсальным Принципом, тогда —

2. Его можно поставить наряду с Махатмами, поскольку это слово означает просто «великая душа». Поэтому вопрос N 3 становится бессмысленным. Риши — во всяком случае те, в отношении кого можно доказать их действительное существование (поскольку многие из тех, кто упоминается под этим названием, являются в той или иной степени мифическими персонажами), конечно были «Махатмами» в широком смысле этого слова. Три названных нашим корреспондентом риши были историческими личностями и очень высокими адептами, достойными того, чтобы называть их Махатмами.
4. Они могут быть *Махатмами* (когда они становятся достойными этого названия) независимо от того, женаты они или дали обет безбрачия, в то время как они могут быть названы —
5. «Йогами», только когда они остаются в одиночестве, а именно, посвящают свою жизнь религиозному созерцанию, аскетизму и — безбрачию.
6. Теоретически каждый *настоящий* йог в той или иной степени знает оккультные науки; так сказать, он должен понимать тайну и символическое значение любого предписанного ритуала, так же как и правильный смысл аллегорий, содержащихся в «Ведах» и других священных книгах. Практически же, в наши дни можно встретить очень немногих йогов (если среди них вообще есть таковые), которые случайно знакомы с оккультизмом. Это зависит от степени их интеллектуального развития и религиозной набожности. Совершенно безгрешный, искренний, и все же невежественно набожный аскет, который не проник глубоко под покровы своей философской доктрины, сказал бы вам, что в Кали юге никому не позволено быть *практикующим* оккультистом, в то время как посвященный йог обязан быть оккультистом; во всяком случае, он должен быть достаточно могущественным для того, чтобы создавать все *второстепенные* феномены (непосвященный назвал бы даже подобные *малые* проявления — «чудесами») адептства. Однако нельзя встретить в мире подлинного йога, наследника мудрости арийских риши, который называл бы себя йогом в окружении непосвященных. Счастливы те, кому открыт весь мир и кто познает его из своих недостижимых *ашрамов*; в то время как мир (за исключением весьма немногих) не знает о них и отрицает само их существование. Но в действительности это не имеет для них большого значения, верят ли в них люди в целом, или даже знают ли они о них.
7. Изложение «оккультизма» на страницах нашего журнала было достаточно ясным для того, чтобы показать, что это есть наука, посредством изучения и практикования которой изучающий может стать МАХАТМОЙ. Статьи «Эликсир жизни» и «Краткие советы по эзотерической теософии» достаточно проясняют этот вопрос. Они также научным образом объясняют необходимость вегетарианства для целей психического развития. Прочитайте и изучите их, и вы увидите, почему вегетарианство, безбрачие и, особенно, полный отказ от вина и крепких спиртных напитков совершенно необходимы для «развития оккультного знания».

Поскольку вопрос N 8 теряет свой смысл ввиду всего вышесказанного, мы заканчиваем наше объяснение.

ДАЯНАНД САРАСВАТИ И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

РЕДАКТОРУ «ТЕОСОФИСТА»

МАДАМ: Данное сообщение, полученное из Бенареса, имеет исключительную важность. Пожалуйста, опубликуйте его на страницах Вашего журнала и дайте возможность Вашим читателям вынести свое суждение по этому вопросу.

Искренне преданный Вам, *пандит Гону Натх*, редактор «Mitra Vilasa».

«Введенные в заблуждение обманчивой репутацией Свами Дая Нанда Сарасвати, мы, нижеподписавшиеся, отправились к нему, чтобы послушать его ведические лекции и поступать в соответствии с его предписаниями. Но как только мы услышали его, мы убедились, что он не является истинным реформатором. Теперь наши заблуждения развеял наш ведический гуру пандит Джугул-кишоре Патхак, член Брахмамрит Варшини Сабха, и мы приносим покаяние, как велют наши шастры, за эту нашу ошибку и грех, и сим даем обещание никогда более не отклоняться от истинного и праведного пути, которому учит наш гуру.»

«Сита Рама, Бабу Нанд Панде»,

«Кришна Рама Шукул и Рама Прасда Дубе».

«Опубликовано пандитом Джугулкишоре Патхаком»,

«Брахмамрит Варшини Сабха, Бенарес».

ОТВЕТ РЕДАКТОРА

Мы вынуждены предоставить место для вышеприведенного манифеста в соответствии с нашей политикой совершенной беспристрастности, которая позволяет нам дать любой религии, секте и философской школе шанс быть беспристрастно выслушанными, а их поклонникам — защищать свои воззрения на страницах нашего журнала. Но мы делаем это с неким сожалением, ибо нет никаких философских доказательств того, что доктрины этого ученого пандита, Джугулкишоре Патхака, ради одобрения которых и написано это воззвание, являются более философскими, или в чем-либо более истинными, чем те, которые излагает Свами Даянанд Сарасвати. Как таковая, эта декларация является просто признанием своего мимолетного отступничества и публичным раскаянием в этой связи. Завтра ученики Свами Даянанда могут прислать нам свой ответ, и мы должны будем опубликовать его в нашем следующем номере согласно тому же самому принципу. И если вообще можно рассчитывать на извлечение какой-либо пользы из таких взаимных опровержений, то тогда пусть эти два ученых пандита предоставят нам, по крайней мере, в письменном виде все за и против своих толкований Вед; и таким образом дадут возможность беспристрастным читателям вынести свой вердикт по этому поводу. Иначе можно предположить, что такие обвинения и опровержения принесут больше вреда, чем пользы.

ЛАМЫ И ДРУЗЫ

Последняя работа м-ра Л. Олифанта «Страна Гилеад» привлекла к себе весьма значительное внимание. Сообщения о ней появились уже давно, но мы были вынуждены оставить этот вопрос в стороне до настоящего момента из-за недостатка места. Теперь же мы должны будем сказать кое-что, не о самой работе, — да и едва ли мы могли бы отдать всю дань справедливости этому даровитому автору, — но о том, что он сообщает относительно друзей, этих мистиков с горы Ливан, о которых известно столь немногое. Быть может, нам удастся пролить новый свет на этот вопрос.

Друз, — по мнению м-ра Олифаита, — прочно убежден в надвигающемся конце света. Недавние события столь сильно совпали с таинственными пророчествами священных книг, что он ожидает скорого воскресения эль-Хакима, основателя и божественного персонажа их секты. Для того, чтобы понять это, необходимо вспомнить о связи между теологией китайцев и друзей. Предположительно, души всех благочестивых друзей должны сконцентрироваться в определенных городах западного Китая. Конец света будет ознаменован наступлением могущественной армии с Востока, противостоящей соперничающим между собой христианству и исламу. Эта армия будет предводительствоваться Универсальным Разумом и будет состоять из миллионов китайских унитариев. Христиане и мусульмане покорятся им и обратятся к Мекке. Тогда появится эль-Хаким; по его команде Кааба будет разрушена небесным огнем и произойдет воскресение мертвых. В том, что ныне Россия вступила в столкновение с Китаем, друзья видят осуществление своих священных пророчеств и с нетерпением ожидают. Армагеддона, в котором, как они верят, им суждено сыграть немаловажную роль. («*Pioneer*».)

По нашему мнению, м-р Лоуренс Олифант является одним из лучших английских писателей. Он также ближе знаком с внутренней жизнью Востока, чем большинство писателей и путешественников, которые писали на эту тему, — не исключая даже Кэптена и г-жи Бартон. Но даже его тонкий и наблюдательный разум едва ли смог проникнуть в глубочайшие тайны верований друзей. Для начала: эль-Хаким не является основателем их секты. Их ритуалы и верования *никогда* не открывались ни для кого, кроме принятых в их братство. Происхождение их практически неизвестно. Мало что можно сказать о внешней стороне их религии, точнее о том, что становится известно о ней. Полагают, что друзья представляют собой результат смешения курдов, марди-арабов и некоторых других полукцивилизованных племен. Мы же позволим себе заявить, что они являются потомками и результатом смешения *всех наций* — мистиков, которые, перед лицом жестокого и безжалостного преследования ортодоксальной христианской церковью и ортодоксальным исламизмом, собирались вместе с самого начала распространения мусульманства и постепенно создали свои постоянные поселения в укреплениях Сирии и горы Ливан, где они сперва искали себе убежища. С тех пор они хранили полное молчание о своих верованиях и поистине оккультных ритуалах. Позднее, их воинственный характер, исключительная храбрость и единство целей вынудили равным образом и мусульман, и христиан пребывать в страхе перед ними и помогли им образовать независимую общину, или, как мы называем это, *imperium in imperio* [государство в государстве]. Они — это сикхи Малой Азии, и их государственное устройство сходно во многих отношениях с былым «содружеством» последователей гуру Нанак — приближаясь даже к их мистицизму и безграничной храбрости. Но оба эти сообщества еще теснее связаны с третьим, и еще более таинственным союзом единоверцев, о котором ничего, или почти ничего неизвестно посторонним: мы имеем ввиду братство тибетских ламаистов, известное как Братство Кхеланг, которое лишь в очень слабой степени поддерживает общение с остальными. Даже Чомо де Кёрёш, который провел у лам несколько лет, вряд ли узнал о религии *чакравартинов* (вращающих колесо) больше, чем то, что *они* позволили ему узнать о своих экзотерических ритуалах, а о кхелангах он не узнал вовсе.

Покров тайны, который навис над писаниями и религией друзей намного плотнее и менее проницаем, чем та тайна, которая связана с «учениками» Амритсара и Лахора,

грантха которых хорошо известна и много раз была переведена на европейские языки. Никто из европейских ученых никогда не видел предполагаемых сорока пяти священных книг⁴⁸ ливанских мистиков, не говоря уж о том, чтобы изучить их. Многие манускрипты никогда не покидали подземных холоев (мест для религиозных соборий), которые неизменно устраивались под надземными помещениями и которые служили для встреч, а публичные собрания друзей по четвергам являются просто ширмой, предназначенной для слишком любопытных путешественников.

Поистине странна эта секта «учеников Гамзы», как они сами себя называют. Их *окхал*, или духовный учитель, кроме того, что он должен защищать подобно сикхскому *акали*, видимое место для поклонения, которое представляет собой просто большую, необорудованную комнату, является также хранителем мистического Храма и «мудрым человеком», или *посвященным* в их мистерии, что подразумевает само их название *окхал*: *акл* в арабском языке означает «разум» или «мудрость». Неправильно называть их друзьями, так как они расценивают это как оскорбление; они и в самом деле являются не последователями *Дарузи*, еретического ученика Гамзы, но истинными учениками последнего. Происхождение этого человека, появившегося среди них в одиннадцатом веке, который пришел из Центральной Азии, и секретным или «тайным» именем которого было «эль-Хамма», — совершенно неизвестно нашим европейским ученым. Его духовными титулами были: «Источник Всего, или Разум», «Океан Света» и «Абсолютный или Божественный Ум». Короче, они были повторением титулов далай-ламы, которого называют «Путем к Океану»,⁴⁹ что означает Путь или «Дорогу к Океану Света» (Ума), и Божественную Мудрость — оба эти титула идентичны. Любопытно, что еврейское слово *Ламад* также означает «Бог-наставляющий». Один английский ориенталист недавно обнаружил, что религия Нанак содержит в себе многое от буддизма. (Статья «Diwali» в «Calcutta Review».) Это довольно естественно, поскольку Индийская империя — это страна будд и бодхисатв. Но то, что религия друзей, в географическом и этнографическом отношении отделенных от индусов непреодолимой пропастью, могла бы быть такой же, это гораздо более непостижимо и странно. И все же это факт. Они в большей степени ламаисты по своим верованиям и некоторым ритуалам, чем любой другой народ на нашей земле. Этот факт может опровергаться лишь по той причине, что Европе не известно практически ничего о том, ни о другом. Их государственное устройство считается феодальным и патриархальным, в то время как оно столь же теократично, как и система правления в ламаизме — или, вернее, как у сикхов. Таинственный образ божества проявляется в Гамзе, чей дух, как говорят, руководит ими, и периодически перевоплощается в личности главного *окхала* друзей, как это происходит и с гуру-царями сикхов, некоторые из которых, подобно гуру Говинде, провозглашали себя перевоплощениями Нанак, в то время как далай-ламы Тибета заявляют о себе как о перевоплощениях Будды. Между тем, последние свободно называются *шаберонами* и *хубилганами* (оба являются различными степенями перевоплощений не Будды, ЧЕЛОВЕКА, но его буддоподобного божественного духа) аббатом Юком и другими без всякого разбора в названиях: эль-Хамма или Гамза пришли из «Страны Слова Божия». Где была эта страна? Сведенборг, северный пророк, советовал своим ученикам искать ПОТЕРЯННОЕ СЛОВО среди жрецов у татар, в Тибете и Китае. Мы могли бы

---

⁴⁸ Сочинение, подаренное французскому королю Наср-Аллахом как часть Писаний друзей и переведенное «Petis de la Croix» в 1701 году, — это явная подделка. Ни одна из копий, содержащихся в Бодлеанской, Венской или Ватиканской библиотеках, не является подлинной, и кроме того все они представляют собой копии друг друга. Велико было всегда любопытство путешественников, и еще большими — усилия упрямых и назойливых миссионеров проникнуть за покров дружеского культа, но все они окончились безрезультатно. Сохранять строжайшую тайну о природе своих верований, странных ритуалов, совершаемых в подземных *холоях* и о содержимом своих канонических книг, приказали своим последователям Гамза и Бохаддин, их вождь и первый ученик последнего.

⁴⁹ Слово «лама» означает путь или дорогу на простонародном тибетском языке, но в своем фигуральном смысле оно несет в себе значение *продвижения*, как «движения к мудрости или спасению». Довольно странно, что оно также означает «крест». Это римская цифра X, или десять, символ *совершенства* или совершенное число, и оно означает десять у египтян, китайцев, финикийцев, римлян и т. д. Оно обнаруживается также и в светских календарях мексиканцев. Татары называют его *лама*, от скифо-туранского слова *ламх*, рука (по числу пальцев на обеих руках), и оно синонимично с *йод* халдеев, «и таким образом становится названием креста верховного жреца татар и ламаистского Посланника Бога», — говорит автор «Книги Бога»; «Комментарии на Апокалипсис». У ирландцев *луам* означает *главу церкви*, духовного лидера.

добавить к этому немного поясняющих и дополняющих фактов. Лхаса, теократическая столица Тибета, обычно переводится как «Божественная страна», и это, так сказать, единственный английский эквивалент, который мы можем найти.⁵⁰ Хотя и отделенный горной цепью Каракорума и малым Тибетом, великий Тибет находится на том же самом Азиатском плато, на котором расположено Памирское плоскогорье,⁵¹ которое рассматривается нашими библейскими учеными как колыбель человеческой расы, место рождения мифического Адама. Слово «Тибет», или «Ти-Бутта», этимологически дает нам слова «Ти», что является эквивалентом слова «Бог» в китайском языке, и «Будда», или мудрость: тогда эта страна будет страной Божественной Мудрости, или страной воплощенной Мудрости. Ее также называют «Бод-Джид». Слова «Джид» и «Джод» — это синонимы, апокалиптических и фаллических имен Божества — ЙОД является еврейским именем Бога. Годфри Хиггинс показывает в своей книге «Кельтские друиды», что уэльские друиды изменили имя Бод-Джид на Буддуд, которое также означало у них «Мудрость Джид», или того, кого ныне люди именуют «Богом».⁵²

Религия друзов — это, так сказать, сочетание иудаизма, мусульманства и христианства с сильной примесью гностицизма и персидской магической системы. Если люди называли бы вещи своими именами, принося все свое самомнение в жертву истине, они могли бы иначе смотреть на различные вещи. Они могли бы, например, сказать, что мусульманство является смесью учения халдеев, христианства и иудаизма; христианство — смесью иудаизма, гностицизма и язычества; и иудаизм — это в полной мере египетско-халдейский каббализм, замаскированный вымышленными именами и историями и приспособленный для разнообразных мелочей действительной истории еврейского народа. И тогда религиозная система друзов могла бы быть названа одним из последних реликтов древней Религии Мудрости. Она целиком основана на том элементе практического мистицизма, различные ветви которого обнаруживают время от времени свое присутствие. Они проходят под непопулярными названиями каббализма, теософии и оккультизма. За исключением христианства, которое — из-за той важности, придаваемой им главной подпорке своего учения о Спасении (мы имеем ввиду Сатану) — должно было бы предать анафеме практику теургии, каждая религия, включая иудаизм и мусульманство, поощряет вышеназванные ветви мистицизма. Цивилизация затронула своей материалистической всеуравнивающей и всеразрушающей рукой даже Турцию и Индию, и посреди шума и хаоса рушащихся вер и древних наук, вскоре исчезнет всякое воспоминание об архаической истине. Стало популярным и модным осуждать «старые и ветхие *суеверия* наших предков», — поистине, даже среди самых естественных союзников, изучающих теургию или оккультизм, — спиритуалистов. Среди многих верований и убеждений, стремящихся следовать циклическому потоку и помочь ему самому смыть и уничтожить знание древности, и удивительным образом не видящих того факта, что та же самая могучая волна материализма и современной науки уничтожит также и их собственные основания, — единственными религиями, которые продолжали столь же живо воспринимать эти забытые истины древних, как и всегда, являются те, которые с самого начала держались в стороне от остальных. Друзы, которые внешне смешались как с мусульманами, так и с христианами, и даже всегда были готовы читать Коран наравне с Евангелиями на своих публичных собраниях по четвергам, никогда не позволяли непосвященному чужеземцу проникнуть в тайны их собственных учений. Один лишь ум⁵³

---

⁵⁰ И это также самый неудовлетворительный термин, как как у ламаистов пет концепции антропоморфного божества, которую представляет английское слово «Бог». Фо, или Будда (последнее имя совершенно неизвестно обычным людям) — это их эквивалент для выражения Вездесущего, Высшего Добра, или Мудрости, от которой все происходит, как свет от солнца, причина, которая является не персональным, но просто Абстрактным Принципом. И это именно то, что из-за отсутствия лучшего слова, мы должны называть во всех наших теософских работах «Богоподобным» и «Божественным».

⁵¹ В Центральной Азии есть несколько Памиров. Существует Аличурский Памир, лежащий севернее великого Памира с озером Виктория (Зор-Куль) неподалеку, Тагдумбаст Памир и, южнее, малый Памир; а на востоке другие хребты Памира разделены ущельем Мустаг и Малым Гуньялом. Мы хотели бы знать, на каком же из них должны мы искать сады Эдема?

⁵² Название святилища на иврите — *Теба*, *Ту-бутта* и *Тебет*, также колыбель человеческой расы. Слово *Тебет* означает «ящик» — «ковчег» Ноя и плавающую колыбель Моисея.

⁵³ Друзы выделяют три принципа в человеке: тело, душу и ум — «Божественную Искру», которую теософы называют «духом».

общается с душой (которая у них смертна, хотя она и переживает тело), дарующая жизнь и божественная искра Высшей Мудрости, или *Ti-meami*, — говорят они, — но это должно быть сокрыто от всех, кто не верит в Гамзу. Задачей души является поиск мудрости, а сущность земной мудрости — это познание Универсальной Мудрости, или «Бога», как называют этот принцип приверженцы других религий. Таково же и учение буддистов и ламаистов, которые говорят «Будда» там, где друзья говорят «Мудрость» — одно слово является переводом второго. «Несмотря на всю внешнюю адаптацию религиозных обрядов мусульман, на свою готовность обучать своих детей в христианских школах, использование ими арабского языка и их свободное общение с чужеземцами, друзья остаются даже более своеобразным народом, чем евреи», — говорит автор. Они очень редко, если вообще когда-либо, переходят в другую веру, они заключают браки только внутри своего народа, и очень упорно придерживаются своих традиций, *опрокидывая любые попытки раскрыть их свято хранимые тайны*. И все же они не фанатичны и не хотят никого обращать в свою веру.

В своем «Путешествии через Татарию, Тибет и Китай» Юк с большим удивлением говорит об исключительной терпимости и даже видимом уважении, которое проявляют тибетцы к другим религиям. Великий лама, или «живой Будда», как он называет его, которого два миссионера встретили в Чоанг-Лонг около Кумбума, определенно превзошел их в воспитанности, так же как и в такте и уважении к их чувствам. Однако, два француза не поняли и не оценили этот поступок, поскольку они были, по-видимому, полны гордости за то оскорбление, которое они нанесли *хубилгану*. «Мы ожидали его ... сидя на кане ... и нарочно не вставали, чтобы встретить его, но просто слегка поклонились ему», — хвастается Юк (том 2, стр. 35-36). Хотя великий лама «не проявил смущения», видя, что они так «намеренно» отказались от его «приглашения садиться», он лишь «удивленно» смотрел на них, насколько он мог бы быть удивлен. Его внимание привлек их тревник, и он попросил «позволения рассмотреть его», а затем, поднеся его «торжественно к своему лбу», он сказал: «Это *ваша* молитвенная книга; вы должны всегда чтить и уважать молитвы других людей». Это было хорошим уроком, и все же они не поняли его. Хотели бы мы увидеть такого христианского миссионера, который почтительно подносит к своему лбу «Веды», «Трипитаку» или «Грантху», и публично оказывает почтение молитвам других народов! В то время как тибетский «дикарь», языческий хубилган был полон любезности и вежливости, два французских «ламы Иеговы», как называет себя и своего спутника аббат Юк, вели себя подобно двум необразованным уличным хулиганам. И подумать только, они еще гордятся этим в печати!

Ламаисты не в большей степени чем друзья озабочены прозелитизмом. У обоих народов есть свои «школы магии» — в Тибете они находятся в некоторых *ла-кхангах* (ламаистских монастырях), а у друзей — в тщательно охраняемых крипах посвящения, так что никакой чужеземец даже не допускается внутрь зданий. Так же, как тибетские *хубилганы* являются воплощениями духа Будды, так и дружские *окхалы* — которые ошибочно называются некоторыми авторами «спиритуалистами» — это воплощения Гамзы. Оба народа имеют упорядоченную систему паролей и знаков для распознавания среди неофитов, и мы знаем, что они практически идентичны, поскольку в какой-то мере они применяются и у теософов.

В мистической системе друзей есть пять «посланников» или толкователей «Слова Высшей Мудрости», которые занимают то же самое положение, что и пять верховных бодхисатв, или хубилганов Тибета, каждый из которых является физическим храмом духа одного из пяти будд. Посмотрим, что можно узнать об этих двух классах. Имена пяти главных «посланников» у друзей, или скорее их титулы — так как эти имена являются родовыми в дружской и тибетской иерархиях, и титул передается после смерти каждого из них к его наследнику, — таковы:

1. *Гамза*⁵⁴ или «эль-Хамма» (духовная мудрость), которого рассматривают как мессию, через которого говорит Воплощенная Мудрость.

---

⁵⁴ Весьма любопытно, что друзья отождествляют своего Гамзу с Хемсой, дядей пророка Магомета, который, как они говорят, устав от мира и его обманчивых искушений, притворился умершим во время Дходской битвы в 625 г. н. э. и удалился в цитадели великой горы в Центральной Азии, где и стал святым. Он *никогда* не умирал духовно. Когда он появился среди них через несколько сотен лет, он пребывал в своем втором духовном теле, и когда их мессия исчез, основав братство, лишь *Селама* и *Бохазддин* знали о месте уединения своего Учителя. Только им было известно о тех телах, в которых он пребывал, последовательно перевоплощаясь, — так как ему не было позволено умереть до возвращения *Высшего Посланника*, последнего

2. *Исмаил*, или *Ti-teamí* (универсальная душа). Он готовит друзей к получению «мудрости» перед их посвящением.
3. *Мохаммед* (Слово). Его обязанность состоит в наблюдении за поведением и нуждами братьев; это своего рода епископ.
4. *Селама* («Предшествующий»), называемый «Правым Крылом».
5. *Мокшатана Бохаэддин* («Последующий»), именуемый «Левым Крылом».

Двое последних являются посланниками между Гамзой и Братством. Над этими живыми посредниками, которые всегда остаются неизвестными для всех, кроме верховных окхалов, находятся десять посвященных «Высшей Мудрости», последний из которых должен вернуться в конце цикла, который уже близится, — хотя никто, кроме эль-Хамма, не знает его дня, — этот последний «посланник», согласно циклическому повторению событий, есть также первый, кто пришел с Гамзой, а следовательно, Бохаэддин. Имена дружеских посвященных таковы: Али Аллал, который появился в Индии (предположительно, Кабир); Албар, в Персии; Элия, в Йемене; Моилл и Кахим, в Восточной Африке; Моисса и Хадди, в Центральной Азии; Албу и Мансур, в Китае; и Буддия, то есть, Бохаэддин⁵⁵ в Татарии, откуда он пришел и куда он вернется. Некоторые говорят, что этот последний был на земле *двуполым*. Войдя в эль-Хакима — халифа, злобного чудовища, — он вынудил его покончить с собой, и затем послал Гамзу, чтобы учить и основать Братство в Ливане. Эль-Хахим здесь всего лишь маска, ибо они ожидают именно Буддия, то есть, Бохаэдина.⁵⁶

А теперь о ламаистской иерархии. Существует также пять живых, или воплощенных, будд, главный из которых — далай, или скорее талай, лама — от *тал*, «океан» или море; его называют «Океаном Мудрости». Над ним, как и над Гамзой, находится лишь «ВЫСШАЯ МУДРОСТЬ» — абстрактный принцип, из которого изошли пять будд, включая и будду Майтрею (последний бодхисатва, или Вишну в Калки аватаре), десятый «посланник», ожидаемый на земле. Но это будет Единая Мудрость, и она воплотится во все человечество в целом, а не в некую отдельную личность. Но об этой тайне сейчас нельзя сказать большего.

Эти пять «хубилганов» располагаются в следующем порядке:

1. Талай-лама, в Лхассе — воплощение «духовной» «пассивной» мудрости, которая исходит от Гаутамы, или Сиддхартхи Будды, или *Fo*.
2. Панчен римпоче, в Ташилунпо. Он является «активной земной мудростью».
3. *Sa-Dcha-Fo*, или «Глашатай Будды», иначе говоря, «слово» в *Ssamboo*.
4. *Khi-sson-Tamba* — «Предтеча» (Будды) у Великого *Kooren*.
5. *Tchang-Zya-Fo-Lang*, в алтайских горах. Его называют «Наследником» (Будды).

«Шабероны» находятся одной ступенью ниже. Они, подобно главным окхалам друзей, являются *посвященными* великой мудрости буддийской эзотерической религии. Этот двойной список «Пяти» показывает большое сходство по крайней мере между строением двух систем. Читатель должен держать в уме, что они получили свое нынешнее *видимое* состояние примерно в одно и то же время. Современный ламаизм в период с девятого по пятнадцатый век развил свой ритуал и народную религию, которая столь слепо служит хубилганам и шаберонам, даже вопреки любознательности среднего китайца или тибетца. В одиннадцатом веке Гамза основал Братство Ливана; и до сих пор никто не проник в его тайны!

В высшей степени странно то, что и ламы, и друзья обладали одинаковой мистической статистикой. Они считают количество людей в человечестве как 1332 миллиона. Они говорят, что когда добро и зло придут в равновесие на весах человеческих деяний (ныне зло сильно перевешивает), тогда дыхание «Мудрости» в одно мгновение уничтожит 666

или одного из *десяти* аватар. Он один, ныне невидимый и ожидаемый, стоит выше Гамзы. Но это не «эль-Хахим», как это ошибочно полагают, не фатимидский халиф с дурной репутацией.

⁵⁵ Одним из имен Минервы, богини мудрости, было *Будея*.

⁵⁶ В системе друзей нет места для личного божества, хотя некоторая часть божественной безличной и абстрактной мудрости и воплощается в смертного человека. Божественный принцип у них является сущностью Жизни, Всего, и он столь же безличен, как и Парабрахм ведантистов или состояние нирваны буддистов, вечно невидимый, всепроникающий и непостижимый, он не поддается познанию лишь посредством случайных воплощений его духа в человеческой форме. Эти описанные выше десять воплощений, или человеческих аватар, называются «Храмами *Ti-team*» (Универсального Духа).

миллионов людей. В оставшиеся 666 миллионов людей воплотится «Высшая Мудрость».⁵⁷ Это могло иметь, и вероятно имеет, некое аллегорическое значение. Но каким образом это соотносится с числом «великого Зверя» в «Откровении» Иоанна?

Если бы было больше, чем сейчас, известно о религиях Тибета и друзов, тогда ученые увидели бы, что существует много большее сходство между туранскими ламаистами и семитскими «эль-хаммитами», или друзами, чем это когда-либо предполагалось. Но когда бы писатели ни говорили об одной или другой из них, все это является тайной, догадкой и просто предположением. То немногое, что стало известно об их верованиях, обычно столь искажается предубеждением и невежеством, что никакой ученый лама или друз никогда не смог бы распознать и проблеска сходства со своей верой в этих спекулятивных фантазиях. Даже глубокое и многозначительное заключение, к которому приходит м-р Хиггинс («Кельтские друиды», часть I, 101), сколь бы оно не было правдиво, все же лишь наполовину правда.

Очевидно, — пишет он, — что существовала *тайная наука*, которой обладали кое-где (древние), и которая должна была сохраняться посредством торжественной клятвы ... и я не могу сомневаться в том, что *все еще существует тайная доктрина*, известная лишь в глубоком уединении тибетских крипт...

Но закончим с друзами: так как *Селама* и *Бохазддин* — два имени, которые очень сильно напоминают слова «лама» и «будда», — это единственные, кто были посвящены в тайну убежища Гамзы и имели возможность советоваться со своим учителем, они передают время от времени его указания и приказы Братству, поэтому и по сей день окхалы этого имени совершают каждый *седьмой* год паломничество через Бассору и Персию в Татарию и Тибет, на самый восток Китая, и возвращаются по истечению одиннадцатого года, принося с собой новые распоряжения «эль-Хамма». И лишь в прошлом году, ожидая войны между Китаем и Россией, друзский посланник прошел через Бомбей на своем пути в Тибет и Татарию. Это могло бы объяснить «суеверное» убеждение, что «души всех благочестивых друзов, как полагают, должны собираться в больших количествах в некоторых городах Китая». Около плато Памира, — говорят они вместе с библейскими учеными, — помещается колыбель человеческой расы: но это колыбель лишь *посвященного* человечества; тех, кто с самого начала вкусил от плода познания, и в Тибете, Монголии, Татарии, Китае и Индии, где также души их благочестивых и посвященных братьев перерождаются и вновь становятся «сынами Бога». То, что означает этот язык, должен знать каждый теософ. Они лишают доверия басню про Адама и Еву и говорят, что первыми, кто вкусил от запретного плода и таким образом стали «Элохим» были Енох, или Гермес (предполагаемый отец масонства), и Сет, или Сат-ан, отец тайной мудрости и учения, местопребыванием которого является ныне планета Меркурий,⁵⁸ и кого христиане по своей доброте превратили в главного дьявола, «падшего ангела». Их носитель зла — это абстрактный принцип, называемый «Соперником».

«Миллионы китайских унитариев» могут с той же легкостью означать тибетских лам, индусов и других людей Востока, как и китайцев. Это правда, что друзы верят и ожидают дня своего воскресения в Армагеддоне, название которого, однако, они произносят другим образом. Так как такая фраза имеет место в «Апокалипсисе», то некоторым может казаться, что они взяли это представление из «Откровения» св. Иоанна. Однако, ничего подобного. Это день, когда, согласно учению друзов «будет завершен великий духовный

---

⁵⁷ У индусов есть подобное верование. В «Дева юге» все они будут девами, или богами. См. «Лам-рим чен-мо», или «Великий Путь к Пробуждению», сочинение пятнадцатого века. Автор этой книги — великий реформатор ламаизма, знаменитый Цзонкапа, из волос которого выросло знаменитое кумбумское буквенное дерево, — дерево, все листья которого, согласно традиции, покрыты священными тибетскими надписями. Это дерево видел около сорока лет назад аббат Юк. а в прошлом году — венгерский путешественник граф Жичны, который, однако, принес свои извинения, что он *не смог* из-за своего физического окружения, унести его ветку, как он собирался это сделать.

⁵⁸ Будда — сын Майи и (согласно брахманическому толкованию) Вишну; «Майя» — это мать Меркурия и Юпитера. Будда означает «мудрый», и Меркурий (Гермес) — это бог мудрости; планета, посвященная Гаутаме Будде — это Меркурий. Венера и Изида покровительствовали мореплаванию, как и Мариама или Мария, тепершняя Мадонна. Разве не последняя воспевается сегодня Церковью:

Ave Maris Stella...

Dei Mater Alma, —

или: «Славься, Звезда Моря, Матерь Божья», — и отождествляется таким образом с Венерой?

план — тела мудрецов и правоверных будут поглощены абсолютной сущностью и преобразованы из множества в ЕДИНОЕ». Это в точности буддийская идея о нирване и представление о конечном погружении в Парабрахм у ведантистов. Из-за своего «персидского магизма и гностицизма», они рассматривают св. Иоанна как Оан-неса, человека-рыбу халдеев, а следовательно связывают свою веру сразу и с индийским Вишну, и с ламаистской символогией. Их «Армагеддон» — это просто «Рамдагон»,⁵⁹ и вот как это объясняется.

Христиане истолковывают эту фразу в «Откровении» не с большим успехом, чем и другие отрывки, в то время как даже евреи-некаббалисты кое-что знают о ее истинном значении. Армагеддон ошибочно принимают за географическую местность, а именно, за возвышенное плато Ездразлон, или *Армагеддон*, «гору Мегиддо», где Гедеон одержал победу над мадианитянами.⁶⁰ Это ошибочное представление, потому что это название в «Откровении» относится к мифическому месту, упоминаемому в одной из наиболее древних традиций языческого Востока, особенно среди туранских и семитских народов. Это просто вид искупительного Элизия, в котором собираются духи умерших в ожидании дня последнего суда. То, что это так, доказывает стих из «Откровения»: «И он собрал их на место, называемое ... Армагеддон» (XVI, 16), когда «Седьмой Ангел вылил чашу свою на воздух». Друзья произносят название этой таинственной местности, как «Рамдагон». Весьма вероятно, что это слово является анаграммой, как это показано автором «Комментария к Апокалипсису». Оно значит «Рама-Дагон»,⁶¹ причем первое слово обозначает Солнечного Бога с таким именем, а второе — «Дагона», или Святую Мудрость у халдеев, воплощенную в их «Посланнике», Оаннесе — Человеке-Рыбе, и низошедшую на «Сынов Бога» или посвященных во всех странах; короче говоря, тех, посредством которых Божественная Мудрость время от времени открывает себя миру.

АВАТАРЫ

Семь [сфер]⁶² Бхуми пронизаны золотыми нитями [излучениями или сияниями], исходящими от Духовного центрального Солнца [или «Бога»]. Над каждой [сферой] поставлен надзиратель. Суры спускаются по этому [лучу]. Проходя через шесть, они

---

⁵⁹ Рама солнечной расы является воплощением Вишну, Солнечного Бога. В виде «Махха», или первого аватара, ради спасения человечества от полного уничтожения (см. Вишна Пурану), этот бог появился в виде гигантской рыбы с огромным рогом перед царем Сатьявратой и семью мудрецами, которые были его спутниками на корабле, предназначенном для спасения от Всеобщего Потопа. Хари приказал царю привязать судно к этому рогу при помощи змеи (символа вечности), а не веревки. Талай-лама, кроме названия «Океан», также именуется *Sagou*, что на тибетском языке означает «единорог», или однорогий. Он одевает в качестве головного убора знаменитый рог, который завершается *Yung-dang*, или мистическим крестом, свастикой индусов и джайнов. «Рыба» и море, или вода, — это наиболее архаические символы мессий, или воплощений божественной мудрости, у всех древних народов. Рыбы играли большую роль в изображениях на старых христианских медалях; и в римских катакомбах «Мистический Крест», или «Якорь», находится между двумя рыбами, которые поддерживают его. «*Dagh-dae*» — это имя матери Заратуштры, означающее «Божественную Рыбу» или Святую Мудрость. «Движущийся по Воде», назовем ли мы его «Нараян», или Абатур (Высший Отец и «Ветхий Днями» в каббале), или «Дух Святой», — это одно и то же. Согласно «Кодексу Назореев», «Каббале» и «Книге Бытия», Святой Дух, двигаясь по воде, отразился в пей, — «и был рожден Адам Кадмон». Маге — это море на латыни. Вода связана с любым вероучением. И Мария, и Венера являются покровительницами моря и моряков, — и обе они матери богов Любви, Божественной или Земной. Мать Иисуса называется Мариам или Мария — это слово в иврите означает *зеркало*, то есть то, в чем мы видим не действительность, а лишь отражение; за 600 лет до христианства жила *Майя*, мать Будды, имя которой означало *иллюзию*, то есть абсолютно то же самое. Другое любопытное «совпадение» наблюдается при выборе нового далай-ламы в Тибете. Новое воплощение Будды удостоверяется посредством гадания на трех золотых рыбках. Закрыв себя в Будда-ла (храме), хубилганы помещают трех рыбок в один сосуд, и на одной из них, этих древних символов мудрости, вскоре появляется имя ребенка, в которого предположительно переместилась душа покойного талай-ламы.

⁶⁰ И это не «долина Мегиддо», ибо такая долина вообще неизвестна. И библейский идеи д-ра Робинсона — это не более, чем гипотезы.

⁶¹ Рам — это также чрево и долина, а в тибетском языке — «козел». «Даг» — это рыба, от «Дагона», человека-рыбы, или совершенной мудрости.

⁶² В каждой древней космографии земля и вселенная поделены на семь частей или сфер.

достают до Седьмой [нашей земли]. Они являются приверженцами [или хранителями] нашей матери земли [Бхуми]. Над [семью] надзирателями поставлен восьмой.

Суры в Ведах являются божествами, или существами, связанными с Солнцем; в своем оккультном значении они — семь главных надзирателей, или хранителей нашей планетарной системы. Они, безусловно, идентичны «Семи Духам Светил». Суры ассоциируются в практическом оккультизме с Семью йогическими принципами. Один из них, Лагхима[н], или «способ приобретения легкости», рассматривается в Пуране как спуск и подъем вдоль солнечного луча к солнечному шару во время мистерий; например, Кхатванга, в «Вишну Пуране» (кн. IV). «Должно быть, Адепту довольно легко спускаться по лучу вниз», — иронизирует Фитжедворд Холл (стр. 311). Почему бы и нет, если действие подразумевается в прямом и переносном смысле?

Восемь великих Богов часто рассматриваются как восемь точек окружности — четыре кардинальные и четыре вспомогательные точки, — которые, в свою очередь, контролируются низшими Лока Палами, или «двойниками» высших Богов. Однако во многих случаях число восемь представлено только как своего рода экзотерическая оболочка. Каждый земной шар, тем не менее, разделен на семь сфер, точно также как $7+7=49$ — *par excellence* [в высшей степени] мистическое число.

Поясим: в каждой из семи Корневых Рас и в каждой из семи сфер, на которые Оккультная Доктрина делит наш земной шар, с зарождения Человечества появляется «Надзиратель», поставленный в вечности Эоном. В первый раз он появляется в своем собственном «обличии», в последующих воплощениях — как Аватар.

БУДДИЗМ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ХРИСТИАНСТВА

По случаю выхода в свет очередной псевдовосточной панихиды⁶³ «сэра Монье Монье-Уильямса, кавалера ордена Индийской империи 2-й степени», востоковеда христианского толка, «периодика» не упустила возможность сунуть шпильку в ребро некоторым действительным и бывшим членам Теософского общества. Мы имели возможность лично познакомиться с выборочными суждениями «новоиспеченного» лектора в Эдинбурге и поэтому позволим себе усомниться в некоторых выкладках его новой книги. Ранее мы уже писали («Люцифер», апрель, 1888), как этот «востоковед», о котором идет речь, глумится над скромным названием «Свет Азии», пытаясь показать его бледным в сравнении с претенциозным названием «Свет Вселенной» — парадоксальная, в некоторой степени, похвальба перед человечеством, которое более чем на две трети состоит из необращенных буддистов и «язычников». Но такое заумствование, такое извращение исторических фактов и дат в угоду сектантским убеждениям не новость для любого читателя. Этот *modus operandi* [механизм действия] так же стар, как назарейская вера, и образ «миссионера» знаком каждому поклоннику Будды, *par excellence* [в высшей степени] СВЯТОГО ЧЕЛОВЕКА. Поэтому мы оставляем *onus probandi* [бремя доказательств] — достаточно легкое занятие среди публики, верящей всем слухам и домыслам, а также при наличии добровольных распространителей сплетен — искушенному автору, который, доказывая недоказуемое, умело использует старый миссионерский трюк, утверждая, что «буддизм — всего лишь дьявольская имитация христианства».

---

⁶³ Новой работы, составленной из наспех скомпонованных лекций сэра Монье Монье-Уильямса, кратко и исчерпывающе озаглавленной: «Буддизм, как аналогия брахманизму и индуизму и противоположность христианству».

А что ему остается делать, если единственное, что имеет значение во времена сплошного шарлатанства, это деньги? Но пусть сэра Монье только сменит тон; пусть он скажет правду, опирающуюся на факты, и провозгласит ее открыто своим слушателям. Пусть он попробует заявить, что ни буддизм, ни кришнаизм — ни, вдобавок, многочисленные легенды о Солнечных Богах, которые жили, умирали и затем спускались в преисподнюю, воскресали, возвращались на землю божественного света, которого Демон Мрака, Зимнее Солнцестояние, был лишен — не могли быть «имитациями» христианского мифа, так как они существовали задолго до него. Пусть он говорит, как это *делает* каждый беспристрастный историк и востоковед, *правду и ничего кроме правды*, и он вскоре обнаружит, что вместо того, чтобы оставаться, по словам цензора, «одним из самых выдающихся среди ныне здравствующих востоковедов», (?) он скатится вниз до статуса пятиразрядного лектора, «невнятно излагающего свои мысли» «под влиянием м-ра Синнета» (*sic*).

Правда, оксфордский санскритолог никогда не был под влиянием автора «Эзотерического буддизма»; и, согласно его собственной версии (см. «Предисловие» к его работе), он трижды совершал путешествия сквозь закрытые буддийские территории, и «подошел к изучению буддизма и его священного языка *пали* с багажом знания — накопленного на протяжении всей его жизни — брахманизма и его божественного языка *санскрита*». Здесь в противоборство вступают две точки зрения: индийская и оксфордская. Некоторые непризнанные ученые пандиты, среди которых и ныне покойный Даянанд Сарасвати — величайший знаток санскрита в Индии, — создали ему, во время его последнего путешествия сквозь «закрытые буддийские территории» — а именно через Бенарес и близлежащие окрестности, совершенное профессором Монье-Уильямсом в 1876 или 1877 г. (?) — своими отзывами репутацию «наиболее выдающегося из ныне здравствующих востоковедов», хотя ни один пандит не мог понять его, когда он пытался заговорить с ним на санскрите; не могли же они (пандиты) обвинить прославленного оксфордского востоковеда в том, что он совершенно не знает санскрита. И это было на самом деле настоящей акцией доброй воли пандита Даянанда позволить своему ученику, Шамджи Кришнаварме, кстати, примкнувшему впоследствии к Теософскому движению, приехать в Оксфорд и учить видного профессора, собственно, *настоящему* санскриту. Принесли ли пользу эти уроки хотя и молодого, но образованнейшего *гуру* известному востоковеду — уроки прекратились через несколько лет после 1879 г. — неизвестно. Во всяком случае, он, подобно ревностному брамину и почитателю пуранической мертвой буквы, отстаивает точку зрения, что смерть Будды была вызвана перееданием «огромного количества вяленого мяса кабана». Звучит не очень-то правдоподобно, принимая во внимание аскетизм Будды и неприятие им в еде чего-либо, что имело жизнь, но еще более поражает в мертвой букве другое утверждение, что «молитва к *неведомому* (Богу) теперь признана буддистами среди их основных обязанностей». Мы наткнулись на это (священники и братья Цейлона, пожалуйста, отзовитесь и объясните!) в газете, которая приводит выдержки из лекции профессора. Исходя из этого, следовательно, совершенно верно замечание, что

Работа сэра Монье-Уильямса, кавалера ордена Индийской империи 2-й степени, озаглавленная «Мистический буддизм», будет наиболее интересна для тех, кто только начинает *барахтаться* в том, что называется «теософия», наиболее известными представителями которой являются: полковник Олькотт, м-р А. П. Сипнет, мадам Блаватская. Сэр Монье считает, что Будда лично выступал против мистицизма; что первоначально буддизм «был категорически против любого проявления аскетизма и всех сокрытых способов достижения высот знания; в нем не присутствовала оккультная, эзотерическая система, от доктрины которой оберегали простого обывателя»

(«Литературный мир»).

О, Брахма *Правхаваяя!* Ты Бог нетленного начала, принявший *облик кабана*, — того самого, поедание **ВЯЛЕННЫХ останков** которого, по словам склонного к преувеличению и подтасовке брамина, привело Будду к смерти, — будь милосердным к клеветникам и псевдоченым! Наш оппонент, «Литературный мир», пустившийся в неизведанные дебри

«чистого и смешанного буддизма», признает, после перечисления нескольких изученных работ, что

В этом списке все же нет отчета, написанного теософами или необуддистами, которые только делают вид, что они посвящают западных читателей в тайные доктрины буддизма, такие мистические и, как правило, совершенно непонятные для неискушенного человеческого разума.

Куда уж «тайным доктринам буддизма» произвести *столь сильное* впечатление на неискушенный человеческий разум. Но «скоропалительный» лектор, сэр Монье Монье-Уильямс, по своему собственному признанию и утверждению, обладает весьма *экстраординарным* пониманием и поразительным знанием. К сожалению, ему удалось забыть больше, чем он когда-либо знал; и выучить более, чем все вместе взятые востоковеды позабыли. Еще несколько подобных «скоропелых» лекций, и наши английские оппоненты заявят, что сэр Уильям Джонс и полковник Уилфорд были, несмотря ни на что, правы; что Гаутама Будда был слабым подобием библейского Ламеха, а буддизм и воденизм — соответственно, Будда и Меркурий — идентичны, и что весь типаж принца Капилавасту был скопирован с мифического св. Иосафата, индийского римско-католического святого.

Не будет ли слишком дерзко по отношению к «величайшему из ныне здравствующих востоковедов» сказать, что, овладев только, к сожалению, элементарными знаниями санскрита с помощью Шамджи Кришнавармы, выдающийся оксфордский ученый отвернулся от теософов, чтобы лишь слегка коснуться брахмано-буддийских откровений? Мы не имеем ничего против его «Света Вселенной»; но поскольку его внимание обратилось к нашим эзотерическим глубинам, мы, позволяя ему «барахтаться» в теософии, должны все же навести порядок в буддистских понятиях и восстановить равновесие в весьма несбалансированных мыслях, которые он почерпнул из нескольких «Пуран» и которые противоречат «Свету Азии». И в первую очередь мы должны сделать все возможное, чтобы сэр Монье *и еще раз* Монье-Уильямс, кавалер ордена Индийской империи 2-й степени, не мог даже надеяться стать «светочем востоковедения». *Sic transit gloria mundi* [так проходит земная слава]!

Так что не теософы потерпели поражение; никогда еще непогрешимая «периодика» не была столь правдива, как в тот момент, когда утверждала, что упомянутый «радикальный джентльмен»

не уникален в приписывании буддизму зависимости от христианства. Со времени издания «Эзотерического буддизма» м-ра Синнета. миссионеры, как мужчины так и женщины, которые посвятили себя прозелитизму, обратили многих англичан; и нет сомнения, что азиатская мистерия в какой бы то ни было форме чрезвычайно привлекательна для определенного типа умов.

Что есть, то есть; и несмотря на непомерное западное высокомерие и предвзятость суждений, ничто не сможет воспрепятствовать истинам, которые проповедовал Будда, найти свое достойное место в сердцах наиболее выдающихся мыслителей Запада.

ИДОЛОПОКЛОНСТВО

Внешнее обличив идолопоклонства — это только завеса, скрывающая единую Истину подобно вуали Вещей Богини. Только истина эта, доступная немногим, ускользает от большинства. Набожному профану за завесой грезится прекрасное место, густо заселенное богословами, гномами и великанами, добрыми и злыми правителями, каждый из которых не лучше, чем пародия на человека. Да, в целом, для подавляющего большинства, признающего существование только того, что может вместить их собственный разум, пространство за завесой действительно непостижимо, и лишь одаренные «третьим глазом» (глазом Шивы),

позволяющим ясно видеть в киммерийской тьме и хаосе луч света, в интенсивном сиянии которого все формы, рожденные человеческим пониманием, исчезают, оставляя всезнающее божественное Присутствие, — ощущают невидимое и *чувствуют* невыразимое.

Прекрасная аллегория, взятая из старого санскритского манускрипта, замечательно иллюстрирует эту мысль:

К завершению Пралайи (промежуточный период между двумя «творениями», или эволюциями, нашей феноменальной вселенной), великий Некто, Единый, остающийся неизменным в бесконечности и вечности, отбросил свою тень, которая преломилась в беспредельном пространстве и, эволюционируя из собственного отражения, ощутила желание самостоятельно сотворить познаваемые создания. Тень принимает очертание Махараджи (великого Царя). Изобретая способы для изучения собственного существования, Махараджа построил из достоинств, присущих ему, дворец, в котором сокрыл себя, в надежде, что люди воспримут внешний облик его жилища. Но когда они искали место, где стоял дворец, одно крыло которого протянулось в правую, другое — в левую бесконечность, ничтожные люди не *увидели ничего*; дворец был ошибочно воспринят ими как пустое пространство, настолько огромное, что их глаза не смогли охватить его. Тогда Махараджа прибег к другой уловке. Из сострадания к низменным существам, он решил обратиться к ним не *как единое целое, а по частям*. Разрушив дворец, построенный из проявленных достоинств, кирпичик за кирпичиком, он начал сбрасывать их один за другим вниз на землю. Каждый кирпичик превратился в идола, красные становились богами, серые — богинями; в них проникли *деваты* и *девати* — носители и атрибуты Тьмы — и оживили их.

Эта аллегория показывает политеизм в истинном свете, опирающимся, как и все остальное, на Единую Сущность. В действительности, между До-мажором и До-минором нет различия. И первое, творящее, и последнее, разрушающее или преломляющее, являются лучами одного и того же Светила. Кто такие Брахма, Вишну и Шива, как не тройной Луч, эманулирующий непосредственно из Света Вселенной? Трое Богов с Богинями являются тремя двойственными подобиями Пуруши (Духа), и Пракрита (материи); шестерка, синтезированная Сваямбхувой, самопорожденным, самосушим Божеством. Они лишь символы, олицетворяющие Незримое Присутствие в каждом феномене природы.

АРИЙСКО-АРХАТСКИЕ ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ О СЕМИРИЧНОМ ПРИНЦИПЕ В ЧЕЛОВЕКЕ

...Вероятно, арийская (мы будем пока называть ее так) и халдео-тибетская эзотерические доктрины в основном идентичны, а тайное учение еврейской каббалы является просто их боковым ответвлением. Однако, ничто не может представлять большего интереса для изучающего оккультную философию, чем сравнение, проведенное между двумя вышеназванными главными доктринами. Ваше письмо, по всей видимости, показывает два подразделения в халдео-тибетской доктрине: 1) учение так называемых ламаистов; и 2) доктрину так называемых архатов (арахаты, или рахаты в буддизме), которая была принята гималайским, или тибетским, братством. В чём же разница между двумя этими системами? Некоторые из наших брахманических авторов оставили нам сообщения об основных доктринах буддизма и

о религии и философии архатов — двух ветвях тибетской эзотерической доктрины, как они сами ее называют. Так как трактаты, в которых содержатся эти данные, носят, как правило, полемический характер, вряд ли стоит возлагать на них большие надежды.

Сегодня весьма затруднительно сказать, какова была настоящая доктрина древних ариев. Если бы исследователь попытался ответить на этот вопрос при помощи сравнительного анализа всех разнообразных систем эзотеризма, получивших широкое распространение в Индии, он очень скоро потерялся бы в лабиринте неизвестности и неопределенности. Никакое сравнение между подлинными брахманической и тибетской эзотерическими доктринами невозможно до тех пор, пока не будут установлены учения этой так называемой «арийской доктрины», ... и не будет целиком осознана *вся сфера* древней арийской философии. «Санкхья» Капила, «Йогическая философия» Патанджали, различные системы философии «Шакти», разнообразные *агамы* и *тантры*, — все это лишь ее ветви. Однако существует доктрина, которая является их подлинным основанием и достаточна для того, чтобы объяснить тайны этих различных философских систем и привести в гармонию их учения. Она существовала, вероятно, задолго до составления «Вед», и ее изучали наши древние риши в дополнение к индийским писаниям. Ее приписывают одному таинственному персонажу по имени Маха...⁶⁴

Поскольку «Упанишад» и некоторая часть «Вед» практически не были посвящены публичным церемониям древних ариев, они вряд ли могут быть поняты без некоторого знания *данной доктрины*. Даже истинное значение главных обрядов, о которых говорят «Веды», совершенно не будет понято без того света, который она проливает на них... «Веды», вероятно, были составлены главным образом для использования жрецами, принимающими участие в публичных церемониях, но в них упоминаются величайшие выводы и заключения нашей подлинной тайной доктрины. Люди, достаточно сведущие в этом вопросе, сообщили мне, что «Веды» имеют два различных значения — одно из них выражено посредством буквального смысла слов, другое же *показано при помощи размера стиха и свары*, которые являются, так сказать, жизнью «Вед»... Конечно, ученые пандиты и филолога отрицают, что *свара* имеет какое-либо отношение к философии или древним эзотерическим доктринам. Но таинственная связь между *сварой* и *светом* — это одна из ее самых глубоких и сокровенных тайн.

Сейчас уже вряд ли удастся выяснить, то ли тибетцы получили свое учение от древних индийских риши, или же древние брахманы переняли свою оккультную науку от адептов Тибета; или же, опять-таки, адепты обеих стран первоначально исповедовали одну и ту же доктрину и получили ее из общего источника.⁶⁵ Если бы вы отправились в Шрамана Балагула и попытались выяснить у местных джайческих пандитов относительно авторства «Вед» и о происхождении брахманической эзотерической доктрины, то они, вероятнее всего, ответили бы вам, что «Веды» были составлены *ракшасами, или дайтьями*⁶⁶ и что от них же получили свое тайное знание брахманы.⁶⁷ Не означает ли это утверждение, что «Веды» и брахманические эзотерические учения происходят из погибшей Атлантиды — континента, который когда-то занимал значительную часть площади Южного и Тихого океанов? Ваше заявление в «Разоблаченной Изиде» о том, что языком обитателей этого континента был санскрит, может навести на мысль, что «Веды», по всей вероятности, возникли

---

⁶⁴ Это подлинный титул нынешнего главы Эзотерического гималайского братства.

⁶⁵ См. далее : «Комментарии», п. I.

⁶⁶ Разновидность демонов — *черти*.

⁶⁷ То же самое сделали бы и христианские священники. Но они никогда не признались бы, что их «падшие ангелы» были скопированы с индийских ракшасов, что их «Дьявол», по сути, является незаконнорожденным сыном Девел — сингалезского демона женского пола, или что апокалипсическое «небесное воинство» — основание христианской догмы о «падших ангелах» — было заимствовано из индийской истории о Шиве, который сбросил *таракасуров*, восставших против Брахмы в *Андхакаре* — обители Тьмы, согласно брахманическим «Шастрам».

именно здесь, — а где же еще мог зародиться арийский эзотеризм?⁶⁸ Но истинная эзотерическая доктрина, равно как и мистическая аллегорическая философия «Вед», произошла из другого источника, опять-таки, не иначе, как — от божественных обитателей священного острова, который, как вы утверждаете, когда-то существовал в море, покрывавшем в древние времена песчаные пространства, ныне называемые пустыней Гоби. Так или иначе, знание *окультных сил природы*, которым обладали жители исчезнувшей Атлантиды, было воспринято древними адептами Индии и присвоено ими к эзотерической доктрине, которой учили обитатели священного острова.⁶⁹ Однако, тибетские адепты не приняли этого добавления к своей эзотерической доктрине. Именно по этой причине можно усмотреть разницу между этими двумя доктринами.⁷⁰

Брахманическая окультная доктрина, вероятно, несет в себе все то, чему учили о *силах природы* и их законах либо на таинственном острове на севере, либо на не менее таинственном южном континенте. И если вы собираетесь сравнивать учения об окультных силах природы в арийской и тибетской доктринах, то вы должны предварительно исследовать все классификации этих сил, их законы и проявления, а так же подлинные значения различных имен, приложимых к ним в арийской доктрине. Вот выборочная классификация окультных сил, содержащаяся в брахманической системе:

1. относящиеся к Парабрахману и существующие в МАКРОКОСМЕ;
2. относящиеся к человеку и существующие в МИКРОКОСМЕ;
3. для целей тарака-йоги, или пранава-йоги;
4. для целей *санкхья-йоги* (в которой они, собственно, являются неотъемлемыми признаками *пракрити*);
5. для целей хатха-йоги;
6. описанные в «Кула агаме»;
7. описанные в «Шакта агаме»;
8. описанные в «Шива агаме»;
9. описанные в «Шричакре» («Шричакра», о которой вы упоминаете в «Разоблаченной Изиде», не является *подлинной эзотерической «Шричакрой»* древних адептов Арьяварты);
10. описанные в «Атхарваведе»; и т. д.

Все подразделения этой классификации бесконечно умножались благодаря постижению новых комбинаций первичных сил и различных пропорциях. Но теперь я должен оставить этот вопрос и перейти к рассмотрению статьи в октябрьском номере «Теософиста» озаглавленной «Фрагменты окультной Истины».

Я тщательно изучил ее и обнаружил, что достигнутые (в буддийской доктрине) результаты не сильно-то отличаются от заключений нашей арийской философии, хотя наш способ выражения доказательств может и отличается по своей форме. Я буду обсуждать здесь этот вопрос с моей собственной точки зрения, хотя и следуя той легкости в сравнениях и тому удобству обсуждения последовательности классификации *семиричных* сущностей, или принципов, составляющих человека, которые приняты в вашей статье. Вопросы, которые вызвали обсуждение, таковы: 1) появляются ли *бестелесные духи* человеческих существ (как их именуют спиритуалисты) в комнатах для сеансов или где-либо еще; и 2) вызваны ли происходящие проявления частично или полностью их деятельностью.

Вряд ли можно удовлетворительно ответить на два этих вопроса, пока не будет точно определено значение, которое несет в себе выражение «*бестелесные духи человеческих существ*». Слова *спиритуализм* и *дух* могут привести к очень

⁶⁸ Не обязательно. — См. «Комментарии», п. II. На основании только что полученных редких манускриптов мы вскоре покажем, что на Яве и на соседних островах говорили на санскрите с самых давних времен.

⁶⁹ Местность, о которой говорят тибетцы и по сей день, и которую они называют «Шамбала», *Счастливая земля*. — См. «Комментарии», п. III.

⁷⁰ Для того, чтобы полнее понять этот отрывок, читателю следует обратиться к «Разоблаченной Изиде», том I, стр. 520-522.

сильным заблуждениям. Пока английские писатели в целом, и спиритуалисты в частности, не установят ясным образом то значение, которое они хотят придавать слову *дух*, не будет конца этой путанице и неразберихе, а подлинная природа этих так называемых спиритуалистических феноменов и их *modus occurendi* [способ действия] никогда не будет определен с ясностью. Христианские авторы обычно говорят только о *двух* сущностях в человеке — теле, и *душе* или *духе* (эти термины означают для них, по-видимому, одно и то же). Европейские философы как правило говорят о *теле* и *разуме*, и доказывают, что душа или дух не могут быть ничем иным, кроме как разумом. По их мнению, любая вера в *линга шарира*⁷¹ нефилософична. Подобные взгляды безусловно некорректны, и они основываются на недопустимых предположениях о возможностях природы и на несовершенном понимании ее законов. Теперь я должен рассмотреть (с точки зрения брахманической эзотерической доктрины) духовное строение человека, различные сущности, или принципы, существующие в нем, и установить, может ли какая-нибудь из этих сущностей входящих в его строение, появиться на земле после его смерти; и, если это так, *чем является то, что появляется таким образом.*

Вы читали некоторые из замечательных статей профессора Тиндаля о том, что он называет «Зародышевой теорией», которые представляют факты, установленные благодаря его экспериментам. Вкратце его выводы можно представить таким образом:

Даже в самом маленьком объеме пространства существуют мириады протоплазматических зародышей, плавающих в эфире. Если, к примеру, скажем — вода (чистая вода) подверглась их воздействию, и если они попали в нее, то из них разовьется та или иная форма жизни. Но какие же факторы вызывают возникновение этой жизни? Очевидно: 1) *вода*, которая является, так сказать, полем для прорастания жизни; 2) протоплазматический зародыш, из которого должна развиваться или развивается жизнь или живой организм; и, в конце концов, 3) сила, энергия, или тенденция, которая начинает действовать при соприкосновении или соединении протоплазматического зародыша с водой, и которая развертывает или развивает жизнь и ее природные качества.

Сходным образом, существуют три первоначальные причины, которые вызывают появление человеческого существа. Я назову их ради обсуждения следующими именами:

I. *Парабрахман* — Универсальный Дух.

II. *Шакти* (венец астрального света, соединяющий в себе все силы природы).

III. *Пракрити*, которая представляется в своем первоначальном виде посредством *акаши* (поистине, любая форма материи может быть сведена в конце концов к *акаше*).⁷²

Обычно утверждается, что *пракрити* или *акаша* — это *киатра*, или основа, которая соответствует воде во взятом нами примере: *брахман* — это *зародыш*, а *шакти* — сила, или энергия, которая вызывается к существованию при их соединении или соприкосновении.⁷³

---

⁷¹ Так называемое астральное тело.

⁷² Тибетская эзотерическая буддийская доктрина учит, что *пракрити* является космическим веществом, из которого создаются все видимые формы, а *акаша* — это то же самое космическое вещество, но еще более неуловимое и невесомое, ее дух; таким образом, «*пракрити*» — это тело, или *субстанция*, а *акаша-шакти* — его душа, или энергия.

⁷³ Или, другими словами, «*пракрити, свабхават, или акаша* — это ПРОСТРАНСТВО, как говорят тибетцы; пространство, наполненное какой-либо субстанцией или вовсе не заполненное ей; то есть, субстанцией столь неуловимой, что она постижима лишь метафизически. Тогда *брахма* был бы зародышем, брошенным в почву этого поля, а *шакти* — той таинственной энергией или силой, которая развивает этот зародыш, и которую буддийские архаты Тибета называют — ФОХАТ. «То, что мы называем формой (*рупа*) не отличается от того, что мы называем пространством (*шуньята*)... Пространство не отличается от формы, форма — это то же самое, что и пространство; пространство — то же самое, что и форма. То же самое и для остальных скандх, будь то *ведана* или *самджня*, или *самскара*, или *виджняна*, они есть то же самое, что и их противоположности»... (Книга «Син-кинг», или *Сутра сердца*. Китайский перевод Махапраджняпарамитахридая сутры. Глава об «Авалокитешваре», или *проявленном Будде*.) Таким образом,

Но не такие представления о данном вопросе содержатся в Упанишадах. Согласно этим текстам, *брахман*⁷⁴ — это *киштра* или основа, *акаша* или *пракрити* — зародыш или семя, а *шакти* — это сила, появившаяся в результате их соединения или контакта. И это есть подлинно научный, философский способ объяснения этого вопроса.

Согласно адептам древней Арьяварты, *семь принципов* развиваются из этих *трех* первичных сущностей. Алгебра учит нас, что число *комбинаций* «n» вещей, взятых *один раз, два раза, три раза*, и так далее, равняется 2 в степени «n» минус 1.

Применяя эту формулу к данному предмету мы получим, что число сущностей, развившихся из различных комбинаций этих трех первичных причин, насчитывает 2 в кубе минус 1, или 8-1=7.

Общее правило таково, что когда бы и в какой бы связи не упоминались бы *семь сущностей* в древней оккультной науке Индии, вам следует предполагать, что эти семь сущностей произошли от *трех первичных сущностей*; и что эти три сущности, в свою очередь, развились из *одной* сущности, или *МОНАДЫ*. Если взять хорошо знакомый пример, то семь цветных лучей в солнечном луче развились из *трех первично окрашенных* лучей; и три первичных цвета сосуществуют с четырьмя вторичными цветами в солнечных лучах. Сходным образом, три первичные сущности, которые создали человека, сосуществуют в нем с *четырьмя вторичными* сущностями, которые произошли из разнообразных комбинаций трех первичных сущностей.

Эти семь *сущностей*, которые в целом составляют человека, — я буду перечислять их в порядке, приютом в вашей статье, так как эти два порядка (брахманический и тибетский) соответствуют, — таковы:

	Соответствующие названия в вашей классификации
I. <i>Пракрити</i>	<i>Стхулашарира</i> (физическое тело)
II. Сущность, образовавшаяся из комбинации <i>пракрити</i> и <i>шакти</i>	<i>Сукшмамшарира</i> , или <i>линга шарира</i> (астральное тело)
III. <i>Шакти</i>	<i>Камарупа (перисприт)</i>
IV. Сущность, образовавшаяся из комбинации <i>брахмана</i> , <i>шакти</i> и <i>пракрити</i>	<i>Дживатма (жизнь-душа)</i>
V. Сущность, развившаяся из комбинации <i>брахмана</i> и <i>пракрити</i>	Физический ум (или животная душа)
VI. Сущность, развившаяся из комбинации <i>брахмана</i> и <i>шакти</i>	Духовный ум (или душа)
VII. <i>Брахман</i>	Эманация из АБСОЛЮТА, и т. д. (или чистый дух)

Прежде чем перейти к рассмотрению природы этих семи сущностей, необходимо сделать несколько пояснений общего характера.

1. Вторичные принципы, возникающие из комбинаций первичных принципов, совершенно отличны по своей природе от тех сущностей, от комбинирования которых они произошли. Обсуждаемые комбинации по своей природе не являются простыми механическими наложениями. Они не соответствуют даже химическим комбинациям.

доктрины ариев и тибетских архатов совершенно согласны по существу, различаясь лишь в придаваемых названиях и способах выражения; это различие происходит из того факта, что ведантистские брахманы верят в Парабрахман, *обожествляющую* силу, хотя бы она и могла бы быть безличной, в то время как буддисты полностью отвергают ее.

⁷⁴ См. «Комментарии», п. IV.

Следовательно, нельзя сделать никаких ценных выводов в отношении природы обсуждаемых комбинаций посредством их аналогии из природы. 2. Обычное утверждение о том, что как только причина удаляется, ее следствие исчезает, применимо не всегда. Возьмем, к примеру, следующий случай: если вы сообщаете мячу некоторый момент силы, то результатом является скорость определенной величины в определенном направлении. Причина этого движения исчезает, когда прекращается внезапный одновременный толчок или импульс, передающий момент силы; но, согласно *первому закону движения*, мяч будет продолжать двигаться все дальше и дальше с неубывающей скоростью в том же направлении до тех пор, пока это движение не изменится, не уменьшится или нейтрализуется внешними причинами. Таким образом, если мяч остановится, то это будет связано не с отсутствием причины его движения, но явится следствием внешних причин, которые вызывают такой результат.

Опять-таки, возьмем пример *субъективного феномена*.

В данный момент, наличие этой чернильницы передо мной создает во мне, или в моем разуме, ментальное представление о ее форме, цвете и так далее. Можно унести эту чернильницу, но ее ментальное изображение все еще может продолжать свое существование. И в этом случае, как вы видите, следствие переживает причину. Кроме того, это следствие может быть вызвано к сознательному существованию в какой-либо последующий момент, причем неважно, будет ли присутствовать первоначальная причина, или нет.

Теперь, в случае пятого из вышеназванных принципов, — сущность, которая создается благодаря комбинации *брахмана* и *пракрити*, — если только верно общее утверждение (во «Фрагментах оккультной Истины»), этот принцип, который соответствует *физическому уму*, должен бы перестать существовать тогда, когда *брахман*, *ИЛИ* седьмой принцип, должен прекратить свое существование для отдельного индивидуума; но на самом деле, конечно, все происходит иначе. Вы приводите это обсуждаемое общее утверждение в поддержку своего заявления о том, что когда бы седьмой принцип не перестал существовать для отдельного индивидуума, шестой принцип также исчезает для него. Это утверждение безусловно справедливо, хотя способ его выражения и придаваемое ему значение вызывают у меня возражения.

Вы упомянули, что когда разум человека имеет чисто материальные наклонности, и все духовные устремления и мысли полностью исчезли из его разума, седьмой принцип покидает его либо перед, либо во время смерти, и шестой принцип исчезает вместе с ним. В данном случае, само предположение о том, что склонности ума некоего индивидуума *полностью* материальны, влечет за собой утверждение о том, что в нем нет никакого духовного ума, или духовного эго. Вам следовало бы тогда сказать, что всегда, когда духовный ум прекращает существовать в каком-либо индивидууме, седьмой принцип для него перестает существовать для любых целей. Конечно, он никуда не улетучивается. В случае *брахмана*⁷⁵ никогда не может быть ничего подобного изменению местоположения. Это утверждение просто означает, что если нет признания никакого *брахмана*, или духа, или духовной жизни, или духовного сознания, то седьмой принцип должен прекратить любое влияние или какой бы то ни было контроль со своей стороны за участие этого индивидуума.

Теперь я сообщу о том, что обозначается (в арийской доктрине) при помощи этих семи вышеперечисленных принципов.

I. *Пракрити* — это основа *стхулашариры*, и она представляет ее в вышеприведенной классификации.

II. *Пракрити* и *шакти* — это *лингашарира*, или астральное тело.

---

⁷⁵ Совершенно верно — с точки зрения арийского эзотеризма и «Упанишад»; и совсем не так — в случае *архатской*, или тибетской эзотерической, доктрины; и, насколько нам известно, это единственная несогласовка между этими двумя учениями. Это несоответствие совершенно незначительно и основывается, так сказать, лишь на двух различных методах рассмотрения одного и того же предмета в двух различных аспектах. — См. «Комментарии», п. IV.

III. *Шакти* — этот принцип соответствует вашей *камарупе*. Эта сила помещалась древними оккультистами в *набхичакре*. Она может собрать *акашу*, или *пракрити*, и придать ей любую желаемую форму. Она имеет очень много общего с пятым принципом и может побуждаться к действию при помощи его влияния или контроля.

IV. *Брахман*, *шакти* и *пракрити* — это опять-таки соответствует вашему второму принципу, *дживатме*. Эта сила представляет универсальный жизненный принцип, который существует в природе. Он находится в *анакатачакре* (сердце). Это сила, которая составляет то, что называется словом *джива*, или жизнь. Она, как вы говорите, неразрушима, и ее деятельность просто переносится во время смерти в другую конфигурацию атомов, образуя другой организм. Но она не называется словом *дживатма* в нашей философии. Термин *дживатма* обычно применяется нашими философами к седьмому принципу, когда он отличается от *Параматмы* или *Парабрахмана*.⁷⁶

V. *Брахман* и *пракрити* — это в нашей арийской философии соответствует вашему пятому принципу, названному *физическим умом*. Согласно нашим философам, это сущность, в которой располагается и имеет свое основание то, что называется *разумом*. Это наиболее трудный для объяснения принцип, и наша дискуссия целиком посвящена тому представлению, которого мы придерживаемся в данном вопросе.

Что же такое разум? Это таинственное нечто, которое рассматривается как местопребывание сознания — чувств, эмоций, желаний и мыслей. Психологический анализ показывает, что это, по всей видимости, скопление ментальных состояний и их способностей, связанных посредством того, что мы именуем памятью, которое считается существующим обособленно от любых своих ментальных состояний или представлений. Но в какой же сущности имеет это таинственное нечто свое потенциальное и действительное существование? *Память* и *надежда*, которые, так сказать, составляют подлинное основание того, что мы называем *индивидуальностью*, или *аханкара*, должны иметь где-то место своего существования. Современные европейские психологи обычно говорят, что местоположением разума является материальная субстанция *мозга*, и что прошлые *субъективные переживания*, которые можно воспроизвести благодаря памяти, и которые в своей сумме составляют то, что называется *индивидуальностью*, существуют там в виде некоторых непостижимых таинственных отпечатков или изменений в нервах и нервных центрах полушарий головного мозга. Поэтому они говорят, что разум — индивидуальный разум — разрушается тогда, когда разрушается тело; потому не может быть никакого посмертного существования.

Однако имеются некоторые факты, признанные этими философами, которых нам достаточно, чтобы опровергнуть их теорию. В каждой из частей человеческого тела происходит постоянное изменение. Каждая ткань, каждое мышечное волокно и каждое нервное окончание или нервный узел в мозгу подвержены непрестанному изменению. В течение всей жизни человека может произойти серия *полных преобразований* вещества его мозга. Тем не менее, память о его прошлых ментальных состояниях остается неизменной. Могут произойти добавления новых субъективных переживаний, а некоторые ментальные состояния могут быть полностью позабыты, но никакое индивидуальное ментальное состояние не изменяется. Личное *чувство индивидуальности* остается тем же самым во всех этих постоянных изменениях мозгового вещества.⁷⁷ Оно способно пережить все подобные метаморфозы, и оно может также пережить полное разрушение материальной субстанции мозга.

---

⁷⁶ Безличный Парабрахман таким образом преобразуется или обособляет себя в виде *личной «дживатмы»*, или личного бога любого человеческого создания. Это опять-таки отличие, которое становится необходимым в результате брахманической веры в Бога, личного или безличного, в то время как буддийские архаты полностью отвергают эту идею, не признавая *никакого* божества, отдельного от человека. См. «Комментарии», п. V.

⁷⁷ Это также созвучно буддийской философии, где обсуждаемая трансформация известна как изменение *скандх*.

Эта индивидуальность, возникающая из ментального сознания, существует, согласно нашим философам, в *окультурной силе*, которая, так сказать, проводит регистрацию всех наших ментальных впечатлений. Сама эта сила неразрушима, хотя из-за воздействия некоторых противоположных причин ее впечатления могут с течением времени частично или полностью стираться.

В этой связи я могу отметить, что наши философы связывали семь *окультурных* сил с семью принципами, или сущностями, упомянутыми выше. Эти семь *окультурных* сил в микрокосме соответствуют *окультурным* силам в макрокосме, или являются их двойниками. Ментальное, или духовное, сознание индивидуума становится общим сознанием *брахмана*, когда полностью преодолен барьер индивидуальности, и семь сил в микрокосме приведены *en rapport* [в гармонию] с семью силами в макрокосме.

Нет ничего особенно странного в силе, или *шакти*, несущей в себе отпечатки ощущений, идей, мыслей или других субъективных переживаний. Это общеизвестный факт, что электрический, или магнитный, ток может передавать неким таинственным образом отпечатки звука или речи со всеми их индивидуальными особенностями; так же, вам хорошо известно, что я могу передать вам мои мысли посредством передачи энергии или силы.

Этот пятый принцип представляет в нашей философии *разум*, или, если выразиться более корректно, вышеописанную силу, впечатления о ментальных состояниях в ней и принцип индивидуальности, или *аханкара*, порожденный их совместным действием. Этот принцип называется в нашей статье просто *физическим умом*. Я не знаю, что на самом деле означает это выражение. Оно может обозначать ум, который существует в очень слаборазвитом состоянии у низших животных. *Разум* может находиться на различных уровнях развития, от самых низших форм органической жизни, когда вряд ли можно точно опознать признаки его существования и деятельности, до человека, в котором он достигает высшего состояния своего развития.

В самом деле, начиная с первого появления жизни⁷⁸ до *турия авастха*, или нирванического состояния, продолжается этот прогресс. Мы восходим от этого принципа к седьмому с совершенно недоступной восприятию постепенностью. Но в ходе прогресса распознаются четыре уровня, на которых происходят наиболее характерные изменения, и которые поэтому привлекают внимание наблюдателя. Это следующие четыре уровня:

- 1) на котором появляется жизнь (четвертый принцип);
- 2) на котором существование разума становится воспринимаемым вместе с жизнью;
- 3) на котором достигается высшее состояние мысленной абстракции и начинается *духовное сознание*;
- 4) на котором духовное сознание исчезает, оставляя седьмой принцип в завершенном состоянии *нирваны*, или обнаженности.

Согласно нашим философам, обсуждаемый пятый принцип предназначен представлять *разум в любом возможном состоянии развития, от второго до третьего уровня*.

VI. *Брахман и шакти* — этот принцип соответствует вашему «духовному уму». Это, на самом деле, *буддхи* (я использую слово *буддхи* не в его обычном значении, по в том смысле, в котором оно используется нашими древними философа-, ми); другими словами, это место, где находится *бодха* или *атмабодха*. Тот, кто обладает *атмабодхой* во всей ее целостности, является *буддой*. *Буддисты знают очень хорошо, что означает этот термин*. Этот принцип описывается в вашей статье как некая сущность, созданная комбинацией *брахмана* и *пракрити*. Я опять-таки не понимаю, в каком особенном смысле использовано слово *пракрити* в этой связи. Согласно нашим философам, это сущность, возникающая из соединения *брахмана* и *шакти*. Я уже объяснил, какое значение придают наши философы словам *пракрити* и *шакти*.

⁷⁸ В арийской доктрине, которая смешивает воедино *брахман*, *шакти* и *пракрити*, это четвертый принцип; в буддийском эзотеризме — это второй в комбинации с первым.

Я утверждаю, что *пракрити* в своем *первичном* состоянии является *акашей*.⁷⁹

Если теософы рассматривают *акашу* как *шакти* или *силу*,⁸⁰ тогда мое утверждение в отношении конечного состояния *пракрити* должно вероятно породить путаницу и недоразумение, если я не объясню разницу между *акашей* и *шакти*. *Акаша* — это, собственно говоря, не венец *астрального света*, и она *сама по себе* не составляет никакой из *шести первичных сил*. Но, говоря в общем, когда бы не создавался какой-либо *феноменальный результат*, *шакти* действует в *согласии с акашей*. И, кроме того, *акаша* служит как основа, или *адхитхана*, для переноса силовых потоков и для формирования силовых взаимосвязей.⁸¹

В «Мантрашастре» буква «Ха» представляет *акашу*, и вы обнаружите, что этот звук входит в большинство священных формул, предназначенных для того, чтобы создавать феноменальные результаты. Но сам по себе он не представляет никакой *шакти*. Если вам угодно, то вы можете называть *шакти* атрибутом *акаши*.

Я не понимаю того, что в отношении природы этого принципа может в действительности существовать какая-либо разница в мнениях между буддистами и брахманическими философами.

Буддийские и брахманические посвященные знают очень хорошо это таинственное круглое зеркало, состоящее из двух полусфер, которые отражают лучи, исходящие от «неопалимой купины» и пылающей звезды, — духовное солнце, сверкающее в ЧИДАКАСАМЕ.

Духовные впечатления, составляющие этот принцип, существуют в некой оккультной силе, связанной с обсуждаемой сущностью. На самом деле, последовательные воплощения Будды означают последовательные перемещения этой таинственной силы или впечатлений, содержащихся в ней. Этот перенос возможен лишь в том случае, когда *махатма*⁸² который переносит эту силу, полностью отождествил себя с седьмым принципом, уничтожив свою *аханкару* и спалив ее в ЧИДАГ-НИКУНДУМЕ, преуспев в согласовании своих мыслей с вечными законами природы и став ее соратником. Или, если выразить это другими словами, когда он *достиг состояния нирваны, состояния окончательного отрицания, отрицания индивидуального или обособленного существования*.⁸³

VII. *Атма* — эманация из абсолюта, соответствующая седьмому принципу. В отношении этой сущности положительно не существует никакой разницы во взглядах между тибетскими буддийскими адептами и нашими древними риши.

Теперь мы должны обсудить вопрос о том, какие из этих сущностей могут появиться после смерти индивидуума в комнатах для сеансов и производить так называемые спиритуалистические феномены.

Но означает ли в полной мере утверждение спиритуалистов о том, что «бесплотные духи» определенных человеческих существ появляются в комнатах для

---

⁷⁹ Согласно буддистам, в *акаше* заключена та вечная, потенциальная энергия, чьим назначением является развить из самой себя все видимые вещи.

⁸⁰ Теософы никогда не делали этого, как мы это показали. Но так как «Фрагменты» написаны на английском, языке, в котором нет такого изобилия метафизических терминов, чтобы выразить каждое мгновенное изменение формы, субстанции и состояния, какое мы находим в санскрите, было сочтено бесполезным лишней раз запутывать западного читателя, который не обучен методам восточного выражения мыслей, — что более чем необходимо при столь тонком различии между особыми техническими терминами. Так как «*пракрити* в своем первичном состоянии есть *акаша*», и *шакти* «является атрибутом АКАШИ», то становится очевидным, что для непосвященного все это одно и то же. Поистине, говорить о «соединении брахмана и *пракрити*» вместо «*брахмана* и *шакти*», — это не хуже, чем для теиста написать, что «человек произошел благодаря комбинации духа и материи», тогда как его слова, выраженные в ортодоксальной форме, следовало бы читать так: «человек, как живая душа, был сотворен *силой* (или дыханием) БОГА из вещества».

⁸¹ То есть, арийская *акаша* — это другое название буддийского ПРОСТРАНСТВА (в его метафизическом смысле).

⁸² Высший адепт.

⁸³ Словами гатхи из «Махапаринирвана-сутры»,

*«Мы достигли состояния Покоя
За пределами любого человеческого знания».*

сеансов, то, что сущность, появившееся таким образом, несет на себе отпечаток некоторой определенной *индивидуальности*?

Так оно и есть, но сперва мы должны выяснить, в какой из сущностей, или сущностях, пребывает индивидуальность. Очевидно, она существует в особом отделе тела, и в его субъективных переживаниях (называемых в целом его разумом). После смерти индивидуума его тело разрушается; его *лингашарира* распадается, связанная с ней сила смешивается с потоком соответствующих сил в макрокосме. Сходным образом, третий и четвертый принципы смешиваются со своими соответствующими силами. Эти сущности могут снова войти в состав других организмов. Так как эти сущности не несут в себе никаких отпечатков индивидуальности, спиритуалисты не имеют права говорить, что «бесплотные духи» человеческих существ появляются в комнатах для сеансов, когда бы какие-либо из этих сущностей не появлялись там. На самом деле, они не имеют способов определить, что они принадлежали к какому-либо определенному индивидууму.

Таким образом, мы можем лишь предположить, что какие-либо из последних трех сущностей появляются в комнатах для сеансов, чтобы либо рассмешить, либо дать совет спиритуалистам. Возьмем три примера индивидуумов и посмотрим, что стало с этими тремя принципами после смерти:

1) некто, в ком духовные привязанности имеют большую силу, чем материальные;

2) некто, в ком духовные устремления существуют, но имеют, преимущественно, вторичное значение для него, а его материальные интересы занимают большую часть его внимания;

3) некто, в ком не существует никаких духовных стремлений, тот, чье духовное эго умерло или, по его представлению, не существует.

Нам не нужно рассматривать в этой связи случай *совершенного адепта*. В первых двух случаях, согласно нашему предположению, духовные и ментальные переживания существуют вместе; когда существует духовное сознание, осознается существование седьмого принципа, и оно поддерживает его связь с пятым и шестым принципами. Но существование материальных привязанностей создает необходимость *пунарджанмы*, причем последняя обозначает эволюцию новой конфигурации объективных и субъективных переживаний, составляющую новую комбинацию окружающих обстоятельств или, другими словами, новый мир. Период между смертью и следующим рождением занят приготовлениями, необходимыми для эволюции этих новых переживаний. В течение периода инкубации, как вы называете его, дух никогда не будет по своей собственной воле появляться в этом мире, *и не может появиться таким образом*.

В этой вселенной существует великий закон, который состоит в сведении субъективных переживаний к объективным феноменам и в эволюции первых из последних. Другими словами это называется — «циклической необходимостью». Человек подвержен этому закону, если он не остановил и не уравновесил обычную участь, или судьбу, и он может избежать его контроля над собой лишь полностью подчинив все свои мирские привязанности. Новая комбинация внешних условий, в которые он попадет в дальнейшем, может быть лучше или хуже той, в которой он жил. Но вы можете быть уверены, что в своем движении к новому миру он никогда не остановится для того, чтобы оглянуться на своих друзей-спиритуалистов.⁸⁴

В третьем из вышеприведенных случаев, по нашему предположению, не существует никакого осознания духовного сознания или духа. Так как они не существуют в той мере, в какой это его касается. Нечто подобное происходит с телесным органом, который отвечает за какую-либо способность, не используемую в течение длительного времени. Тогда он практически перестает существовать.

Эти сущности остаются с ним или в его ведении, когда они отмечены печатью осознания. Если этого не происходит, вся его индивидуальность концентрируется в

---

⁸⁴ Как М. А. (Оксон) вскоре убедится, спиритуалисты имеют еще меньше шансов на признание своих притязаний со стороны брахманических оккультистов, чем со стороны буддистов.

его пятом принципе. И после смерти этот пятый принцип является *единственным представителем* обсуждаемого индивидуума.

Но сам он не может развить для себя новый набор объективных переживаний, или, если выразить это другими словами, у него нет *пунарджанмы*. Это та сущность, которая может появиться в комнатах для сеансов, но совершенно абсурдно называть ее *бесплотным духом*.⁸⁵ Это просто сила, сохраняющая отпечатки мыслей или представлений индивидуума, в состав которого она первоначально входила. Иногда она вызывает для своих целей силу *камарупы* и создает для себя некую определенную эфирную форму (не обязательно человеческую).

Ее образ действий будет подобен тем склонностям, которые имел разум индивидуума при жизни. Эта сущность продолжает существовать столь долго, пока отпечатки силы, связанной с пятым принципом, остаются неповрежденными. С течением времени они изглаживаются, и тогда обсуждаемая сила смешивается с потоком соответствующей ей силы в МАКРОКОСМЕ, как река теряется в море. Сущности, подобные этой, могут проявлять признаки той сознательной разумной силы в индивидуумах, которым они принадлежали, потому что очень высокоразвитая разумная сила может сосуществовать с полным отсутствием духовного сознания. Но из этого обстоятельства нельзя сделать вывод о том, что духи, или духовные это умерших индивидуумов, появляются в комнатах для сеансов.

В Индии есть люди, которые тщательным образом изучают природу таких сущностей (называемых *пишачами*). Я мало знаю о них на основании своего опыта, так как я никогда не вмешивался в эту вызывающую отвращение, бесполезную и опасную область исследования.

Ваши спиритуалисты не знают о том, что они делают на самом деле. Их исследования, очевидно, приведут с течением времени либо к безнравственному колдовству, либо к полному духовному разрушению тысяч мужчин и женщин.⁸⁶

Эти представления, выраженные здесь мною, наши древние писатели очень часто поясняли при помощи сравнения течения человеческой жизни или существования с орбитальным движением планеты вокруг солнца. Центростремительная сила — это духовное притяжение, а центробежная — земное притяжение. Поскольку центростремительная сила возрастает в своей мощи по сравнению с центробежной, планета приближается к солнцу, — индивидуум достигает высшего плана существования. Если, с другой стороны, центробежная сила начинает превосходить центростремительную, планета удаляется на большое расстояние от солнца и двигается по новой орбите в этом отдалении, — индивидуум переходит на более низкий уровень бытия. Это поясняется первыми двумя из приведенных мной выше примеров.

Нам следует рассмотреть лишь два крайних случая.

Когда планета в своем *приближении* к солнцу проходит ту линию, где центростремительная и центробежная силы полностью нейтрализуют друг друга, и двигается только благодаря центростремительной силе, она несется по направлению к солнцу с постепенно возрастающей скоростью и в конце концов смешивается с веществом солнца. Это случай законченного *адепта*.

Опять-таки, когда планета в своем *удалении* от солнца достигает точки, где центробежная сила становится всевластной, она улетает в тангенциальном направлении от своей орбиты и удаляется в глубины пустого пространства. Когда она перестает испытывать влияние солнца, она постепенно утрачивает свое порождающее тепло и творящую энергию, которая первоначально исходила от солнца, и остается холодной массой вещества, блуждающей в пространстве до своего полного распада на отдельные атомы. Эта холодная масса соответствует пятому принципу в условиях, отмеченных выше, а тепло, свет и энергия, которые покинули его, сравнимы с шестым и седьмым принципами.

---

⁸⁵ Арийская и архатская доктрины совершенно согласны в этом вопросе. Это учение и сопровождающие его аргументы во всех отношениях являются такими же, как и у буддийского Гималайского братства.

⁸⁶ Мы полностью разделяем это мнение.

Либо после принятия новой орбиты, либо двигаясь от старой орбиты к новой, планета не может вернуться к какой-либо точке своей старой орбиты, так как разные орбиты лежат на разных уровнях и никогда не пересекают друг друга.

Эта метафора правильным образом объясняют древнюю брахманическую теорию, связанную с этим вопросом. Это просто одна из областей того, что древние мистики называли Великим Законом Вселенной...

Т. Субба Роу,
бакалавр гуманитарных наук
и бакалавр права

КОММЕНТАРИИ

I

В этой связи имело бы смысл привлечь внимание читателя к тому факту, что страна, называемая китайцами «Си-цзян», а западными географами — Тибет, упоминается в древнейших книгах, сохранившихся в провинции Фо-кянь (основная место обитания китайских аборигенов), как великое место оккультного знания архаических веков. В соответствии с этими записями, эта страна была населена «Наставниками Света», «Сынами Мудрости» и «Братьями Солнца». Считается, что император Юй «Великий» (2207 до н. э.), благочестивый мистик, получил свою оккультную мудрость и установленную им систему теократии — ибо он первым в Китае соединил церковное могущество со светской властью — из Си-цзяна. Эта система была аналогична древнеегипетской и древнехалдейской, той, которая, как нам известно, существовала в брахманический период в Индии и существует ныне в Тибете: а именно, все знание и сила, как мирская, так и тайная мудрость, были сконцентрированы внутри иерархии жрецов и ограничены их кастой. Кем были эти тибетские аборигены — это вопрос, на который сегодня не способен дать правильный ответ ни один этнограф. Они практикуют религию бон, их секта является добуддийской и антибуддийской, и их следует искать главным образом в провинции Хам — вот и все, что о них известно. Но даже это могло бы подтвердить предположение о том, что они представляют собой очень сильно выродившихся потомков своих могущественных и мудрых предков. Их этнический тип показывает, что они не просто туранцы, и их сегодняшние ритуалы — это ритуалы колдовства, вызывания духов и поклонения природе — в большей степени напоминают народные обряды вавилонян, сведения о которых обнаружены в записях, сохранившихся на выкопанных из земли цилиндрах, чем ритуалы религиозных практик китайской секты даосов (религии, основанной на чистом разуме и духовности), — как полагают некоторые люди. Обычно даже миссионеры-кхеланги, которые ассимилировались на границах британского Лахула с этими людьми и должны бы лучше разбираться в этом, видят весьма небольшую разницу, или даже вовсе не проводят никакого различия, между бон и основными буддийскими сектами, *гелугпа* (желтыми шапками) и *дугпа* (красными шапками). Последняя из них с самого начала стала в оппозицию реформе Цзонкабы и всегда оставалась верна древнему буддизму, который ныне столь сильно смешан с практикой бон. Если бы нашим ориенталистам было больше известно об этом, и они бы сравнили древнеавилонский культ Бэла, или Ваала, с ритуалами бон, они обнаружили бы бесспорную связь между ними. Начать с того, что данный аргумент, доказывающий, что происхождение тибетских аборигенов связано с одной из тех великих рас, которые сменяли одна другую в Вавилонии, — назовем ли мы их аккадцами (придуманными Ленорманом), или древними туранцами, халдеями и ассирийцами, — находится вне всякого сомнения. Коль скоро это так, кажется весьма разумным называть трансгималайское эзотерическое учение халдео-тибетским. И если вспомнить, что «Веды» пришли, согласно всем имеющимся традициям, с озера Мансоравара в Тибете, а сами брамины с далекого Севера, — наше мнение о том, что эзотерические учения (назовем ли мы их «арийско-халдео-

тибетской» доктриной или универсальной религией МУДРОСТИ) каждого из народов, которые имели, или имеют их до сих пор, произошли из единого источника — будет оправдано. «Ищите УТРАЧЕННОЕ СЛОВО среди иерофантов Татарии, Китая и Тибета», — таков был совет провидца Сведенборга.

II

Не обязательно — отвечаем мы. «Веды», брахманизм, а вместе с ними и санскрит были привнесены извне в ту страну, которую мы сегодня считаем Индией. Эта земля никогда не была родной для них. Было время, когда древние народы Запада включали в общее название «Индия» многие страны Азии, которые ныне обозначаются другими именами. Даже в течение сравнительно позднего периода Александра существовали Верхняя, Нижняя и Западная Индии, а Персия-Иран называется у некоторых античных классиков Западной Индией. Те страны, которые сегодня носят названия: Тибет, Монголия и Великая Татария, рассматривались ими как составные части Индии. Таким образом, когда мы говорим, что Индия цивилизовала мир и была *Alma Mater* цивилизаций, искусств и наук всех остальных народов (включая Вавилонию и, возможно, Египет), мы имеем ввиду архаическую, доисторическую Индию. Индию того времени, когда великая пустыня Гоби была морем, а исчезнувшая «Атлантида» составляла часть единого континента, который начинался с Гималаев и простирался вокруг Южной Индии, Цейлона, Явы, до далекой Тасмании.

III

Для того, чтобы прояснить этот столь спорный вопрос, необходимо рассмотреть и тщательно изучить священные и исторические тексты китайцев — народа, эра которого началась около 4600 лет тому назад (в 2697 г. до Р. Х.); народа столь точного и предвосхитившего некоторые из наиболее важных *изобретений* современной Европы и ее гордящейся собой науки, такие как: компас, порох, фарфор, бумага, книгопечатание, и т. д., которые были известны и использовались за тысячи лет до их вторичного открытия европейцами, — так что следует признать некоторую истину в их текстах. От Лао-цзы, и до Сюань-цзана их литература наполнена аллюзиями и упоминанием об этом острове и о мудрости гималайских адептов. В книге «Некоторые буддийские сочинения, полученные от китайцев» преподобного Самюэля Била есть глава «О буддийской школе Тяньтай» (стр. 244-258), которую следовало бы прочитать нашим оппонентам. Переводя правила этой наиболее прославленной и священной школы и секты в Китае, основанной Чинчхаем, называемым Чжи (мудрым), в 575 году нашей эры, и достигнув фразы, которая гласит: «То, что относится к единому одеянию [без швов], которое носили ВЕЛИКИЕ НАСТАВНИКИ СНЕЖНЫХ ГОР (школы Аймаватов)» (стр. 256), переводчик-европеец ставит после последних вопросительный знак, поскольку ничего другого ему не остается. Но не следует искать статистику школы «Аймаватов», или нашего Гималайского братства, в книгах всеобщей переписи населения в Индии. Далее м-р Бил переводит устав, предписанный «великим учителям высшего порядка, живущим в глухих горах в удалении от людей», *араньякам*, или отшельникам.

Теперь о том, что касается традиций, связанных с этим островом, не говоря уж об (их собственных) *исторических* свидетельствах о нем, сохранившихся в священных книгах Тибета и Китая: эта легенда жива по сей день в тибетском народе. Прекрасный остров является ничем иным, как страной, в которой то, что расцвело однажды, остается вечноцветущим, и это место хорошо известно некоторым «великим наставникам снежных гор», как бы не сотрясалась и не изменялась его топография ужасными катастрофами. Согласно поверию, каждый *седьмой* год эти наставники собираются на совет в Шамбале, «счастливой стране». Согласно общепринятым представлениям, она располагается в северо-западной части Тибета. Некоторые помещают ее в неизведанных центральных областях, недостижимых даже для бесстрашных кочевых племен; другие ограничивают ее горной цепью Гангдишри и северной окраиной пустынь Южной и Северной Гоби, и более

населенными областями Хундуза и Кашмира, *Гяфелинга* (Британской Индии) и Западного и Восточного Китая, что предоставляет пытливному уму удивительную свободу в деле размещения ее внутри этого региона. Другие же помещают ее между горами Намур-нор и Кунь-лунь, — но все они твердо верят в Шамбалу и говорят о ней как о изобильной, сказочной стране, когда-то бывшей островом, а ныне являющейся оазисом несравненной красоты, местом встречи наследников эзотерической мудрости богоподобных обитателей легендарного острова.⁸⁷ Разве не полезно в связи с архаической легендой об Азиатском море и Атлантическом континенте отметить один факт, известный каждому современному геологу, — что склоны Гималаев содержат геологическое доказательство того, что эти ныне величественные пики некогда были частью океанического дна?

IV

Мы уже отмечали, что, по нашему мнению, все различие между буддийской и ведантистской философией состоит в том, что первая была видом *рационалистического* ведантизма, в то время как последнюю можно рассматривать как *трансцендентальный* буддизм. Если арийский эзотеризм применяет термин *дживатма* в отношении седьмого принципа, чистого и *per se* [самого по себе] бессознательного духа, — это потому, что веданта постулирует три вида существования: 1) *парамартхика* (*истинное и единственно реальное*), 2) *вьявахарика* (практическое), и 3) *пратибхашика* (видимая, или иллюзорная, жизнь), — и считает лишь первую *жизнь*, или *джиу*, единственной реально существующей. Брахма, или САМОСУЩНОСТЬ, является лишь ее представителем во вселенной, так как это *универсальная жизнь в целом*, в то время как две другие — это только ее «феноменальные проявления» и иллюзии, внушаемые нам нашими слепыми чувствами. С другой стороны, буддисты отрицают как субъективную, так и объективную реальность даже для этого личностного существования. Будда утверждает, что нет никакого Творца и никакого АБСОЛЮТНОГО Существова. Буддийский рационализм всегда очень ясно понимал непреодолимую трудность признания одного абсолютного сознания, или, говоря словами Флинта, того, что «везде, где есть сознание, есть отношение, где есть отношение, есть место для дуализма». ЕДИНСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ — это либо «МУКТА» (абсолютная и необусловленная), и не может иметь отношения к чему-либо или к кому-либо; или это «БАД-ДХА» (связанная и обусловленная), и тогда ее нельзя назвать АБСОЛЮТНОЙ; это ограничение, кроме того, делает необходимым существование другого божества, столь же могущественного, как и первое, по причине всего того зла, которое существует в этом мире. Следовательно, тайная космогоническая доктрина архатов признает лишь одно абсолютное, неразрушимое, вечное и несотворенное БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ (таков дословный перевод этого слова) элемента (данное слово использовано из-за отсутствия лучшего термина), совершенно независимого от чего бы то ни было во вселенной; чего-то всегда присутствующего или вездесущего, некое Присутствие, которое всегда было, есть и будет, независимо от того, есть ли Бог, боги, или нет; существует ли вселенная или нет; это нечто существует в течение вечных циклов. Маха юг, в периоды *пралайи* так же, как и в периоды *манвантары*: и это ПРОСТРАНСТВО, поле деятельности вечных сил и естественных законов, *базис* (как правильно называет его наш корреспондент), на котором построено вечное взаимодействие акаша-пракроти, управляемое бессознательными регулирующими пульсациями *шакти* — дыхания или силы сознательного божества, как сказали бы теисты, — вечной энергии вечного бессознательного Закона, сказали бы буддисты. Тогда пространство, или *фан*, *барнанг* (*маха шуньята*) или, как его называет Лао-

---

⁸⁷ Горный хребет Гангдишири известен также как Тиссе-Гангри и хребет Кайлас. Он проходит параллельно и севернее Гималаев, и в своей восточной части переходит в хребет Ньен-чен-Тангла. Около его западной части, недалеко от истоков Инда, возвышается величественный пирамидальный массив Кайлас (22000 футов), называемый тибетцами Тиссе. Некоторые географы рассматривают этот хребет как просто продолжение гор Каракорум. Кайлас находится недалеко от священного озера Манаса-саровара.

Намур-Нор — это озеро в северной части провинции Гна-ри-Кхорсум, расположенное приблизительно на 34 градусе северной широты.

Очевидно, что Е. П. Б., говоря о географическом местоположении страны Шамбала, скрывает больше, чем открывает, так как область, о которой она упоминает, простирается на огромные расстояния во всех направлениях. — *Прим. ред.*

цзы, «полнота» — это природа буддийского абсолюта. (См. «Восхваление Хаоса» Конфуция). И слово *джива* никогда не сможет быть отнесено архатами к *седьмому* принципу, поскольку лишь благодаря его связи, или его соприкосновению, с материей, *фохат* (активная энергия у буддистов) может создать активную *сознательную* жизнь; и тогда на вопрос: «как может *бессознательное* существование породить *сознательное*?», можно ответить: «Осознавало ли себя то семя, которое было порождено Бэконом или Ньютоном?»

V

Нашим европейским читателям, обманутым фонетическим сходством, не следует полагать, что название «брахман» идентично в этом отношении с Брахмой или *Ишварой* — личным Богом. *Упанишады* — ведические тексты — не упоминают такого Бога, и бесполезно искать в них каких либо ссылок на сознательное божество. Брахман, или парабрахм, АБСОЛЮТ ведантистов, является бесполом и бессознательным, и не имеет ничего общего с мужским Брахмой индусской Троицы, или *Тримурти*. Некоторые ориенталисты правильно полагают, что это имя произошло от глагола «брех», *расти*, или *возрастать*, и в этом смысле является *универсальной расширяющейся силой природы*, животворящим и духовным принципом, или силой, которая распространена по всей вселенной и в своей целостности является единственно Абсолютным, единственной Жизнью и Реальностью.

НЕКОТОРЫЕ КОММЕНТАРИИ ОТНОСИТЕЛЬНО «ПЯТИКОНЕЧНОЙ ЗВЕЗДЫ»

В своем письме в «Теософист», К. Х. Ван дер Линден ищет объяснения некоторым необычным случаям, произошедшим с ним; в конверт также вложена копия письма на ту же тему, адресованное им полковнику Бунди в «Религиозно-философский журнал». В частности, там говорится: «Некоторые назовут меня сумасшедшим, другие мечтателем, а большинство людей — мошенником».

Несомненно, так оно и будет; и каждый член Теософского общества — если только он не скрывает в себе такие же личные оккультные и психологические опыты и не держит их в строгом секрете — должен быть готов к подобному обвинению. Публика (не исключая и высший свет) — готовая в любой момент отвернуться от своих *идолов* и *авторитетов*, и, разбивая их вдребезги, забрасывать их камнями и втоптывать в грязь даже таких выдающихся ученых как профессоров Хэйера и Цельнера, г-д Уоллеса и Крукса, и все это лишь потому, что они были вынуждены признать некоторые феномены как *факты* и искренне объявить их таковыми — тем более не должна проявлять большую снисходительность к таким людям, как мы.

Повествуя о своих опытах, Ван дер Линден пишет: «Несколько дней назад у моей жены были мучительные спазмы в животе. Я магнетизировал ее, непроизвольно повторяя своими движениями фигуру пятиконечной звезды над больным местом, и вот! спазм исчез как по волшебству... Оказал ли при этом воздействие данный знак?»

В своем письме к полковнику Бунди он рассказывает, что лежал посреди ночи «в дремотном состоянии, но оставаясь в сознании...» Он заметил возле своей кровати «фигуру человека в древнем одеянии», который сказал ему: «Сам того не осознавая,

несколько дней назад ты использовал тайну, чтобы успокоить боли твоей жены, тайну, которая, если она станет известна всем, в корне изменит практику медицины... Я научу тебя, как тебе лично использовать ее... и только одно обещание я *требую* взамен... никогда не раскрывай этот секрет никому вне своей семьи...» В заключении автор письма сетует: «Сама наука стала испорченной и развращенной, ибо она отказывается признавать или исследовать факты».

Напротив, многие люди науки делают это. Но для этого от человека требуется исключительное мужество, чтобы встретить ту бурю критики, которая обрушится на экспериментатора из-за признания таких исследований, особенно в том случае, если они увенчаются успехом. Загляните в «Трансцендентальную физику» профессора Цельнера и в «Изучение феноменов спиритуализма» В. Крукса, члена Теософского общества, и судите сами.

Что касается визитов «ориенталов» [людей с Востока], с одним из которых посчастливилось познакомиться м-ру Ван дер Линдену, то они стали довольно частыми в наши дни. У нас есть несколько писем о том же самом явлении. Однако, мы возьмем на себя смелость утверждать, что никакое объяснение не может принести никакой пользы, если ему не предшествовало долгое изучение и *правильное понимание* оккультных законов так называемых «магнетических сообщений». Сначала посмотрим, имеем ли мы право, собрав свидетельства одинаковых результатов, включить это таинственное воздействие в число *фактов*. Для нас преждевременно говорить о таких вещах, если даже научная гипотеза профессора Цельнера о четвертом измерении пространства снискала столь слабое одобрение у материалистов. Между тем, мы добавляем к этим материалам другое письмо на ту же самую тему, полученное от одного парса, члена Теософского общества, который еще вчера был убежденным скептиком, но его скептицизм пошатнулся благодаря такому же эффекту.

Это письмо было получено от Дараша Дошабхои. Кроме рассказа о случае, сходным со случаем Ван дер Линдена, связанным с воздействием пентаграммы, он пишет, что его сильно поразила история о перевоплощении, рассказанная дамой из касты кшатриев, которая была опубликована в майском номере «Теософиста» за 1881 г. Он пишет: «Я обнаружил теперь, что история этой дамы подтверждает мое предположение, так как она утверждает, что поскольку в этом брэнном мире материи нет никакого возрастания или убывания, *атма* кого-либо, как только она покидает тело, переходит в другое тело... Я все еще настроен наполовину скептически относительно того, что это такое и чем это должно быть...»

Наука неспособна показать, что это или «чем это должно быть». Хотя намного легче доказать, чем это *не является и не может быть*. Это не «арфа» и не «крылья» на некой лишенной тела голове, на которой нет ничего, кроме ушей — и это единственное, чем можно утешиться.

ПЯТИКОНЕЧНАЯ ЗВЕЗДА

В письме, написанном м-ром С. Т. Венкатапати, утверждается, что пятиконечная звезда, нарисованная на бумаге, в промежутках между лучами которой вписано имя индусского бога, успешно применяется в Индии для лечения или облегчения последствий укуса скорпиона.

Многочисленные письма, полученные за последнее время редакцией «Теософиста», имеют отношение к силе и действию таинственной пентаграммы. Наши восточные читатели вероятно не имеют информации о том большом значении, которое придают этому знаку западные каббалисты, и потому имело бы смысл сказать о нем несколько слов сегодня, когда он начинает столь сильно привлекать внимание наших читателей. Подобно шестиконечной звезде, являющейся образом *макрокосма*, пятиконечная звезда имеет свое собственное глубокое символическое значение, ибо она представляет *микрокосм*. Первый знак — «двойной треугольник», составленный из двух скрещенных и переплетенных треугольников,

соответственно, черного и белого (избранный символом нашего Общества) — известен в Европе как «печать Соломона», а также как «знак Вишну» в Индии; он должен представлять универсальный дух и материю, причем один *белый* конец символизирует дух, восходящий на небеса, а нижний конец его *черного* треугольника направлен в сторону земли. Пентаграмма также представляет земное проявление духа и материи. Эмблема *микрокосма* (или «малой вселенной»), достоверно отражающая в себе *макрокосм* (великий космос), — это знак превосходства человеческого разума или духа над грубой материей.

Большинство тайн каббалистической или *церемониальной* магии, гностические символы и все каббалистические ключи пророчества сконцентрированы в этой пентаграмме, которую практикующие халдео-иудейскую каббалу рассматривают как наиболее сильный магический инструмент. В магическом вызывании духов, в ходе которого малейшее колебание, ошибка или оплошность становится фатальной для совершающего его, эта звезда всегда находится на алтаре с благовониями и другими приношениями, под специальным треножником. В соответствии с расположением ее концов, она «вызывает добрых или злых духов, изгоняет, удерживает или захватывает их», — сообщают нам каббалисты. «Оккультные качества являются следствиями действия элементарных духов», — говорится в «Новой американской энциклопедии» в разделе «Магия», и, таким образом, здесь используется прилагательное «элементарный» по отношению к определенным духам, — кстати, это именно то слово, в фабрикации которого спиритуалисты обвиняют теософов, тогда как «Н. А. энциклопедия» была опубликована за двадцать лет до рождения Теософского общества. «Эта таинственная фигура [пятиконечная звезда] должна быть освящена четырьмя элементами при помощи дуновения, опрыскана водой и высушена в фимиаме драгоценных благовоний; затем на нее нашептываются имена великих духов, таких как Габриил, Рафаил и Орифиил, буквы священной тетраграммы и другие каббалистические слова, и таинственным образом наносятся на нее», — добавляет «Энциклопедия», приводя информацию из книг старых средневековых каббалистов и более современной работы Элифаса Леви — «Догма и ритуал высшей магии». Современный лондонский каббалист, подписывающийся как «Адепт», — некий корреспондент в лондонской спиритуалистической газете, — высмеивает восточную теософию, и поставил бы ее — если бы смог — в подчиненное положение относительно еврейской каббалы с ее халдео-финикийской ангелологией и демонологией. Этот новоявленный Калиостро хотел бы, вероятно, объяснить силу и действенность «пятиконечной звезды» воздействием добрых «гениев», призванных им; тех *джинов*, которых он, подобно царю Соломону, вероятно, держит в бутылке, опечатав ее горлышко «печатью царя Соломона», которая была рабски скопирована этим мифическим властителем со знака индийского вайшнавья, вместе со всеми остальными вещами, вынесенными им из не менее мифического Офира, если его сосуды когда-либо вообще были там. Но объяснение, которое дают теософы случаям успешного облегчения боли (например, от укусов скорпиона) при помощи наложения пентаграммы, — кстати, успеха, который мог бы стать постоянным у некоторых людей, знающих о причине, порождающей его, — намного менее *сверхъестественное*, и оно отрицает любую теорию о действии «духов», совершающих его, считаются ли эти духи *человеческими* или *элементарными*. На самом деле, *пятиконечная форма* звезды должна что-то делать с болью, как это будет объяснено ниже, но это действие зависит и полностью подчинено главному действующему лицу этой операции, *альфе* и *омега* магической силы, — ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ВОЛЕ. Все принадлежности церемониальной магии — благовония, облачения, написанные иероглифы и ритуальные представления — хороши только для начинающего, неопита, чьи силы должны быть развиты, его ментальная позиция в течение действий — очищена, а его ВОЛЯ — натренирована путем концентрации на таких символах. Каббалистическая аксиома о том, что маг может стать хозяином элементарных духов только превзойдя их в мужестве и смелости в их собственных элементах, имеет аллегорическое значение. Ужасные испытания посвящения в древние мистерии были выдуманы иерофантами лишь для того, чтобы проверить силу и мужество кандидата; следовательно, неопит, который доказал свое бесстрашие в воде, огне, воздухе и в ужасах киммерийской тьмы, признавался хозяином над унами, саламандрами, сильфами и гномами. Он «заставлял их повиноваться» и «мог вызывать духов», ибо, ознакомившись и постигнув сокровенную сущность оккультной или сокрытой природы и свойства элементов, он мог создавать по

своей воле самые удивительные проявления или «оккультные» феномены при помощи комбинаций этих свойств, комбинаций, до сих пор сокрытых от непосвященных, так как поступательная и экзотерическая наука, которая продвигается медленно и осторожно, может размещать свои открытия только одно за другим и в их последовательном порядке, поскольку она до сих пор презирует идею учиться у тех, кто усвоил все таинства природы много веков назад. Многие оккультные тайны были найдены ей и выужены из древней магии, и все же она не поверит ей даже в том, что, как было доказано, было известно древним эзотерическим ученым, или «адептам». Но нам не следует отвлекаться от нашей темы, и мы обратимся теперь к таинственному влиянию пентаграммы.

«Что же такого особенного есть в этом знаке?» — спросят нас наши читатели. Не больше, чем в любом имени, — ответим мы, — ничего, кроме того, что, как было сказано выше, он помогает сконцентрировать внимание, а следовательно, приковать ВОЛЮ человека к некоторой точке. Магнетический или месмерический флюид, истекающий из кончиков пальцев руки, очерчивающей фигуру, лечит или, по крайней мере, останавливает острую боль в оцепеневших нервах, а не фигура *per se* [сама по себе]. И все же есть некоторые специалисты, которые доказывают, что *пятиконечная звезда*, концы которой представляют пять частей тела — голову, две руки и две ноги — или те каналы, откуда исходящие месмерические токи наиболее сильно и просто очерчивают эту фигуру (это очерчивание производит много более сильный эффект посредством пальцев, чем чернилами, мелом или карандашом), при наличии сильного желания облегчить боль, очень часто будут бессознательно вызывать излечивающий флюид из всех таких конечностей со много большей силой, чем каким-либо иным способом. *Вера* в фигуру преобразуется в могучую волю, а последняя — в энергию, а энергия, какое бы чувство или причина не породили ее, безусловно, должна быть направлена куда-то и воздействовать с той или иной силой на это место; и совершенно естественно, что это будет тем самым местом, на котором в тот момент сконцентрировано внимание человека, оказывающего воздействие; и следовательно — лечение приписывается невежественным месмеризатором ПЕНТАГРАММЕ. Как правильно замечает Шеллинг,

хотя магия в целом перестала быть объектом серьезного внимания ... она с одной стороны имела историю, которая связывает ее с высшими представлениями символизма, теософии и древней науки, тогда как с *другой* — с нелепыми или трагическим заблуждениями многочисленных форм демономании... В греческой мифологии надо было искать остатки высочайшего разума и даже совершенную систему, которая простиралась бы далеко за тот горизонт, который показывают нам большинство древних письменных памятников ... и части той же системы можно обнаружить в еврейский каббале...

Эта «совершенная система» находится сегодня в руках немногих знающих на Востоке. Законность «магии» может обсуждаться фанатиками, но ее подлинность как искусства, и особенно как науки, едва ли может быть подвергнута сомнению. В этом совершенно не сомневается все римско-католическое духовенство, хотя страх перед тем, что она станет ужасным свидетелем против законности их собственной власти, заставляет священнослужителей поддерживать аргумент о том, что чудеса магии происходят из-за злобных духов или «падших ангелов». Магия все еще имеет в Европе «несколько ученых и уважаемых учителей и адептов», — признает та же «Энциклопедия». И мы можем добавить, что повсюду в «языческом» мире ее реальность пользуется всеобщим признанием, и ее знатоки многочисленны, хотя они и пытаются избежать внимания со стороны скептически настроенного мира.

ПОЧЕМУ НЕРАЗРУШИМ ЯЗЫЧЕСКИЙ СИМВОЛИЗМ?

Прошло несколько лет с тех пор, как профессор Макс Мюллер одержал решительную победу над двумя сильными партиями, которые отрицали возможность научного подхода к религиям, над теми, — говорит он, — для кого «религия кажется слишком священной темой для научного обращения с ней», и теми, для кого «она находится на одном уровне с алхимией и астрологией, то есть намного ниже сферы внимания человека науки».

Мы не обладаем столь дерзким и самонадеянным желанием говорить о тех областях, которые были столь хорошо изучены этим великим пионером свободного исследования. Но поскольку он достиг редкой привилегии толковать о христианской религии по крайней мере с той же степенью беспристрастности, какую проявляют европейцы в своем обращении с религиями других народов, то мы попросту воспользуемся нашими собственными правами. И это не будет нашей ошибкой, если мы не сможем избежать конфликта с глубоко укоренившимися предрассудками и убеждениями фанатичного сектанства, поскольку — мы не стремимся к нему. Мы лишь обязаны равным образом беспристрастно проанализировать и рассмотреть все вероисповедания. Мы не намерены, также, грубо и невежливо обходиться с тем, что профессор У. Уордсворт столь напыщенно величает «золотым зерном галилейского учения». В нашем непрестанном поиске истины, мы просто собираем любую возможную информацию, способную пролить свет на темные места и уголки различных верований человечества, и накопить столь много материала для сравнения, сколько сможем. Из гигантской груды языческих символов мы намерены выбрать для этой публикации лишь те, которые могут пролить свет, которого так не хватает нам. Желая познать все, и прежде всего — то, что кажется ближе всего присущим сердцу человека, и с чем он расстаётся наиболее неохотно — религию, мы по необходимости должны обратиться к символам, которые, как было обнаружено, по крайней мере отчасти являются ключами к каждой вере. Многие из них мы видим сегодня столь же живыми, как и во времена древности, и, несмотря на фанатичное преследование самой молодой из мировых религий, они перешли по большей мере в христианские убеждения.

Но их мы обсудим позже. Сегодня нашей целью является анализ того чувства, которое, переживая здравый смысл и рассудок, заставляет людей придерживаться так называемых «суеверий» давно исчезнувших поколений своих предков. В связи с этим символизмом древней языческой мысли может быть отчасти объяснен один любопытный психофизиологический феномен. Мы часто полагаем, что степень гениальности, проявленной в литературных сочинениях самых известных романистов, главным образом зависит и пропорциональна интенсивности и заинтересованности, которую они испытывали во времена своего детства к детским историям, и было также замечено, что чем старше становится человек, тем больше он цепляется к событиям своего раннего детства и тем яснее, как кажется, он видит их. Часто до самого последнего часа нашей жизни мы храним в наших сердцах томительные воспоминания о героях и героинях, рассказ о деяниях которых поразил наше детское воображение. Мы можем забыть детали, и даже сами образы наших дорогих друзей, если мы разделены с ними долгие годы, могут стереться и исчезнуть; но память о несчастной принцессе, которой мы отдали все наши детские симпатии, и о ее злобном преследователе, горбатом колдуне, чей отвратительный, хмурый взгляд часто возникал в наших снах, — не сможет изгладиться никогда.

Было замечено, что в этом отношении массы необразованных людей ничем не отличаются от детей. Со своим пробужденным лишь наполовину разумом, они часто и в более преклонные годы остаются неосознающими пустоту фантазии. Все нелогическое в истории исчезает, остаются лишь извращенные образы и идеи, связанные с такими произвольными образами, и даже для большинства самых цивилизованных людей, эгинхардский *Карл Великий* никогда не будет столь же привлекательным, как *Карл Магнус* и его двенадцать легендарных лордов, какими они изображены в Каролингском цикле, и строгий образ этого героя должен будет оставить место для фантастической формы другого, как он описан народными бардами и в рыцарских романсах. В то время как поэтическая

выдумка в своих пышных одеяниях, подобно «вороне в павлиньих перьях», находит везде жаждущую аудиторию, трезвая реальность остается нищей, и лучшее, что она может сделать, это позаботиться о себе сама.

То же самое и с народами и их древними верованиями. Большая часть античной мифологии была очернена, извращена и искажена нетерпимостью раннего христианства, однако, сколь бы мы не думали о том, что при этом могли исчезнуть все ее следы, все же, раз она запечатлелась в народном воображении, она никогда не сможет умереть. Ближайшие поколения новообращенных могли избегать веры своих предков, но те, которые последовали сразу же за ними, постепенно и бессознательно возвращались — если даже не к ней самой, то, по крайней мере, к некоторым из ее наиболее поразительных символов и представлений. К ним будут возвращаться поэты, помогая тем самым возрождать народное чувство. И целые народы, подобно старым людям, часто подвергаются влиянию этого томительного, неумирающего чувства любви — да, чувства благоговения и почитания того, чему они поклонялись и во что верили в начале своей жизни — хотя бы они проклинали это и смеялись над этим в последующей жизни. Некогда могущественные боги западных народов умерли, но впечатление от них все пребывает здесь, проникнув в самую кровь потомков тех, кто в течение долгих поколений постепенно создал их из своего собственного воображения, затем превратил их в живые и мыслящие существа, чтобы в конце концов закончить поклонением детям своих собственных фантазий.

Это наблюдение столь истинно, что мы можем проследить этот традиционный закон во всех современных областях расселения римско-католических, православных и протестантских народов, и едва ли обнаружим хотя бы одно исключение.

Греки во времена Перикла — те, кто эвгемеризировал весь пантеон богов и богинь, из которого олимпийский Юпитер и Афина Промяхос были увековечены Фидием — не могли иметь никаких других потомков, кроме тех, кого они имеют в настоящем — эллинов, поклоняющихся деве и святому. Не кажется ли столь же естественным, что англосаксы и большая часть германцев сильно оторвались от этого поклонения римских католиков, если мы можем верить тому, что говорил Тацит об их предках 18 столетий тому назад, а именно, что «они верят, что недостойно величия богов заключать их внутри стен или изображать небесные существа подобными человеку; они освящают леса и рощи, подобно храмам; и они называют именами богов то таинственное Присутствие, которое они видят только в духе молитвенного созерцания».⁸⁸ Таким образом, мы можем убедиться, что форма поклонения более зависит от соответствующих особенностей характера народов, чем от их способностей к разумному пониманию, и что естественные симпатии и антипатии предков всегда будут в той или иной степени отражаться в последующих поколениях. Римляне расстались со своим Юпитером при том условии, что они будут поклоняться ему под маской св. Петра. И если они отреклись от Юпитера, отца богов, то это лишь для того, чтобы помочь ему переселиться с Олимпа в Эдем, вместе со своим именем — удлинённым при помощи масоретских огласовок, хотя и не настолько изменённым, чтобы его было невозможно узнать *вовсе*. В самом деле, мы не видим теперь его рождающим Афину-Палладу во всех ее доспехах, но это потому, что для него был избран другой способ произведения потомства. Мы еще можем встретить его на различных окнах средневековых французских соборов... выступающим в папском одеянии и в полном церковном облачении, чтобы создать Еву из ребра спящего Адама, как это показал *Дидрон*. То же самое и с греческим Зевсом. Отказываясь сидеть во главе стола на пирах веселых древних богов, он отдыхает сегодня на облаках в окружении хора музицирующих юных херувимов. Способный при помощи неких непостижимых средств выйти за пределы безграничного и беспредельного пространства, Вечный вобрал его в шар, представляющий Вселенную, и сегодня мы видим Его на многочисленных *иконах* восточных и западных церквей, сидящим вне этого пространства, но держащим его в одной из Своих святых рук в виде шара.

Также и парфенонская Афина, дева-богиня, была разрушена руками иконоборца Лахара, который лишил ее золотого одеяния, весившего 50 талантов. Но там осталась Изида со своим сыном Гором, спящим на ее девственной груди, и вавилонская Милитта, идентичная с кипрской Венерой — «матерью милосердия и сострадания», *примирительницей*, — потому ее называли «Афродитой», смягчающей гнев Юпитера, та,

⁸⁸ Корнелий Тацит, «*De Moribus et Populis Germaniae*», гл. IX.

кого древние афиняне прославляли под именем «Амарузия», или «Мать милостивого одобрения и помощи», кто сидит подобно Милитте со своим божественным сыном младенцем Таммузом на руках. В свою очередь она освобождает место для *Пречистой Девы*, последней в этой династии. Она также пребывает вместе со своим сыном, одним из имен которого было *Адонай*, или Господь, как и Таммуза величали Адоном или Адонисом, и ей, подобно Митре, поклоняются как примирителю. В своем нынешнем одеянии из золота, серебра и драгоценных камней, современная Царица Небесная легко может с презрением и жалостью взирать на прежнюю античную Афины. Чем была эта бедная статуя со своими пластинками из золота и слоновой кости по сравнению с бриллиантами и рубинами, покрывающими итальянских мадонн и русских богоматерей, которые представляют собой мертвый капитал, достаточный для того, чтобы купить целое царство!

Таким образом, мы обнаруживаем вновь старый трюизм, что изменяются лишь имена и формы — идеи остаются теми же самыми, и что чем древнее вера, тем сильнее она тяготеет к остаткам своей молодости. Если то, что было сказано профессором Максом Мюллером, который заметил, что «если есть что-либо, что удалось с очевидностью прояснить сравнительным изучением религий, то это неизбежный упадок, которому подвержена любая религия», — что действительно верно вообще для всех религий, тогда как с другой стороны, ничего подобного ни в коем случае не может быть сказано о символизме. Первоначальная чистота веры может быть загрязнена, ее апостолы могут деградировать и запятнать ее недопустимыми примесями человеческого. Но ее символизм, как конкретное выражение некой ныне утраченной идеи ее основателя, будет жить всегда. Его значение может меняться, более того, может измениться даже его внешний вид. Но подобно древнему фениксу, он каждый раз будет восставать из своего пепла.

ХАЛДЕЙСКИЕ «ВЕДЫ» ИЛИ «ВЕДИЧЕСКИЕ» ХАЛДЕИ?

Древнейшая книга, в которой содержится слово «магия», — говорит христианский ориенталист Франсуа Ленорман, великолепным образом забывая о ведических и зороастрийских сочинениях, — это Библия. Первый народ, практиковавший ее, — добавляет он, — это халдеи. Но кем же они были? Ни филология, ни этнология не способна дать нам никакого определенного ответа; а в географическом или этнографическом отношении, Халдея является предметом самых противоречивых утверждений со времен Геродота до нашего дня.

Географ Птолемей сообщает нам, что Халдеей называлась юго-западная часть Вавилонии, ограниченная рубежами Аравии. В то же самое время, едва ли за четверть века до того, многие критики считали, что «Ур халдеев» или Хасдим Авраама находился на месте Месопотамии, а некий замок с таким названием упоминается Аммианом и помещается им между Нисибом и Тигром. О халдеях как о народе известно в истории столь же мало. Страбон называет их «племенем», живущим на границе Аравии. Геродот упоминает о них как о подразделении в армии ассирийцев, хотя последние завоевали их через много веков после того как халдеи стали цивилизованным царством; и Ксенофонт, в истории об отступлении десяти тысяч, видит в них «свободный и воинственный народ на Кардушских холмах», а затем — где-то недалеко от гор Армении. Даже сам язык кушитской Халдеи — тот язык, на котором сделан подстрочный перевод аккадских надписей на цилиндрах, выкопанных на месте древней Халдеи — обычно называется нашими филологами «ассирийским», тогда как этот язык уже существовал в те времена, когда еще не было придумано само название Ассур в генеалогии Ноя. Таким образом, поскольку никакая из отраслей науки неспособна сказать миру ничего определенного о халдеях, мы должны были выступить со своими собственными предположениями. Поэтому мы попытаемся по

крайней мере выяснить, чем этот народ *не мог быть*, поскольку мы не можем узнать точно, кем они были.

В истории Моисея мы в первый раз читаем о Халдее (Бытие, X, 10), когда Нимрод, сын Куша и внук Хама, завоевывает четыре города, соответственно именуемые «Вавилон, Эрех, Аккад и Халне, в земле Сеннаар»; и снова, когда нам сообщают, что Авраам «ушел из Ура Халдейского» (Бытие, XI, 31). Библия, утверждающая, что мир был сотворен в 710 году юлианского летосчисления (4004 г. до Р. Х.), потоп произошел в 2348 и Авраам родился в 1996 г. до Р. Х. (что оставило бы всего лишь период в 289 лет для развития халдейской, или аккадской, цивилизации, которой предшествовала другая, еще более древняя!), в конце концов окончательно запутывается в своей собственной хронологии и таким образом, благодаря своим собственным противоречиям и *lapsus calami* (опискам), доказывает совершенно обратное тому, что она намеревалась доказать в начале. Она ясно показывает существование другого и особенного элемента в Халдее, некой расы, не хамитской и не семитской, но той, которую сегодня называют аккадской. Поскольку Библия упоминает о том, что город Аккад был завоеван Нимродом, национальность которого определяется из его генеалогии, этот город должен был существовать до него; и поскольку сам кушитский, или хамитский, Нимрод не был халдеем по рождению, очевидно, что они не могли называться таким образом до появления. Тогда этот народ несомненно предшествовал дикой расе «могущественного охотника перед Богом». И они были высокоразвитой нацией задолго до дней «всеобщего» Ноева потопа (от которого не осталось никаких геологических следов), поскольку хорошо установлено, что Нимрод, которого сегодня отождествляют с Саргоном I, прибыв туда, обнаружил народ, высокая культура которого находилась тогда в точке своего наивысшего развития. Эта нация, которая задолго до того времени отказалась от кочевого пастушеского состояния, которым патриархальные потомки Сима довольствовались впоследствии еще долгие века, и была теми «таинственными» аккадцами, или халдеями, именем которых классические и библейские авторитеты обозначали не только народ, но и особую жреческую касту, посвященную в науки астрологии и магии и всецело преданную им. Оставаясь священным во все века, это специфическое учение было сконцентрировано в Вавилоне и известно в самые удаленные от нас периоды истории как система религиозного культа и Наука, которая принесла славу халдеям.

По мнению некоторых ориенталистов, этот народ принадлежал к индоевропейской, или кавказской, расе, другие же — не меньшие авторитеты в науке — рассматривают его как монголов или туранцев, — глубокий покров тайны опустился на этот народ. Ассириологи говорят нам, что они были изобретателями клинописных надписей, авторами великой и тщательно разработанной литературы, столь таинственным образом сохранившейся на тысячах цилиндров, откопанных ныне Джорджем Смитом, Лэйардом и другими. Но, с другой стороны, мы знаем, что самим аккадцам, принадлежали ли они к туранской или индоевропейской расе, *предшествовал другой еще более таинственный народ*, «...вероятнее всего более темной расы, чем были они», потомков которого можно найти сегодня то там, то тут в виде изолированных групп около Персидского залива, — полагает профессор Роулинсон («Пять великих монархий»). Об этом народе не осталось сегодня никаких воспоминаний. Исчезло само его название, хотя «мы и должны признать его существование в наших объяснениях этнографических элементов древней Халдеи», — говорит автор «Очерков халдейской культуры».

Для лучшего понимания этой теории, которая уничтожает последние следы веры во «всеобщий» потоп и отрицает саму его возможность, мы вкратце сопоставим несколько мнений таких людей науки, как наши покойные ассириологи, и добавим к ним сведения, которые мы сами нашли у античных авторов. Наши ориенталисты полагают, что туранцы были не первыми жителями долин Тигра и Евфрата. Они и не были сами некой чистой, первобытной расой, так как они являются результатом смешения белой и желтой рас, и народы, принадлежащие к ним, дают нам бесконечное число оттенков и типов, постепенно переходящих от чисто европейского до китайского типа. Невзирая на все это, их общее происхождение видно в сходствах языка, религии и обычаев. Языкам туранских народов недостает той устойчивой и определенной формы некоего типа, которая позволила бы нам назвать их шагом к формированию человеческой речи, — говорит Макс Мюллер («Языки очага войны на Востоке», стр. 88). Что же касается их религий, они «никогда не

поднимались выше некой формы грубого натурализма, который превращает все явления природы в два бесчисленных воинства духов добра и зла, и все культы которого неизменно состоят из магии и заклинаний», — заявляет Ф. Ленорман {«*La Magie chez les Chaldeens*», стр. 184 и далее).

В том, что касается происхождения и древней страны обитания туранцев, как некой расы, наши люди науки уверены еще меньше. У тюрков и монголов существует общая традиция о том, что их раса возникла где-то невдалеке от южных склонов Алтайских гор, в долине, окруженной неприступными горами, полными минералов. Благодаря огню, появившемуся однажды из недр земли, одна сторона гор была разрушена, и древний народ вышел в широкий мир. Эта традиция согласуется с другой, в соответствии с которой восточные народы Сирии и Месопотамии считают, что место их появления находится к востоку от их поселений, а персы-мидийцы полагают, что к северу. Тибетцы же утверждают, что предки их хубилганов и шаберонов, или высших и посвященных лам, были теми удивительными людьми, которые жили на прекрасном острове, некоем Эдеме в центре Гоби, когда эта ужасная пустыня еще была безбрежным морем. Они были гигантами, в которых, переходя от одного к другому, непрерывно двигался дух Фо, или Будды (высочайшая мудрость). Что же касается остальных лам и тибетцев, то их предки были созданы первыми из кусочков каждого растения, минерала или животного, причем эта теория подозрительно похожа на теорию наших современных эволюционистов. В свою очередь, наши люди науки, которые еще совсем недавно должны были по крайней мере официально признавать, что они верят в басню об Эдеме, однажды единодушно заявили, что колыбелью человечества было плато Памира, откуда вытекают четыре великие реки: Инд, Гельмунд, Оксус, или Иехуна, и Яксарт, или Сыр-Дарья, древний Сихон. Разделение туранцев происходило в двух направлениях: одна ветвь поднялась к северу и обосновалась в области Алтая, Аральского моря и долин Уральских гор, откуда они впоследствии рассеялись по северным областям Европы и Азии до Балтики в одну сторону, и до Амура — в другую. В то же время другие и столь же многочисленные племена туранцев избрали южное и западное направления, и некоторые из них достигли - Армении и Малой Азии, а другие обосновались у подножия гористого Иранского плато в долинах Сузианы и на берегах Тигра и Евфрата, где они в течение веков ожидали появления семитов и кушитов.

Таким образом, традиции полных дикарей и цивилизованных, но «низших» рас, так же как и научные теории европейских, или «высших» рас, удивительным образом совпадают в этом. Где бы не находилась колыбель человечества, здесь или там, она в любом случае ограничена пределами Центральной Азии. И, хотя катехизис науки и признает учение о многих и одновременно существующих «колыбелях», в которых разноцветное человечество развивало каждый из своих особенных типов и цветов, — теорию, которая еще сильнее ослабила бы красиво состряпанную басню об Эдеме и первородном грехе, или по крайней мере ограничила бы ее лишь предками семитов, мы — «высшие» белые расы — должны будем среди других неприятных вещей признать и ту истину, что наши предки были так же черны или даже еще чернее, чем у любых из тех, на кого мы смотрим ныне как на расы, которые ниже нас, ибо — они были АЗИАТСКИМИ ЭФИОПАМИ!

Это — простое и логическое следствие, исходящее из мнения ученых, сколь бы многочисленными и противоречивыми не были бы их теории. Таковы факты, вытекающие из последних достижений филологии и этнологии. И если мы должны принимать истину, откуда бы она не приходила, и придерживаться фактов, то мы должны будем поверить, что когда-то черная, или весьма темнокожая, раса населяла Западную Европу, и они были, попросту говоря, аборигенами Европы. «Азиатские эфиопы», — пишет профессор Роулинсон, — «по самому своему названию, которое близко связывает их с кушитским народом, населяющим страну невдалеке от Египта, могут быть отнесены к хамитской семье, и эта связь подтверждается единодушным мнением античности, которая говорит об эфиопах как о единой расе, живущей вдоль берегов Южного океана от Индии до Геркулесовых Столпов...» «Очевидно, что первый человек, который появился на арене цивилизации, принадлежал, по-видимому, к той семье, которую мы именуем до некоторой степени неразборчиво хамитской, кушитской и эфиопской», — говорит д-р А. Уилдер в своей книге «Черные народы Европы». Область их пребывания не имела четких границ... Их этнические названия весьма многочисленны. В древние времена Египет назывался «землей Хамовой»

(«Псалтирь», cv, 22) по имени Кхема, их главного божества. Сузиана и Аравия величались Киссоей и Кушем, а страны хамитских рас назывались Эфиопией. Геродот неоднократно упоминает эфиопов Азии, помещая их страну на юге современного Афганистана, сегодня это Керман и Белуджистан. Гомер говорит о Мемноне как о сыне Эоса, или зари, а Диодор утверждает, что он был царем эфиопов и построил дворец в Сузах, библейском Шушане. Традиционное представление о том, что эфиопская раса владела Мидией, Вавилонией, Ассирией, Арменией и Малой Азией, включая Иберию и Грузию, по всей видимости подтверждается последними открытиями. Роулинсон считает, что их первыми центрами были Белуджистан и Керман, но Дж. Д. Болдуин в своих «Доисторических народах» утверждает, что древней Эфиопией была Аравия. И наконец, в «Классическом атласе» Лонга арабы помещаются в устье Инда, на его западных берегах. Евсевий заявляет, что эфиопы пришли из Индии, причем он не упоминает, из Восточной или из Западной.

Индия или Ходду из «Книги Есфирь» была Удом, или Пенджабом, но само название «Индия» является весьма неопределенным и обозначает лишь некую страну, расположенную на реке. Сэр У. Джонс считает Иран или Бактрию первоначальным источником этих народов и предполагает, что черное, или эфиопское, царство некогда управляло всей Южной Азией, имея своей метрополией Сидон. Годфри Хиггинс предполагает в «Анакалипсисе», что это был Вавилон... Владения Нимрода (Саргона I ассирийских цилиндров, или табличек), очевидно, этому соответствуют. («Черные народы Европы».)

Наконец, Страбон, цитируя Эфора, говорит:

Считалось, что эфиопы населяют все восточные побережья Азии и Африки и разделены Красным морем на восточном и западном азиатском, и африканском.

Все подобные объединения народов под одним названием эфиопов не дает нам никаких сколь либо определенных сведений о том, кем была эта «черная раса», которая, согласно проф. Роулинсону, Ленорману и другим, предшествовала турано-аккадцам, которые, в свою очередь, предвзяли появление хамитского народа, приведенного Нимродом; но это неоспоримо доказывает, что они были темнокожими, хотя вовсе и не обязательно неграми или даже хамитами. Это ясное научно-этнографическое истолкование кажется всем еще более темным и запутанным благодаря филологическим попыткам проф. Роулинсона разрешить эти противоречия. Признавая в этом авторитет Макса Мюллера, который сам лишь освящает предположение профессора Опперта, приписывая изобретение клинописных знаков и создание «некой цивилизации, предшествовавшей цивилизации Вавилона и Ниневи, туранской или скифской расе», — преп. Джордж Роулинсон, брат нашего знаменитого археолога, сэра Генри, — пытается придать этим эфиопам туранское, или скифо-татарское, происхождение. «Хамитизм», — говорит он, — «хотя он без сомнения и есть та языковая форма, из которой развился семитизм, сам является скорее туранским, нежели семитским», — и добавляет затем в качестве некоего более детального объяснения, что: «туранский язык — это ранний этап хамитского языка».

Далее мы обратимся к этой скифо-татарской расе и посмотрим, можем ли мы найти в них нечто, что связывает их с туранскими халдеями, или же с древней «черной расой», к которой принадлежали творцы древнейшей истории, и надписями, запечатлевшими «религию магии», переведенные ныне с ассирийских цилиндров.

На основании цитаты, которую приводит Юстин из некой исторической книги Трога Помпея, утраченной после второго века нашей эры, в которой утверждается, что первоначально все пограничные области Азии находились во владении скифов, которые также, как это показано, *должны быть древнее египтян*, и на самом деле, самым древним народом в мире, — в силу этой цитаты и путаницы, содержащейся в Библии, как мы предполагаем, и принято повсюду в наши дни смешивать этих азиатских скифов с туранскими народами, приписывая им изобретение клинописных букв и говорить об аккадском языке, на котором они писали, что он, подобно санскриту, оставался литературным языком в течение долгого времени после того, как на нем перестали говорить, и он стал мертвым языком.

Может ли это помочь нам узнать больше о том, кем были халдеи? Вовсе нет. Ибо мы знаем о скифах — это общее родовое название, данное всем азиатским племенам древности, история которых остается для нас неведомой — столь же немного, если не меньше, как и об аккадийцах, язык которых был по крайней мере приблизительно раскрыт нашими филологами. Из сообщений Геродота и Гиппократом мы не узнаем почти ничего о скифах, и становится почти невозможным связать их с халдеями с большей уверенностью, чем с любым другим народом, жившим до седьмого века до Р. Х. Говоря о них, Гиппократ описывает их внешний вид как отличный от облика, присущего остальному человечеству, и говорит, что «они не похожи ни на кого, кроме самих себя». Производящее омерзительное впечатление, «их тела грубые и мясистые, их суставы свободные и податливые, живот отвислый ... и все они похожи друг на друга». Некий полукочевой народ, варварский в те времена, которые мы привыкли считать таковыми; не о них ли говорят наши современные ассириологи, что «они принимали участие и помогали в создании самой древней культуры наших человеческих рас?»⁸⁹

Не тот ли это народ, зарождение и развитие культуры которого, по мнению наших ориенталистов, относится к столь давним временам седой античности, что память о них исчезла даже из наиболее древних письменных памятников человечества, а их язык — причем сегодня доказано, что это был язык, на котором была написана огромная литература — «был мертвым языком по крайней мере за две тысячи лет до нашей эры»?⁹⁰

В историческом отношении наши источники относятся не ранее чем к первым векам до Р. Х. В то время как поэт Аристей изображает «Гриффинов» крайнего Севера, которые изгоняют киммерийцев из их страны и попадают по ошибке в Мидию вместо Малой Азии, Нибур, противореча сообщению Геродота, который цитирует Аристея, показывает, как мидийский царь Киаксар, осадивший Ниневию, встречается с неожиданным нашествием скифов, которые, одержав над ним победу, провозглашают себя хозяевами «земель до Палестины и окраин Египта». С другой стороны Нибур, Бёкх, Тирлуолл и Грот утверждают, что скифы Геродота были монголами, а с другой стороны, такие авторитеты, как Гумбольдт, Грим, Клапрот и сэр Г. Роулинсон пытаются доказать, что они принадлежали к индоевропейской расе.

Имея на руках такие *позитивные* данные, нам ничего не остается, кроме как выжать все возможное из единственного имеющегося у нас безупречного источника — автобиографии этого народа, запечатленной его собственными руками на протяжении бесчисленных поколений.

В результате непрестанных попыток ориенталистов, за последние несколько лет была сделана серия неожиданных, поразительных открытий. Под грудями мусора и горами разрушенных руин недавно была откопана целая библиотека, которая, когда она будет переведена, составит много тысяч томов. Тематика этих записей по большей части имеет отношение к развитию религиозных идей аборигенов этих областей, в которых мир видит если даже не колыбель, то по крайней мере одну из колыбелей, и притом главную, из которой человечество развилось в его современном виде. Но они содержат также историю народов и рас, о которой современные люди не имеют никакого представления. На самом деле, это лишь весьма фрагментарная история, многие строки которой утрачены ныне, поскольку столь многие из табличек разломаны или разрушены в пыль; но все же их достаточно, чтобы показать, что хотя города, царства и народы, и целые расы, причем некоторые из них имели высочайшую цивилизацию, росли и развивались, они же деградировали и приходили в упадок, а религии и философии, искусства и науки, проходя подобно китайским теням по стенам Времени, появлялись, — подобно всем реальным и временным вещам, — но лишь затем чтобы исчезнуть в пучине неподвижной Вечности; существуют абстрактные идеи, которые никогда не умирают. Такие идеи сегодня относят к суевериям самого грубого сорта, называют колдовством, верой в добрых и злых демонов, короче — МАГИЕЙ, и отвергают самым решительным образом. С одной стороны именно христиане присваивают себе монопольное право учить мир об ангелах и дьяволах при помощи своего собственного метода; но с другой стороны, это происходит благодаря

---

⁸⁹ Ленорман, «Первые цивилизации». М. В. Никольский, «Очерки халдейской культуры», и другие работы.

⁹⁰ Там же.

ученым, которые не верят ни во что и разрушили бы одним ударом всякую веру, кроме веры в самих себя.

Ориенталисты полагают, что когда туранцы, предшественники Нимрода, пришли в долину Тигра и Евфрата, они уже обладали определенной культурой, которую принесли с собой из других мест. Кроме клинописной формы письма, которую они изобрели до своего появления в этих местах, либо сами они, либо «черная раса», которую они обнаружили там, имела письменные знаки другого рода, идеографические значки, упрощенную форму иероглифов, которые использовались для выражения символического образа конкретного предмета или абстрактной идеи. Когда эти знаки приобрели фонетическое значение, идеографические формы постепенно утратили свой характер, и знаки не представляли более предметы, которые они символизировали, а стали простой комбинацией различных клиновидных черточек, главным образом, горизонтальных. Они читались слева направо, были либо выдавлены, либо вырезаны, и встречаются на табличках, вырезанные в скалах, на каменных плитах, на барельефах, на ассирийских крылатых быках, на черепках и небольших цилиндрах, высушенных на солнце или обожженных в печах, на печатях, причем некоторые из этих надписей столь миниатюрны, что для того, чтобы разобрать их, требуется микроскоп. Все эти системы знаков в полной мере отвечают агглютинативному языку туранцев и были приняты кушитами долины Тигра и Евфрата в более поздний период. Исследования этих элементарных клинообразных знаков и их связей с материальными объектами привели к тому важному результату, что известные сегодня клинописные буквы возникли в более северной области, чем Халдея, в некоей стране с совершенно иной фауной и флорой, где, например, не было никаких львов, но в изобилии жили волки и медведи, где не было известно ни пальм, ни винограда, но в избытке имелись хвойные деревья, сосны и пихты (Дж. Смит, «Фонетические значения клинописных букв», стр. 4).

В то время как палеография при помощи палеологии доказала столь многое, археология открыла, что «древнейшие гробницы в Халдее уводят нас во времена столь же глубокой древности, как и египетские саркофаги» (Ленорман, «*Les Premières Civilisations*», том I, стр. 118). Религия месиных жителей, которые предшествовали предполагаемым туранцам, несмотря на противоположные утверждения некоторых ориенталистов, существенно не отличалась от позднейших форм халдео-вавилонских верований, как это показано сегодня благодаря табличкам и памятникам. Если одна из них была «грубой формой примитивного фетишизма», такой же должна была быть и вторая, хотя мы лично склонны верить в то, что обе эти религии были столь же философскими в своей основе, как и любая из религиозных систем античности, или, в особенности, та, которая преследовала их и помогала огнем и мечом их искоренению. Тот наводящий на размышления факт, что халдеи, чьи математические и астрономические познания принесли им славу еще на заре истории, не могли быть одновременно с этим суеверными и поклоняющимися фетишам глупцами, кажется, никогда не приходил в голову востоковедам. Неизвестно, чтобы кто-либо из них когда-нибудь заметил, что народ, получивший от Аристотеля возможность проводить в высшей степени точные астрономические наблюдения на протяжении по крайней мере 1903 лет, не мог в то же самое время верить в «магию» и заклинания, талисманы и амулеты, как они это делали, если во всем этом не было более философского основания истины, чем это предполагается в отношении данных терминов в нашем веке. Если изучающий такую религиозную систему не проводит специального ее изучения в свете оккультных наук, то он рискует никогда не подняться выше поверхностного уровня буквального понимания. Маловероятно, что в современных обстоятельствах и в связи с теми обвинениями, которые основаны на утверждениях психологии и на неправильно понятых феноменах спиритуализма и оккультизма особенно, ориенталисты зашли бы столь далеко. Их искренними, хотя и до сих пор непризнанными проводниками в их суждениях по поводу «магии» древних являются магические ритуалы и вера в добрых и злых демонов в том виде, как она практикуется под названием религиозных учений в римско-католической и греко-восточной церквях. Ибо все, что касается буквального понимания халдейской магии, — бесполезные и абсурдные заклинания, церемониальные молитвы и талисманы, — перешло

по большей части в католическую христианскую церковь под именем «экзорцизма», святой воды, церемоний, освященных папой амулетов и изображений ангелов и святых.⁹¹

Поэтому довольно забавно слышать м-ра Ф. Ленормана, ревностного паписта, который, выражая свое мнение о религии халдеев, утверждает, что так же, как и все остальные древние верования, она «никогда не поднялась выше поклонения природе». Тот единственный факт, что аккадцы изображали землю в форме лодки, не продолговатой, как те, с которыми мы знакомы, а совершенно круглой, подобной слегка уплощенному мячу с отрезанной вершиной, — какие использовали халдеи, — находящейся в непрерывном круговом движении в океане пространства, уже доказывает, что их древние маги сильно опередили христианских отцов средневековья. Мы сомневаемся, можно ли сравнивать какие-либо представления первых, с их огромными познаниями в астрономии, с отрицанием сферичности земли Августином на том основании, что это помешало бы антиподам увидеть Господа Христа во время его второго пришествия; или Лактанция, который полагал, что это заставило бы людей на другой стороне земли ходить вниз головами; или, наконец, святых мудрецов, которые совсем недавно сожгли Галилея за его анти-духовное богохульство. И мы все еще испытываем сомнение в том, рассеется ли столь предвзятое отношение к «магии» хотя бы в наши дни? То, что эти маги жили и творили среди халдеев, было известно с незапамятных времен как египтянам, грекам, ариям, так и многим другим народам. Но то, что, по причине предрассудков, осталось втуне, это — в чем именно заключается такая магия? И даже сегодня, имея в своем распоряжении целую библиотеку надписей, раскрывающих эту тему, найденную Лэйардом и Смитом в развалинах древних городов Халдеи, если ученые не попытаются прочитать их в свете других аналогичных сочинений, они никогда не поймут их истинного значения. Ибо у них уже имеются «Веды», «Зенд-Авеста» и [египетская] «Книга Мертвых», но они находят в них лишь буквальный смысл мертвой буквы — дух неизменно ускользает от них.

КАББАЛА

Некоторые авторы считают, что каббала возникла позже христианства, — но ее корни уходят в еще более глубокую древность. В книге пророка Даниила нет никаких упоминаний о ней. Идея об эманации является, так сказать, душой, существенным элементом каббалы; эти идеи, как и зороастрийские, были заимствованы из Персии.

Согласно каббале и Заратуштре, все то, что существует, эманировало из источника Бесконечного Света.

Царь Света есть *все*. Он является действительной причиной всего сущего; Он — это безграничный Эйн Соф. Один лишь Он есть *Он*. В нем нет никакого *Ты*, но он не может быть познан, он есть «закрытое Око». Вселенная — это раскрытие Царя Света, и она лишь содержится в нем. Его качества проявляются в ней, многообразно видоизменяясь и в различных степенях, и потому своим святым сиянием, как некой мантией, он облачен в молчание. Все является эманацией из его существа, причем ближайшее к нему наиболее чистое, а по мере удаления теряется и чистота. Перед творением все наполнил Первичный Свет, так что вообще не было никакой пустоты; но когда Вседержитель, обитающий внутри этого света, решил обнаружить свое совершенство в мирах, он удалился внутрь себя самого и создал вокруг себя некое пустое пространство. В эту пустоту он испустил свою первую Эманацию (основу основ — гермафродита), луч Света, который есть причина и принцип всего сущего, соединяющий в себе порождающую и понимающую силу будучи отцом и матерью в высочайшей тайне, пронизывающей все, без которой ничего не может существовать.

---

⁹¹ Что же такое заклинания римско-католических священников как не «магия» и «колдовство»? См. новый «Ритуал экзорцизма», опубликованный в 1852 г. в Риме с одобрения папы, и сравните.

Из этой двойной фигуры, обозначаемой двумя первыми буквами имени Иегова, изошла первая форма Бога, *Тиккун*, универсальная форма, идея и всеобщее вместилище всех существ, соединенных с Безграничным посредством первичного луча. Он есть Творец, Хранитель, тот, кто вначале вдохнул жизнь в мир. Он — это Свет Света, обладающий тремя первичными божественными силами: светом, духом и жизнью. Ввиду того, что он получил то, что дает, этот свет и жизнь, он считается равным образом порождающим и понимающим принципом, как первочеловек Адам Кадмон, и потому человек называется миром «или микрокосмом макрокосма». Адам Кадмон проявил себя в десяти эманациях, которые на самом деле не являются реальными существами, но суть формы жизни, носители всемогущей силы, типы творения. Они таковы: Корона, Мудрость, Рассудительность, Великолепие, Строгость, Красота, Победа, Слава, Основание, Царство. Мудрости они дают имя Ях, Рассудительности — *Иегова*, Великолепию — *Эль*, Строгости — *Элохим*, Победе и Славе — *Саваоф*, Царству — *Адонай*. Все они являются атрибутами Вседержителя, проявленного в его деяниях, благодаря которым возможно узнать и постигнуть *Его*. Каббалисты дают им также и другие названия, кроме этих. Синоним Короны — *Оа*, Свет — Мудрость, Нус и Логос, гностическая София. Рассудительность — это река, которая вытекает из Парадиза, источник священного елея. Строгость: дурной и черный огонь; Красота: зеленый и желтый цвет. Символ Красоты — это сверкающее зеркало, а ее титул — Муж Церкви. Победа — это Иегова Саваоф, ее символом является правая колонна (столп Иохин); Слава, левая колонна (столп Боаз), называлась также древним Змием, а также Херувимом и Серафимом. Основание и Строгость — это древо познания добра и зла, Ной, Соломон, Мессия; все это термины, устанавливающие вечный союз, существующий между Вседержителем и всем тем, что произошло от него. — Он привлекает в себя души, которые утратили свою первоначальную чистоту. Царство — это истребляющий огонь, Жена, Церковь. Связи сефирот, или эонов, между собой каббалисты изображали при помощи ряда кругов, пересекающихся таинственным образом до *ad infinitum* [бесконечности], или, по другому, посредством фигуры человека или дерева, образованных этими кругами. Числовое значение этой фигуры человека, Син Анпин, состоит из цифр 2, 4 и 3. Ассирийские армии всегда сопровождали маги, несущие огонь, видимое присутствие божества, в котором идола народов-противников истреблялись, согласно Моверсу, — «дымом или огненными столбами, движущимися перед ассирийскими армиями»; и при Исходе из Египта Господь идет впереди израильтян в виде «облака днем и огненного столба ночью». «Вид же славы Господней на вершине горы был перед глазами сынов Израилевых, как огонь поядающий» («Исход», XXIV, 17). Это есть и огонь философии, и огонь теологии.

Моисей видит Бога в пылающем кусте. Низшие слои общества предаются поклонению Апису. Моисей был вовлечен в поклонение огню на Горе. «Господь говорил вам на Хориве из середины среды огня» («Второзаконие». IV, 15). «Слышал ли какой народ глас Бога, говорящего из среды огня, и остался жив, как слышал ты?» («Второзаконие». IV, 33). «*Лицем к лицу* говорил Господь с вами на горе из среды огня» («Второзаконие», V, 4). «И сказал Господь Моисею: возьми всех начальников народа, и повесь их *Господу* ПЕРЕД СОЛНЦЕМ, и отвратится от Израиля ярость гнева Господня» («Числа», XXV, 4). Евреи не держали в своем сердце образов богов и воплощенных величественных символов и представлений, а христиане имеют идолов, не придавая им никакого значения.

ГЕРМЕТИЧЕСКИЙ ОГОНЬ

Парацельс и другие определенно учили, что «огонь был последним и единственным, в чем можно познать Бога»; но глубокий смысл их слов как правило ускользает от их критиков. Едва ли нам нужно объяснять, что под «огнем» они имели ввиду не материальный, видимый огонь, но тонкий невидимый дух пламени, квинтэссенцию всех атрибутов огня,

которая ускользала и всегда будет ускользать от анализа и изучения при помощи «химических процессов», хотя ее и можно временами почувствовать благодаря *сверхфизическому* свету духовно тренированного разума. Человеку, который работает в области современной экспериментальной науки, в чьих глазах даже аура, или «одиллическая сила» Рейхенбаха, является чистой галлюцинацией, а потому остается за пределами научной терминологии, — вышеприведенные слова могут показаться лишенными всякого смысла. Но для изучающего психологию, который кое-что знает о свойствах животного магнетизма и месмеризма, смысл этого будет ясен лучше. Ибо такой человек знаком с теорией о «душе вещей», и для него этот герметический, божественный «огонь» — это квинтэссенция жизни, тот духовный и неосязаемый дух, который исходит из материи и немедленно поглощается ей; конечная сущность каждого атома, принадлежит ли он к одушевленному или неодушевленному, органическому или неорганическому веществу; дух, невидимый для всех, кроме глаз другого бессмертного духа... И, быть может, эта картинка из области физических наук, не будет неверна или неуместна.

Хорошо известно, что пока реальная связь между механической теорией тепла и феноменом «вольтовой» батареи была понята недостаточно, необходимость двухэлементной батареи для получения тепла при разложении воды не приходила физикам в голову, и они не могли бы с одним элементом произвести того, что они с легкостью могут проделать сегодня с двумя. Не может ли случайно требоваться то же самое и в биологии? Так же, как человек науки, согласно своему собственному убеждению, находится в затруднении и неспособен в течение долгого времени раскрыть тайну, почему один элемент не может разложить воду, так биологи и психологи (точной науки) бессильны перед некоторыми феноменами разума. Они неспособны понять истинное соотношение этого герметического божественного «огня», уже упомянутого, с феноменом человеческой батареи Вольты, известной как мозг; «огня», который может быть временами создан и развит на основании того же самого принципа, как и одно из связанных с ним явлений — тепло (как в случае искусственного месмерического развития ясновидения). И, если его внутренние силы возросли, он может освободить дух от его оков и, возвышая бесплотное над материальным, позволить человеку увидеть своими духовными глазами то, чего он никогда не смог бы воспринять при помощи своих физических органов чувств. Поэтому фразеология герметических философов и александрийских теургов естественным образом кажется непосвященным темной и бессмысленной.

«ИСТОРИЧЕСКИЙ» ЗОРОАСТР И ЗАРАТУШТРА ТАЙНЫХ ПИСАНИЙ

Общеизвестные грубые исторические ошибки и просчеты зачастую являются ничем иным, как преднамеренными искажениями их впоследствии, ибо они оставляют ложное впечатление в уме изучающего, от которого трудно избавиться. Так, некоторые из наших европейских филологов неспособны найти более философский смысл названия Зенд-Авесты, чем то, что «оно означает *трутницу*».

Говоря о религии великого арийского реформатора в «Девятнадцатом Веке», профессор Монье Уильяме, сделав справедливое наблюдение о том, что «критическое изучение нехристианских систем вряд ли открыло много более замечательных фактов, чем высокодуховный характер древней веры, которую обыкновенно называют религией Зороастра», — делает в дальнейшем некоторые замечания, которые, если тщательно проанализировать их, вытекают из ложных предпосылок; как это обычно бывает у христианских профессоров, вся истина искусно вуалируется, и дух слепой приверженности — даже в надежде сделать что-либо лучшее при обладании недостаточным

количеством фактов — пытаются, при помощи чисто логических заключений, прославить еврейскую Библию за счет всех остальных религий. Так, например, мы читаем:

Только в последние несколько лет прогресс в области иранских исследований позволил заглянуть в истинное значение текста Авесты — известной простой публике как «Зенд-Авеста», — которая для зороастризма является тем же, что и «Веды» для брахманизма. Полученное таким образом знание сделало ясным, что одновременно с иудаизмом развилась лишенная идолопоклонничества и монотеистическая форма религии, содержащая высокий моральный закон и имеющая многие точки сходства с самим иудаизмом, которая была создана по крайней мере одной ветвью арийской расы.

Уверенность в этом факте основывается не только на свидетельствах самих зороастрийских писаний. Он подтверждается многочисленными ссылками и упоминаниями в сочинениях греческих и римских авторов. Мы знаем, что сам отец истории, писавший за 450 лет до начала христианской эры, говорил о персах, что «у них не принято делать идолов, строить храмы и воздвигать алтари; они даже осуждают за глупость тех, кто делает это». Смысл этого заявления Геродота в том, что персы не верят в богов, подобных людям, как это делают эллины, но что они отождествляют весь небесный свод с Высшим Существом.

Мы также знаем, что Кир Великий, который несомненно был зороастрийцем, выказывал большую симпатию к евреям, и был возвеличен Исайей как «муж правды» (XLI, 2), «Пастырь Господа» (XLIV, 28), «Помазанник Господа» (XLV, 1), которому было поручено «выполнять все желания Бога» и доводить до конца все Его приказы в отношении восстановления храма и возвращения избранного народа на свою родину.⁹²

Сотни изучающих этот предмет могут прочесть вышеприведенный отрывок, и все же ни один из них не заметит того скрытого духа, который содержится в этих нескольких строках. Оксфордский профессор хотел бы заставить своих читателей поверить в то, что «лишенный идолопоклонничества и монотеистический» зороастризм образовался «одновременно с иудаизмом»; это должно означать, если мы вообще понимаем смысл слов, что первая система развилась в тот же самый исторический период, что и последняя, — и не могло быть другого утверждения, в большей степени ошибочного и вводящего в заблуждение. Религия Заратуштры удостоверена многими знаменитыми греческими и римскими авторами, в сочинениях которых при этом бесполезно искать подобного же упоминания об иудаизме или «избранном народе», поскольку они были столь мало известны до своего *возвращения* (?) из вавилонского плена. Аристотель утверждает, что Зороастр жил за 6000 лет до Платона.⁹³ Гермипп Александрийский, который утверждал, что он читал подлинную книгу зороастрийцев, говорит о великом реформаторе как об ученике Агонакса (Агон-Акха, или Бога-Агона), процветавшем за 5000 лет до падения Трои, и таким образом его заявление подтверждает мнение Аристотеля, так как Троя пала за 1194 года до нашей эры, и, по свидетельству Климента, некоторые полагают, что Эр или Эрус, сын Армения, о видении которого рассказывает Платон в своем «Государстве», кн. X, стр. 614 и далее, означает именно Зардошта.⁹⁴ С другой стороны мы обнаруживаем, что Александр Полигистор говорит о Пифагоре (который жил около 600 лет до Р. Х.), что тот был учеником ассирийца Назарата;⁹⁵ Диоген Лаэртский⁹⁶ утверждает, что философ с острова Самос был посвящен в мистерии «халдеями и магами»; и, наконец, Апулей уверяет, что именно

⁹² «Религия Зороастра», «Деятнадцатый Век», том IX, январь 1881 г., стр. 156.

⁹³ Ср. Плиний, «Естественная история», XXX, ii. — *Прим. ред.*

⁹⁴ Климент Александрийский, «Строматы», V, xiv. — *Прим. ред.*

⁹⁵ Зороастр часто называется греческими писателями ассирийцем Назаратом. [Ср. Климент, «Строматы», I, xv] Этот термин происходит от слова *Назар* и *Назир* (отделять, обособлять), названия очень древней секты адептов, которая существовала за сотни лет до Христа. «Они были врачами, исцеляющими болезни наложением рук, и посвященными в Мистерии». — См. «Мишна Низир» в «Талмуде», которая содержит 9 глав и приводит законы в отношении назареев. — И. М. Иост, «Еврей как он есть», II, 238. Они отращивали длинные волосы и бороды, не пили вина и давали клятву сохранения целомудрия. Иоанн Креститель был назареем, а об Илии сказано во «Второй книге Царств», что «он был человеком с длинными волосами».

⁹⁶ «Жизнеописания»: «Пифагор», п. 3. — *Прим. ред.*

Зороастр давал наставления Пифагору. Сведенные вместе все эти противоречия показывают: 1) что слово «Зороастр» было родовым именем, и 2) что было несколько пророков с таким именем. Это был первоначальный и чистый магизм, который впоследствии претерпел деградацию благодаря жрецам, как бывает и с каждой религией, дух которой утрачивается, и в которой остается одна лишь мертвая буква. Доказательство этого мы находим и в лице Дария Гистаспа, который, как показывает история, сокрушил магов и ввел чистую религию Зороастра, религию Ахурамазды, — тем не менее, на его могиле (недавно обнаруженной) была вырезана надпись, утверждающая, что он, Дарий, был «наставником и иерофантом магизма». Но величайшее доказательство мы находим в самой «Зенд-Авесте». Хотя это и не *самые древние* зороастрийские писания, все же, подобно «Ведам», они совершенно умалчивают о Потопе,⁹⁷ — эти древние сочинения не обнаруживают ни малейшего признака того, что их автор *когда-либо был знаком с каким-либо из народов, которые впоследствии приняли его способ поклонения*, хотя и существовало несколько исторических Заратуштр: тот, кто установил культ солнца среди парсов; другой, который появился при дворе Гистаспа; и тот, кто был наставником Пифагора...

Но это название, которым наградили Исайя Кира — «муж правды» и «пастырь Господа», — ничего не докажут никому, кроме как верующим в божественность библейских пророчеств;⁹⁸ ибо Исайя жил на 200 лет раньше Кира (760-710 гг. до Р. Х.), в то время как великий перс получил власть и начал свое процветание в 559 г. до н. э. И если Кир и оказывал им покровительство после завоевания Вавилона, то это только потому, что они задолго до того обратились в его собственную религиозную систему; и если он возвратил их *назад* (а многие ученые археологи сильно сомневаются сегодня в том, были ли вообще евреи когда-либо в Палестине до времени Кира), то это произошло по той же самой причине. Во время своего возвращения евреи были просто *персидской колонией*, пропитанной всеми идеями и представлениями магизма и зороастризма. Многие из их предков однажды сошлись с сабеями в поклонении Вакху, прославлении Солнца, Луны и пяти планет, царства света САВАОФА. В Вавилоне они научились культу Семилучевого бога — отсюда *семеричная* система, которой проникнута вся Библия и *Гептактис* «Книги Откровения»; а у секты фарисеев (150 г. до Р. Х.) — название которой имеет много больше смысла производить от слов «фарси», или «пар-си», чем от арамейского «*перишин*» (отделенный) — их величайшим раввином был Гиллель Вавилонянин, а их «верования и ритуалы, перенятые от их отцов... не были записаны в законах Моисея», — говорит Иосиф Флавий, который сам был фарисеем («Иудейские древности», XIII, х, 5 и 6). Ими была перенята вся ангелология и весь символизм персов, или, скорее, зороастрийцев. Прекрасным доказательством этого служит халдейская «Каббала», которую они широко читали и изучали в своей тайной ложе, члены которой назывались «кабирим», от вавилонских и ассирийских *кабиров* — великих богов мистерий.⁹⁹ Нынешние евреи являются *талмудистами*, придерживающимися поздних интерпретаций Закона Моисея,¹⁰⁰ и остается лишь немного раввинов-каббалистов, которые могут дать изучающему некий намек на подлинную религию евреев в период за два века до и один век после Христа. Еще не была написана подлинная история Зороастра и его религии. Сами парсы утратили ключи к своей вере, и не следует ожидать от их ученых людей какой-либо информации по этому вопросу. Примем ли мы датировку времени жизни Заратуштры, которую называет Аристотель, — 6000 лет до Р. Х., — или более современные данные Наврозджи Фаридунджи из Бомбея, относящего время его жизни к 6 веку до н. э. (*Терикх-и-Зуртошти*, или «Обсуждение эры Зороастра»), — все это туманно и неясно, и каждое утверждение противоречит непреодолимым фактам. Не большего успеха в своих

---

⁹⁷ Этот несомненный факт прекрасно доказывает, что Веды существовали до потопа, или того катаклизма, который изменил лицо Центральной Азии около 10000 лет до Р. Х. Барон Бунзен считает, что Зороастр был в Бактрии, и переселение бактрийцев к Инду произошло в 3784 году до Р. Х., а геологический и исторический потоп, согласно первому упоминанию, около 10555 лет до нашей эры («Место Египта во всеобщей истории», том V, стр. 77-78, 88).

⁹⁸ Многие критики (христиане) предполагают, что последняя часть книги «Исайи» (от гл. 40 до гл. 66) была написана во времена пленения автором, имя которого неизвестно.

⁹⁹ Кабирам поклонялись в Хевроне, городе Бери-Енака, или *Енаким*.

¹⁰⁰ Не известно ни одного еврейского манускрипта, который был бы древнее манускрипта Ксникотта N 154, который относится к 1106 г. н. э. (Дональдсон). «Масора была зафиксирована в письменном виде в 506 г. н. э.» (*Elias Levita*).

исследованиях достигла и *Рахнума-е Маздаясан Сабха*, Общество, организованное в 1851 году для восстановления веры Зороастра в ее изначальной чистоте — пожелаем удачи в их изысканиях. И поэтому вряд ли стоит удивляться разногласиям, а зачастую — вздору и бессмыслице, которые создают наши современные ученые, поскольку у них нет никаких других авторитетных источников для своих исследований, кроме немногочисленных классических, но ненадежных в отношении всех этих вопросов авторов, которые упоминают о том, что они слышали в свое время об этом великом доисторическом персонаже.

Парсы справедливо жалуются на то, что сами мобеда забыли истину о своей религии, и среди них есть весьма немного ученых людей, которые пытаются разгадать тайны зороастризма, но как? Не при помощи чтения и изучения зендских манускриптов или тренировки своего собственного мозга, но провозглашая то, что говорят им западные ученые. Аристотель, Диоген Лаэртский, Страбон, Филон Иудей, Тертуллиан и, наконец, Климент Александрийский — вот единственные ориентиры, на которые опираются наши европейские ученые. О том, насколько правдоподобны мнения последних отцов церкви, можно сделать вывод из того, что говорит о наставлениях Заратуштры преподобный д-р Г. Придо, комментируя «Саддар». Пророк, — сообщает он нам, — проповедовал *кровосмешение!* Заратуштра учил, «*что нет ничего незаконного в природе; но что мужчина может не только жениться на своей сестре или своей дочери, но и на своей матери!*»!¹⁰¹ Евтихий, священник и архимандрит V века из константинопольского монастыря, пишет о зороастризме следующее: «Нимрод видел огонь, поднимающийся из земли, и он поклонялся ему, и с этого времени маги поклонялись огню. И он назначил человека по имени Ардешан быть жрецом и слугой Огня. Вскоре после этого Дьявол сказал из глубины этого огня, что никакой муж не может служить Огню или научиться Истине в моей религии, пока он не совершит *кровосмешение со своей матерью, сестрой и дочерью*, как ему было велено, и с этого времени жрецы магов практиковали кровосмешение, но Ардешан был первым открывателем этого учения».

Но что же все это значит? Просто неправильное, буквальное истолкование. В тайной доктрине, части которой оказались записаны в древних армянских манускриптах, или так называемых манускриптах Месропа (до 312 года армяне были парсами), сохранившихся до наших дней в Эчмиадзине, древнейшем монастыре в Армении, говорится о посвященных, или магах: «Тот, кто хочет проникнуть в тайны (священного) Огня и объединиться с ним (как йоги объединяют свою душу с Универсальной Душой), сначала должен соединить свою душу и тело с Землей, своей матерью. Человечеством, своей сестрой, и Наукой, своей дочерью». Нет необходимости объяснять символическое значение этого. Все знают о том, как относился Заратуштра к Земле, как он проповедовал доброту ко *всему*; а Знание, или Наука, никогда не станет ближайшим или отдаленным потомком человека, никогда не будут созданы его мозгом во всей своей чистоте, пока он не изучит тайны природы и человека, которые породили Науку или Знание.

«Мудрец глубокой древности», — как Платон называет Зороастра, — был трансформирован христианскими фанатиками в «раба Даниила», причем само существование последнего рассматривается сегодня людьми науки как миф, и [они] обвиняют этого «Пророка персов», что он был «лжепророком» и учил «доктрине, украденной у евреев!» (Д-р Придо.) Правильно замечает Уорбартон в своей «Божественной миссии», что «все это чистый вымысел и противоречит мнению всех античных ученых», когда один христианский писатель делает Зороастра «современником Дария Гистаспа и слугой одного из еврейских пророков, — *и все же столь же ложно и то*, что они помещают его во времена Моисея, и даже говорят, что он был Авраамом, и чуть ли не делают его одним из строителей Вавилона». Зороастр д-ра Придо, — говорит Фабер, — «по всей видимости имел характерные черты, совершенно отличные от самого древнего Зороастра». («О мистериях кабиров», II, 154.)

В этих джунглях противоречий предмет обсуждения состоит в следующем: 1) осталась ли какая-нибудь возможность получить что-либо похожее на правдивую информацию о

¹⁰¹

Придо приводит цитату из книги «Всеобщая история с древнейших времен до наших дней», Лондон, 1747-1754 гг., том V, стр. 405.

последнем, если не о первоначальном Заратуштре;¹⁰² и 2) каким образом следует интерпретировать истинную религию, которую проповедовала «Авеста» (с древнейшими «Гатами», включенным в нее), на основании аллегорических диалогов «Вендидада». Мы заранее знаем ответ: «Самые ученые ориенталисты — Хауг, Мюллер, и т. д. — терпят неудачу и не помогут в этом». «Авеста» стала для парсов книгой за семью печатями и безусловно останется таковой для них, а наставления Зороастра — мертвой буквой для будущих поколений.

Мы полагаем, что это мнение ошибочно — по крайней мере, в отношении второго вопроса. Если что-либо относящееся к личности самого основателя, чье существование к тому же хорошо удостоверено аутентичными традициями и вещественными доказательствами в виде статуй в различных частях мира и особенно в Центральной Азии, должно рассматриваться как просто традиция (а что еще есть в *истории?*), то его религию можно было бы восстановить столь же безошибочно, как точная наука восстанавливает внешний вид допотопных животных из кусочков окаменевших костей, собранных в сотне различных мест. *Время, Терпение* и особенно *искреннее усердие* — вот все, что необходимо. Наши ориенталисты сами никогда не вспоминали о единственном осадке подлинного зороастризма, который остался сегодня в древних писаниях. Более того — до совсем недавних пор они презирали их и подвергали осмеянию само их название. Едва ли не пятьдесят лет назад они еще не были переведены, и до сих пор их понимают лишь очень и очень немногие истинные оккультисты. Мы говорим о халдейской КАББАЛЕ, само название которой неизвестно сотням образованных людей. Несмотря на любые отрицания невежд, мы говорим и повторяем, что ключ к правильному пониманию «Авесты» и ее подразделов покоится в скрытом виде на дне правильно истолкованных каббалистических книг,¹⁰³ составляющих: «Зогар» (Книга Сияния) рабби Симона бен Иохан; «Сефер Иецира», или «Книга Творения»¹⁰⁴ (приписываемая патриарху Аврааму, но написанную халдейским жрецом); и «Объяснение сефирот» — причем последние являются творческими принципами, или силами, идентичными с *амешаспендами*. Вся «Авеста» объединяется этикой и философией Вавилонии, — следовательно, ее надо искать в халдейском каббалистическом учении, так как доктрины Зороастра распространились благодаря Заратуштре, *пятому посланнику* (5400 гг. до Р. Х.), от Бактрии до Мидии, и затем под названием магизма (магавы, или «могущественные») стали на некоторое время всеобщей религией всей Центральной Азии. Это учение сегодня называют «монотеистическим» на том же самом основании, что вульгаризированный магизм стал монотеизмом поздних израильтян. И если говорят, что характерные черты Ахурамазды, или Ормазда, обнаруживают очень близкое сходство с таковыми еврейского Иеговы (хотя и много более практическими), то это не потому, что один из них был истинное «Таинственное Божество» — НЕПОСТИЖИМОЕ ВСЕ, но просто потому, что оба они были человеческими идеалами, произошедшими из одного и того же корня. Как Ормазд, возникший из Первичного Света, который в свою очередь эманировал из высшей непостижимой сущности, называемой «Зервана-Акарана», Вечным, или

---

¹⁰² «Я тот, кто живет и умирает» — эта надпись на авестийском, или древнебактрийском, языке высечена на поясе вокруг талии гигантской статуи, которая веками стояла в круглом скальном храме Бокхара, посвященному невидимому божеству, Митр-Асу, вызванному из *пещеры, вырубленной в скале*. То, что Заратуштра периодически *возобновлял свою жизнь*, было древним верованием, но мы не можем сказать, происходило ли это таким же образом, как в представлениях ламаистов, заявляющих о перевоплощении Будды. Наш брат, который недавно посетил Армению [имеется ввиду адепт, известный как Илларион Смердис, — *прим. ред.*], обнаружил неподалеку от озера Ван и великой горной гряды Баязед «целую библиотеку цилиндров», похожих на драгоценные глиняные цилиндры, открытые Джорджем Смитом в Ниневии. И он говорит, что эти цилиндры «могут однажды нанести сильнейший удар по непродуманным теориям и истолкованиям Анкветил-Дюперрона, Шпигеля и Хауга».

¹⁰³ Еврейское слово «кабала» происходит от корня «получать». Поэтому это есть запись учений, полученных халдейскими магами и посвященными евреями (Даниил был главой магов) от Заратуштры, наставления которого, вследствие их глубоко философского смысла, были предназначены лишь для немногих, в то время как экзотерические ритуалы магизма выродились до простонародной вульгарной магии, иудаизма и других деградировавших антропоморфных и ритуалистических систем.

¹⁰⁴ Скорее, «Эволюции». Эта книга является демонстрацией системы, которая рассматривает вселенную математически, показывая на основании систематического развития «творения» и гармонии, царящей во всех ее законах что она должна была произойти из Одного Источника — ЭЙН СОФА — Бесконечного НИЧТО. Что он никогда не имел начала и не будет иметь конца; потому мертвые буквы, содержащиеся в книге «Бытия» — непостижимы без помощи *каббалистики*...

Безграничным, Временем, появился лишь *третьим* в божественной эволюции; так же и Иегова показан в «Зогаре» как *третья* из сефирот (более того, как *женская* пассивная потенция), именуемая «Разумом» (Бина) и представленная божественным именем Иеговы и Аралим. Следовательно, никто из них никогда не был ЕДИНСТВЕННЫМ «Высшим» Богом. В случае Иеговы, был ЭИН СОФ, *Безграничный*, ЕДИНСТВЕННЫЙ, из которого эманировал АУР — «Первичный Свет», или «Первичная Точка», которая, содржа в себе все сефирот, испустила их одну за другой, в совокупности представляющих архетипического Человека, Адама Кадмона. Таким образом, Иегова — это лишь десятая часть (каббалистически *седьмая*, поскольку первые три суть ОДНО) Адама, или умственного мира; тогда как Ормузд находится во главе семи амешас -пенд, или их духовной совокупности, и, следовательно, выше Иеговы, но все же — не ВСЕВЫШНИЙ. Давайте однажды признаемся, что, будучи грубыми и материальными в своих представлениях, мы антропоморфизировали и, так сказать, анимализировали каждую великую религиозную идею, которая дошла до нас из древних времен. Мы прогрессируем и возрастаем в силе и мудрости физически и интеллектуально, но ежедневно теряем в духовной области. Мы можем «прибавить в силе» — но никогда не в духе. И лишь при помощи изучения древних реликвий; благодаря сравнению и сопоставлению, лишённому всякого сектантского предубеждения и личного предпочтения, религиозных идеалов всех народов, мы в конце концов обретаем уверенность в том, что все они проистекают из одного и того же источника. Многочисленны и разнообразны те огни и тени, которые наш ослепленный глаз вряд ли сможет различить на освещенной солнцем долине. Глупец воскликнет: «Эта тень *моя* — ее отбрасывает мой дом!..» Мудрец возведет глаза к небесам и спокойно заметит: «Это лишь следствие и нечто, подверженное времени!» — и навсегда обратит свой взор к Единственной Причине — Великому «Духовному Солнцу».

НЕВО «БИРС НИМРУДА»

Sed et Serpens [Однако Змий] ***.¹⁰⁵ Какой капитал нажила на этом Церковь! Но где же то место, которое древность, с ее любящими добродетель философами и святыми мудрецами, оставила бы без этого символа? Дракон или Змей всегда использовался для аллегорического выражения божественного разума и скрытой мудрости. Древний звездный и астрономический Змей — это сегодня падший Юпитер, прототип падшего архангела; Князь Воздуха стал на средневековых изображениях своего рода фантастическим *Draco volans* [летучим драконом], одной из разновидностей райского искусителя. Драконы и Змеи повсюду, и даже Светоносец, ослепительный Люцифер, стал ныне Князем Тьмы и «Адским» Змием. Когда христианские народы, разрушая учебные заведения и языческие храмы, утратили ключ к истинному значению этого символа и древним драконическим структурам, их духовенство захотело видеть дьявольские рога и копыта, которые выглядывали бы [из-под] основания всякого величественного храма, любого древнего нехристианского святилища.

Истинное философское значение легенд и аллегорий о священном змее ныне совершенно утрачено. Причина того, почему древние египтяне находили в драконе и его многочисленных змеевидных разновидностях нечто *божественное*, объяснялась самыми разными способами, но никогда не была истолкована удовлетворительно. Божественное, — говорит Элиан в своей «Природе животных» (кн. XI, гл. xvii), — да; но в то же самое время было бы лучше оставить его в покое, *divinius quodque praestet ignorari*; и он добавляет как бы

¹⁰⁵

Здесь и далее звездочками отмечены неразборчивые в рукописи места, не поддающиеся расшифровке. Оригинал рукописи хранится у Годфри Уоткинса, сына Джона М. Уоткинса, известного в свое время книгоиздателя и распространителя трудов Блаватской, которому довелось быть лично знакомым с Е. П. Б. — *Прим. редактора.*

мимоходом, что истинная цель, ради которой афиняне вскармливали больших змей в своих храмах, заключалась в том, что «они хотели всегда иметь у себя *пророков*». Но то же самое по сей день делают не только «язычники»-индусы, но также и теистические мусульмане-унитарии Каира и других исламских центров, чьи мудрецы дают точно такие же объяснения этому, как и мудрецы древности. Священный дракон жителей Эпидавра, который, согласно легенде, сам явился на зов людей из этого города, потребовал, чтобы ему был сооружен храм на Тибре, у подножия горы Палатин; где изменил свой вид, «чтобы они никогда не перестали советоваться с ним как с пророком» («Val. Max.», кн. I, *via*, п. 2).

Слово «дракон», как говорят, это некий термин, который имеет у каждого из древних народов такой же смысл, как тот, что придают ему по сей день китайцы — протяженность, или «существо, выдающееся своим умом», и в греческом языке *δρακων* означает «того, кто видит и наблюдает». Согласно Ж. де Камбри («*Monumens Celtiques*», стр. 299), «*drouk*» на языке Британии, во Франции, означает *дьявола*, отсюда происходит и *droghedanum sepulcrum*, или «дьявольская могила». В Лангведоке духи стихий назывались *drac*, во Франции *drogg*, а в Бретони слова *dreag*, *wraie* *Wran* имели безусловно то же самое происхождение, и замок *Drogheda* в Британии имеет ту же самую этимологию, [но] в каждом из вышеприведенных случаев связь этих терминов с «дьяволом» имела христианское, а следовательно более позднее происхождение. Ни одно из процитированных слов не несло такого смысла в дохристианское время. (Де Мирвиль, «*Des Esprits*», том II, стр. 423, прим. 1).

Но сегодня, как только что было сказано, всякий «языческий» памятник связывают с духом зла. Хороший пример этого дает нам слово *Babel* [Вавилон], которое в древние времена означало «дворец (или жилище) Бога». Вольтер выразил удивление, почему это слово стали переводить как «смешение» (языков) ***. «Так как *ba* обозначает «отца» во всех восточных языках, а *bel*— это «Бог», то следовательно Вавилон следует читать как град Бога». («*Dictionnaire Philosophique*», ст. «Вавилон»). Но Церковь настаивает на своей трактовке слова *babel* как «смешение».

Но здесь на сцену выступает ассириология, которая предлагает нам свои новейшие открытия. Благодаря стараниям м-ра Ж. Опперта были переведены некоторые вавилонские клинописные таблички, из которых явствует: что бы ни означало слово *Babel* в дни (несуществующего) Ноя, во времена Навуходоносора, царя, который восстановил, по его собственным словам *** Бирс Нимруд, первоначально посвященный Нево, Богу Мудрости, а затем — Бэл-Меродаху, его отцу, — оно не означало ничего подобного. Эти таблички были доставлены в Англию полковником Роулинсоном, обнаружившим их при раскопках в Борсиппе, или «Бирс Нимруде», и ни один из переведенных текстов не позволяет нам сделать вывод о каком-либо смешении языков, произошедшем в Вавилоне. В них сообщается, что Навуходоносор, царь вавилонский, заново воздвиг и отстроил «семь легендарных башен» и «храм *семи* светил»; храм (первоначальный Вавилон), который был разрушен землетрясением за *сорок два поколения* до того. Позже мы узнаем, что этот храм с самого начала был возведен для астрологических целей, которым всегда и служил, а именно, что он был построен в честь *семи светил*, или семи планетарных духов, идентичных с христианскими «семью духами Господа» ***. Так как божественное поклонение им проводилось более или менее открыто в течение средних веков начиная с VIII столетия, и то же самое делается и по сей день римскими католиками,¹⁰⁶ — мы положительно не видим никакой весомой причины, почему эти «духи» должны были быть менее божественными или более дьяволическими, или опять-таки более змееподобными, когда им поклонялись в Вавилоне, чем они же, когда им оказывают почести и воздают хвалу в Риме?

Этот факт, что вавилонская башня, которая, согласно легенде, была построена Нимродом, не имеет никакого отношения к подлинной башне, выстроенной в Вавилонии еще до того, как жили составители книг Моисея. «Вавилон» не имеет ничего общего с еврейским словом «бабель» или «бабиль», «бормотание», ибо ныне забыто даже правильное произношение этого наименования. Одна легенда, сохраненная кочевыми племенами Малой Азии, говорит о некой башне, называемой «Не-ба-бэл», и это было подлинным именем пирамиды, восстановленной Навуходоносором. Его этимология будет самой простой и очевидной вещью в мире, если мы вспомним о том, кем является Нево. Действительно, он был сыном Меродаха, или Бэла, и именно в честь этого Бога Мудрости (Сына), «Спасителя,

Мудреца, который ведет людей к голосу Великого Бога, своего отца, и получает свет от Него», и был построен этот храм, который назывался «Небабэл», или «Нево (сын) Эла».

Это божество было тесно связано с величественным «Бирс Нимрудом» по той простой причине, что его храм был расположен в верхней башне семи этажей, из которых состояло пирамидальное здание Бирс Нимруда.¹⁰⁷ Воспользуемся здесь авторитетным свидетельством Геродота. Он говорит о нем (кн. I, п. 181), называя его храмом Юпитера-Бэлуса, и упоминает капеллу, или башню, на последнем, или седьмом, этаже (хотя описывает ее как восьмой этаж), где можно увидеть удивительную по своему великолепию усыпальницу бога с золотым столом и ложем, на котором временами *отдыхает Нево*.

Тот факт, что слова «бабиль», «бабилух» или «бабель» означают в сирийском и еврейском языках «невнятный говор», как это представлено у де Ружмона, по мнению которого «клинописные таблички, по всей видимости, подтверждают реальное существование Моисея» («Первобытные люди», том III, стр. 96), — поистине имеет весьма небольшое значение для кого бы то ни было, кроме того, кто заинтересован в защите библейских утверждений. Ибо малейшее изменение гласной, неправильное ударение или интонация могут дать совершенно иное значение любому слову и изменить таким образом его первоначальное значение или идею. Вавилонские жрецы, которые, согласно Цицерону, «утверждают, что они сохранили на своих памятниках наблюдения, которые охватывают период времени в 470000 лет» («De Divinatione», i, 36), могли преувеличивать, а могли и нет, — но все же должно было пройти много тысячелетий между ранней и первобытной конструкцией халдейских языков и еврейским языком более поздних сохранившихся свитков, в которых слово *babel* интерпретируется как «смешение», и таким образом возникает повод для отождествления этого слова, в библейских целях, с вавилонской башней. Отсюда — широкий простор для всяческих спекуляций.

В любом случае, поскольку современная наука постепенно приходит к мудрому заключению о том, что было бы чересчур опасным испытанием для веры признание того, что «все существующие языки различных народов могли произойти одновременно и из одного общего источника под влиянием божественного вмешательства» (Ренан: «Langues Semitiques»), — перевод Вавилона как «смешение» можно не принимать во внимание, оставив его теологам-библеистам.

Что касается Нево, то он был «Богом» в представлении простых людей и, эзотерически, таинственной силой, управляющей планетой Меркурий, — символом и «домом тайной мудрости», к которому халдеи обращались как к «Тому, кто сам себя создал *из себя самого*», — иначе говоря, *Божественной* Мудростью. Все то, что ныне известно относительно этого «божества», запечатлено на глиняных табличках, найденных и привезенных в Европу полковником Ро-улинсоном, *** клинописный текст которых был частично переведен *** м-ром Жюлем Оппертом, выдающимся ориенталистом и членом Азиатского общества в Париже, а позднее дополнен Джорджем Смитом. Буквальное значение перевода, даже если принять его в таком несовершенном виде, как существующий, все же годится для того, чтобы открыть изучающему оккультизм истинный характер «бога», к которому данные тексты обращены. Вот они:

Я, *Невоходоносор*, царь Вавилона, слуга Предвечного Единого, находящегося в сердце Меродаха, Высший Монарх, который превозносит Нево, Спасителя, Мудреца, которым *выслушивает наставления этого великого бога*: Царь-Наместник *** который восстановил пирамиду и башню из [семи этажей]. Я, сын *Невополассора*, царь Вавилонии.

Великий Господь Меродах породил меня и повелел восстановить его обитель. Нево, который наблюдает *за небесными и земными воинствами*, вооружил мою руку скипетром правосудия.

Эта пирамида является великим храмом Неба и Земли, жилищем Учителя Богов — Меродаха. Святилище в ней, которое я воссоздал из чистого золота, — это место отдыха Его Владычества. Семиэтажную Башню,¹⁰⁸ вечный Дом, который я вновь

107

Бирс, «жилище богов», или семи духов, Нимрода, *** астро *** и халдеев.

108

В соответствии с прочтением надписей на глиняных табличках Роулинсона, Бирс Нимруд состоял из семи этажей, символизирующих концентрические круги семи сфер, каждый из которых был построен из цветных плит и металлов, соответствующих цвету управляющей планеты. (Ср. Генри К.

отстроил и восстановил, я отделал полированными плитами из кедра и кипариса, и завершил его великолепие золотом, серебром и другими металлами ***.

...Я закончил *первое* здание, храм в центре земли, с которым связана память Вавилона, и сделал ему надстройку из кирпича и меди.

Второе сооружение таково: храм *Семи светил Земли*,¹⁰⁹ с которым связана память Борсиппа («Бирс Нимруда»), начатый первым царем — со времени правления которого минули сорок две человеческие жизни¹¹⁰ — и по вине которого его вершина осталась незавершенной много веков назад, так как мысли его были выражены весьма беспорядочно. («Оставшийся план строения был слишком неопределенным», — как переводят это место некоторые ориенталисты.) Землетрясение и гром разрушили свежие кирпичи, которые раскрошились и упали вниз, образовав небольшие холмики.

Чтобы восстановить его, великий бог Меродах завладел моим сердцем; я не менял его местоположения и не перекладывал его фундамент ***, но обновил окружающие его балюстрады *** и отстроил заново его вершину.

Нево, сам себя породивший, Высший Разум ... благослови мой труд ... благоволи ко мне всегда на пути *грядущих времен, в семикратном умножении в перерождениях* (стать совершенным семеричным существом в каждом перевоплощении), победе на троне и т. д., и т. п. *** Навуходоносор, царь, который восстановил это, остается распростертым перед твоим ликом.

Имя *Навузародан*, включающее в себя *Наву*, или *Нево*, по всей видимости, только в еврейском языке означает «Наву есть Господь» (נָבוּ אֱלֹהִים); но в персидском языке и у людей античности *Наву* всегда означало *премудрого* (Господа). Поэтому префикс *Неву* присоединялся к имени каждого посвященного адепта, предназначенного для служения Бэлу и Нево, «надзирающим над всеми небесными и земными легионами», или «воинствами». Отсюда происходят названия *Наву-Кадан-Ашур*, *Наву-Пал-Ашур*, *Наву-Зародан* и т. д., и т. п. *Наву*, короче говоря, было неким абстрактным качеством: персонифицированным, — когда имелся в виду седьмой принцип, «высшее Эго» человека; неким прилагательным, — если его относят к некоему особому предмету; и, в конце концов, синтетическим атрибутом семи халдейских богов, — планетарных духов. Меркурий имел не больше прав называться Нево, чем какая-либо из шести других планет, но его называли таким образом согласно более поздней идее, пытающейся соединить в одно целое бога, планету и атрибут. До сих пор существует глубокое убеждение *** среди современных евреев и христиан, что Моисей умер и был погребен на горе НЕВО, входящей в горный хребет Фасги.

Изучающему оккультизм следует хорошо поразмышлять над теми материалами и системами измерений, которые использовались согласно подробным наставлениям самого Бога Израиля при создании скинии (см. «Исход», XXV и далее), если он хочет узнать, каким образом «жилище бога» — называется ли оно скинией, домом, пирамидой или храмом — было приспособлено для оккультных целей. Если системы измерений таких строений по «весу, размеру и объему» являются «символически» и «эзотерически» совершенными копиями друг друга, или, говоря иначе, обнаруживают полную идентичность, когда их изучают при помощи современной метрологии и геометрии, а также соответствуют *астрономическим* планетам (включая землю) своими взаимосвязями, диаметрами и длинами окружностей, и т. д.; то насколько же больше могло бы быть открытий, если бы их архитектура и материалы, из которых они построены, были изучены в свете алхимии, оккультных и психофизических соотношений. Если бы были установлены тайные силы, скрытые в любом металле, древесине, краске и материале, — как, например, в *козлином волосе*, — и благодаря этому были бы найдены связующие силы во всех многократных комбинациях таких объектов, тогда мир получил бы неоспоримое доказательство того, что «ноев ковчег» и «ковчег завета» божества-покровителя народа Израиля были совершенно

Роулинсон, «О Бирс Нимруде, или великом храме Борсиппы», в «Трудах Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии», том XVIII, 1861 г., стр. 17-19). Точное соответствие цветов каждой отдельной планете показано ныне телескопическими и спектроскопическими открытиями современной науки.

¹⁰⁹ Эти светила являются семью планетами, которые символизируются в еврейской скинии семисвечником.

¹¹⁰

Сорок два *столетия*, если считать продолжительность человеческой жизни за 100 лет.

идентичны с «седьмым этажом» и «местом отдыха» халдейского «Господа Бога», — их национального божества-покровителя. Что то же самое распределение и та же комбинация «золота, серебра и меди», «голубого, пурпурного и алого, тонкого холста и козьего волоса», дерева *шеттим*¹¹¹ бараньих шкур, окрашенных охрой, *оникса* и меди — требовались для храма халдейского *Бэла*,¹¹² или Нево, что и для еврейского Эля, или Иеговы, если ожидалось, что одна из этих Сил проявит себя в, и будет говорить из соответствующего магического убежища. В конце концов они получили бы неопровержимое доказательство того, что если предполагаемое поклонение звездам халдеев было *идолопоклонством*, — таким же был предполагаемый монотеизм евреев. Ибо если вавилонский Бэл означал СОЛНЦЕ, то Иегова израильтян означал САТУРН. Каждый из «богов» народов имел свою «звезду», или планету, и эта звезда, носившая такое же имя, предполагалась домом или местом обитания этого ангела. «Вы носили скинию и звезду бога вашего Молоха (*Хиуна*), изображения, которые вы сделали для себя», — выражает свое недовольство «Господь» через Амоса (Амос, V, 26).¹¹³ Кем же был Молох, или Хиун, как не Ваалом — более поздним Б злом? Вся религия евреев сплошь состоит из обрывков халдейского и египетского культов; Библия описывает Даниила как рабби, главу вавилонских астрологов и магов, и поэтому ему сопутствуют малые ассирийские быки и атрибуты Шивы, которые появляются вновь в сильно видоизмененном облике в херувимах талмудических евреев, как можно проследить и быка Аписа в сфинксах и херувимах моисеева ковчега, и найти через несколько тысяч лет того же самого ассирийского быка в компании с египетским львом, птицей — орлом Юпитера — и вдобавок с ликом некоего ангела, изображенных вместе с четырьмя апостолами Нового Завета — четыре каббалистические фигуры.

Совершенно очевидно, что *Нево* управлял халдеями и вдохновлял их в течение долгого периода вавилонской цивилизации. Никакие современные средства, находящиеся в распоряжении наших архитекторов, не могли бы помочь построить такие гигантские города и здания в нашем веке, какими были Вавилон и Ниневия. И все же предполагают, что они были построены не ранее приблизительно девятнадцатого века до н. э., внуками той самой одинокой семьи, которая пережила Потоп!

Три ориенталиста — Опперт, Фреснель и Томас — организовали в 1851 году при содействии правительства научную экспедицию в «Месопотамию», и вот что они написали по возвращении о Вавилоне:

Вообразите себе площадь в десять раз обширнее, чем весь Париж со своими пригородами, протяженностью больше, чем департамент Сены, окруженную стеной в 80 футов толщиной и от 105 до 328 футов высотой, — как раз такой высоты достигает шпиль на доме Инвалидов, — это и будет Вавилон.

Опперт обнаружил на месте города модуль гигантских размеров, который в точности подтверждает сообщения Геродота, в описании которого Вавилон изображен в виде «огромного квадрата, каждая из сторон которого имела 120 стадий в длину, огороженного _ стеной в 50 царских локтей в толщину и 200 — в высоту», — едва ли эти измерения могут страдать недостатком точности. Кроме того, знаменитая надпись Навуходоносора подтверждает свидетельство Геродота. Как замечает античный автор: «Пирамиды Египта выглядели бы карликами в древнем Вавилоне».

Однако, наиболее любопытным документом на данную тему является лекция того же самого Жюль Опперта, прочитанная им в Академии изящных искусств, которая называлась: «Клинописные ассирийские надписи»; ниже мы приводим краткое изложение этой лекции.

Древнейшими документами, находящимися в руках ориенталистов, являются глиняные таблички, которые использовались для письма царями нижней Халдеи приблизительно с XXX по XX век до н. э. Перевод надписи царя Тиглатпилосора был сделан около двадцати пяти лет назад в Лондоне четырьмя разными ориенталистами, одновременно и независимо друг от друга, по заказу Азиатского общества. И эти четыре версии, как

¹¹¹ Дерево *шеттим* не означает «некий вид акации», но любое дерево со сладким запахом, освященное для теургических целей, такое как сандал, кипарис, и т. д., и т. п.

¹¹² Возможно, аббревиатура *Лб* (отец) и *Эль* (Бог)?

¹¹³ «Избранный народ», по-видимому, поклонялся этой звезде в течение сорока лет в пустыне, — таким образом, эта звезда была жилищем Иеговы, — что делает его идентичным с *Хиуном*, Молохом.

оказалось, по причине их совпадения оставляют весьма небольшие сомнения в правильном значении главных черт исторических фактов, описанных там. Большинство табличек принадлежат к периоду Саргона, царя-основателя Хорсабада, история которого (почти слово в слово совпадающая с библейской легендой о детстве Моисея) была расшифрована и опубликована покойным Джорджем Смитом. Города и памятники, построенные Саргоном, бесчисленны, и его сын, великий завоеватель Сенахериб, продолжал строительство после него. В бычьих надписях, Саргон таким образом описывает религиозную церемонию:

*** В долине ... ниже Ниневии я построил город и назвал его Хисри-Саргон. Для того, чтобы населить этот город и сохранить память о разрушенных алтарях, я построил алтари великим богам и дворцы для моего величия, чтобы жить в ***. Затем я выбрал в Хисри-Саргоне места для Нисроха, Сипа (Луны), Самаса (Солнца), Ао (Сатурна),¹¹⁴ Нинип Сандан и т. д., и т. п., и их скульптурных изображений (статуй).

В дальнейшей церемонии описывается закладка фундаментов и особенности всех богов и богинь. Мы не будем касаться здесь всех их и можем привести лишь то, что имеет отношение к Нево:

Вавилонская башня, — продолжает Опперт, — известная сегодня как Бирс Нимруд, состояла из семи квадратных башен, помещенных одна па другую и поддерживаемых неким гигантским основанием.

Геродот ошибочно называет восемь, принимая последнюю надстройку также за башню.¹¹⁵

На верхнем этаже располагался просторный храм, в котором не было ничего кроме ложа, на котором возлегал бог во время своих кратковременных визитов.

Все тексты говорят о верхней башне как о *месте отдыха бога НЕВО* ***. Ниже находился еще один храм, посвященный Нево. Все указывает на то, и это действительно так, что башня Борсиппы была специально предназначена этому богу. Далее цитированная выше надпись упоминает о святилище Нево,

которое находится внутри пирамиды и называется *Бабиль*, или центральным местом *** где собирались и возвещали оракулы.

Таким образом, сообщение о вавилонской башне в XI главе Книги Бытия является чисто аллегорическим и неправильно истолковываемым. В вавилонской башне находилось святилище, в котором боги или *бог* говорили через оракулов таким же образом, как и бог, или боги (ангелы), евреев говорили через первосвященников и даже *viva voce* [непосредственно] с народом израильским. Скиния и ковчег были не в большей степени святы, чем место отдыха бога и обитель оракула. Все они были святилищами ГОВОРЯЩИХ БОГОВ.¹¹⁶

---

¹¹⁴ Или Иао — который является Иеговой так же, как и Сатурном. Диодор утверждает, что среди евреев рассказывали о том, что Моисей называл Бога Иао. Феодорит говорит, что они произносили его имя как Иахо. И лишь благодаря более позднему введению масоретских знаков раввины стали произносить это имя как Иегова, Адонай, и т. п. (См. стр. 253-254 в «Разоблаченной Изиде», том II, издания Российского теософского общества, 1992 г.)

¹¹⁵ Геродот, кн. I, 181.

¹¹⁶ Кирхер сообщает *modus operandi* [механизм действия], извлеченный из древних ватиканских манускриптов. «На священном алтаре каждого храма», — говорит он, — «стоящий изображал *Правителей Мира* (духов планет), украшенных присущими им знаками отличия; вокруг алтаря внимательные жрецы наблюдали за тем, что показывал им последний в отношении откровений о будущем, которые они должны были получить впоследствии благодаря заклинанию через отверстие в середине стола, которое у всех у них называлось — *великими вратами богов*». («Эдип Египетский», в «Tabula Isiaca»).

ФЕРЕКИД

Ферекид — древнегреческий философ с острова Сирос, учитель Пифагора. Подобно последнему, в соответствии с античными свидетельствами, он долгие годы путешествовал по Востоку, посещал Индию и Халдею, жил в Египте, причем в двух последних странах он был учеником посвященных жрецов. С другой стороны, такие авторы, как Климент Александрийский и Филон Библский, утверждают, что «Ферекид не получал наставлений в философии ни от какого учителя, но *приобрел свое знание из тайных книг финикийцев*». ¹¹⁷ Однако, последнее утверждение не может никоим образом противоречить первому, причем наиболее интересен во всем этом тот факт, что у финикийцев, как и у всех других древних народов, были свои тайные книги, то есть, они имели некую экзотерическую религию для непосвященных и масс, и эзотерическую систему для тех, кто стремился к посвящению в мистерии. Современные энциклопедисты лишают Ферекида титула философа на том основании, что, как полагают, «он жил в то время, когда люди начинали размышлять о космогонии и природе богов, но едва ли приступили к занятиям подлинной философией». ¹¹⁸ Это такое же заблуждение, как и многое другое. Подлинная философия начинается с Пифагора лишь в Греции, но ею занимались за много тысяч лет до того в других странах; и не увидел бы Пифагор, «любитель истины»... того, что он называл философией, в безумно материалистических, хотя и научных рассуждениях и теориях нашей современной, так называемой, философии. Как бы то ни было, теософы вполне могут смотреть на Ферекида как на одного из своих древнейших западных учителей и авторитетов, поскольку его сочинение «Эптамукос» (Ἐπταμύκος), — которое некоторые называют «Теокразией, а иные — «Теологией», — является первым в классической литературе, в котором говорится о реинкарнации, или метемпсихозе, ныне понимаемом столь превратно, но которое у древних было синонимом перерождения или *бессмертия души*. Именно этим последним термином Суид называет доктрину, которой учил Ферекид, и говорит, что она содержалась в двух книгах, в которых, помимо того, был ясно изложен семеричный принцип, конечно, более или менее аллегорическим и символическим языком. Так, он утверждает, что в Космосе существуют три высших принципа, которые он обозначает как Хтона (Хаос), Эфир (Зевс) и Хронос (Время), и четыре низших *принципа*, элементы-стихии *огня, воды, воздуха и земли*. Из них образовано все видимое и невидимое во вселенной. Он был большим знатоком орфических сочинений, а его собственные труды еще сохранились во времена александрийских нео-платоников. Аристотель упоминает о нем как о мифологическом персонаже, а Плутарх говорит о нем как о писателе-богослове; он упоминается у многих классиков. Диоген Лаэртский ¹¹⁹ называет его наследником Фалеса, а некоторые считают, что он был первым писателем-прозаиком в Греции, поскольку он использовал прозу для объяснения философских вопросов. Существовал и другой Ферекид из Афин, которого часто путают с Ферекидом Сиросским. Но если последний был современником Сервия Туллия (ср. Цицерона и Диогена Лаэртского), шестого цезаря Рима, и должен был жить, таким образом, в соответствии с Олимпиадами, в шестом веке до н. э., Ферекид Афинский жил на сто лет позже и был современником Геродота. Он был логографом и не сделал ничего такого, ради чего о нем стоило бы упомянуть в этой работе. Любопытно, что Демокрит намекает на то, что вся философия Ферекида «тайком переписана» с восточных систем, а Цицерон отрицает это. Это обвинение довольно странно, поскольку ни Ферекид, ни Пифагор не делали тайны из восточного происхождения своих учений.

¹¹⁷

Ф. В. Штутц, «Фрагменты Ферекида», Лейпциг, 1824.

¹¹⁸

См. «Греко-римский биографический и мифологический словарь» Смита, Лондон, 1849, ст.

«Ферекид».

¹¹⁹

Диоген Лаэртский, «Жизнеописания выдающихся философов», кн. I, ч. 11, 116-118.

ЗНАНИЕ ПРИХОДИТ В ВИДЕНИЯХ

Знание приходит в видениях, сначала в снах, а затем в картинах, которые предстоят перед внутренним взором в ходе медитаций. Таким образом мне была преподана вся система эволюции, законы бытия и все остальное, что я знаю, — тайны жизни и смерти, деяния кармы. Ни слова обо всем этом не было сказано мне обычным путем, кроме, быть может, подтверждения того, что было таким образом дано мне, — меня ничему не учили на письме. И знание, обретенное так, столь ясно, столь убедительно, столь неизгладимо по тем впечатлениям, которые оно оказало на разум, что все другие источники информации, все другие методы обучения, с которыми мы знакомы, кажутся совершенно незначительными по сравнению с ним. Одна из причин, по которой я колеблюсь при немедленном ответе на некоторые вопросы, задаваемые мне, — это трудность выражения достаточно правильным языком того, что дается мне в виде картин и постигается мной при помощи чистого Разума, как назвал бы это Кант.

Их метод — это синтетический метод обучения: сперва даются самые общие очертания, затем некое интуитивное видение метода работы, после того перед взором появляются главные принципы и понятия, и в конце концов начинается раскрытие небольших деталей.

О ДРЕВАХ ЖИЗНИ

Как Иггдрасиль представляет собой древо жизни скандинавской «Эдды», так и *Хаома* есть священное древо жизни Заратуштры, изображение которого мы видим на ассирийских монументах (см. «Ниневию» Лэйарда, стр. 472).

Божество или Бог — это Огонь. Розенкрейцеры хорошо понимали это и переняли это учение от магов, потомков Заратуштры. Существовало несколько Заратуштр (это имя является родовым), что доказывает он сам, говоря: «Я тот, кто живет и умирает»; но Зороастр парсов появился за 5400 лет до Р. Х., а Персеполис (Город Сияния) был основан, согласно Традиции тайных писаний, в 5000 г. до н. э. Джиан Иином, жрецом Оаннеса, или Дагона (см. письмо Иллариона в «Теософисте», том II, июль 1881 г.). Его древним названием было Иста-хар, место, посвященное *Исте*, или *Аитар*, или *Эсте* — в конце концов ставшей *Вестой*, в честь которой римляне возжигали неугасимый огонь. Веста была божественным антропоморфным Божьим Огнем или Святым Духом. *Хар* на ассирийских монументах означал *Солнце*, а Истар, или Иста-Хар, — Весту Солнца и трон Солнца, название которого было переведено греками как *Персеполис*. «Хар-ис» — это *город огня*. Церера также была божеством огня, тепла, оплодотворяющего природу; жители города Книд называли ее «Кура», *титолом Солнца*, ее римским именем было *Керера*, а не Церера (как Цицерон не Кикерон), первоначально это было названием города, *Харис*. В арабском языке значение корневого слова Хар-ис эквивалентно глаголу «сохранять», а значение слова *харис* — «страж», «хранитель» (огня). Отсюда происходит и имя Кир, которое является мужским эквивалентом женского имени Церера. Но это имя индийское (ибо *Херес* — это то же самое, что и Хар-ис), и Хара, или Хари, — это имя Хара-Дева; *Хари*, как мы полагаем, означает «Спасителя». *Корос* — это имя Бахуса, сына Кереры, или Цереры; Корос является Божественной Мудростью или Святым Духом. В первом томе «Объясненных древностей» отца Бернара де Монфокона на гравюре, изображающей Матерь Богов, одним из ее имен является Сурья, индийское название *Солнца*. На другой иллюстрации она называется *Mater Suriae*, черная, с длинными волосами (отсюда название страны — *Сирия*). У красных одеяний римских кардиналов то же происхождение, что и у бронзово-красно-желтых одежд саннья-синов и буддистов, от Божественного Огня — знания. Как *Верех* на иврите означает восхождение Света, так и *Сурья* означает Солнце, а имя Заратуштра является комбинацией

индийского и еврейского названий. Сэр Уильям Друммонд показал, что Хайд совершенно ошибочно считает Зороастра современником Дария. Суид относит время его жизни к периоду за 500 лет до троянской войны; Плутарх — за 5000 лет до этого, а Плиний — за много тысяч лет до Моисея. Все эти противоречия показывают, что было несколько Зороастров, один из которых, Зороастр парсов, был историческим персонажем, посвященным, и сэр Уильям Друммонд в своей книге «*Oedipus Judaicus*» [«Эдип Иудейский»] помещает Зороастра за много сотен лет до Моисея. Называя его сперва величайшим математиком и величайшим философом, преподобный Г. Придо тотчас же именуется его «мошенником и обманщиком», каковыми же называют и нас в христианских газетах.

Абульфарадж [Бар-Гебрей] в «Книге династий» (стр. 54) утверждает, что Заратуштра учил персов проявлению *Мудрости* (Сына, помазанного Господом, или Логоса), «Хоновер» (живого проявленного Слова, или обожествленной Мудрости), и предсказал, что некая дева непорочно зачнет (саошйанта), и что в момент рождения этого посланника появится шестилучевая звезда, сияющая в полдень, в центре которой возникнет фигура девы. В Каббале дева — это астральный свет, или акаша, а шестилучевая звезда — символ макрокосма. Рожденный Логос, или саошйант, означает тайное знание, или науку, которая раскрывает Мудрость Бога. В «Зенд-Авесте» содержится пророчество о Богоявлении.

В руки посланника пророка Заратуштры передавались многочисленные дары при наполнении кадила *огнем, взятым от священного алтаря*, как делал это в древние времена мобед парсов (и то же делает сегодня римский католик, который, однако, выбирает свои пылающие угли и огонь для своей камины из кухонного камина), этот огонь означал небесную истину, и дым благовоний струился прямо в лица поклоняющихся, *передавая таким образом знание*: вечно горящий Огонь-Слово Заратуштры. «Смертный, который достигает Огня, получит Божественный Свет». Кришна говорит Арджуне в «Гите», что Бог находится в огне алтаря. «Я есть Огонь; Я есть Жертва». *Фламины* (этрусская жрецы) назывались таким образом, потому что они, как полагали, были озарены *языками Пламени* (Святого Духа), и христиане переняли такие же головные уборы и алые ряссы кардиналов, символизирующие этот Огонь Эзотерического Божественного Знания. «Чисты и счастливы те», — говорит Фирдоуси, персидский поэт, — «кто, поклоняясь Единой Высшей Мудрости, созерцает в священном пламени символ Божественного Света» — Хираньягарбху (см. это санскритское название у Дамодара) «Вед». Павсаний говорит, что «когда маг произносит заклинание, входя в храм, и когда он заканчивает делать это, все дерево на алтаре *вспыхивает без огня и горит великолепным пламенем*» (*Elis*, I, ххvii, 6). Прометей, или «Пра-Ма-Та-Исса», божественный сын Иссы на санскрите, *принес огонь с неба*. В одном древнем ирландском манускрипте Заратуштра называется *Айргиод-Ламх*, или «Золотой Рукой», рукой, которая получила и разбрасывает небесный огонь («Восточные собрания» сэра Уильяма Услея, I, стр. 303). Его называют также *Мог Нуэдат*, Магом Нового Таинства или Освобождения. Заратуштра был одним из первых реформаторов, который открыл то, что он получил в своем посвящении, *шесть периодов*, или *гахамбаров*, или периодическую эволюцию мира. Первый из них — *Майдьюзаремайя*, в котором образуются небеса, или небесный свод; второй, *Майдьюшема*, в котором из влаги облаков происходят воды; третий, *Пайтишахья*, когда земля образуется и затвердевает в результате соединения первичных космических атомов; четвертый, *Айятрима*, на котором земля порождает растительную жизнь; пятый, *Майдьюрья*, когда земля постепенно развивается до уровня животной жизни; шестой, *Хамаспатадайя*, когда низшие животные достигают своего наивысшего развития в человеке; седьмой период наступает после завершения определенного цикла, когда появляется персидский мессия, *восседающий на коне*, — то есть, солнце нашей солнечной системы потухнет, и наступит — ПРАЛАЙЯ.

Тот, кто хотел бы раскрыть тайны священных книг парсов, должен бы был также изучить Писания других народов и, в особенности, индусов. Тогда он обнаружил бы тайну *солнца, огня и коня*. Как его собственный саошйант, спаситель человечества, должен появиться восседающим на белом коне в сопровождении армии добрых гениев на молочных белых конях, так и Иоанн в «Откровении» видит *белого коня* и «верного и истинного» на нем, и армии, которые следуют за ним на белых конях, так же и Вишну, согласно *Калки Аватара*, появится как воин, восседающий на белом коне, и т. д., и т. п. *Белый конь* — это

конь солнца. «И увидел я одного ангела, стоящего на солнце», — говорит Иоанн («Откр.», XIX, 17). «И отменил коней, которых ставили цари иудейские солнцу» («Четвертая кн. Царств», XXIII, 11) — «пламенному источнику Духа-Жизни». Принесение коней в жертву солнцу — *ашвамедха*. Лошади солнца знамениты во всех религиях (Фазтон у греков, едущий на колеснице). Верховный жрец, или мобед, который каждое утро выезжает верхом чтобы встретить и поприветствовать восходящее солнце, типичен, так как колесница представляет *тело*, конь — одушевляющий принцип, а четыре ноги коня — четыре мировые расы — черную, красно-коричневую, желтую и белую, или негров, индийцев, монголов и кавказцев (отсюда произошли и четыре касты Ману); у китайцев это отражено в четырех рангах их священнослужителей, облаченных в черное, красное, желтое и белое; Иоанн видел те же самые цвета у символических коней «Откровения».

У персидских парсов есть одна книга, более древняя, чем *нынешние* писания зороастрийцев. Ее название — «Джавидан Хирад»,¹²⁰ или Вечная Мудрость, и это труд по практической философии магии с естественными объяснениями. Хайд ссылается на него в своем предисловии к «*Historia Religionis Veterum Persarum*». Четыре века зороастрийцев соответствуют четырем расам. Преподобный Джордж Оливер, говоря о Зороастре, которого он считает человеком, обладавшим исключительным знанием всего в области науки и философии, что тогда было известно в мире, приводит сообщение о пещерном храме, о котором часто упоминается в зороастрийских доктринах.

[Зороастр] удалился в пещеру *круглой* формы, или грот, в горах Бокхара, которую он украсил богатыми символическими и астрономическими декорациями и торжественно посвятил ее срединному богу, или посреднику, Митр-Асу, или, как его повсюду именовали, невидимому божеству, породителю вселенной, о котором говорили, что он сам родился, или был создан, в пещере, высеченной в скале. Солнце было представлено здесь сияющим драгоценным камнем, который благодаря своему невыносимому блеску занимал главное положение в *центре помещения*; планеты были видны вокруг него в виде расположенных по порядку сверкающих золотых гвоздей на лазурном фоне; зодиак был роскошно выгравирован на золоте, на котором особенно сильно сверкали созвездия Льва и Тельца с Солнцем и Луной из кованого золота и выступали из своего основания. Четыре мировых века были представлены многочисленными шарами из золота, серебра, меди и железа.¹²¹

Ученикам говорили, что эти «века» соответствуют четырем расам людей: золотой — монгольской; серебряный — белой, или кавказской; медный — красным индийцам; и железный — неграм. Минос получил законы с неба в пещере на горе; Эгерия дала Нуме убежище в гроте, или пещере, на холме; Моисей получил завет на горе Синай, и т. д.

Дагдай — это имя матери Заратуштры, и Валленси показал, что это имя с таким произношением означает Святой Дух (или Мудрость); а Фабер, который пишет его как *Day-dae*, говорит, что это *Божественная рыба* — мы полагаем, что парсы согласятся с этим. Зададимся вопросом, почему Зороастр освящал во время священных обрядов: вино (*истина*),

---

¹²⁰ Традиция говорит, что «Джавидан Хирад» была написана царем Хушангом, одним из пещдадийских царей Персии; что она была погребена во дворце царя Наширвана в Багдаде и выкопана по просьбе философа Зоубана, который получил на это позволение от Маймуна эль-Рашида, сына Гаруна эль-Рашида. Зоубан доверил одному из тогдашних ученых прочитать и перевести лишь небольшую часть этой книги. Это и есть тот фрагмент, который дошел до нас под названием «Джавидан Хирад». Первоначально он был переведен на арабский язык и дополнен различными наставлениями других древних философов. Что касается содержания этой книги, то потребовался бы целый том лишь для того, чтобы вкратце прокомментировать его. Прежде всего, скрытый смысл оригинального текста совершенно отрицался позднейшими переводчиками. Но даже внешнее, поверхностное значение, придаваемое этим словам, наполнено нравственными и философскими наставлениями. Во всем сборнике нет ни одного предложения, про которое можно бы было сказать, что оно менее важно, чем остальные. Если бы у нас было больше места, мы цитировали бы один за другим отрывки, прочтение которых могло бы принести пользу даже самым знаменитым из сегодняшних моралистов и теологов. Одной этой книги вполне достаточно для того, чтобы показать знание и умение древних, которые подвергаются сегодня таким оскорблениям. Если те, на которых мы приучены смотреть как на примитивных людей в полуварварском состоянии, могли написать такие труды по теологии, морали и даже политике, с которыми вряд ли могут соперничать какие-либо сочинения нынешнего так называемого века «прогресса и цивилизации», мы должны быть уверены, что нам следует идти по стопам этих полуварварских людей и оставить хваленую цивилизацию ее собственным обманутым последователям.

¹²¹ «История посвящения», Лондон, 1841 г., стр. 94-95.

выжатое из виноградной лозы (притча Христа?), розу (фаллос), чашу (чрево) и зерно граната (посланец). Роза посвящалась Солнцу. Зороастр удалился на некую гору в Армении (Ариман), чтобы говорить с Ормуздом; и когда гору охватил огонь, он остался невредим. После этого на горе Гордиан он написал первую «Зенд-а-весту».

В древнейшей иранской книге, называемой «Десатир», — собрании поучений четырнадцати наиболее древних иранских пророков (было бы грубой ошибкой считать, что их число пятнадцать, и включать в их число Симкендеш, или «Секандер», что моет быть доказано на основании авторитета самого Заратуштры в этой книге), — Заратуштра стоит в этом списке тринадцатым. Это весьма важно. Западные ученые не дают достоверной информации относительно периода *первою* Зороастра или его личности; их авторитеты противоречат друг другу самым удивительным образом. На самом деле, среди многочисленных противоречивых сведений мы находим классических древнегреческих авторов, которые сообщают нам, что Заратуштра жил в период от 600 до 5000 лет до Троянской войны, или за 6000 лет до Платона. Или опять-таки, Бероз, халдейский жрец, заявляет, что Зороастр был основателем индийской династии в Вавилоне в 2200 г. до н. э.; в то время как более поздние национальные традиции сообщают нам, что он был сыном Пурушаспа и современником Гуштаспа, отца Дария, что относило бы его к 600 г. до н. э. Наконец Бунзен утверждает, что он был рожден в Бактрии до переселения бактрийцев к Инду, что произошло, как доказывает нам этот ученый египтолог, в 3784 г. до н. э. К какому же выводу можно прийти в этом море противоречий? Очевидно, остается лишь одна гипотеза, и единственную причину того, что все они неверны, мы обнаруживаем в эзотерической доктрине, — а именно, в том, что было несколько наставников с таким именем. Поэтому ни Платону, ни Аристотелю, столь аккуратным в своих утверждениях, не надо превращать 200 лет в 6000. Что же касается местной традиции, делающей этого великого пророка современником отца Дария, это абсурдно даже на самый первый взгляд. Хотя это ошибка слишком очевидна, чтобы была необходимость в ее тщательном опровержении, я могу сказать несколько слов по этому поводу. Недавние исследования показали, что персидские писания считают Вистаспа последним в ряду кайанийских принцев, которые правили в Бактрии, в то время как ассирийское завоевание этой страны произошло в 1200 г. до н. э. Одно это должно доказывать, что Зороастр жил за 12 или 13 веков до н. э., а не за 600 лет, как это ему приписывают; и потому он не мог быть современником Дария Гистаспа, чей отец был столь беззаботен, и как таковой был перепутан по этой причине с Вистаспом, правившим шестью столетиями раньше. Если мы добавим к этому историческое расхождение между утверждением Аммиана Марцеллина — который доказывает, что Дарий уничтожил магов и ввел культ Ахурамазды — и надписью на могиле этого царя, которая утверждает, что он был «наставником и иерофантом магизма»; и другой не менее значимый и очень важный факт, что в зороастрийской «Авесте» нет никаких знаков того, что ее автор или авторы знали мидийцев, персов или ассирийцев, и древние книги парсов сохраняют молчание и не обнаруживают никакого знакомства с каким-либо из тех народов, которые, как это известно, обитали в западных областях Ирана или неподалеку от них, — тогда эта дата, 600 лет до Р. Х., принятая как предполагаемый период жизни и деятельности этого пророка, становится совершенно невероятной.

Таким образом, мы можем благополучно прийти к следующим заключениям: 1) что было несколько (всего *семь*, говорят Тайные Писания) *Ахуру-астров*, или духовных наставников Ахурамазды; это некая должность, название которой было позднее искажено в форме *Гуру-астры* и *Зуру-астры*, от «Зера-Иштар», титула жрецов халдеев или магов; и 2) что последним из них был Заратуштра или *Десатир*, тринадцатый из пророков, и седьмой из носящих такое имя. Это он был современником Вистаспа, последним из кайанийских принцев и составителем «Вендидада», комментарии к которому утрачены, и который остается сегодня лишь мертвым текстом. Некоторые из фактов, которые даются в Тайных Писаниях, хотя для строго ученого и чисто традиционные, весьма интересны. Они создают впечатление, что существует некая поляя скала с гигантской пещерой, заполненной табличками, носящей имя Заратуштры в его магическом наименовании, и что эти таблички

еще могут быть однажды обнаружены. Эта скала, с ее пещерой, табличками и многочисленными надписями на ее стенах, располагается на вершине одного из пиков гор Тянь-Шань далеко позади места их соединения с Белор Тагом, где-то в восточном направлении. Одно из наполовину нарисованных, наполовину записанных пророчеств, которые приписываются самому Заратуштре, относится к тому потопу, который превратил некое внутреннее море в унылую пустыню, называемую пустыней Шамо, или Гоби. Эзотерический ключ к таинственным верованиям, легкомысленно называемым в одно время сабейской, или планетарной, религией, а в другое — культом солнца или огня, «висит в этой пещере», — как говорит легенда. Великий пророк изображается здесь с золотой звездой на своем сердце и считается представителем той допотопной расы гигантов, которая упоминается в священных книгах халдеев и евреев. Неважно, принимается или отвергается эта гипотеза. Поскольку ее отрицание не сделает другую гипотезу более правдоподобной, имеет смысл упомянуть об этом.

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ ДРЕВНЕЙ РАСЫ ГИГАНТОВ

Гиганты древности — это не что иное, как выдумка, — утверждают современные западные мудрецы. Когда бы не находили кости предполагаемой расы людей-гигантов, неизменно приходит некий Кювье и поспешно придумывает отговорку с целью прославления 4-го стиха 6-ой главы *бог вдохновенной* Книги, и чтобы растоптать цветы суеверия в зародыше, показывает, что они являются всего лишь костями *Dinotherium giganteum* из семейства тапиров. «Тайная Доктрина» — это сказка, а расы гигантов, которые предшествовали нашей расе, были плодом воображения древних людей, а сегодня — теософов.

Последние полностью готовы признать, что случайное появление гигантов мужского и женского пола ростом от семи до девяти футов в наше время не является полным доказательством. Они не гиганты в строгом смысле этого слова, хотя имеется научно показанная *тенденция возвращения к первоначальному типу*, которая еще не подвергалась сомнениям. Для того, чтобы послужить полной демонстрацией этого, остовы скелетов наших современных голиафов и структура их костей должны быть соразмерны по ширине и толщине с длиной тела, а также размером головы. Если это не так, тогда ненормальная длина может быть результатом как процессов гипертрофии, так и *реверсии*.

На все подобные вопросы постоянно давался один и тот же ответ: «время покажет» (см. «Тайную Доктрину», том II, стр. 277 и далее). «Если скелеты (существование которых решительно отрицают) из доисторических времен были столь долгое время бессильны доказать высказанное здесь утверждение, *то это лишь вопрос времени*». И сегодня мы верим, что наступило это время, и первое доказательство является весьма удовлетворительным. Мы цитируем из «Galignani Messenger» за 21 и 23 июня 1890 г. сообщения о следующей находке, из статьи, озаглавленной «Гиганты древности», которая говорит сама за себя:

Фигуры гигантов столь часто встречаются в наших легендах и древнейших историях мира, что очень важным был вопрос о том, не существовала ли раса гигантских людей в некий удаленный период времени, — например, в четвертичном периоде огромных млекопитающих, мастодонтов, мамонтов, и т. п., — не мог ли этот тип людей сохраниться и в последующие времена. У пигмеев был лучший шанс продолжить свое существование в условиях господства человека с нормальным ростом. Гиганты, подобно огромным четвероногим, были бы истреблены. Однако, наши древнейшие человеческие окаменелые останки, такие как черепа неандертальцев и кроманьонцев, не свидетельствуют о некоем исключительном росте. Невероятно

высокие скелеты были найдены в некоторых дольменах и курганах, но они предположительно принадлежат к расе бронзового века, которая все еще является элементом европейского населения. Мосье Г. де Лапуж недавно сделал открытие, которое может пролить новый свет на данный вопрос. В доисторическом захоронении в Кастельно, неподалеку от Монпалье, возраст которого датируется периодом между эпохами полированного камня и бронзы, прошлой зимой он обнаружил среди многочисленных черепов один, имеющий гигантские размеры, который мог принадлежать лишь человеку, рост которого сильно превышал 2 метра (6 футов 6 дюймов), а морфологический тип был обычным для дольменов Лозары. Это был череп здорового юноши примерно 18-летнего возраста. Кроме того, в земле обширного могильника, в котором гробницы бронзового века в большей или меньшей степени разрушены более поздними захоронениями раннего железного века, он нашел некоторые фрагменты человеческих костей совершенно ненормального размера. Например, часть большой берцовой кости 16 см. в диаметре, часть бедренной кости 13 см. в обхвате, и внутреннюю часть плечевой кости в два раза превышающей нормальные размеры. Исходя из всего этого, мосье де Лапуж рассчитал, что рост этого субъекта должен был быть около 3,5 метра (11 футов), — то есть, это был, так сказать, настоящий великан в соответствии с народными представлениями. Он жил в четвертичном периоде или в начале нынешнего, но был ли он примером гипертрофированного развития, или принадлежал к исчезнувшей сегодня расе гигантов, сказать это все еще невозможно. Довольно странно, что согласно преданию долина гигантов находится совсем недалеко от того места в пещере Кастельно, где были извлечены из кургана эти кости.

«Гипертрофия», которая распространяется на «длину, ширину и толщину» тела, увенчанного, к тому же, головой или черепом «гигантского размера», — выглядит подозрительно и походит на пустую отговорку для того, чтобы заставить разбитую теорию продержаться еще немного. Это правильно, что наука должна быть осторожной, но даже сорок «бессмертных» во всем величии своих академических санов подверглись бы осмеянию, если бы они попытались убедить нас в том, что ненормальная величина русской девочки-гиганта в шесть с половиной футов [ок. 2-х метров] при восьмилетнем возрасте, была результатом хронической водянки!

ОПАСНОЕ ЗНАНИЕ

Использование гипнотического внушения в криминальных целях существенно повлияло на ход судебного процесса над Эйраудом и Бомпардом в Париже. Решающую роль в этом деле сыграло свидетельство профессора Льега, представляющего знаменитую парижскую медицинскую школу. Профессор привел в качестве примера случай с одной женщиной, которой он сделал в гипнотическом состоянии внушение, что она видит двух бродяг, крадущих 20 фунтов у некой дамы, и он велел ей пойти в суд и сообщить эту информацию. Она так и сделала и дала подробные описания двоих мужчин, повторив впоследствии по прошествии некоторого времени свои показания слово в слово.

Далее профессор рассказал о случае, происшедшем с одним дантистом в Париже, которого видели, как он в состоянии гипноза воровал вещи в магазине подержанных товаров. Позднее в ходе следственного эксперимента было установлено, что он совершил кражу в нормальном состоянии, не имея к тому никакого другого побуждения, кроме сделанного ему в состоянии гипноза внушения. Один красноречивый проповедник, который часто слышал о воздействии гипнотического «внушения», проэкспериментировал на весьма податливом молодом человеке, призывая его пойти и украсть некоторые вещи и принести их ему. Молодой человек сделал все в точности, как ему было сказано. В другом случае, подчиняясь

приказу, полученному им в таком же гипнотическом состоянии, он вызвал немалое удивление прихожан, принявшись во весь голос декламировать тексты из Евангелий. На третий раз он был послан на воровство и схвачен с поличным. Некий офицер в казармах внушил поддающемуся гипнозу горнисту, что он — младший лейтенант. Горнист сразу же отправился к полковнику объявить о своем повышении в звании, на что тот изумленно воскликнул: «Этот тип спятил! Его место в психушке». Когда несколькими часами позже горнист пробудился, он ничего не помнил об этом, и его приключение вызвало много шуток среди офицеров.

Д-р Льеуга хотел показать суду подборку фотографий человека, которому во время гипноза внушили, что он получил тяжелый ожог, и это настолько сильно отразилось в его нервной системе, что через тридцать шесть часов на его теле появились следы от ожога, как если бы это произошло на самом деле, на что председатель суда заявил: «Я не позволю этого; это совершенно незаконно». Затем д-р Льеуга прокомментировал эти случаи, приведя под конец еще один, который произошел в Вузьере более пятидесяти лет назад, когда человеком в гипнотическом состоянии было совершено двойное убийство и который был признан не несущим ответственности за свои действия.

Нет никакого сомнения в том, что широкое распространение в печати сведений о деталях и методах гипнотического внушения поставило общество лицом к лицу с очень серьезной опасностью. Думается, что многие после этого оценят по достоинству древнюю традицию: сохранять в тайне то знание, которое давало бы в руки беспринципных и неразборчивых людей контроль над тончайшими силами природы.

ОБ ОДНОЙ ВАЖНОЙ БИБЛЕЙСКОЙ ОШИБКЕ

Одна важная библейская ошибка была открыта м-ром Чарльзом Т. Баком, ученым автором хорошо известной работы, озаглавленной «Origines Biblicae», и показана в его новой брошюре, названной им «Идол на Хориве». В ней он доказывает, что «золотой телец», изготовленный Аароном, которому поклонялись израильтяне, был на самом деле вовсе не тельцом, но шаром. Это было бы любопытной, но все же незначительной ошибкой в книге, которая, как это сегодня доказано, содержит больше ошибок и противоречий, чем любая другая книга во всем мире; но мы опасаемся, что в данном случае эта ошибка является скорее ошибкой автора. Мы еще не видели самой брошюры и судим таким образом лишь по рецензии на нее. Ошибочное использование слова «телец» вместо «шар» является следствием, как говорит он, неправильного перевода еврейского слова «агел», или «эгел». Израильтяне, потеряв надежду на возвращение Моисея с Горы Синай, изготовили и стали поклоняться не «литому тельцу», но некоему шару или диску из литого золота, который был в те времена всеобщим символом власти. Впоследствии слово «эгел» было переведено как «телец», потому что оба эти термина «телец» и «шар» синонимичны и произносились одинаково в древнееврейском языке. Мы подвергаем сомнению не правильность филологического доказательства автора в отношении самого этого слова, но скорее то, прав ли он, называя это ошибкой в отношении символического перевода этого слова. Ибо если «телец» и «шар» являются синонимичными словами, то и символизм *шара* и *быка* также был одинаковым. Крылатый шар египтян, скарабей, или «звездный диск»; круг или шар финикийской Астарты; полумесяц Минервы; диск или шар между двумя рогами коровы на голове Изиды; крылатый диск с подвешенным к нему Уреем, несущий крест жизни; солнечный шар или диск, возвышающийся над широкими рогами богини Хатхор; и рога египетского Амона; обожествление быка — все они имеют одно и то же значение. Шар и рога быка свидетельствуют об одном и том же: они являются символом вечной божественной мудрости. Разве Амон, или «сокровенный», величайший и возвышеннейший

из египетских богов, «муж своей матери, свой собственный отец и свой собственный сын», Единый в Трех (то есть, идентичный с христианской Троицей), согласно истолкованиям лучших египтологов, включая и благочестивых христиан Джорджа Эберса и Бругш-Бея, — не изображался с головой барана, как Амон-Хнему? Таким образом, прежде чем придавать такое значение буквальному истолкованию слов Библейского текста, ученым-теологам следует обратить свое внимание на более серьезные вопросы. Например, они должны удовлетворительным образом показать для всех, как христиан, так и неверующих, причину, по которой на древних еврейских монетах и в других местах Моисей также изображается с рогами; и почему такие «рога» могут быть найдены также и на монотеистическом алтаре левитов...

"НЕПОГРЕШИМОСТЬ" СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

М-р Роберт Уорд, обсуждая вопрос о теплоте и свете в ноябрьском номере «Journal of Science», показывает нам, сколь полным является невежество науки относительно одного из наиболее обычных фактов природы — солнечного тепла. Он говорит:

Вопрос о температуре солнца был предметом изысканий многих ученых. Ньютон — один из первых исследователей проблемы — пытался определить ее, и после него все ученые, занимавшиеся калориметрией, следовали его примеру. Все они верили в свой успех и формулировали свои результаты с большой уверенностью в них. Далее в хронологической последовательности публикации результатов следуют данные о температуре (по стоградусной шкале), полученные каждым из них: Ньютон, 1.669.300°; Пулле, 1.461°; Цельнер, 102.200°; Сеччи, 5.344.840°; Эрикссон, 2.726.700°; Физо, 7.500°; Уотерстон, 9.000.000°; Сперен, 27.000°; ... Девиль, 9.500°; Соре, 5.801.846°; Викарий, 1.398°; Виолле, 1.500°; Розетти, 20.000°. Разница, таким образом, заключается от 1.400° до 9.000.000° и составляет не менее 8.998.600°! Вероятно, в науке не существует более удивительного противоречия, чем то, которое обнаруживается в этих цифрах.

И еще пример. Всегда, с того времени, как появилась геологическая наука, ученые принимали теорию о том, что ядро нашей земли представляет собой массу расплавленного вещества, или жидкого огня, и лишь тонкая кора является холодной и твердой. Допуская, что земной диаметр равен примерно 9.000 милям, они оценивали толщину коры по отношению к нему, лишь как толщину пленки мыльного пузыря к его полному диаметру. И они предполагали, что наблюдаемое повышение температуры в определенных глубоких шахтах, когда мы опускаемся вглубь от поверхности земли, подтверждает эту теорию. Но наука устами м-ра Уорда отвергает эту теорию как ошибочную, не обладающую достаточными доказательствами:

Самоуверенно заявляют, что внутреннее вещество земли находится в раскаленном расплавленном состоянии, что оно излучает тепло в пространство и таким образом охлаждается. Одним из результатов путешествия «Челленджера» и других исследований глубин океана было обнаружение того факта, что вода около самого его дна чрезвычайно холодная. Принимая во внимание, что океан покрывает около трех четвертей всей земной поверхности, этот факт безусловно не подтверждает теорию центрального тепла, сопровождаемого излучением. Ледяная вода, на самом деле, обычно опускается ко дну благодаря своему большому весу, и это, можно сказать, вызвано ее холодностью; но, согласно теории радиации, вода океана удерживалась в течение долгих геологических эпох на тонкой земной коре, через которую постоянно проникала теплота из центра земли; и все же она леденяще

холодная! Опыт мог бы подсказать нам, что теплота не могла проходить через воду, не нагревая ее, поскольку теплоемкость воды выше, чем у какого-либо другого вещества. Мы не в большей степени можем вообразить подобную радиацию и последующее накопление тепла в океане, не сопровождающееся большим повышением температуры, чем поверить в существование котелка, который часами стоит на большом огне без обычного результата — закипания воды. Поэтому у нас нет оснований верить, как это предполагалось, что земля охлаждается, или что мы, вместе со всеми живыми существами, обречены прекратить свое существование из-за вымерзания, и что сама земля в конце концов будет поглощена солнцем.

И теперь мы спросим наших сообразительных молодых дипломантов из Бомбея, Калькутты, Мадраса и Лахора, как им понравится этот взгляд на непогрешимость современной науки, ради которой они готовы отбросить учения своих предков. Есть ли в их рассуждениях что-либо более ненаучное, даже при условии, что они, якобы, были не очень умны?

ДРЕВНИЕ ДОКТРИНЫ, ОПРАВДААННЫЕ СОВРЕМЕННЫМ ПРОРОЧЕСТВОМ

Немецкая пресса в последнее время пытается решить в бесчисленных редакционных статьях то, что кажется тайной для обычной и скептически настроенной публики. Их авторы чувствуют, что они преданы человеком из их собственного лагеря — материалистом, работающим в области точной науки. Подробно рассматривая новые теории д-ра Рудольфа Фальба — редактора лейпцигского «популярного астрономического журнала» «Сириус», — они поражены абсолютной точностью его научных прогнозов, или точнее, его метеорологических и космологических предсказаний. Факт заключается в том, что последние были подтверждены чередой последовавших событий и являются скорее не научными догадками, а непогрешимыми пророчествами. Основываясь на некоторых тонких комбинациях и своем собственном методе, который, как он говорит, он разработал после долгих лет труда и исследований, д-р Фальб способен сейчас за месяцы и даже годы предсказать каждое землетрясение, сильную бурю или наводнение. Так, например, он предсказал прошлогоднее землетрясение в Загребе. В начале 1868 года он предсказал, что в Перу 13 августа произойдет землетрясение, и именно в этот день оно и случилось. В мае 1869 года он опубликовал научную работу, озаглавленную «Элементарная теория землетрясений и вулканических извержений», в которой, среди прочих пророчеств, он предсказал мощные землетрясения в Марселе, Юте, вдоль берегов австрийских владений в Адриатическом море, в Колумбии и Крыму, которые действительно имели место через пять месяцев, в октябре. В 1873 году он предсказал землетрясение в Северной Италии, в Беллуно; это и случилось в присутствии самого д-ра Фальба, который прибыл сюда, чтобы лично засвидетельствовать его, настолько он был уверен, что оно произойдет. В 1874 году он оповестил мир о непредвиденном и неожиданном извержении Этны; и несмотря на подшучивания своих коллег по науке, говоривших ему, что нет никакого основания ожидать такого геологического события, он отправился на Сицилию и смог на месте сделать заметки об извержении, когда оно произошло. Он также предсказал мощные штормы и ветры в Италии между 23 и 26 февраля 1877 года, и это также было подтверждено фактами. Вскоре после этого д-р Фальб отправился в Чили для наблюдения вулканического извержения в Андах, которое он ожидал и предсказал за два года до того, — и действительно он его увидел. В 1875 году появилась его наиболее выдающаяся работа «Мысли о причинах вулканических извержений и их исследования», которая была немедленно переведена на испанский и опубликована в Вальпараисо в 1877 году. После того, как предсказанное д-ром

Фальбом землетрясение в Загребе действительно имело место, его сразу же пригласили прочитать лекции в этом городе, в которых он еще раз предупредил жителей о других более слабых землетрясениях, которые, как хорошо известно, действительно произошли. Факт состоит в том, как недавно отмечено в «Новом Времени», что он действительно «разработал нечто, знает что-то сверх того, что знают другие люди, и лучше знаком с этими загадочными феноменами нашей планеты, чем какой-либо другой специалист во всем мире».

Что же представляет собой его удивительная теория и новые комбинации фактов? Чтобы дать адекватное представление об этом, потребовался бы целый том комментариев и объяснений. Все, что мы можем добавить, это то, что сам д-р Фальб сказал все, что мог сказать по этому вопросу в трех томах своей объемистой работы «Die Umwaelrungen, im Welt All» («Перевороты во Вселенной»). Том I посвящен переворотам в звездном мире, II-ой — переворотам в облаках, то есть метеорологическим феноменам, и III-ий том — переворотам в глуби Земли, или землетрясениям. В соответствии с теорией д-ра Фальба, наша Вселенная не является ни безграничной, ни вечной: она ограничена некоторым временным промежутком и заключена внутри определенного пространства. Он видит механическую конструкцию нашей планетарной системы и ее проявления в совершенно другом свете, чем остальные ученые. «Он очень оригинален и весьма интересен (эксцентричен) во многих отношениях, хотя мы и не можем доверять ему полностью», — таково единодушное мнение прессы. Очевидно, что в докторе слишком много от человека науки, чтобы с ним можно было обращаться как с «визионером» или «галлюцинирующим энтузиастом»; поэтому над ним подсмеиваются с *осторожностью*. Другой менее ученый смертный конечно подвергнулся бы серьезным насмешкам, если бы он делал такие бесспорно оккультные и каббалистические заявления о Космосе, как д-р Фальк. Поэтому, проходясь по его теориям, чтобы их не обвинили в распространении «еретических» взглядов, газеты обычно добавляют что-нибудь вроде следующего: «Мы отсылаем читателя, которому интересно понять учения д-ра Рудольфа Фальба, к самой последней работе этого выдающегося человека и провидца». Некоторые добавляют к приведенной информации тот факт, что теория д-ра Фальба отодвигает «Вселенский» потоп к 4000 году до Р. Х. и предсказывает другой потоп примерно в 6500 году н. э.

Оказывается, однако, что теории и доктрина д-ра Фалба не новость в департаменте науки, так как подобные теории выдвигались двести лет назад перуанцем Жоре Балири, и сто лет назад итальянцем по имени Тоальдо. Поэтому у нас есть некоторое право называть взгляды д-ра Фалба каббалистическими, или, точнее, близкими к аналогичным взглядам средневековых христианских мистиков и «огненных философов» (и Балири, и Тоальдо были сведущи в «тайных науках»). В то же время, хотя нам не посчастливилось до сих пор прочесть книгу д-ра Фальба, сделанные им расчеты времен Ноевого потопа и периода, который должен пройти до повторения этого события (6500-й год н. э.), показывают нам с той ясностью, которая присуща цифрам, что этот ученый доктор принимает понятие великого «Солнечного» года, или цикла из шести *sar*, в конечные моменты которых наша планета всегда подвергается полному физическому перевороту. Это учение возникло в незапамятные времена и пришло к нам из Халдеи через Бероса, астролога в храме Бэла в Вавилоне. Халдея, как это хорошо известно, была вселенским центром магии, из которого лучи оккультного знания распространялись во все прочие страны, где происходило обучение мистериям и их осуществление. В соответствии с этим учением (в которое, если *доверять* Цензорину, верил Аристотель), «великий год» состоит примерно из 21000 лет или шести халдейских *sar*, состоящих из 3500 лет каждая. Эти двадцать тысячелетий делятся на два естественных периода: первый, продолжительностью 10500 лет, завершается на вершине всего цикла и сопровождается малым катаклизмом; второй период завершается ужасной глобальной катастрофой. В течение этих 21000 лет полярный и экваториальный климаты постепенно меняются местами, «при этом первый медленно движется к экватору и тропической зоне: ... перемещая ужасные ледяные пустыни. Эти изменения климата неизбежно сопровождаются катаклизмами, землетрясениями и другими космическими катастрофами. Когда ложе океана смещается, в конце каждого десятитысячного периода плюс один *нерос* (600 лет) возникает полу-вселенский потоп, подобный легендарному библейскому потопу» (см. «Разоблаченную Изиду» т. I, стр. 25-27).

Теперь остается посмотреть, в какой степени согласуется теория д-ра Фальба и древнее допотопное учение, упомянутое автором «Разоблаченной Изиды». Поскольку эта последняя книга появилась тремя годами раньше, чем «Перевороты во Вселенной», которые были опубликованы в 1881 году (лишь два месяца назад), теория, изложенная в ней, не была заимствована из работы лейпцигского астронома. Мы можем добавить, что постоянная проверка таких геологических и метеорологических предсказаний, помимо их научной ценности имеет величайшее философское значение для изучающего теософию. Ибо они показывают: а) что мало есть тайн в природе, которые были бы абсолютно недоступны для человеческих попыток вырвать их из ее лоно; и б) что мастерская Природы — это огромный часовой механизм, руководимый неизменными законами, в котором нет места для какого-то *особого провидения*. Однако тот, кто проник в конечные тайны Природы-Протея — которая изменяется, но постоянно остается той же самой, — может, не нарушая ЗАКОН, воспользоваться до сих пор не известными взаимоотношениями природной Силы, чтобы получить *эффекты*, которые могли бы показаться невозможными и чудесными, но только тем, кто не знаком с их *причинами*. «Закон, по которому возникает капля росы, управляет также и движением планет». Имеется множество химических сил, проявляющихся в теплоте, свете, электричестве и магнетизме, механические возможности которых очень далеки от того, чтобы быть понятными. Почему же теософ, верящий в *естественный* (хотя и оккультный) закон, должен рассматриваться или как шарлатан, или как доверчивый дурак, когда он пытается понять его тайны? Не потому ли только, что, следуя традициям древних ученых мужей, он выбрал методы, которые отличаются от принятых в современной науке.

О КОСМИЧЕСКИХ ЦИКЛАХ, МАНВАНТАРАХ И КРУГАХ

Поскольку общая продолжительность существования нашей планетарной цепи (т. е., семи кругов) составляет 4.320.000.000 лет, и мы находимся сегодня в 4-м круге; и поскольку данный земной год отстоит на 1.955.884.685 лет от начала космической эволюции планеты А; поэтому, во временном аспекте, мы должны достигнуть срединной точки, или в точности 3,5 круга через 204.115.315 лет, хотя в пространственном аспекте мы фактически достигли ее, причем на планете D и в нашей 5-ой расе.

Как известно, день Браммы (представляющий или охватывающий все семь кругов) равняется 14 манвантарам *плюс* Сатья юга, или 4.320.000.000 лет; но так как Кали юга объемлет лишь 4 юги, в то время как существует 7, — поэтому правильная сумма *******.¹²²

Эта астрологическая работа утверждает, что: «Число лет, которое пролетело с начала Вайвасвата манвантары, равно 18.618.725 годам».

Тайная доктрина сообщает нам, что: «С тех пор, как дхиан коган, известный в Индии как Ману Вайвасвата, начал человеческую манвантару на нашей планете D, в *данном* круге, прошло 18.618.725 лет».¹²³

С целью провести сравнение и одновременно сделать более ясными некоторые санскритские выражения, мы приведем теперь цитату из «Разоблаченной Изиды», в которой говорится об индийских кальпах.

«Жизненно необходимо понять, что такое Врихаспати, или периоды, называемые югами и кальпами. Сатья юга и циклы *Буддхи* в хронологии¹²⁴ могут ошеломить математика

---

¹²² Здесь и далее звездочками отмечены лакуны в рукописи Е. П. Б., некоторые места которой безвозвратно утеряны. Следует отметить, что рукопись написана двумя различными почерками, один из которых более крупный и округлый, чем обычный почерк Е. П. Б. Оригинал рукописи хранится в Адьярском архиве. — *Прим. ред.*

¹²³ См. «Тайную Доктрину», т. II, стр. 69.

огромностью и множеством цифр. Махакальпа охватывает бесчисленное число периодов, намного ***».

Экзотерические брахманические сочинения приводят период в 4.320.000.000 лет как продолжительность великой кальпы, или «дня Браммы». Он включает в себя все семь «кругов» нашей планетарной цепи, то есть, период человеческого существования на различных планетах в различных кругах, вместе с тем, что называется «помрачениями», или периодами покоя (перерыва) для человечества между двумя планетами, при его перемещении от одной к другой, после того, как развилась его седьмая раса на этой планете. Он включает в себя также и период *сандхи* (сумерек), который соответствует *Сатья юге*. Если мы примем вышеприведенные числа за основу, в соответствии с определенными математическими последовательностями, которые объяснены далее, мы получим следующие результаты:

ГОДЫ

П
е
р
в
ы
й

154.285.714

к
р
у
г
в
т
о
р
о
й

308.571.428

к
р
у
г
т
р
е
т
и
й

462.857.142

к
р
у
г
ч
е
т
в
е
р
т
ы
й

617.142.856

к
р
у
г
п
я
т
ы
й

771.428.570

к
р

У
Г
Ш 925.714.284
е
с
т
о
й

к
р
у
г
С 1.079.999.998
е
д
ь
м
о
й

к
р
у
г

4.319.999.992¹²⁵

Таким образом, мы имеем период длительности нашей четвертой расы в 617.142.856 лет. Так же, как «ночь Брамь», или период покоя, всегда равен «дню Брамь», или периоду деятельности на каждой планете, так и период деятельности в этом 4-ом круге равен 308.571.428 годам. Поэтому он превосходит тот период продолжительности, который определяют для нашей манвантары (308.448.000 лет) брахманические вычисления, лишь на 123.428 лет; и этого различия можно бы было избежать, если бы мы, проводя эти вычисления, вычли из этого числа частично перекрывающийся период *кальты*, который равняется одной из *Сатья юг* и был добавлен браминами для соблюдения эзотерической тайны к «дню Брамь». *** следующей является такая же арифметическая прогрессия, как та, которая была приведена выше и объясняется далее, а именно, продолжительность существования человечества на каждой планете в нашем четвертом круге, *в течение периода его активности*:

---

¹²⁵

Очевидно, что для того, чтобы получить целые числа, мы пренебрегли дробями в наших вычислениях. Так, на весь «день Брамь» мы отбросили период в восемь лет. Также следует отметить, что период каждого «круга» в вышеприведенной таблице обозначает как период планетарной деятельности, так и межпланетного покоя.

	ГОДЫ
П л а н е т а	11.020.408
А П л а н е т а	22.040.816
В П л а н е т а	33.061.224
С П л а н е т а	44.081.632
Г П л а н е т а	55.102.040
Е П л а н е т а	66.122.448
Ф П	77.142.856

Л
а
н
е
т
а

С

308.571.414¹²⁶

Теперь мы увидим, что период человеческой деятельности на нашей планете в этом круге составляет 44.081.632. Используя этот период для той же самой цели, что и выше, которая будет объяснена дальше, мы получим следующие результаты:

---

¹²⁶ Для того, чтобы получить целые числа, мы снова были вынуждены отбросить дроби и поэтому получилась небольшая разница. Это число, если его удвоить, даст на 28 лет меньший период, чем период 4-го круга, упомянутый выше. В периоде деятельности в данном случае мы имеет отличие лишь в четырнадцать лет.

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ КАЖДОЙ РАСЫ В
НАШЕМ КРУГЕ НА НАШЕЙ ПЛАНЕТЕ

ГОДЫ

П 1.574.344

е

р

в

а

я

р

а

с

а

В 3.148.688

т

о

р

а

я

р

а

с

а

Т 4.723.032

р

е

т

ь

я

р

а

с

а

Ч 6.297.376

е

т

в

е

р

т

а

я

р

а

с

а

П 7.871.720

я

т

а

я

р
а
с
а
П 9.446.064
е
с
т
а
я

р
а
с
а
С 11.020.408
е
д
ь
м
а
я

р
а
с
а

44.081.632

Читатель заметит, что в вышеприведенных вычислениях мы дали ключ к пониманию этих разнообразных периодов. До сего момента экзотерические труды давали лишь период дня Браммы, не сообщая о других периодах, которые могли бы оказать помощь в раскрытии Тайны, и не давая самого этого ключа, который мог бы привести к тем выводам, которые показаны выше. Но если мы возьмем период дня Браммы, и если мы знаем, что существуют семь кругов, и что каждый круг охватывает семь планет, и что период покоя планеты в каждом круге равен периоду ее деятельности, и если ко всему этому знанию мы применим ключ семеричной арифметической последовательности серий, тогда мы получим те числа, которые были приведены выше. Это есть постепенное возрастание от единицы к семи. Продолжительность существования человечества в течение семи кругов такова: 1-2-3-4-5-6-7. В каждом круге продолжительность существования человечества на семи планетах нашей цепи такова же: 1-2-3-4-5-6-7. Период человеческого существования в семи расах на одной планете опять-таки таков: 1-2-3-4-5-6-7. Так как планета развивает последовательно семь рас, прежде чем человечество сможет перейти на следующую планету, интервал между исчезновением человечества с одной планеты и его появлением вновь на следующей равняется длительности его пребывания на той планете, которую оно только что оставило. Возьмите эти 4.320 миллионов лет за день Браммы и проведите вычисления согласно вышеприведенным объяснениям, и вы придете к данным выше результатам. Достоин упоминания тот факт, что в индийских экзотерических сочинениях период манвантары (одного круга) дается как 308 миллионов, если выражать его в целых числах. Этот способ вычисления может быть принят по двум причинам. Во-первых, длительность 4-го круга согласно вышеприведенным вычислениям составляет 617 миллионов лет, если опять-таки использовать целые числа. Мы уже заявляли о том, что период активности планетарной цепи в одном круге равен периоду покоя в течение того же самого круга, во время которого человечество отдыхает при своем переходе от планеты к планете. Таким образом, период 4-

го круга разделяется на две равные части, и вы имеете 308 миллионов лет с лишним в качестве манвантарического периода нашего круга. Поэтому период нашего круга мог быть взят в первом случае как манвантарический период. Вторая причина может быть следующей. Поскольку наша планета находится точно в среднем периоде, и мы пребываем в середине семи кругов, период нашего круга может быть взят для обозначения *среднего манвантарического* периода, что дает также в скрытой форме ключ к тайне геометрической прогрессии. Мы уже утверждали, что вышеприведенные числа являются точными, если правильны экзотерические вычисления браминов о дне Браммы. Но мы можем опять-таки заявить здесь, что эта цифра не является точной, если она выводится из экзотерических цифр. Однако, мы можем добавить, что данное нами объяснение прогрессий, и т. д., это факты, и они могут быть с уверенностью использованы, если какие-нибудь из описанных выше чисел известны в их правильном виде, — в вычислении всех остальных чисел. Мы объяснили эти процессы потому, что нам известно, что ни одна их точных цифр никогда не объявлялась, поскольку они относятся к мистериям посвящения и тайнам оккультного влияния цифр.

О ЦИКЛАХ И СОВРЕМЕННЫХ ЗАБЛУЖДЕНИЯХ

Совсем недавно герметическая аксиома получила подтверждение со стороны астрономии и геологии. Наука постепенно приходит к выводу, что миллиарды небесных светил — солнечные, звездные и планетные системы в пределах и за пределами Млечного Пути — следуют, включая и нашу землю, общему пути развития. И эта нескончаемая эволюция, не прерывающаяся ни на мгновение, происходит и поныне. Все эти

космические сроки стартовали в различные эпохи и раскручиваются в неодинаковом темпе. Некоторые из них берут свое начало настолько давно в вечности, или эволюционировали так быстро, что их жизненный путь пришел к завершению быстрее обычного. Некоторые даже сейчас находятся на заре существования; вполне вероятно, что зарождение и гибель вселенных происходит непрерывно. Следовательно, космическое существование, подобно царствам органической жизни, включает в себя всю панораму заверщенного цикла. Системная классификация всевозможных видов животного мира представляет собой преемственность форм, которую мы находим в последующих стадиях эмбрионального развития каждого отдельно взятого индивидуума, и то же самое в геологических отложениях; так же и классификация небесных сфер включает в себя космоэмбриологию и космопалеонтологию. («Жизнь Вселенной», стр. 539.)

Вновь ортодоксальная наука уделяет большое внимание циклам. Познание всех этих истин — заново Доказанных и обнаруженных современной наукой, хотя и известных в дни древнего оккультизма и передаваемых через ритуалы Посвящения — привело к строгой систематизации разрозненных циклов. Грандиозная манвантарическая система преобразовалась в другие великие циклы; а те, в свою очередь, разбились на еще меньшие периоды — непрекращающиеся движения колеса времени, работающие в Вечности. До сих пор ни один из великих священных пределов не раскрыл своего кода для правильного чтения и толкования циклической символики, и по этой причине даже древние авторитеты расходились по многим ключевым моментам. Таким образом, Орфей приписывал «Великому» циклу продолжительность в 120.000 лет, а Кассандра, согласно Цензорину («De Natal Die», хронология и астрономия, фрагменты), — 136.000. Аналогия — это закон в оккультных науках, а так же бесспорное руководство, что не мешало бы перенять натуральной философии, предназначенной для народа. Возможно, что только непомерное

тщеславие мешает современной науке принять к сведению огромные периоды времени, истекшие с момента зарождения первых цивилизаций, на которых настаивали античные классики. Небольшой сжатый отрывок, выхваченный из «Книги всемирной истории» Манкинды, гордо именуемой теперь «*Наша история*», вынуждает историков затушевывать каждый период, втискивая его в ограниченные рамки, в соответствии с представлениями, созданными, в первую очередь, теологией. В результате чего даже наиболее либеральные из них не решаются признать реальное существование личностей, описанных древними историками. Так Бунзен, выдающийся египтолог, подвергает сомнению период в 48.863 года до Александра, к которому Диоген Лаэртский возводит письменную хронику жрецов, но он, очевидно, сбит с толку десяти тысячелетним сроком, ограниченным астрономическими наблюдениями, высказываясь, что

если бы они были подлинными, то они *должны были* выходить за установленные рамки. («Египет», I, стр. 14.) В одном из их собственных старых хронологических трактатов, — добавляет он, — мы узнаем, однако ... что дошедшие до нас египетские традиции относительно мифологического периода подвергались изменениям в течение *мириадов* лет. (Стр. 15.)

Остановимся подробнее на некоторых из этих великих и малых циклов и попытаемся объяснить их символику. Начнем с цикла Маха юги, символом которого служит Шеша — великий змей, называемый также «ложе Вишну», потому что Бог — это персонифицированное Время и Пространство в философском и, часто, поэтическом смысле.

Утверждается, что Вишну появляется в начале каждой манвантары, как «Господин Творения». Шеша — великий Змей-цикл — изображается пожирающим свой собственный хвост, отсюда происходит эмблема Времени, поглощаемого Вечностью. Время, по словам Лока (*в человеческом понимании*), — это «период, ограниченный пределами», а Шеша символически отражает эволюцию, поделенную на этапы. В этом «ложе» спит Вишну, отдыхая в промежутках между «творениями» (*пралаями*); синий Бог — синий, потому что он олицетворяет пространство и глубину бесконечности — пробуждается только тогда, когда Шеша простирает свою тысячу рук, чтобы охватить Вселенную, которая опирается на них. В «Вишну Пуране» это описывается так:

Ниже семи Патал находится образ Вишну, проистекающий из свойства ночи, которая есть Шеша, чьи выдающиеся качества ни Дайтьи, ни Данавы не в состоянии перечислить полностью. Духи Сиддха (Йога Мудрости, сыны Дхармы, или истинной религии) назвали это существо Анантой [бесконечностью], и ему поклонялись мудрецы и боги. Тысяча рук его разукрашены ясно различимым мистическим знаком [Свастикой]; и тысяча драгоценностей в его крестах (*пхана*) дают свет всем сферам... В одной руке он держит плуг¹²⁷, а в другой — пест... Из его многочисленных уст, в конце каждой Кальпы, вылетает ядовитое пламя, олицетворенное как Рудра [Шива, «разрушитель»] ... поглощающее три мира. (II, 211.)

Следовательно, Шеша — это цикл великой манвантары, а также дух жизнеспособности и разрушения одновременно, с Вишну, как сохраняющей или консервативной силой, и Шивой, как разрушительной потенцией — двух сторон Брахмы. Шеша самолично обучил мудреца Гаргу — одного из старейших астрономов Индии, которого Бентли, все же, датирует только 548 годом до н. э. — тайным наукам, мистериям небесных тел, астрологии, астрономии и различным знаменам. Шеша настолько велик и могущественен, что, вполне вероятно, когда-нибудь в далеком будущем он окажет такую же услугу нашим современным астрономам. Но ни «Время», ни циклы не смогут излечить скептиков от их слепоты.

Но оккультные истины вынуждены бороться с еще более незрячими противниками, с которыми наука вряд ли когда сможет тягаться, а именно — с христианскими теологами и фанатиками. На основании туманных откровений их Патриархов, живших всего каких-нибудь четыре тысячи лет назад, они осмеливаются утверждать, что им открылся смысл «символических пророчеств священного писания», и что они «проследили историческое

127

Эмблема, подразумевающая «пахоту» и засевание возобновленной земли (в новом цикле) свежими семенами жизни.

осуществление двух самых важных из них». Они трактуют библейскую хронологию, скрывающую истинное значение под эзотерическими притчами, буквально, хотя она никогда и не была вторичной перефразировкой халдейских рекордов! Они говорят, что «история, запечатленная рекордами, выходит за пределы шести тысяч лет» с момента творения и отстаивают точку зрения, что существуют «несколько пророческих периодов, чье завершение не может быть прослежено в некоторых частях свитков». («Грядущий конец века».)

Ко всему прочему, у них существуют два способа летоисчисления и два метода, подтверждающие обе хронологии: один — римско-католический, другой — протестантский. Первый основывается на расчетах Кеплера и д-ра Шеппа, придерживающихся старого лунного стиля и датирующих Рождество Христово 4320 годом по лунному календарю, или 4004 годом по солнечному; последний — на расчетах Клинтонна, который относит Рождество к 4138 году со Дня Творения.

ВАВИЛОН СОВРЕМЕННОЙ МЫСЛИ

О, Боги Истины, обретающиеся в вечности...
Спасите меня от разрушения в этом мире *Двух Истин*.
Египетские «Ритуалы Смерти»

I

То, что мир движется циклически и события, совершающиеся в нем, в нем повторяют друг друга, — это старый, но тем не менее всегда новый трюизм. Он является новым для большинства, во-первых, потому, что принадлежит к определенной категории оккультных афоризмов *in partibus infidelium* [«в странах неверных»], а современные раввины и фарисеи не приемлют ничего, исходящего из *этого* Назарета; во-вторых, потому, что те, кто может проглотить верблюда любой величины, если он пришел от правоверных, или общепризнанных, авторитетов, будут придираться ко всяким мелочам и отвергать их, если только они исходят из области теософии. И все же, это утверждение о мировых циклах и постоянно возобновляющихся событиях, является очень верным. Более того, это такое утверждение, которое люди легко могут проверить на самих себе. Конечно, под людьми здесь имеются ввиду те, кто живет своей головой, а вовсе не те, кто от рождения до смерти остаются привязанными к верованиям и мыслям ханжеского большинства, как колючка, прицепившаяся к фалде пиджака сельского пастора.

Мы не можем не согласиться с писателем (кажется, это был Гилпин), который сказал, что величайшие истины часто отвергаются «не столько из-за недостатка прямых доказательств, сколько из-за недостаточного желания искать их». Но это применимо лишь к немногим истинам. Девять десятых всего человечества будет отрицать самые исчерпывающие доказательства, даже если они достанутся им без всяких трудностей, только потому, что им случится прийти в столкновение с личными интересами и предрассудками этих людей, особенно если эти доказательства приходят из непопулярных источников. Говорят, что мы живем в высоконравственной атмосфере, но все это лишь трескучие фразы. Однако, будучи подвергнута испытанию на практике, нравственность нашего века, с точки зрения ее подлинности, оказывается черной кожей так называемого «негритянского» менестреля, предназначенной для показа на концерте и смываемая в конце каждого представления. Поистине, наши оппоненты — адвокаты официальной науки, защитники общепринятой религии и *tutti quanti* [все прочие] клеветующие на теософию люди, те, кто препятствует нашим трудам, ссылаясь на «научные доказательства», «общественную пользу и истину» — сильно напоминают адвоката в наших судах закона, ошибочно именуемых

судами справедливости. В своей защите бандитов и убийц, фальшивомонетчиков и прелюбодеев, они считают своим долгом запугивать, приводить в замешательство и очернять всех, кто дает показания против их клиентов, и они же будут игнорировать, а если возможно, то и давить, всякое свидетельство, изобличающее их. Если бы древняя богиня мудрости сама вошла в комнату для свидетелей, она бы убедилась, что улики против обвиняемого, находящегося на скамье подсудимых, взяты из ее собственного сейфа; и ее обвинили бы во всевозможных преступлениях, заклеями бы, как обычного вора и сказали бы ей, что она хуже, чем есть на самом деле; и она была бы счастлива сбежать оттуда.

Кто из членов нашего общества будет удивляться тому, что в нашем веке, знаменитом своими преступлениями и зрелищами, *учения «теософов»*, ошибочно называемые таким образом, являются, по-видимому, наиболее непопулярными из всех известных сегодня систем; он не удивится и тому, что материализм и теология, наука и современная теософия объединились в священный союз против теософских исследований, вероятно потому, что все они базируются на осколках и сломанных кусочках этой примордиальной системы. Коттон сожалеет где-то, что «метафизики учили свой урок в течение последних четырех (?) тысяч лет», и что «теперь для них самое время, чтобы начать учить чему-либо». Но возможность таких исследований и доказательства того, что они принадлежат к старейшей доктрине метафизической философии человечества, появятся не раньше, чем им дадут по меньшей мере возможность быть доброжелательно выслушанными, тогда как сейчас большинство таких «сожалеющих» отворачивается от них с усмешкой и замечаниями такого рода: «О, все, что вы говорите, вы, конечно, придумали сами!»

Уважаемые дамы и господа, думали ли вы когда-нибудь о том, насколько поистине великим и почти *божественным* был бы тот мужчина или женщина, кто на данном этапе развития человечества мог бы изобрести или открыть что-либо такое, что не было бы изобретено или открыто уже много веков назад? Бремя такого открытия должно бы дать обвиняемому право на самые высокие почести. Ибо покажите нам, если можете, того смертного, который, находясь в историческом цикле нашей человеческой расы, научил бы мир чему-либо совершенно новому. На тщеславные претензии нашего времени, оккультизм — истинный восточный оккультизм, или так называемая эзотерическая доктрина — отвечает посредством своих самых способных учеников. Действительно, все ваше хваленое знание — это лишь отраженное действие давно миновавшего прошлого. В лучшем случае, вы всего лишь современные популяризаторы очень древних идей. Сознательно или бессознательно, вы постоянно воровали у старых классиков и философов, которые сами были лишь поверхностными регистраторами древней мудрости, осторожными и неполными из-за ужасного наказания, связанного с разглашением тайн посвящения, которым учили мистерии. Пойдите прочь! Ваши современные науки и спекуляции — это всего лишь *rechauffe* [подогретые] кушанья древности, кости интеллектуального пиршества богов, для маскировки сервированные *sauce piquante* [пикантным соусом] грубого материализма. Рагон был прав, говоря в своей книге «*Maconnerie Occulte*» [«Оккультное Масонство»]:

Человечеству только кажется, что оно идет вперед, осуществляя одно открытие за другим, тогда как на самом деле оно лишь находит то, что было утрачено им когда-то. Большинство наших современных открытий, которыми мы так гордимся, — это, по сути дела, то, с чем люди были знакомы три или четыре тысячелетия назад.¹²⁸ Утраченное нами в результате войн, наводнений и пожаров, само их наличие стало исчезать из памяти человека. И сегодня современные мыслители начинают открывать их заново еще раз.

Позвольте мне напомнить несколько таких примеров и тем самым освежить их в вашей памяти.

Отрицайте, если можете, что наиболее важные из наших современных наук были известны древним. Не только восточная литература и весь круг тех эзотерических учений, которые чересчур усердный христианский каббалист во Франции назвал *«ненавистными»*

128

Этот бельгийский масон был бы ближе к данному рубежу, если бы добавил еще несколько цифр к своим четырем тысячам лет.

науками», но также и светская классическая литература, — все они ответят на это предложение категорическим отказом. Это легко доказуемо.

Не является ли физика и другие естественные науки лишь отголоском работ Анаксагора, Эмпедокла, Демокрита и других? Всему, чему учат *сейчас*, учили эти философы в *свое время*. Ибо они считали — как об этом можно судить по сохранившимся до сих пор фрагментам их работ, — что вселенная состоит из вечных атомов, которые, движимые неуловимым внутренним огнем, соединяются миллионами различных способов. Вместе с ними, этот «огонь» был божественным дыханием вселенского разума, но теперь, благодаря современным философам, он сделался не более чем слепой и бесчувственной силой. Более того, они учили, что не существует ни жизни, ни смерти, но лишь постоянное *разрушение формы* посредством вечных *физических* трансформаций. Сегодня, вследствие *интеллектуальной* трансформации, они известны как физические корреляты сил, сохранение энергии, закон непрерывности и тому подобные термины из словаря современной науки. Но какой же смысл в «новом названии», в сверхмодных словах и сложных терминах, раз идентичность основных идей доказана?

Не был ли Декарт обязан своими *оригинальными* теориями древним учителям, — Левкиппу и Демокриту, Лукрецию, Анаксагору и Эпикуру? Они учили, что небесные тела образованы из огромного количества атомов, вечно находящихся во вращательном движении; сталкиваясь, эти атомы вращают друг друга, причем самые тяжелые оказываются в центре, а самые слабые — на периферии; каждое из этих сгущений переносится в жидкой среде, которая получает импульс от их вращения и передает его более слабым сгущениям. Это представляет собой, по-видимому, удовлетворительное описание декартовой теории элементарных вихревых движений, взятое у Анаксагора и других; и это выглядит подозрительно похожим на «вращающиеся атомы» сэра У. Томсона!

Даже в трудах сэра Исаака Ньютона, величайшего среди великих, легко можно найти зеркальное отражение взглядов многих старых философов. Читая его труды, так и видишь, как в воздухе плавают бледные образы Анаксагора и Демокрита, Пифагора, Аристотеля, Тимея Локрийского, Лукреция, Макробия и даже нашего старого друга Плутарха. Все они придерживались того или иного из нижеприведенных утверждений: 1) что самой малой материальной частицы достаточно — по причине ее бесконечной делимости — чтобы заполнить бесконечное пространство; 2) что существуют две силы, исходящие от вселенской души, соединяющиеся друг с другом в определенных соотношениях (центростремительная и центробежная «силы», как говорят святые от науки наших дней); 3) то, что имеется взаимное *притяжение* тел, причем притяжение одного тела заставляет второе, как мы теперь утверждаем, *притягиваться* к нему; это притяжение удерживает каждое тело внутри соответствующей ему сферы; 4) они безошибочно указывали на отношение, существующее между весом тела и плотностью, то есть количеством материи, содержащимся в единице массы; и 5) учили, что притяжение планет к Солнцу находится в обратной зависимости от их расстояния до этого светила.

Наконец, разве это не исторический факт, что уже Пифагор (не говоря уж о Гипсете, Гераклиде, Экфанте и так далее) учил о вращении Земли и гелиоцентрической системе, и было это за две тысячи лет до отчаянного и ныне хорошо известного выкрика Галилея, «*E pur, se muove*» [«А все-таки она вертится»]? Не знали ли этрусские священнослужители и индийские риши, как отвести удар молнии за много-много лет до того, как образовалось в пространстве даже *астральное* тело сэра Б. Франклина? Эвклида почитают и по сей день — вероятно потому, что с математическими выражениями и фигурами нельзя мошенничать так же легко, как с символами и словами, имеющими отношение к непроверяемым гипотезам. Архимед, вероятно, забыт в наше время более, чем это кажется современным математикам, астрономам, геометрам, механикам, гидростатикам и оптикам. Может быть, без Архита, ученика Пифагора, приложение математической теории к практическим целям вообще осталось бы неизвестным для нашего великого времени изобретений и машин. Не имеет смысла напоминать читателю о том, что знали арии, поскольку это уже было сделано в «Теософисте» и других работах, доступных в Индии.

Мудр был Соломон, говоря, что «нет *ничего нового* под Солнцем», и все, что *существует*, «уже было в старые времена, которые были до нас», — кроме, пожалуй, теософских доктрин, которые приписываются кое-кем скромным писателям нашего времени,

как будто они их сами «изобрели». Основной источник этого весьма лестного обвинения связан с добрыми усилиями Общества психических исследований. Это наиболее тактичная организация, разновидность «всемирно известных научно-исследовательских обществ», как она сама себя именует, которая, по-видимому, совершенно не способна изобрести что-нибудь оригинальное, даже если она пытается привести какой-нибудь банальный пример. Если любознательный читатель обратится к статье нашего коллеги: «Астральное тело миссис Донн», он получит удовлетворение, найдя любопытное подтверждение этого факта в перепечатке, взятой из старой книги Исаака Уолтона «Жизни». Таким образом, даже весьма *дотошные* в научном отношении преподаватели Кембриджа не пренебрегают *извлечениями* из старых книг и, как видно, не только не благодарят за это, но даже не считаются с трудностями, связанными с представлением ее публике как *нового и оригинального материала*, без какой-либо признательности, хотя бы и взятой в кавычки. И так — все время.

Вкратце о научных теориях можно сказать так: те из них, которые верны, не являются новыми, а те, которые новы — не верны или, по крайней мере, весьма сомнительны. Легко спрятаться за «просто *рабочими* гипотезами», но сложнее сохранить их правдоподобие перед лицом логики и философии. Чтобы быстро покончить со столь большой проблемой, мы должны лишь произвести краткое сравнение старых и новых учений. Современная наука хотела бы заставить нас поверить, что атомы обладают внутренними и неизменными свойствами. То, что эзотерическая, а также экзотерическая восточная философия называет *божественной* духовной субстанцией (*пуруша-пракрити*), или вечная духовная материя, причем одно неотделимо от другого, современная наука называет силой и материей, добавляя, как это делаем и мы (поскольку такова концепция Веданты), что обе они неотделимы, а материя есть лишь абстракция (скорее иллюзия). Для восточных оккультистов свойства материи суммируются в (или низводятся до) притяжении и отталкивании; для ученых — в гравитации и сродстве. Согласно этому последнему учению, свойства сложных соединений являются лишь результатом сложения элементарных свойств, при этом наиболее сложные сущности являются физико-химическими автоматами, называемыми людьми. Материя, будучи вначале разрозненной и неодушевленной, порождает жизнь, чувства, эмоции и волю, после целой серии последовательных «нащупываний». Последнее не очень удачное выражение (принадлежащее мистеру Тиндалю) побудило философского писателя Дельбёфа¹²⁹ критиковать английского ученого в весьма неуважительных выражениях; это заставляет нас, в свою очередь, встать на защиту первого. Материя, или что-либо сходное с ней, раз она считается подверженной неизменным законам, *не может* «нащупывать». Но это лишь мелочь по сравнению с утверждением о том, что мертвая, или *неодушевленная*, материя может произвести *жизнь* и даже психические процессы высшей ментальности! В конце концов, жесткий детерминизм господствует над всей природой. Все, что случилось когда-либо с нашей *автоматической* вселенной, должно было случиться, поскольку будущее этой вселенной прослеживается в мельчайших ее частицах, или «атомах». Верните эти атомы, говорят они, в то же самое место и в том же самом порядке, как они были в первый момент эволюции физического космоса, и те же самые вселенские явления будут повторены точно в том же самом порядке и вселенная еще раз вернется в ее теперешнее состояние. Логика и философия отвечают на это, что так не может быть, потому что свойства частиц изменчивы. Если атомы являются вечными, а материя — неразрушимой, то эти атомы никогда не могли бы появиться; таким образом они не имеют в себе ничего *врожденного*. То, что в них есть — это гомогенная (и мы добавим, *божественная*) субстанция, тогда как сложные молекулы получают свои свойства в начале жизненных циклов, или манвантар, *изнутри-вовне*. Организмы не могли развиваться из мертвой и *неодушевленной* материи, во-первых потому, что такой материи не существует, и во-вторых, как убедительно доказывает философия, вселенная «не подвержена року». Оккультная наука учит, что универсальный процесс дифференциации начинается вновь после каждого периода *маха-пралаяи*, и нет оснований думать, что этот процесс будет рабски и слепо повторяться. *Неизменные* законы действуют только с начальной до последней стадии вселенской жизни, являясь просто эффектами примордиального, разумного и совершенно свободного действия. Для теософов, также как для доктора Пирогова, Дельбёфа и многих крупных независимых современных мыслителей,

129

В «Философском обозрении» за 1883 г., где он интерпретирует эти «нащупывания» как *atonnements successifs* [последовательную бессильную ложь].

это вселенский (а для нас также *безличный*, потому что *бесконечный*) разум, являющийся истинным и примордиальным Демиургом. Что иллюстрирует теорию циклов лучше, чем следующий факт? Примерно за 700 лет до Р. Х. в школах Фалеса и Пифагора обучали теории об истинном движении Земли, ее форме и всей гелиоцентрической системе. А в 317 году н. э. Лактанций, наставник Цезаря Криспа, сына императора Константина, учил, что Земля является плоскостью, состоящей из огня и воды и окруженной небом. Более того, преподобные отцы церкви предостерегали своих учеников против *еретической доктрины о шарообразной форме Земли*, также как «отцы-преподаватели» Кембриджа и Оксфорда в наше время предостерегают своих студентов против пагубных и суеверных доктрин теософии — таких как вселенский разум, реинкарнация и т. п. Существует резолюция, молчаливо принятая членами Теософского общества в поддержку высказывания царя Соломона, приспособленного к нашим дням: «Один ученый умнее в своих собственных глазах, чем семь теософов». Поэтому не стоит тратить время на споры с ними; но с другой стороны, разоблачая их ошибки и просчеты, нельзя игнорировать их стремления. Научное самомнение востоковедов, особенно в наиболее молодой области этой науки — среди ассирологов и египтологов, — поистине феноменально. До сих пор некоторое доверие существовало по отношению к древним — во всяком случае по отношению к их философам и *посвященным*, — предполагалось, что они знают кое-что, что не могут открыть вновь наши современники. Но сейчас даже величайшие посвященные выдаются обществу за дураков. И вот тому пример. На страницах 15, 16 и 17 (Введения) в «Гиббертовых лекциях» профессора Сейца за 1887 год о «Древних вавилонянах», читатель лицом к лицу столкнется с загадкой того, сколь сильно может колебаться во взглядах простодушный последователь современных учений. Жалуясь на трудности и препятствия, с которыми встречаются ассирологи на каждом шагу в своих исследованиях, представив «печальный каталог» той гигантской борьбы, которую ведет переводчик при попытке найти смысл надписей в разрозненных обломках глиняных табличек, профессор признается, что ученый, читающий эти клинописные буквы, часто просто «создает фальшивую конструкцию на основе изолированных отрывков, причем ее контекст зависит от исходного предположения» (стр. 14). Несмотря на все это, ученый лектор ставит современного ассиролога выше древнего вавилонского посвященного в знание символов и даже его собственной религии!

Этот отрывок заслуживает того, чтобы быть процитирован *in toto* [целиком]:

Это правда, что многие сакральные тексты были написаны таким образом, чтобы быть понятными лишь для посвященных; но посвященные имели ключи и глоссарии, *многие из которых находятся в наших руках...* (?) Мы можем проникнуть в истинный смысл документов, которые для него (обычного вавилонянина) были закрытой книгой. Нет, более того, исследования верований народов мира в прошлом и настоящем, *провиденные, во второй половине нашего века*, дали нам ключ к интерпретации этих документов, *которого не было даже у инициированных жрецов.*

Все вышеизложенное может быть лучше оценено, если преобразовать его в форме силлогизма.

Большая посылка: Древние посвященные имели ключи и глоссарии, *созданные ими самими*, к своим эзотерическим текстам.

Малая посылка: Наши востоковеды имеют *многие* из этих ключей.

Вывод: *Ergo* [следовательно], востоковеды имеют некий ключ, которым не обладали *сами посвященные!!!*

В таком случае, во что же были посвящены эти посвященные? — и кто же создал эти завесу, спрашиваем мы, делающую недоступным смысл этих текстов?

Мало кто из востоковедов мог бы ответить на этот вопрос; мы, однако, более великодушны, и далее надеемся показать то, во что никогда не были посвящены наши скромные востоковеды, то есть все их так называемые «ключи» в их истинном смысле.

II

Сойдем же, и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого...

Бытие, XI, 7

Закончив с современными физическими науками, обратимся теперь к западным философиям и религиям. Каждая из них равным образом основана на языческой и, более того, *экзотерической* мысли, из которой она черпает свои теории и доктрины. Это можно легко проследить от Шопенгаура и Герберта Спенсера до гипнотизма и так называемой «ментальной науки». Немецкие философы модернизируют буддизм; англичане воодушевлены ведантизмом; французы же, заимствуя и у тех, и у других, добавляют к ним Платона во фригийской шапочке, и иногда, вместе с Огюстом Контom, таинственный сексуальный культ, или культ Марии старых римско-католических мистиков и ясновидящих. Новые системы, именуемые философскими, новые секты и общества внезапно вырастают с каждым днем во всех уголках наших цивилизованных государств. Но даже лучшие из них не согласны друг другом ни в одном пункте, хотя каждая претендует на верховенство. Но и они являются в лучшем случае всего лишь фрагментами из РЕЛИГИИ МУДРОСТИ и не могут оставаться в одиночестве и быть самодостаточными, ибо не представляют собой ни науку, ни философию. Для того, чтобы истина была полной, она должна быть неразрывно целостностной. В ней не должно быть ни брешей, ни недостающих звеньев. Но какая из современных нам религий, научных дисциплин или философских систем не имеет таких дефектов? Истина едина. Даже представляя собой весьма бледное отражение абсолютного, она все же не может быть более двойственной, чем сама абсолютность; она не может равным образом иметь *два* аспекта. Но в нашем мире иллюзий такая истина не годится для большинства, особенно для тех умов, которые лишены *поэтического* элемента. Они должны заместить высоко духовную и *квази* абсолютную истину относительной, имеющей две стороны, или два аспекта, обусловленные несущественными обстоятельствами и приводящие наш «мозг-разум» или к интеллектуальному научному материализму, или к антропоморфической религиозности. Но даже такой сорт истины — если он хочет представлять последовательную и полную систему чего-либо — должен в своем столкновении с противоположной системой взглядов быть свободным от разрывов и противоречий, от частично или полностью отсутствующих звеньев внутри той доктрины, которую он берет на себя обязанность выдвигать и защищать.

Здесь следует сделать небольшое отступление. Мы уверены, что некоторые люди скажут: это то самое возражение, которое было высказано против теософских описаний, от «Разоблаченной Изиды» до «Тайной доктрины». Согласны. Мы готовы поверить, что особенно эта последняя работа превосходит по недостаткам такого рода все прочие теософские труды. Мы готовы признать дефекты, отмеченные критиками. — то, что она плохо организована, что изложение материала в ней непоследовательно, что она перенасыщена отступлениями во второстепенные разделы мифологии и т. д. и т. п. Но она не является ни какой-либо философской системой, ни *конкретной* доктриной, называемой тайной, или эзотерической, а всего лишь записью небольшого количества фактов, относящихся к ней, и *свидетельством* о ней. Она никогда не претендовала на то, чтобы быть *исчерпывающим* описанием системы (которую она отстаивает), во-первых, потому что автор, не будучи великим посвященным, не может разрешить такую гигантскую задачу, и во-вторых, потому что если бы автор был в одиночестве, он разгласил бы еще меньше. Никогда не предполагалось создание интегральной системы из сакральных истин, предназначенное для насмешек и глумления нечестивой и иконоборческой публики. Эта работа не стремится к тому, чтобы дать исчерпывающую до мельчайших деталей серию объяснений, раскрывающих тайны бытия; не ищет она и того, чтобы заслужить почетное наименование определенной системы мышления, сходной с тем, что создали Герберт Спенсер, Шопенгауэр или Конт. Наоборот, «Тайная доктрина» просто заявляет, что система, известная как РЕЛИГИЯ МУДРОСТИ, — результат работы многих поколений мудрецов и провидцев, священное наследие доисторических времен, — действительно существует, хотя она и сохранялась до сих пор в величайшем секрете посвященными нашего времени; она

указывает на различные подтверждения существования этой религии в наше время, которые могут быть найдены в старых и современных работах. Приводя лишь немногие фрагменты, она показывает, как они объясняют религиозные догмы сегодняшнего дня и каким образом они могут служить западной религии, философии и науке в качестве указательных столбов на нехоженных путях открытий. Эта работа по существу фрагментарна; она описывает разнообразные факты, изучавшиеся в эзотерических школах, которые сохранялись до сих пор в секрете и посредством которых анализируется древняя символика различных народов. Она не дает даже *ключей* к ним, но лишь открывает нескольких, до сих пор скрываемых в тайне, авторов. Никакой *новой* философии в «Тайной доктрине» не содержится; здесь дается лишь скрытый смысл некоторых религиозных аллегорий древности, выясняемый с помощью эзотерических учений, и указывается общий источник, из которого выросли все мировые религии и философии. Ее основное устремление состоит в том, чтобы показать: какими бы различными с внешней стороны ни *казались* соответствующие доктрины и системы прошлого, их можно хорошо согласовать друг с другом, если исследовать эзотерическую, или *внутреннюю*, сторону этих верований и их символику и провести тщательное сравнение между ними. Также утверждается, что ее доктрины и учения, образующие интегральный цикл вселенских космических фактов и метафизических аксиом и истин, представляет собой полную и непротиворечивую систему, и тот, кто обладает достаточной смелостью и упорством, кто готов разрушить в себе *животное* и забыть человеческую *личину*, принеся их в жертву высшему эго, тот всегда может найти свой путь к посвящению в эти мистерии. Это все, что утверждает «Тайная доктрина». Не являются ли эти немногие факты и самоочевидные истины, содержащиеся в этой книге — несмотря на недостатки литературного их изложения, — те истины, которые *давным-давно испытаны на практике*, более приемлемыми, чем большинство остроумных «рабочих» гипотез, которые каждый день могут быть опровергнуты, а также необъяснимые тайны религиозных догм или большинство философских спекуляций, на первый взгляд глубокомысленных? Могут ли величайшие из этих спекуляций быть действительно глубокими, если от *альфы* до *омеги* они ограничены *мозгом-разумом* их автора, изуродованы на своем прокрустовом ложе и обкорнаны так, чтобы соответствовать своим ограниченным чувственным восприятиям, которые никогда не позволят интеллекту выйти за пределы своего заколдованного круга? «Философ», который смотрит на духовное царство как на чистый вымысел, проистекающий из предрассудков, и считает ментальное восприятие человека всего лишь результатом организации его мозга, не может быть достойным этого имени.

Не имеет права материалист на свое имя, поскольку оно означает «любящий мудрость», и Пифагор, который первым ввел этот термин, никогда не ограничивал мудрость нашей землей. Тот, кто утверждает, что вселенная и человек — всего лишь объекты чувств, и кто фатально связывает мысль с бесчувственной материей, как это делают дарвинисты, является в лучшем случае *софиафобом*, если не псевдофилософом, и уж никак не философом.

Именно поэтому в наш век материализма, агностицизма, эволюционизма и ложного идеализма не существует системы, хотя бы и изложенной интеллектуально, которая может стоять на своих собственных ногах и сопротивляться критике, которую обрушивает на нее представитель другой, столь же материалистической школы, как и она сама; даже Герберт Спенсер, величайший из всех, в какой-то мере не способен ответить на такую критику. Многие помнят жаркую полемику, которая бушевала несколько лет назад в английских и американских журналах между эволюционистами, с одной стороны, и позитивистами, с другой. Предмет дискуссии был связан с отношением между теорией эволюции и религией. Мистер Ф. Гаррисон, апостол позитивизма, обвинял Герберта Спенсера в ограничении религии царством разума, забывая, что способность чувствовать, а не сознавать, играет в ней наиболее важную роль. М-р Гаррисон сделал также выговор м-ру Спенсеру за «ошибочность и недостаточность» идей о «непознаваемом», развитых в его работах. Эта идея *ошибочна*, считал он, потому что она основывается на принятии метафизического абсолюта. Она недостаточна, возражал он, поскольку низводит божественное до пустой абстракции, лишенной всякого смысла.¹³⁰ На это великий английский писатель отвечал, что он никогда

130

Поскольку все вышеприведенное изложено по памяти, оно не претендует на буквальную точность цитирования и имеет своей целью отразить суть аргумента.

не имел ввиду предлагать категории «непознаваемого» и «непостижимого» как предметы религиозного культа. Затем, на арену вышли почитатели и защитники Спенсера и Гэрисона; некоторые защищали *материальную метафизику* первого мыслителя (если мы можем использовать это парадоксальное, но точное определение философии Герберта Спенсера), другие пользовались аргументами безбожного и лишённого Христа римского католицизма Огюста Конта,¹³¹ причём обе стороны наносили друг другу весьма тяжёлые удары и получали их в ответ. Так, граф д'Альвиелла из Брюсселя¹³² внезапно обнаружил в м-ре Г. Спенсере скрытого, но *полного благочестия* теиста, и сравнил м-ра Гэрисона с казуистами средневековой схоластики.

Мы не имеем ввиду обсуждать здесь относительные достоинства ни материалистического эволюционизма, ни позитивизма, выдвинутых этими английскими мыслителями; мы приводим эти примеры лишь для иллюстрации того смешения современной мысли, которое напоминает вавилонскую башню. Тогда как эволюционисты (школы Герберта Спенсера) исходят из того, что эволюция религиозного чувства в историческом аспекте состоит во все большем абстрагировании от атрибутов Божества и окончательном уходе от примитивных конкретных представлений, — для обозначения этого процесса было создано такое сложное слово, как *деантропоморфизация*, т. е. исчезновение человеческих атрибутов, — последователи Конта, со своей стороны, придерживаются другой версии. Они утверждают, что наиболее примитивной религией человечества был фетишизм, т. е. непосредственный культ природы, и лишь процесс длительной эволюции привёл к антропоморфизму религиозных верований. По нашему мнению, их «божественность» — это человеческая природа, а Бог, которому они поклоняются, — это человечество. Поэтому единственный смысл проведения такой дискуссии состоит в том, чтобы разобраться, какая из этих двух «философских» и «научных» теорий является менее вредоносной и более правдоподобной. Правильно ли будет сказать, как уверяет нас д'Альвиелла, что «непознаваемое» Герберта Спенсера содержит все элементы, необходимые для религии? И верно ли, как утверждает этот знаменитый автор, что «религиозное чувство имеет тенденцию освобождать себя от всякого морального элемента»? Или же мы должны пойти на другую крайность и согласиться с последователями Конта, что постепенно религия сольётся с *альтруизмом* и исчезнет в нём самом и в его служении человеческой природе?

Надо ли говорить, что только теософия, отрицающая односторонность и потому *ограниченность* обеих теорий, способна примирить их, т. е. эволюционистов и позитивистов — как на метафизической, так и на практической основе. Здесь не место обсуждать, как именно можно этого достичь, но каждый теософ, знакомый с основными идеями эзотерической философии, может сделать это сам. Мы верим в безличное «непознаваемое» и хорошо понимаем, что АБСОЛЮТУ, или абсолютности, ни к чему поклонение, основанное на антропоморфических представлениях; теософия отвергает спенсеровское «он» и заменяет безличное «оно» на личное местоимение при обращении к абсолюту и «непознаваемому». Она учит, что самой большой добродетелью является *альтруизм* и самопожертвование, братское отношение и сострадание ко всем живым существам, и несмотря на все это, обходится без почитания человека или человечества. Более того, у позитивиста, который не признаёт бессмертной души у человека и не верит в будущую жизнь, или перевоплощение, такое «почитание» приводит к худшему, чем фетишизм: это зоолатрия, культ животных. Ибо то единственное, что составляет *реального* человека — это, говоря словами Карлейля, «суть нашего бытия, тайна, находящаяся внутри нас, называемая «Я», ... это дыхание неба; верховное существо обнаруживает себя в человеке». Если отрицать это, то человек является всего лишь животным — «стыдом и позором вселенной», как говорит Паскаль.

Это старая-старая история — борьба между материей и духом и «выживание *неприспособленного*», поскольку он является более сильным и материальным. Но период, когда рождающееся человечество, следуя закону естественной *двойственной* эволюции, спускалось вместе с духовным в материальное, уже окончился. Мы (человечество) сейчас

---

¹³¹ Это эпитет м-ра Гексли. В своей лекции «О физической основе жизни», читанной в Эдинбурге в 1868 году, этот великий оппонент заметил, что «философия Конта на практике может быть кратко описана как *католицизм минус христианство*, и как антагонистическая самой сути науки».

¹³² Профессор церковной истории в Брюссельском университете, в философском труде «Эссе о религиозном значении *непознаваемого*».

помогаем материи подняться к духу; и на этом пути мы должны помочь веществу освободиться от мертвой хватки чувств. Мы, представители пятой коренной расы, являемся прямыми потомками первобытного человечества этой расы; мы те, кто, живя после потопа, пытались восстановить память об этих древних людях, чтобы сохранить истину и мудрость допотопного периода, и были побеждены в своих усилиях темным гением Земли — духом материи, которого гностики именовали Илдабаофом, а евреи — Иеговой. Не думаете ли вы, что даже в Библии Моисея, книге, которую вы так хорошо знаете и так плохо понимаете, это требование древней доктрины осталось без свидетельства? Нет, это не так. Позвольте подвести итог одним широко известным отрывком оттуда, интерпретируя его в истинном свете.

В начале времен, или точнее, в детстве пятой расы, «на всей земле был один язык и одни уста», — говорится в XI-й главе «Бытия». С эзотерической точки зрения это означает, что человечество имело тогда одну универсальную доктрину, философию, общую для всех, и то, что люди были *связаны* одной религией, производить ли этот термин от латинского *relegere*, что значит «собираться, или быть вместе» в речах или мыслях, или от *religens*, т. е. «почитание богов», или от *religare*, т. е. «быть крепко связанным друг с другом». Так или иначе, это с полной очевидностью означает, что наши праотцы, жившие до «потопа», принимали общую для всех истину — т. е. они верили в ту совокупность субъективных и объективных фактов, которые образуют логически последовательное и гармоничное целое, названное нами «религией мудрости». Далее, читая между строк первые девять стихов той же главы, мы извлекаем оттуда следующую информацию. Наши праотцы, мудрецы своего поколения, очевидно были знакомы с непреходящей истиной о том, что сила *лишь в единстве* — в единстве мышления, также как и в единстве народа, разумеется. Поэтому чтобы не допустить разногласий и «рассеивания по лицу земли» с последующим раздроблением на множество фрагментов их религии-мудрости и чтобы продолжать, как и ранее, *подниматься к небу* посредством знания, а не *падать на землю*, руководствуясь слепой верой, — мудрые люди, которые «пришли с Востока», разработали некий план. В то время храмы были местом обучения, а не суеверия; священнослужители учили там божественной мудрости, а не изобретенным человеком догмам, и *Ultima Thule* [«Крайняя Фула», т. е. крайний предел] их религиозной деятельности не имел никакого отношения к ящику для контрибуций, как это бывает сейчас. И поэтому «сказали они: наделаем кирпичей и обожжем огнем, и построим себе *город и баашню*, высотой до небес; и сделаем себе имя. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести.» («Бытие», XI, 3, 4).

Эта старая как мир история известна всем и каждому: начиная с последнего оборванца, посещающего воскресную школу, и кончая м-ром Гладстоном. Оба они искренне верят, что эти потомки «проклятого Хама» были гордыми грешниками, цель которых была похожа на устремления титанов: оскорбить и развенчать Зевса-Иегову, достигнув «неба», предполагаемого местопребывания их обоих. Но так как эта история рассказывается в богооткровенных (*revealed*)¹³³ писаниях, она должна, как и все остальное в них, иметь свою эзотерическую интерпретацию. В этом нам поможет оккультный символизм. Выражения, которые мы выделяем курсивом, в иврите, будут иметь совсем другую конструкцию. Итак:

1. «И вся земля (человечество) была из *одних уст* (то есть провозглашала одни и те же учения) и из *одних и тех же слов*» — а не из «языка», как в авторизованной версии.

133

Любопытное и довольно неудобное для использования слово, так как в переводе с латинского оно означает диаметрально противоположное его теперешнему значению в английском языке. Поскольку слова «*reveal*» (откровение) и «*revealed*» (богооткровение) происходят от латинского *revelare*, которое означает не «открывать», а «закрывать вуалью», от *re*, «повторить», или «вернуть», и *velare* «вуаль», или сокрыть что-нибудь, от слова *velum*, «отводить глаза» (или создавать завесу). Таким образом, вместо *сбрасывания покрывала*, или *разоблачения*, Моисей поистине «завуалировал» еще раз египетско-халдейские теологические легенды и аллегории, в которые он был посвящен как «обученный всей египетской мудрости». Однако Моисей не был первым, кто получил или, как метко выразил Рагон, сокрыл откровение. За тысячи лет до него Гермесу приписывали сокрытие тайны индийских мистерий с целью приспособить их к стране фараонов. И хотя ныне вряд ли найдутся классические авторитеты, способные удовлетворить ортодоксального филолога, но оккультные авторитеты, которые считают, что латинское слово *revelare*, означающее «повторное сокрытие», является исходным словом для «*revelation*», которое, таким образом, должно означать не «божественное откровение», но «создание завесы», или «завуалирование» предмета, о котором идет речь, — весьма убедительны.

Каббалистический смысл терминов «слова» и «слово» может быть найден в «Зогаре» и в «Талмуде». «Слова» (*дабарим*) означают «силы», а *слово* в единственном числе — это синоним мудрости. Например: «Произнесением *десяти слов* был создан мир» («Талмуд», «*Pirkey Aboth*» с. 5., *Mish. I*). Здесь «слова» связаны с десятью сефиротами, строителями вселенной. Опять-таки: «Словом (мудростью, логосом) יְהוָה были созданы Небеса» (*там же*).

2-4. «И человек (вождь вождей¹³⁴) сказал своему ближнему, «Пойдем и изготовим *кирпичи* (учеников) и будем *обжигать их*, пока они не прокалятся (посвящать, заполнять их священным огнем), построим для нас *город* (создадим мистерии и будем учить *этой доктрине*¹³⁵) и *башню* (*зиккурат*, священный храм-башню), вершина которой может достичь небес»» (самого высшего предела, достижимого в пространстве). Великая башня Нево (*Нави*) на храме Ваала была названа «домом семи сфер небес и земли», а также «домом-крепостью (или твердыней, *тагимут*) и камнем, лежащим в основании неба и земли».

Оккультный символизм учит, что *обжигать камни для города* означает обучение магии, «обработанный камень» означает *полностью* посвященного; *петр* у греков и *кеф* у арамейцев — слова, обозначающие «камень» — имеют то же самое значение, а именно: «толкователь мистерий», *иерофант*. Высшее посвящение обозначалось как «обжиг с великим прокаливанием». Таким образом, «*кирпичи* обвалились, но мы будем *строить* (еще раз) из обработанных камней», что становится ясно из Исаяи. Для истинной интерпретации четырех последних стихов генетической аллегории о предполагаемом «смешении языков» мы можем обратиться к легендарной версии *иезидов* и прочесть эзотерически стихи 5, 6, 7 и 8 в кн. «Бытие», гл. XI:

«И сошел *Адонай* (Господь) и сказал: вот, *один* народ (люди объединены в мыслях и деяниях), и *один у всех язык* (доктрина); и вот что начали они делать, и не отстанут они от того (они возжелали приобрести полную магическую силу, *крийяшакти*), что задумали делать».

Кто же такие иезиды и их версия, и что же такое Ад-онай? «Ад» — это «Господь», их древний бог; иезиды — это еретическая мусульманская секта, обитающая в Армении, Сирии и, особенно, в Мосуле, том самом месте, где был Вавилон (см. «Книгу Бытия в свете халдейских представлений»); они известны под странным именем «дьяволопоклонники». Их верования весьма оригинальны. Они различают две силы, или божества — Аллаха и Ада (или Адоная), но отождествляют последнего с Шайтаном или Сатаной. Это естественно, так как Сатана — это также «сын Бога»¹³⁶ (см. «Иов», I, 6). Как утверждает в «Гиббертовых лекциях» (стр. 346 и 347), Сатана-супостат был слугой и *ангелом Бога*. Когда иезидов спрашивают о причине их странного поклонения тому, кто стал воплощением Зла и темного

134

Дословный перевод с иврита. «Вождь вождей» (*раби-маг*) буквально означает мудрец-наставник, учитель или гуру, подобно Диниилу, который, как известно, долгое время прожил в Вавилоне.

135

Так говорили некоторые герои Гомера, например отец Приама Лаомедон, что строят города, тогда как на самом деле создавали *мистерии* и внедряли *религию мудрости* в другие страны.

136

В «Экклезиасте», XXI, 30, содержится призыв не проклинать Сатану, «чтобы не потерять свою собственную жизнь». Почему? Поскольку в своих превращениях «Господь Бог», Моисей и Сатана являются *одним и тем же*. Имя, которое дали евреи в период их пребывания в Вавилоне своему *эзотерическому* Богу, являющемуся заменой *истинного* Божества, о котором они никогда не говорили и не писали, было *ассирийское Моше* или *Адар*, бог палящего солнца (буквально — «Господь Бог *есть* всепоглощающее *пламя*!»), поэтому Моше или Моисей также *сверкают*. В Египте, Тифон (Сатана) *красный*, отождествлялся с красным Ассом, или Тифоном, именуемым Сетом, или Сифом (и которому поклонялись хеттеи, или хетты), а также с *Элом* (богом Солнца *ассирийцев* и *семитов*, а также *Иеговой*), и с Моисеем, также *красным* (см. «Разоблаченную Изиду» том I, стр. 406). Ибо Моисей имел *красный цвет* кожи. В соответствии с Зогаром (т. 1, стр. 28), «*B' sar d' Mosheh sootag*», то есть «тело Моисея было темно-красным»; к этому же относится высказывание: «лицо Моисея было подобно лику Солнца» (см. «Каббалу» Исаака Май-ера, стр. 93). Эти трое были *тремя аспектами* проявленного Бога (замещающего Эйн Софа, или бесконечное Божество), или природы, в ее трех основных царствах: огненном, или солнечном; человеческом, или водном; животном, или земном. Не существовало *Моше*, или Моисея, до Вавилонского плена и Эзры, великого каббалиста; и тот, кого сейчас называют Моисеем, имел другое имя за 2000 лет до этого. Где еврейские свитки, написанные до этого времени? Более того, мы находим тому подтверждение в «Гиббертовых лекциях» д-ра Сейца (1887 г.). Адар — это *ассирийский «Бог Войны»*, или *Господь Воинства*, — то же самое, что и Молох. Ассирийский эквивалент Моше (Моисея) — это *Масу*, то есть «двойной», или «близнец», и *Масу* — это имя Адара, означающее также «герой». Всякий, кто внимательно прочтет вышеупомянутые лекции, стр. 40-58, не сможет не заметить, что Иегова, Масу и Адар, а также некоторые другие — являются *пермутациями*.

духа на Земле, они объясняют это весьма логичным, хотя и непочтительным образом. Они говорят, что Аллах, будучи *Всеблагим*, не мог бы нанести вреда и самому малейшему из своих созданий. *Ergo* [следовательно], ему не нужны ни молитвы, ни всеожжения «первенцев, взятых из стада, ни их жир». Но поскольку их Ад, или Дьявол является воплощением всего плохого, грубым, завистливым, мстительным и гордым, они должны, с целью самосохранения, умилоствивлять его с помощью жертв и всеожжений, которые столь приятны для его обоняния, а также ублажать и льстить ему. Спросите каких-нибудь шейхов из мосулских иезидов, что они могут сказать по поводу смешения языков, или наречий, когда *Аллах* «спустился и увидел город и башню, построенные сынами человеческими». Они скажут вам, что не Аллах, но *Ад*, бог Шайтан сделал это. Завистливый гений земли стал завидовать силе и святости людей (как бог Вишну позавидовал великой силе *йогов*, даже когда они были дайтьями); поэтому этот бог материи и похоти помрачил их разум, соблазнил и поймал «строителей» в свои сети; после этого, утратив свою чистоту, они потеряли вместе с ней и свое знание и магические силы, вступили в межродовые браки и оказались «рассеянными по лицу земли».

Это более логично, чем приписывать одному-единственному *Всеблагому* «Богу» такие небожественные поступки, о которых говорится в Библии. Кроме того, легенда о Вавилонской башне и смешении *языков* скорее всего не является оригинальной, а происходит от халдеев и вавилонян. Джордж Смит нашел другую версию в поврежденном фрагменте ассирийской таблички, где ничего не сказано о смешении *языков*. «Я перевел слово «язык» в силу предубеждения», — говорит он («Книга Бытия в свете халдейских представлений», стр. 163), — «я никогда не встречал ассирийского слова с таким значением». Всякий, кто сам прочтет перевод фрагментов, сделанный Смитом, на страницах 160-163 его книги, найдет версию, гораздо более близкую к таковой иезидов, чем к тому, что есть в Книге Бытия. Это тот, чье «сердце было злобным» и кто был «нечистым», спутал «их планы», а не «язык», и разрушил «святилище ... несущее мудрость», и «горько плакали они в Вавилоне».

Так же должны «плакать» все философы и любители древней мудрости; потому что с тех самых пор началась подмена одной истинной доктрины, или одних *уст*, тысячью и одной экзотерической фальшивкой, все более и более затемняющей человеческий интеллект и сопровождающейся пролитием невинной крови в угоду грубому фанатизму. Если бы наши современные философы, вместо того, чтобы насмеяться над старыми книгами мудрости — такими, как «Кабала» — изучали их, то для них открылись бы многие тайны церкви и общества древнего мира. Однако, поскольку они этого не делают, результат очевиден. Темный цикл *Кали юги* возродил *Вавилон современной мысли*, в сравнении с которым «смешение языков» выглядит как гармония. Все темно и неопределенно; нет никаких аргументов ни в одной области, ни в науке, ни в философии или в юриспруденции, ни даже в религии. Но «горе тем, кто называет зло добром, а добро злом; кто ставит темноту вместо света, а свет вместо темноты», — сказал Исайя. Сами элементы оказываются смешанными, и климаты меняются, как если бы сами небесные «высшие десять» потеряли свои головы. Все, что может сделать каждый, это тихо сидеть и взирать, грустно и покорно, на происходящее, когда:

Вялый парус болтается из стороны в сторону;
Лодка, потеряв устойчивость, плывет по течению;
Она дрейфует вниз, беспорядочно поднимаясь и опускаясь;
Весла сломаны, — и вот уж утерян сам руль.

НАУКА ЖИЗНИ

Что такое жизнь? Сотни наиболее глубоких философов, множество ученых и опытных врачей задавало себе этот вопрос, но практически безрезультатно. Покрывало, которым окутан предвечный космос и таинственное зарождение жизни, никогда не было приподнято так, чтобы это удовлетворило серьезную и искреннюю науку. Чем больше люди официального знания пытались проникнуть сквозь его темные складки, тем сильнее сгущалась эта тьма, и тем меньше они видели, ибо они подобны искателю сокровищ, который странствовал по всем морям в поисках того, что было зарыто в его собственном саду.

Но что же такое тогда эта наука? Не биология ли это, или, быть может, это изучение жизни в более широком смысле? Нет. Может это физиология или наука об органических функциях? Тоже нет; ибо первая из них оставляет эту проблему, как трудную загадку Сфинкса; а последняя — это скорее наука о смерти, чем о жизни. Физиология основывается на изучении функций различных органов, и эти органы необходимы для проявления жизни, но то, что эта наука называет живой материей, является, на самом деле, *материей мертвой*. Каждая молекула живых органов содержит в себе зачаток смерти, и начинает умирать, как только рождается, чтобы та молекула, которая будет ее преемником, смогла жить лишь для того, чтобы в свою очередь умереть. Орган, естественная часть любого живого существа, является лишь средой для некой особой функции в течение жизни и комбинацией из таких молекул. Жизненный орган (как и весь организм) надевает на себя маску жизни и таким образом скрывает постоянное разложение и смерть своих частей. Поэтому ни биология, ни физиология не являются наукой и даже отраслями *науки жизни*, но суть лишь науки о *видимости* жизни. В то время как истинная философия стоит подобно Эдипу перед Сфинксом жизни, едва осмеливаясь произнести тот парадокс, который содержится в ответе на предложенную загадку, материалистическая наука, самонадеянная, как и всегда, никогда ни на одно мгновение не сомневаясь в своей собственной мудрости, гипнотизирует саму себя и многих других, заставляя поверить в то, что она разрешила величественную тайну бытия. Однако, в действительности, приблизилась ли она хотя бы к ее порогу? Конечно, она никогда не сможет содействовать распространению истины, пытаясь ввести себя и других неосторожных людей в заблуждение и утверждая, что жизнь — это всего лишь результат сложного сочетания молекул. Разве витальная сила и на самом деле является «фантомом», как ее называет Дюбуа Реймон? Ибо его язвительное замечание, что «жизнь», как нечто независимое, это лишь *asylum ignorantiae* [убежище невежд] для тех, кто хочет найти себе приют в абстракциях, когда прямое объяснение невозможно, с много большим основанием подходит к тем материалистам, которые мешают людям видеть реальные факты, помещая в этом месте напыщенные и труднопроизносимые слова. Разве какое-нибудь из пяти подразделений жизни, столь претенциозно названных — архебиозис, биокрозис, биодизрезис, биокенозис и биопародозис,¹³⁷ помогли когда-либо Гексли или Геккелю полнее изучить тайну зарождения хотя бы простейшего муравья, — не говоря уж о человеке? Совершенно несомненно — нет. Ибо жизнь и все, что к ней относится, принадлежит к законному владению *метафизика* и психолога, а физическая наука не может иметь никаких претензий на все это. «То, что было, это то, что будет; и то, что было, уже названо — и известно, что это ЧЕЛОВЕК», — таков ответ на загадку Сфинкса. Но «человек» в данном случае не имеет отношения к *физическому* человеку, — во всяком случае, не в его эзотерическом значении. Скальпели и микроскопы могут раскрыть тайну материальных частей *оболочки человека*: они никогда не смогут прорезать окно в его душу, чтобы открыть хотя бы малейшее пространство на любом из более обширных горизонтов бытия.

И только те мыслители, которые, следуя дельфийским предписаниям, познавали жизнь в своих *внутренних* личностях, те, кто тщательным образом изучил ее в самих себе, прежде чем попытаться проследить, ее и проанализировать ее отражения в своих более внешних оболочках, были вознаграждены некоторым успехом. Подобно огненным философам

средневековья, они перепрыгивали через *видимости* света и огня в мире следствий и сконцентрировали все свое внимание на обретении тайных сил. Затем, проследивая их до единственной абстрактной причины, они попытались постигнуть ТАЙНУ, каждый из них настолько, насколько это позволяли сделать его интеллектуальные способности. Таким образом, они установили, что 1) *кажущийся* живым механизм, называемый физическим человеком, это лишь топливо, мате- ; риал, которым питается жизнь, чтобы проявить себя; и 2) что благодаря ему внутренний человек получает в качестве платы и вознаграждения возможность накапливать добавочные переживания земных иллюзий, называемых жизнями.

Одним из таких философов сегодня безусловно является великий русский романист и реформатор, граф Лев Николаевич Толстой. Сколь близки его взгляды к эзотерическим и философским учениям высшей теософии мы увидим, внимательно ознакомившись с некоторыми фрагментами из лекции, почитанной им в Москве перед местным Психологическим обществом.

Обсуждая проблему жизни, граф просит свою аудиторию признать в качестве аргумента *нечто невозможное*. Он говорит:

Допустим на одно мгновение, что все то, что стремится узнать о жизни современная наука, она уже узнала и знает это сегодня, что эта проблема стала столь же ясна, как день; теперь вполне очевидно, как органическая материя при помощи простой адаптации смогла произойти из неорганической материи; так же ясно, как природные силы могут быть преобразованы в чувства, нолю, мысль, и что в конце концов все это известно не только городскому студенту, но также и каждому сельскому школяру.

Далее, мне известно, что такие-то и такие-то мысли и чувства происходят из таких-то и таких-то движений. Хорошо, но что же дальше? Могу ли я, или же нет, произвести такие движения и управлять ими ради того, чтобы вызвать в моем мозгу соответствующие мысли? Этот вопрос — чем являются те мысли и чувства, которые я создаю в самом себе и других людях, все еще остается не только нерешенным, но даже незатронутым.

И все же это именно тот самый вопрос, который является единственным фундаментальным вопросом главной идеи жизни. Наука выбрала своим объектом некоторые проявления, сопровождающие жизнь, и, *принимая*¹³⁸ часть за целое, назвала эти проявления интегральным целым всей жизни...

Этот вопрос, неотделимый от идеи жизни, состоит не в том, *откуда* жизнь, но *почему человек должен* жить именно этой жизнью: и лишь начиная с этого вопроса, можно надеяться па приближение к решению проблемы бытия.

Ответ на вопрос, «почему мы должны жить?», выглядит для человека столь простым, что он едва ли посчитает его заслуживающим внимания, если коснется его.

...Следует жить наилучшим образом, насколько это возможно, — вот и все. Это кажется на первый взгляд очень простым и всем известным, но это совсем не столь просто и известно, как можно себе вообразить...

Идея жизни вначале предстает перед человеком как наиболее простое и самоочевидное дело. Однако как только человек начинает поиски этой жизни в любом месте так называемого тела, он сразу же встречается с непреодолимыми трудностями. Жизнь находится не в волосах и не в ногтях; не в ногах и не в руках, которые могут быть ампутированы; она не в крови, не в сердце и не в мозге. Она повсюду и она нигде. Дело обстоит так: жизнь не может быть найдена ни в одном из мест своего пребывания. Затем человек начинает искать жизнь во времени; и опять-таки, это выглядит сперва очень простым делом... И все же опять, он начнет свою погоню не раньше, чем поймет, что дело здесь снова обстоит намного сложнее, чем он полагал. Я *прожил* уже пятьдесят восемь лет, так утверждает церковная запись о моем крещении.

138

Ошибочно употреблять здесь слово «принимая». Люди науки слишком хорошо знают, что то, чему они учат в отношении жизни, является материалистической выдумкой, опровергаемой на каждом шагу логикой и фактами. В этом специфическом вопросе наукой злоупотребляют и заставляют се служить личным пристрастиям и жесткой политике уничтожения любого духовного устремления и мысли в человечестве. Было бы более правильно сказать — «*притворяясь*, что принимая».

Но я знаю, что из этих пятидесяти восьми лет я проспал свыше двадцати. Как же тогда? прожил ли я эти годы, или же нет? Отнимите те месяцы, когда моя мать была беременна мною, а также те, которые я провел на руках моей няньки, — не назовете ли вы и это время также жизнью? Опять-таки, об оставшихся тридцати восьми годах я знаю, что добрую их половину я проспал, переезжая с места на место; таким образом, я не могу больше сказать в этом случае, жил ли я в течение этого времени, или нет. Я мог жить немного, и расти немного. И снова человек обнаруживает, что во времени, как и в теле, жизнь есть повсюду, и все же нигде. И теперь естественно возникает вопрос: откуда же тогда эта жизнь, которую я не могу нигде обнаружить? Теперь — хочу я узнать... Но так уж случается, что и в этом направлении то, что казалось мне сперва столь легким, кажется сегодня невозможным. Несомненно, я занимался поисками чего-то другого, а не моей жизни. Таким образом, раз мы должны были искать, где находится жизнь, — если вообще должны были это делать, — тогда нам следовало вести эти поиски не в пространстве и не во времени, не как поиски некой причины или следствия; нам следовало искать нечто распознаваемое внутри себя, совершенно отличное от пространства, времени и причинности.

Все, что остается нам в таком случае — это самопознание. Но как я распознаю жизнь в себе самом?

Вот как я познаю ее. Для начала я знаю о том, что живу; и что я живу, желая для себя всего, что хорошо, и хочу этого с тех пор, как я себя помню, и по сей день, и с утра до вечера. Все то, что живет вне меня самого, важно в моих глазах, но лишь в той степени, насколько оно способствует созданию того, что создает *мое* благосостояние. Вселенная важна на мой взгляд только потому, что она может принести *мне* удовлетворение.

Между тем, с этим моим знанием о моем существовании связано и кое-что еще. Я чувствую, что неотделимо от жизни и другое знание, тесно связанное с ней; а именно, что помимо меня самого, я окружен целым миром живых созданий, обладающих, как и я сам, тем же самым инстинктивным пониманием своих особенных жизней, и что все эти создания живут ради своих собственных целей, которые чужды мне; что эти создания не знают и не стремятся узнать ничего о моих претензиях на некую исключительную, особенную жизнь, и что все эти создания, чтобы достигнуть успеха в своих целях, готовы в любой момент уничтожить меня. Но это еще не все. Наблюдая умирание созданий, во всем похожих на меня, я также знаю, что и меня в том числе — это прекрасное МЕНЯ, единственное, в котором представлена жизнь — также ожидает скорое и неизбежное разрушение.

Все это выглядит так, как если бы в человеке было два «Я»; и они никогда не могли жить вместе в мире; как если бы они находились в вечной борьбе, и всегда пытались изгнать одно другое.

Одно «Я» говорит:

— Я одно живу, так как должно жить, все же остальное лишь кажется, что живет. Поэтому весь *raison d'etre* [смысл] вселенной состоит в том, чтобы было удобнее жить этому Я.

Другое «Я» отвечает:

— Вселенная существует вовсе не ради тебя, но для своих собственных задач и целей, и она мало озабочена тем, чтобы знать, счастливо ли ты или нет.

Жизнь после этого омрачается! Одно «Я» говорит:

— Я хочу лишь удовлетворения всех моих желаний и потребностей, и именно для этого мне нужна вселенная.

Другое «Я» отвечает:

— Все животные живут лишь ради удовлетворения своих желаний и потребностей. Эти желания и потребности животных удовлетворяются за счет других животных и с ущербом для них; отсюда и бесконечная борьба между животными видами. Ты — животное, и потому ты должно бороться. И все же, сколь бы ни преуспело ты в своей борьбе, остальные борющиеся создания рано или поздно одержат над тобой верх.

Становится хуже! жизнь наполняется кошмаром... Но самое ужасное то, что одно «Я» говорит:

— Я хочу жить, жить всегда. А другое «Я» на это отвечает:

— Вне всякого сомнения, ты можешь умереть через несколько минут, как умрут также и все те, кого ты любишь, ибо и ты, и они — все вы претерпеваете разрушение с каждым движением ваших жизней, приближая таким образом все ближе страдания, смерть, все то, что ты так ненавидишь и чего боишься больше, чем чего бы то ни было.

Хуже уже некуда...

Изменить такое состояние невозможно... Можно не двигаться, не спать, не есть, даже не дышать, но никто не может не думать. Я думаю, и эта мысль, моя мысль, отравляет жизнь мне, как некой личности, на каждом шагу.

Человек может начать сознательную жизнь не раньше, чем это сознание станет повторять ему непрестанно, без передышки, снова и снова, одну и ту же вещь.

— Жить той жизнью, которую я вижу и чувствую в своем прошлом, жизнью, которую ведут животные и многие люди, жить *таким* образом, благодаря которому ты стал тем, кто ты есть сейчас, — дальше невозможно. Если бы ты попытался сделать это, ты никогда бы не смог избежать борьбы со всем миром созданий, которые живут также, как и ты — ради своих личных целей; и в дальнейшем эти создания неизбежно убьют тебя...

И с этим ничего не поделаешь. Остается лишь одно, и это всегда приходится делать тому, кто, начиная жить, переносит свои цели вовне самого себя и стремится достигнуть их... Но сколь бы далеко не поместил он их от своей личности, как только его ум проясняется, никакая из этих целей не сможет его удовлетворить.

Бисмарк, объединивший Германию и ныне правящий в Европе (если в его уме есть хоть какое-то понимание последствий его деятельности), должен понимать — как понимает его личный повар, приготавливающий обед, который будет с аппетитом съеден в урочный час — то же самое неразрешенное противоречие между суетностью, тщеславием и глупостью всего того, что он сделал, и вечностью и разумностью того, что существует всегда. Если они лишь взглянут на это, оба они увидят это с одинаковой ясностью; во-первых, что сохранение в неприкосновенности обеда князя Бисмарка, так же как и могущественной Германии, происходит единственно по следующим причинам: первого — благодаря полиции, а второго — благодаря армии; и лишь до тех пор, пока над ними обоими сохраняется тщательный надзор. Потому что есть голодные люди, которые охотно съели бы этот обед, и народы, которые с радостью стали бы столь же могущественны, как Германия. Во-вторых, что ни обед князя Бисмарка, ни мощь Германской империи, не только не соответствуют целям и назначению универсальной жизни, но что они находятся в вопиющем противоречии с ними. И в-третьих, что как тот, кто варит обед, так и мощь Германии, очень скоро умрут, и что так же скоро исчезнут и обед, и Германия. И сохранится одна лишь вселенная, которая никогда не уделяла ни одной мысли ни обеда, ни Германии, и в наименьшей степени думала о тех, кто «сварил» их.

Как только интеллектуальное состояние человека возрастает, он приходит к идее о том, что никакое счастье, связанное с его индивидуальностью, не является достижением, но есть лишь необходимость. Индивидуальность — это лишь то начальное состояние, с которого начинается жизнь, и конечный предел жизни...

Меня могут спросить: где же тогда начинается жизнь, и где ее конец? Где кончается ночь, и где начинается день? Где на морском берегу кончаются владения моря, и где начинаются владения суши?

Есть день, и есть ночь; есть суша, и есть море; есть жизнь, и есть *отсутствие* жизни.

Наша жизнь, как только мы начинаем осознавать ее, — это подобное маятнику движение между двумя крайностями.

Одна крайность — это некое абсолютное безразличие к жизни бесконечной вселенной, энергия, направленная только на удовлетворение потребностей своей собственной индивидуальности.

Другая крайность — это полный отказ от этой индивидуальности, величайшая забота о жизни бесконечной вселенной, в полном согласии с пей, перенос всех наших желаний и доброй воли с себя самого на эту бесконечную вселенную и все создания, которые находятся вокруг нас.¹³⁹

Чем ближе к первой крайности, тем меньше жизни и счастья, чем ближе ко второй — тем больше жизни и счастья. Поэтому человек все время движется от одной цели к другой, то есть, он живет. ЭТО ДВИЖЕНИЕ И ЕСТЬ САМА ЖИЗНЬ.

И когда я говорю о жизни, знайте, что представление о ней неразрывно связано в моей концепции с идеей *сознательной* жизни. Мне, как и любому другому человеку, неизвестна никакая иная жизнь, кроме сознательной.

Мы называем жизнью — жизнь животных, органическую жизнь. Но это вовсе не жизнь, а лишь определенное состояние или условие жизни, проявляющейся для нас.

Но что же такое это сознание или разум, необходимость которого исключает индивидуальность и переносит энергию человека вовне и в то состояние, которое считается нами блаженным состоянием любви?

Что такое сознательный разум? Чему бы не могли мы дать определение, мы должны определить это нашим сознательным разумом. Следовательно, чем же мы будем определять разум?..

Если мы должны давать определение всему нашим разумом, из этого следует, что сознательный разум не может быть определен. И все же все мы не только знаем его, но это единственное, что дано нам знать несомненно...

Это тот же самый закон, как закон жизни всего органического, животного и растительного мира, с той лишь разницей, что мы *видим* осуществление разумного закона в жизни растения. Но закона сознательного разума, которому мы подчиняемся, как и дерево подчинено своему закону, мы не *видим*, но исполняем его...

Мы определили, что жизнь — это то, чем наша собственная жизнь не является. Именно здесь глубоко зарыт корень ошибки. Вместо изучения той жизни, которую мы осознаем внутри себя, безусловно и несомненно, — поскольку мы не можем знать ни о чем больше, — чтобы обдумать ее, мы наблюдаем то, что лишено наиболее важного фактора и способности нашей жизни, а именно, разумного сознания. Поступая таким образом, мы ведем себя как человек, который пытается изучить предмет по той тени или отражению, которое он отбрасывает.

Если нам известно, что частицы вещества подчиняются во время своего преобразования деятельности организма, мы знаем об этом не потому, что мы наблюдали или изучали это, но просто потому, что мы обладаем неким сходным организмом, объединенным с нами, а именно, нашим животным организмом, который столь хорошо нам известен как материя нашей жизни; то есть, тот, именем которого мы называемся, чтобы работать и управлять, подчиняя его закону разума... Человек утрачивает веру в жизнь и переходит от этой жизни к другой, которая жизнью не является, не раньше, чем он станет несчастным и увидит смерть... Человек, который воспринимает жизнь такой, какой он находит ее в своем сознании, не знает ни страдания, ни смерти: ибо вся радость в жизни для него состоит в подчинении его животного начала закону разума, и сделать это не только в его власти, но это неизбежно происходит в нем. Мы знаем о смерти частиц в животном существе. Мы знаем о смерти животных и человека, как некоего животного; но нам неизвестно о смерти сознающего разума, и мы не можем ничего об этом знать *именно потому, что сознательный разум — это сама жизнь. А Жизнь никогда не будет Смертью...*

Животные ведут счастливую жизнь, не видя смерти и не зная о ней, и умирают, не осознавая этого. Почему же тогда человек получил дар видеть и знать ее, и почему смерть столь ужасна для него, что поистине мучает его душу, часто заставляя его покончить с собой из-за ужасного страха смерти? Почему так происходит? Потому что человек, который видит смерть, это больной человек, тот, кто нарушил закон своей жизни и более не ведет сознательного существования. Он сам стал животным, животным, которое к тому же нарушило закон жизни.

Жизнь человека — это стремление к счастью, и то, к чему он стремится, дается ему. Свет, возникший в душе человека, — это счастье и жизнь, и этот свет никогда не сможет стать тьмой, так как существует — истинно, для человека существует — лишь этот единственный свет, который горит в его душе.

Мы перевели [с русского на английский] этот достаточно обширный фрагмент из конспекта превосходной лекции графа Толстого, потому что его слова звучат как некое эхо самых тонких учений универсальной этики истинной теософии. Его определение жизни, — которой в абстрактном, и конкретном смысле должен следовать каждый искренний теософ, в соответствии и в меру своих *естественных* способностей, — это краткое обобщение и альфа и омега практической психической, если не духовной, жизни. В лекции есть такие фразы, которые покажутся среднему теософу чересчур туманными и, быть может, несовершенными. Однако он не найдет в ней ни одного предложения, на которое мог бы возразить даже самый требовательный практический оккультист. Ее можно назвать трактатом по алхимии души. Ибо этот «единственный» свет в человеке, который горит вечно и никогда не сможет стать тьмой по своей внутренней, присущей ему природе, хотя «животная природа» вовне нас может оставаться слепой по отношению к нему, — это тот «свет», о котором были написаны обширные тома неоплатониками Александрийской школы, а после них, розенкрейцерами и, в особенности, алхимиками, хотя и по сей день подлинный смысл их писаний является глубокой тайной для большинства людей.

Это правда, граф Толстой — не александрийский, и не современный теософ; еще в меньшей степени он розенкрейцер или алхимик. Но то, что последние сокрыли под специфической фразеологией огненных философов, намеренно смешивая космические превращения с духовной алхимией, все это было перенесено великим русским мыслителем из царства метафизической жизни в область жизни практической. То, что Шеллинг определил бы как осознание тождественности субъекта и объекта во внутреннем эго человека, то, что соединяет и связывает последнее с универсальной душой, — то, что является лишь тождеством субъекта и объекта на высшем плане, или неведомым Божеством, — все это граф Толстой соединяет вместе, не покидая земного, материального плана. Он является одним из тех немногих *избранных*, которые начинают с интуиции и заканчивают почти всеведением. Развитие и проявление высшей САМОСТИ человека, которого достиг граф, — это трансмутация неблагородных металлов (*животного вещества*) в золото и серебро, или философский камень. *Алкахест* рядового алхимика — это *All-geist* [Дух всего], всепроникающий божественный дух высшего посвященного; ибо алхимия была и является, что известно сегодня лишь немногим, в такой же степени духовной философией, как и физической наукой. Тот, кто ничего не знает об одной из них, никогда не узнает многого о другой. Аристотель, поучая своего ученика, Александра, говорил о философском камне: «Это не камень. *Он был и есть везде, и в каждом человеке*, его называют *целью* всех философов», — как «Веданта» является *вершиной* всех философий.

Заканчивая данное эссе о *науке жизни*, можно сказать несколько слов о вечной загадке, которую предложила смертным Сфинкс. Потерпеть неудачу в разрешении проблемы, содержащейся в ней, это значит обречь себя на несомненную смерть, поскольку Сфинкс жизни пожирает недогадливого, который жил лишь в своем «животном теле». Тот, кто живет ради себя, и только ради *себя*, несомненно умрет, как об этом сообщает высшее «я» низшему «животному я» в данной лекции. Есть семь ключей к этой загадке, и граф открывает эту тайну одним из самых высоких. Ибо, как это прекрасно выразил сам автор, говоря о «герметической философии»:

Подлинная тайна, наиболее близкая и в то же время крайне отдаленная от любого человека, *в которую он должен быть посвящен, или же исчезнуть как атеист*, — это он сам. Для него существует эликсир жизни, выпить который, перед открытием философского камня, значит испить напитка смерти, в то время как адепту и *эпипту* он дарует истинное бессмертие. Он может познать истину, какова она есть в действительности — *Алэтейю*, дыхание Бога, или Жизни, сознательный разум в человеке.

Это и есть «всерастворяющий алкахест», и граф Толстой прекрасно справился с этой загадкой.

ДВОЙНОЙ АСПЕКТ МУДРОСТИ

Подлинно, *только* вы люди, и с вами умрет мудрость

Книга Иова», XII, 2

И оправдана премудрость чадами ее.

«От Матфея», XI, 19

Это привилегия — и одновременно беда — издателей получать многочисленные письма с мнениями и советами, — не миновала эта участь и редакцию «Люцифера». Воспитанные на вечных афоризмах, они сознают, что «тот, кто может принять совет, превосходит того, кто дает его», и поэтому всегда готовы с благодарностью принять любое здоровое и практическое предложение от своих друзей; но последнее из полученных писем не удовлетворяет этим условиям. То, что нам предлагает наш советчик, это даже не его собственная мудрость, но мудрость времени, в котором мы живем, и он серьезно рискует своей репутацией пронизательного наблюдателя при таком пристрастии к притязаниям современности. Нам рекомендуют встать на защиту «мудрости» нашего века; нас обвиняют в «предпочтении варварской античности нашей современной цивилизации с ее неисчислимыми благами» и в забвении того, что «мудрость нашего сегодняшнего дня в сравнении с инстинктами прошлого ничуть не ниже по своей *философской мудрости* даже времен Платона». Наконец, нам говорят, что мы, теософы, «слишком нежно любим туманный вчерашний день и несправедливы по отношению к нашему славному (?) настоящему, блистательному периоду высочайшей цивилизации и культуры»!!

Но все это лишь вопрос вкуса. Наш корреспондент вправе иметь свои взгляды, а мы — свои. Пусть он воображает — если ему это доставляет удовольствие, — что по сравнению с Эйфелевой башней пирамида Гизы выглядит как кротовая кучка, а по сравнению с Хрустальным дворцом висят сады Семирамиды выглядят как кухонный садик. Но если он серьезно призывает нас к тому, чтобы мы показали «в каком отношении наш век повседневного прогресса и гигантских мыслей» — прогресса, слегка подпорченного, однако, нападками на Гексли наших Спёджонов и университетских дам, престарелых классиков и крикунов из «Армии спасения» — уступает старым временам, находящимся, говоря его языком, под каблуком «Сократа и сидящего со скрещенными ногами Будды», то мы готовы ответить ему, излагая, разумеется, лишь наше собственное мнение.

Наш век, говорим мы, по своей мудрости ниже любого другого, поскольку он (и это становится все более заметным с каждым днем) *открыто исповедует презрение к истине и справедливости, без которых не может быть мудрости*. Ибо наша цивилизация, построенная из пены и пустой видимости, в лучшем случае напоминает прекрасное зеленое болото, переходящее в мертвую трясины. Ибо наш век культуры и поклонения материи, награждающий разнообразными призами и премиями за всякую «*выдающуюся вещь*» под Солнцем, от самого крупного ребенка и самой огромной орхидеи, до сильнейшего из боксеров и самой жирной свиньи, никоим образом не поощряет нравственность, — за нравственную добродетель премий не полагается. Ибо имеются Общества, созданные для предотвращения физической грубости по отношению к животным, но нет никаких организаций, имеющих целью предотвратить нравственную грубость по отношению к людям. Ибо легально и молчаливо поощряется грех в любой форме, от продажи виски до вынужденной проституции и воровства, вызванных обрекающей на голод оплатой труда, Шейлокоподобными¹⁴⁰ вымогательствами, рентами и другими прелестями нашего

культурного периода. Ибо, в конце концов, этот век, хотя и заявляющий о себе как о времени физической и нравственной свободы, на самом деле является веком наиболее жестокого нравственного и умственного рабства, подобного которому никогда не было до сих пор. Рабство по отношению к государству и *человеку* исчезло только для того, чтобы освободить место для рабства по отношению к *вещам* и *эго*, своим собственным страстям и идиотским общественным обычаям и образу жизни. Скоротечная цивилизация, приспособленная к нуждам высшего и среднего классов, обрекла на еще большее несчастье голодающие массы. Уравняв два первых класса, она выработала в них пренебрежение к сущности по сравнению с внешней видимостью и формой, и таким образом поместила современного человека в низменное тюремное заключение, в рабскую зависимость от неодушевленных предметов, использование которых и служба которым становится главным долгом каждого *культурного* человека.

В чем же заключается, в таком случае, мудрость нашего века?

На самом деле, не нужно многого для того, чтобы показать, почему мы преклоняемся перед древней мудростью и абсолютно отказываемся видеть ее проявления в нашей современной цивилизации. Однако, для начала надо определиться, что подразумевает наш критик под словом «мудрость»? Хотя мы никогда не восхищались чрезмерно Лактанцием, но все же мы должны признать, что даже этот простодушный отец церкви, со всеми его язвительными насмешками в адрес гелиоцентрической системы, очень точно определил это понятие, говоря, что «первым шагом к мудрости является выделение того, что ложно, а вторым — понимание того, что истинно». Если это так, то какой шанс существует для нашего века, фальсифицирующего все, от Библейских текстов до натурального масла, претендовать на «мудрость»? Но прежде чем вплотную приступить к данному вопросу, мы хотели бы дать собственное определение этому термину.

Для начала можно сказать, что мудрость — это весьма растяжимое понятие, во всяком случае в европейских языках. Оно не дает какой-либо ясной идеи относительно своего значения, если только с этим существительным не сочетается какое-либо пояснительное прилагательное. В Библии, еврейский эквивалент *Хокма* (греческая *София*) применяется в отношении самых разных вещей — и абстрактных, и конкретных. Так, мы встречаем мудрость в качестве характеристики и божественного устремления, и земного умения и ремесла; как означающую Тайное Знание эзотерических наук, так и слепую веру; описываемую как «страх перед Господом», так и деяния фараонских магов. Это слово употребляется без каких-либо различий по отношению к Христу и волшебству, ибо колдунья Седекла¹⁴¹ называется «*мудрой женщиной* из Аэндора». Начиная с древнейшего христианства, от св. Иакова (III, 13-17), и вплоть до последнего кальвинистского проповедника, который видит в аде и вечном проклятии доказательство «*Всемогущей мудрости*», этот термин употреблялся в самом разнообразном смысле. Но св. Иаков различал два вида мудрости; и мы полностью согласны с его учением. Он проводит жесткую разделительную линию между божественной, или *поэтической* «софией» (мудростью свыше) и земной, психической и дьявольской мудростью (III, 15). Для истинного теософа мудростью является только первая. Он мог бы сказать то же, что и св. Павел, говоривший, что мудрость принадлежит исключительно тем, кто «совершенен», то есть тем, кто посвящен в мистерии или по крайней мере знаком с основами священных наук. И как бы велика ни была его ошибка, и сколь преждевременной ни была бы его попытка посадить семена *истинного и вечного знания* в неподготовленную почву, его намерения были бы все равно хорошими и бескорыстными, и за *это* он был бы побит камнями. Ибо, если бы он пытался молиться чему-то, кого он сам выдумал, или если бы он делал это ради корысти, то кто бы тогда заметил его и попытался бы уничтожить среди множества других лживых сект, ежедневных «сборищ» и безумных «обществ»? Но наш случай совсем иного рода. Как бы осторожен он ни был, он говорит все же не о «мудрости века сего», а об *истине*, или о «премудрости тайной, сокровенной ... которой никто из властей века сего не познал»,¹⁴² а тем более — *властители* нашей современной науки. Однако, что касается «психической» мудрости, которую Иаков определяет как земную и дьявольскую, то она существовала во все века, со времен Пифагора и Платона,

¹⁴¹

См. «Первую книгу Царств», XXVIII, 7-25. — *Прим. ред.*

¹⁴²

«Первое послание к коринфянам», II.

когда на одного *философа* приходилось девять *софистов*, и вплоть до наших дней. Наш век приветствует такую мудрость, и на самом деле он имеет на это полное право. Кроме того, это одежда, которую легко натянуть на себя; и никогда не было такого времени, когда вороны отказывались бы наряжаться в павлиньи перья, если предоставлялась такая возможность.

Но сейчас, как и тогда, мы имеем право анализировать используемые термины и спрашивать словами из книги Иова, этой наводящей на мысли о кармическом очищении и ритуалах посвящения аллегории: «Но где премудрость обретается? и где место разума?» («Иов», XXVIII, 12), — и отвечающей его же словами: «В старцах мудрость, и в долголетних разум» («Иов» XII, 12).

Теперь мы должны определить значение еще более неоднозначного термина, а именно — слова «древность», и попытаться объяснить его. Согласно интерпретации ортодоксального христианства, это слово имеет в устах Иова одно значение; но у каббалистов — совсем другое; в то же время в гнозисе оккультистов и теософов оно имеет несомненно третье значение, которое содержится в первоначальной «Книге Иова», до-Моисеевом признанном трактате по инициации. Так, каббалист использует дополнение «древний» к Проявленному СЛОВУ, или ЛОГОСУ (*Дабар*) вечно сокрытого и непознаваемого божества. Даниил, в одном из своих видений, также использует его, когда говорит о Яхве — андрогинном Адаме Кадмоне. Церковник связывает его с антропоморфным Иеговой, «Господом Богом» в *переводах* Библии. Но восточный оккультист использует этот мистический термин только тогда, когда он говорит о перерождающемся высшем это. Поскольку божественная мудрость растворена в бесконечной вселенной, и наше безличное ВЫСШЕЕ ЭГО, является ее неотъемлемой частью, то *атмический* свет последнего может быть сконцентрирован только в том, что, будучи вечным, в то же время индивидуализировано — то есть в ноэтическом принципе, проявленном Боге внутри каждого разумного существа, или нашем высшем *манасе*, едином с *буддхи*. Именно этот коллективный свет представляет собой «мудрость, данную свыше», и когда бы он не падал на личное эго, он оказывается «чистым, мирным и спокойным». Отсюда утверждение Иова о том, что «мудрость в старцах», или в *буддхи-манасе*. Ибо божественное духовное «я» — единственно вечное, неизменное во всех рождениях; тогда как «личности», которые последовательно заполняют ее, мимолетны, они мелькают как тени в калейдоскопе изображений в волшебном фонаре. Это — «старец», ибо называется ли он софией, Кришной, буддхи-манасом или Христом, — это всегда «первенец» *алайя-махата*, вселенской души и разума вселенной. Итак, утверждение Иова, если его прочесть эзотерически, гласит: «В старцах (человеческом высшем эго) мудрость, и в долголетних (или количестве его перерождений) разум». Никто не может постигнуть в одном рождении истинную и окончательную мудрость; и каждое новое рождение, независимо от того, перерождаемся ли мы на счастье или на горе, — это еще один урок, который мы получаем от сурового, но всегда справедливого наставника — КАРМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Но мир — во всяком случае, западный мир — не знает об этом ничего, и отказывается чему-либо учиться. Для него любое упоминание о божественном эго или множественности рождений — это не более, чем «языческая глупость». Западный мир отвергает эти истины и не признает никаких *здоровомыслящих* людей кроме тех, которых он сам создал, сотворил по своему собственному образу, которые родились в христианскую эру, с характерными для этого периода знаниями. Единственная «мудрость», которая признается и практикуется — это психическая, «земная и дьявольская» мудрость, о которой говорил Иаков, и это приводит к искажению *истинной* мудрости и деградации. Оставляя в стороне ее многочисленные разновидности, отметим, что в нашем падшем мире имеются два вида «приземленной» мудрости — действительная и кажущаяся. Между ними обоими, даже для поверхностного наблюдателя этого грешного мира, простерлась широкая пропасть, и однако, как мало людей согласны увидеть ее! Причина этого вполне естественна. Человеческий эгоизм столь силен, что как только на карту ставится малейший личный интерес, то люди становятся глухи и слепы к истине, как сознательно, так и бессознательно. Немного есть людей, способных быстро увидеть разницу между теми, которые мудры, и теми, которые только *кажутся* мудрыми; причем последних считают таковыми главным образом потому, что они очень хорошо умеют дуть в собственную трубу. И достаточно о «мудрости» в этом мире непосвященных.

Что касается людей, погруженных в мистические учения, то здесь положение столь же плачевно. Положение дел изменилось странным образом по сравнению с прежними временами, когда истинный мудрец считал своей первой обязанностью скрывать свое знание, считая его слишком священным, чтобы даже упоминать о нем перед *hoi polloi* [массами]. Тогда как средневековый розенкрейцер, истинный философ, помня о старом Сократе, каждый день повторял, что все, что он знает, это то, что он не знает ничего, — то его современный самозванный последователь заявляет устно и письменно, что те тайны природы и ее оккультных законов, о которых он ничего не знает, вообще никогда не существовали. Было время, когда приобретение божественной мудрости (*sapientia*) требовало жертвенности и посвящения этому всей жизни человека. Оно зависело от таких вещей, как чистота помыслов кандидата, его бесстрашия и независимости духа; сейчас же получение патента на мудрость и статус адепта требует одной лишь беззастенчивой наглости. Удостоверение о божественной мудрости выдается сейчас самозванному «*аденту*» простым большинством голосов невежественных и лежачих глупцов, причем множество болтунов, спустившись с крыши «храма науки», будет объявлять об этом всему миру на каждой базарной площади. Скажите публике, что сейчас, как и в древние времена, истинный и искренний наблюдатель жизни и лежащих в ее основе явлений, интеллигентный исследователь, работающий в союзе с природой, может стать знатоком ее тайн и, таким образом, «мудрым человеком» в земном смысле этого слова, но, с другой стороны, что *материалист* никогда не вырвет у природы какой-либо тайны в высшем плане, — и вы тут же станете объектом насмешек и издевательств. Добавьте, что «мудрость свыше» не снизойдет ни к кому, кроме того, кто *sine qua non* [как неперемное условие] оставляет на пороге оккультного малейший атом эгоизма, или пожеланий личного благополучия, — и вы тут же будете объявлены вашей аудиторией кандидатом в сумасшедший дом. И тем не менее, это очень и очень старая истина. Природа выдает свои глубочайшие тайны и сообщает *истинную мудрость* только тому, кто ищет истину ради нее самой, и кто страстно мечтает о знании для того, чтобы обеспечить благо других, а не своей собственной, не очень важной, личности. И поскольку почти каждый кандидат в адепты и маги стремится как раз к этому *личному благу*, и лишь немногие согласны учиться столь дорогой ценой и со столь малыми надеждами благо для себя, то истинно мудрые оккультисты становятся с каждым веком все более редкими. Действительно, сколько таких людей, которые не предпочли бы блуждающие огоньки преходящей славы устойчивому и постоянно возрастающему свету вечного *божественного* знания, если оно должно послужить всем, а не ему одному?

То же самое в мире материалистической науки, где мы наблюдаем исключительную нехватку истинно знающих людей и множество толстокожих ученых, требующих, чтобы каждого из них считали Архимедом или Ньютоном. Как вверху, так и внизу. Ученых, которых ищут знания ради того, чтобы добыть факты и истины, и стремятся поделиться ими, хотя бы они были и неприятны, не для того, чтобы удовлетворить свои личные амбиции, — таких ученых можно пересчитать при помощи пальцев на одной руке; а имя тех, кто претендует на это звание, — легион. В наши дни репутация ученых создается, по-видимому, прежде всего путем внушения, основанного на гипнотическом принципе, а не на основании истинных достоинств. Массы съезжаются от страха перед тем, кто обманым путем навязывает себя им; и отсюда такое множество людей, считающихся видными в науке, литературе и искусстве; и их принимают так легко потому, что в большинстве случаев они отличаются исключительной самоуверенностью и отстаиванием своих прав. Но если внимательно проанализировать, то многие ли из них действительно заслуживают того, чтобы их считать «мудрыми» даже по меркам земной мудрости? Многие ли из так называемых «авторитетов», спрашиваем мы, и «лидеров» могли бы доказать, что они лучше тех, о ком было сказано одним воистину мудрым человеком: «слепые вожди слепцов»? Совершенно ясно, что никому из современных учителей или проповедников не дана «мудрость свыше». Это доказывается не только неточностями, содержащимися в их утверждениях, или ошибками в их собственной жизни, ибо «заблуждение свойственно человеку», но это вытекает из неопровержимых фактов. *Мудрость* и *истина* — это синонимы, и то, что ложно и пагубно, не может быть *мудрым*. Поэтому, если верно то, о чем нам говорили хорошо известные представители англиканской церкви, что «Нагорная проповедь», если бы ее осуществить на практике, привела бы к полному разрушению нашей страны меньше чем за

три недели; и если не менее верно то, в чем уверяет один научный критик, что «похоронный звон по учению Чарлза Дарвина звучит в последней книге Э. Р. Уоллеса»,¹⁴³ то мы вольны выбирать то или другое направление. Мы можем или принять, исходя из слепой веры, и теологию, и науку; или же мы можем объявить и ту и другую не истинной и не заслуживающей доверия. Правда, существует еще и третий путь: *притвориться, что мы доверяем обеим, и ничего не говорить об этом*; однако это было бы грехом по отношению к теософии и потворствовало бы предрассудкам общества, — поэтому мы отвергаем его. И более того: мы заявляем открыто, *quand tete*, что ни один из них, ни теолог, ни ученый, не имеет права утверждать, что у первого имеется божественное вдохновение, а у второго — точная наука; ибо первый проводит в жизнь то, что по его собственному признанию, вредно для людей и государств, — т. е. этику Христа; а другой (в лице знаменитого натуралиста Э. Р. Уоллеса, как это показано м-ром Самюэлем Батлером) пропагандирует эволюционное учение Дарвина, в которое больше не верит; более того, ту схему событий, *которой никогда не существовало в природе*, если правы оппоненты дарвинизма.

Тем не менее, если бы кто-нибудь позволил себе назвать «немудрыми» или «ложными» принятые миром авторитеты или объявить их поведение неискренним, его немедленно вынудили бы замолчать. Сомневаться в возвышенной религиозной мудрости покойного кардинала Неймана, или англиканской церкви, или в мудрости наших значительных современных ученых — это значит согрешить против Святого Духа и Культуры. Горе тому, кто откажется признать «избранника» мира сего. Каждый должен склоняться перед тем или другим, хотя, если прав один, то другой *должен* быть неправым; и если ни «мудрость» епископа, ни «мудрость» ученого не «дарована свыше», — как это с замечательной справедливостью продемонстрировано нашим временем, — тогда их «мудрость», в лучшем случае — «земная, психическая, дьявольская».

Наши читатели должны всегда помнить, что ничто из приведенного выше не означает неуважения к *истинному* учению Христа, или *истинной* науке: мы осуждаем не личности, но системы нашего цивилизованного мира. Оценивая свободу мысли превыше всего и как единственный путь достижения в будущем той мудрости, к которой должен стремиться каждый теософ, мы признаем право на такую свободу для наших оппонентов в той же степени, как и для наших единомышленников. Все, с чем мы спорим, это с их претензиями на мудрость — в нашем понимании этого термина. Мы вовсе не порицаем, но скорее глубоко сожалеем в нашем сердце о том, что «мудрые люди» нашего века пытаются проводить одну-единственную политику, что продолжается и в период их высочайшего «авторитета»; они не могли бы, даже если бы хотели, действовать другим образом и сохранить свой *престиж* в глазах масс или избежать немедленного изгнания из общества своих коллег. Партийный дух столь силен в том, что касается старых путей, что перейти на иной путь означает совершить преднамеренное предательство по отношению к этому духу. Таким образом, для того, чтобы сегодня считаться авторитетом в каком-либо частном вопросе, ученый должен *volens nolens* [волей-неволей] отвергнуть метафизику и теологию, которые высказывает презрение к материалистическим учениям. Все это является общераспространенной политикой и практикой здравого смысла, но это не есть *мудрость* ни Иова, ни Иакова.

Не покажется ли это чрезмерной хитростью, если, основывая наши слова на жизненных наблюдениях и опыте, мы осмелимся предложить наши идеи в качестве быстрейшего и наиболее эффективного средства для того, чтобы получить нам сегодня всеобщее уважение и стать «авторитетами»? Показывать глубочайшее уважение к зернам любых партийных банальностей и предлагать себя в качестве главного палача, который казнит репутации людей и вещей, которые считаются непопулярными. Понять, что главная тайна власти состоит в том, чтобы потворствовать популярным предрассудкам, тому, что нравится или не нравится миру. Как только это принципиальное условие выполнено, тот кто его практикует может быть уверен, что он привлечет к себе образованных людей и их спутников — менее образованных — тех, чье правило состоит в том, что они всегда находятся на безопасной стороне общественного мнения. Это приводит к совершенной гармонии или коллективной деятельности. Ибо, поскольку излюбленная позиция культурных людей состоит в том, чтобы прятаться за интеллектуальными бастионами любимых лидеров научной мысли, и *jurare in verba magistri* [клясться словами учителя], то менее культурные люди должны

трансформировать себя в доверчивые, механические телефонные аппараты своих владык и повторять как тренированные попугаи *изречения* своих непосредственных руководителей. Афористическое наставление м-ра Артемуса Уорда: «Почешите мою спину, г-н редактор, а я почешу вашу», — доказывает свою вечную правоту. «Восходящая звезда», будь он теологом, политиком, писателем, ученым или журналистом, должен начать с «чесания спины» общественных вкусов и предрассудков, — гипнотический метод, столь же старый, как и человеческая суета. Постепенно загипнотизированная масса начинает мяукать, они становятся готовыми для «внушения». Теперь можете внушать им все, что захотите, и они скоро отплатят вам за вашу ласку и будут приветствовать ваши увлечения, и потворствовать, в свою очередь, чему-либо внушаемому теологом, политиком, писателем, ученым или журналистом. Таков простой секрет процветания и превращения в «авторитет» или «лидера масс»; и таков секрет нашей современной мудрости.

И это также секрет и истинная причина *непопулярности* «Люцифера», и остракизма, устроенного современным миром по отношению к Теософскому обществу: ибо ни «Люцифер», ни Общество, к которому он принадлежит, никогда не следовали золотому правилу м-ра Артемуса Уорда. Ни один истинный теософ, на самом деле, не согласился бы стать идолом модной доктрины, так же как он не стал бы рабом пришедшей в упадок системы, дух которой исчез навсегда. Не будет он потворствовать кому-либо или чему-либо, и он будет постоянно отказываться от того, чтобы обнаруживать веру в то, во что он не верит, и не сможет он поверить в то, что кажется ложным для его собственной души. Поэтому там, где другие видят «красоту и изящество» современной культуры, теософ видит только нравственное уродство и кувырkanie клоунов так называемых культурных центров. Ничто не кажется ему более относящимся к современному модному обществу, чем описание папских ритуалов, сделанное Сиднеем Смитом: «Поза и обман, сгибания и коленопреклонения, поклоны направо, реверансы налево, и огромное количество мужских (и, особенно, дамских) шляп». Несомненно, для некоторых мирских умов современная цивилизация может выглядеть весьма привлекательно; но для теософов все ее щедроты едва ли могут оплатить те злодеяния, которые она принесла в мир. Их так много, что в рамках этой статьи невозможно перечислить те плоды культуры и физической науки, последние достижения которых начинаются вивисекцией и заканчиваются усовершенствованными способами убивания посредством электричества.

Наш ответ, без сомнения, не рассчитывает на то, чтобы сделать из нас скорее друзей, чем врагов, но этому едва ли можно помочь. Наш журнал можно признать «пессимистичным», но никто не может обвинить его в том, что он публикует ложь или клевету, или что-либо помимо того, что мы искренне считаем истиной. Как бы там ни было, мы надеемся никогда не утратить нравственной смелости в выражении своих взглядов и в защите теософии и ее Общества. И если бы даже девять десятых населения выступило бы против Теософского общества, — им никогда бы не удалось подавить истину, которую оно высказывает. Пусть массы последователей материализма, воинство спиритуализма, все церковные конгрегации, фанатики и иконоборцы, поклонники Гранди, обезьянничавшие последователи и слепые подражатели, пусть они клеветают, оскорбляют, лгут, разоблачают, публикуют всякие фальшивки о нас, — они не смогут искоренить теософию, они не смогут даже разрушить ее Общество, если только его члены будут держаться вместе. Пусть даже такие друзья и советчики, как наш оппонент, с неудовольствием отвернутся от нас — это не имеет значения, поскольку наши жизненные пути идут в диаметрально противоположном направлении. Пусть он держится за свою «земную» мудрость. Мы будем верны тому чистому лучу, «который приходит свыше», от света «древних».

Что еще остается делать *теософии*, имеющей МУДРОСТЬ — ту самую мудрость, которая «полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна» (Иаков III, 17), — с нашим грубым, эгоистичным, хитрым и лицемерным миром? Что общего есть между божественной софией и достижениями современной цивилизации и науки, между духом и буквой, которая убивает? Это тем более верно, поскольку на этой стадии эволюции самый умный человек на земле, как сказал мудрый Карлейль, это «лишь способный ребенок, произносящий буквы из иероглифической пророческой книги, словарь которой содержится в *вечности*».

ПСИХИЧЕСКОЕ И НОЭТИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ

I

...Я создал человека справедливым
И праведным, но выбор дал ему:
Стремиться вверх иль вниз;
И силы все эфирные, подобно,
И духи мною созданы, —
Кто верность сохранил, а кто предал.
Воистину, тот устоял кто был достоин,
А тот кто низок был — тот пал...

Мильтон

...Предположение о том, что *разум есть нечто реально существующее*, что на него может воздействовать мозг, и что он сам может воздействовать на тело посредством мозга, — это единственное, что не противоречит всем опытным данным.

Джордж Т. Ладд, «Элементы физиологической психологии»

Новые веяния, впечатления, шум — «вызванные как бы порывами могучего ветра» — пронеслись внезапно над немногочисленными теософскими головами. Некая идея, весьма неясная вначале, со временем стала приобретать вполне определенную форму, и сейчас она, как кажется, занимает большое место в умах некоторых членов нашего Общества. Состоит же она вот в чем: если бы мы произвели обращение некоторых экс-оккультных учений, предав их гласности, то с этих пор их следовало бы *в большой степени, если не целиком, поставить на службу современной науке*. Очевидно, что так называемая *эзотерическая*¹⁴⁴ (или *поздняя эзотерическая*) космогония, антропология, этнология, геология, психология и, прежде всего, метафизика, если их *адаптировать* для того, чтобы делать реверансы современной (т. е. *материалистической*) мысли, уже не смогут отныне противостоять (во всяком случае *в открытую*, во всеоружии) «научной философии». Последняя, как мы полагаем, включает в себя фундаментальные и общепринятые взгляды крупных немецких школ, или взгляды Герберта Спенсера и некоторых других английских звезд меньшей величины, а также их толкования, сделанные их более или менее образованными учениками.

Поистине, это крупное предприятие; более того, оно отлично согласуется с политикой средневековых казуистов, которые искажали истину, или даже подавляли ее, если она входила в противоречие с *божественным Откровением*. Надо ли говорить, что мы отказываемся от компромисса. Вполне возможно — нет, очевидно и почти неизбежно, — что «ошибки, совершаемые» при обращении с такими глубокими метафизическими учениями, которые содержатся в восточном оккультизме, должны быть «нередкими и зачастую весьма важными». Но в этом случае появление таких ошибок связано с толкователем, а не с самой системой. Их следует исправлять, исходя из авторитета той же самой доктрины, проверять при помощи учений, выросших на богатой и твердой почве *гупта видьи*,¹⁴⁵ а не на спекуляциях, которые сегодня процветают, чтобы завтра умереть, — на зыбучих песках современных научных предпосылок, особенно в том, что касается психологии и ментальных явлений. Придерживаясь нашего девиза: «Нет религии выше истины», мы отказываемся самым решительным образом потворствовать *физической науке*. И все же, мы можем сказать так: если бы так называемые *точные науки* ограничили свою активность только царством

¹⁴⁴

Мы говорим «так называемый», поскольку ничто из того, что было высказано публично или в печати не может больше считаться эзотерическим.

¹⁴⁵

Гупта видья (санскр.) — эзотерическая или тайная наука; знание.

физической природы; если бы они занялись строго хирургией, химией (в ее законных пределах) и физиологией (поскольку она относится к структуре нашего тела), — тогда оккультисты были бы первыми, кто попытался бы помочь современным наукам, несмотря на все их заблуждения и ошибки. Но вновь перешагивая через материальную Природу, физиологи современной «анималистической»¹⁴⁶ школы претендуют на то, чтобы смешивать (и заявляют об этом *ex cathedra* [авторитетно]) высшие функции и феномены ума, говоря, что тщательный анализ приводит их к твердому убеждению, что человек обладает не большей свободой воли, чем животное, и намного менее *ответственен*, — тогда оккультист имеет гораздо большее право протестовать, чем рядовой современный «идеалист». И оккультист утверждает, что никакой материалист, который в лучшем случае может быть лишь предубежденным и односторонним свидетелем, не может быть авторитетом в вопросах ментальной физиологии, или, как это сейчас ими называется, в вопросах «физиологии души». Однако такое слово, как «физиология», не может сочетаться со словом «душа», если только под «душой» не иметь ввиду низший психический разум или то, что у человека (по мере усовершенствования его мозга) развивается в *интеллект*, а у животных — в *высшие инстинкты*. Но поскольку великий Чарльз Дарвин учил, что «наши *идеи* — это животные движения органа чувств», то для современного физиолога становится возможным все что угодно.

Таким образом, к большому огорчению наших склонных к науке последователей, долг «Люцифера» состоит в том, чтобы еще раз показать, в какой ссоре мы находимся с точными науками, или, должны мы сказать, как далеки они от истины и фактов. Под «наукой» мы подразумеваем, конечно, большинство людей науки; и мы рады сообщить, что лучшее меньшинство находится на нашей стороне, по крайней мере в том, что касается свободной воли человека и нематериальности разума. Исследование «физиологии» души и воли человека, его *высшего сознания* никогда не может быть суммировано в виде системы общих идей и выражено короткими формулами; *психология материальной природы* также не может разрешить свои многочисленные тайны путем анализа одних лишь физических явлений. *Нет специального органа воли*; можно сказать лишь, что существует *физическая* основа для процесса самосознания.

«Если поставить вопрос о физической основе самосознания, то на него нельзя дать ответ даже в предположительной форме... По самой своей природе это удивительное контролирующее действие, осуществляемое умом, осознающим свой собственный статус, не может иметь никаких аналогий и соответствующего ему материального субстрата. Невозможно точно определить какой-либо физиологический процесс, ответственный за это действие; более того, невозможно вообразить, как описание таких процессов могло бы привести к установлению умопостигаемых отношений с этой уникальной психической силой».¹⁴⁷

Таким образом, корректное определение сознания представляет собой труднейшую задачу для целого конклава психофизиологов, и очевидно, что они с ней не справятся, поскольку самосознание принадлежит исключительно человеку и исходит к нему от САМОСТИ, высшего манаса. Хотя психический элемент (или *камаманас*)¹⁴⁸ является общим и у животного, и у человека (более высокий уровень его развития у последнего связан лишь с более совершенным устройством и более высокой чувствительностью нервных клеток

¹⁴⁶ «Анимализм» — это гораздо более подходящее слово (кто бы ни предложил его), в отличие от термина «анимизм», который м-р Тайлор применил по отношению ко всем «низшим расам» человечества, верящим, что душа — это некая отдельная сущность. Он считает, что слова *психе, пневма, анима, спирит*, и т. д. принадлежат к разряду суеверий, характерных для «низших стадий культуры». Профессор А. Бейн шутливо определил все эти различия как «многодушие» и «двойной материализм». Это весьма странно, поскольку ученый автор «Разума и тела» говорит пренебрежительно о «материализме» Дарвина в «Зоономии», где основатель современной теории эволюции определяет слово «идея» как «совокупность противоположностей, или конфигурацию нитей, которые составляют непосредственно орган чувств» («Разум и тело», стр. 190, прим.).

¹⁴⁷ Джордж Т. Ладд, профессор философии Йельского университета: «Элементы физиологической психологии», стр. 545.

¹⁴⁸ Или то, что каббалисты называют *нефеш*, «дыхание жизни».

головного мозга), однако ни один физиолог, даже самый талантливый, никогда не сможет разрешить загадку человеческого разума в его высшем духовном проявлении, или в его двойственной — *психической* и *поэтической* (или *манасической*)¹⁴⁹ — природе; более того, он не сможет глубоко постичь, находясь в материальной плоскости, тонкости этого феномена даже у животных, если не будет принимать во внимание факт этой двойственности и в какой-то степени не ознакомится с ним. Это означает, что он должен признать у человека как низший (животный), так и высший (или божественный) разум, или, как это принято в оккультизме, «личное» и «безличное» эго. Ибо между *психическим* и *поэтическим*, между *личностью* и *индивидуальностью* существует такая же пропасть, как между Джеком Потрошителем и святым Буддой. И до тех пор, пока физиолог не согласится с этим, утверждаем мы, он всегда будет заводить нас в трясину. Постараемся доказать это.

Общеизвестно, что большинство наших ученых «близнецов» отвергают идею свободной воли. В наше время это стало проблемой, долгие годы занимающей умы мыслителей, и каждая научная школа вновь поднимает эту проблему и оставляет ее нерешенной, как это было и до сих пор. Однако «психофизиологи», в наибольшей степени вовлеченные в эти философские затруднения и недоумения, уверяют самым самоуверенным и беззастенчивым образом, что они раз и навсегда развязали этот гордиев узел. Для них чувство свободы действий личности представляется ошибкой, иллюзией, «коллективной галлюцинацией человечества». В основе этого убеждения лежит тот факт, что никакой умственной деятельности не может быть в отсутствие мозга, и что не может быть мозга без тела. Кроме того, поскольку тело подвержено общим законам материального мира, в котором все основано на необходимости и в котором отсутствует всякая спонтанность, то современный психофизиолог *nolens volens* [волей не волей] должен отрицать и всякую самопроизвольность в человеческих поступках. Так, профессор физиологии из Лозанны А. А. Герцен заявляет, что признание свободы воли в человеке — это в высшей степени *ненаучный* абсурд. Вот что говорит этот оракул:

В беспредельной физической и химической лаборатории, которая окружает человека, органическая жизнь представляет собой лишь одну не очень важную группу явлений; и среди этой последней то место, которое занято жизнью, достигшей стадии сознания, столь ничтожно, что было бы абсурдом исключать человека из сферы действия всеобщего закона и признавать в нем наличие субъективной спонтанности или свободной воли, которые не укладываются в рамки этого закона. («Общая психофизиология».)

Для оккультиста, хорошо понимающего разницу между психическим и ноэтическим в человеке, все это представляется чистым мусором, хотя в его основе и лежат здравые научные соображения. Ибо, когда автор задает вопрос — не представляют ли психические явления результат действия молекулярного характера, т. е. некоего движения, как бы исчезающего по достижении им сенсорных центров, — мы отвечаем, что никогда и не отрицали этот факт. Но какое отношение имеет это к свободе воли? То, что каждое явление в видимой вселенной связано по своему генезису с тем или иным движением, — это старая аксиома оккультизма; и нет сомнения, что психофизиолог поссорился бы со всеми специалистами в области точных наук, если бы он допустил, что в данный момент времени все физические явления могут исчезнуть в вакууме. Поэтому, когда автор цитируемой выше работы настаивает на том, что сила, о которой он говорит, не исчезает, достигнув высших нервных центров, а преобразуется здесь в нечто иное, скажем, в психические проявления — в мысль, чувство или сознание, — и сходным образом эта психическая сила производит работу физического характера (например, работу мышц), преобразуясь в эту последнюю, — то все это поддерживается и оккультизмом, поскольку именно он впервые провозгласил, что любая психическая активность, от ее самых низших и до самых высших проявлений, представляет собой «ни что иное, как движение».

149

Используемое нами санскритское слово *манас* (разум) предпочтительнее греческого ноус (мышление, постижение), так как последнее слово, принятое в философии, недостаточно точно передает смысл сказанного.

Да; именно — ДВИЖЕНИЕ; но не всякое «движение молекул», как пытается внушить нам этот автор. Движение как ВЕЛИКОЕ ДЫХАНИЕ (см. «Тайная Доктрина», т. I, *sub voce*) — а также «звук», *сопутствующий ему* — вот что является основным субстратом Космического Движения. Оно не имеет ни начала, ни конца; это единая вечная жизнь, основа и генезис субъективной и объективной вселенной, ибо ЖИЗНЬ (или *бытийность*) — это *fans et origo* [источник и начало] существования, или бытия. Но молекулярное движение — это лишь самое низшее из его конечных проявлений в высшей степени связанное с материей. И если всеобщий закон сохранения энергии приводит современную науку к заключению, что психическая деятельность представляет собой лишь особую форму движения, то этот же закон приводит оккультистов к тому же заключению, а также позволяет понять то, что психофизиология полностью оставляет вне сферы своих интересов. То, что для оккультной философии является азами, лишь в нашем веке было открыто психофизиологами: психическое (можно даже сказать духовное) действие подвержено тем же общим и неизменным законам движения, как и любое другое явление, проявленное в царстве объективного Космоса; как в органическом, так и в неорганическом мире каждое проявление, сознательное или бессознательное, представляет собой результат совместного действия многих причин. «Весь мир заключен в *сваре*; *свара* — это сам дух» — ЕДИНАЯ ЖИЗНЬ или *движение*, как говорят древние книги по индийской оккультной философии. «Наиболее правильный перевод слова «свара» — *поток жизненной волны*», — считает автор статьи «Тончайшие силы природы»,¹⁵⁰ и далее он поясняет:

Именно это волновое движение является причиной эволюции недифференцированной космической материи в дифференцированную вселенную... Откуда же происходит это движение? Это движение — сам дух. Слово *атма* (вселенская душа), используемое в книге (см. *ниже*), само несет в себе идею вечного движения, поскольку оно происходит от корня «ат», т. е. вечное движение; важно отметить, что корень «ат» связан с такими корнями, как «ах» (дышать) и «ас» (бытие). Все эти корневые слова имеют в своей основе звук, возникающий при дыхании животных (живых существ)... Первичное течение жизни-волны — это то, что у человека представлено в виде движений вдоха и выдоха, производимых легкими, и именно это является всеобъемлющим источником эволюции и инволюции вселенной...

Как же много можно извлечь из древних книг по магии, написанных за много веков до появления индуктивной точной науки нашего времени относительно движения и «сохранения энергии»! И что же большее, чем эти книги, может сказать наука, например, о животном *механизме*, если она заявляет:

От видимого атома до небесного тела, затерянного в пространстве, *все подвержено движению* ... находящиеся на определенном расстоянии друг от друга в соответствии с тем движением, которое оживляет их, молекулы находятся в постоянных отношениях друг с другом, утрачиваемых лишь при добавлении или вычитании определенного количества движения.¹⁵¹

Но оккультизм говорит большее. Признавая движение в *материальном плане* и закон сохранения энергии, два фундаментальных закона, или скорее два аспекта одного и того же вездесущего закона — *свара*, он решительно отрицает, что они имеют какое-либо отношение к *свободной воле* человека, принадлежащей к совершенно иному плану. Автор «Общей

---

¹⁵⁰ См. «Теософист», февраль 1888 г., стр. 275, статью Рама Прасада, президента мейрутского Теософского общества. В оккультной книге, которую он цитирует, говорится: «Это *свара*, придающая форму *первым скоплениям различий* во вселенной; *свара*, являющаяся причиной эволюции и инволюции; *свара* есть бог, или точнее — это сама «великая сила» (*махашвара*). *Свара* — это проявление того воздействия на материю, которое производит сила, известная человеку как «самопознающая сила» (ментальное и психическое сознание). Следует понять, что действие этой силы не прекращается никогда... Это сущность, не подлежащая изменению». Именно это и есть «движение» с точки зрения ученых, или универсальное «дыхание жизни» в понятии оккультистов.

¹⁵¹ «Животный механизм. Трактат по наземному и воздушному перемещению», написанный Э. Дж. Мареем, профессором Французского колледжа и членом Медицинской академии.

психофизиологии», говоря о своем открытии того, что психическое действие — это всего лишь движение, являющееся результатом действия многих причин, замечает, что поскольку это так, то не может быть никаких дальнейших споров о спонтанности, то есть о каких-то врожденных внутренних склонностях, создаваемых организмом человека; затем он добавляет, что все вышеизложенное должно положить конец любым заявлениям о *свободе воли!* Окультист отрицает этот вывод. Действительный факт психической (мы называем это *манасической*, или ноэтической) индивидуальности человека является достаточным основанием для того, чтобы не согласиться с этим предположением; ибо, если заключение автора о *коллективной галлюцинации всего человечества в течение многих веков* было бы правильным, то это положило бы конец и психической индивидуальности.

Под «психической» индивидуальностью мы подразумеваем ту самоопределяющую силу, которая позволяет человеку преодолевать внешние обстоятельства.

Если поместить полдюжины животных одного вида в одни и те же условия, то их действия будут хотя и не одинаковы, но все же очень похожи; если поместить полдюжины людей в сходные условия, то их поступки будут столь же различны, как и их характеры, то есть их *психические индивидуальности*.

Но если вместо «психической» мы назовем это высшей Самосознающей Волей, а психофизиология уже показала, что *воля не имеет какого-то специального органа*, то как же материалисты свяжут ее с какими-либо движениями молекул? Профессор Джордж. Т. Ладд говорит:

Феномены человеческого сознания следует рассматривать как активность какой-то другой формы Истинной Сущности, нежели движущиеся молекулы мозга. Они требуют оснований, которые по своей природе отличны от насыщенных фосфором жиров центрального мозгового вещества, а также нервных волокон и клеток мозговой коры. Эта Истинная Сущность, непосредственно проявляющаяся по отношению к самой себе в явлениях сознания, и косвенным образом по отношению к другим посредством изменений, происходящих в теле — и есть Разум (манас). Для него ментальные феномены следует рассматривать как показывающие то, чем он является, посредством того, что он делает. Так называемые ментальные «способности» — это лишь способы поведения этой истинной сущности в сознании. Мы действительно находим единственно доступным методом, что истинное бытие, называемое Разумом, оперирует определенными, устойчиво повторяющимися способами: поэтому мы приписываем ему определенные способности... Ментальные способности не являются «целостностями», которые существуют сами по себе... Они представляют собой способы, при помощи которых разум проявляет себя в сознании. И сама природа классификации этих различных способов, обеспечивающая их многообразие, может быть выражена только в том случае, если исходить из предположения, что существует Истинная сущность, называемая Разумом, которую следует отличать от сущностей, известных как физические молекулы нервной ткани мозга.¹⁵²

И показав, что мы должны рассматривать сознание как целое (еще одно утверждение оккультистов), автор добавляет:

Таким образом, мы заключаем на основе вышеизложенного, что субъектом всех состояний сознания является истинная целостная сущность, называемая Разумом; она имеет не-материальную природу и действует и развивается по своим собственным законам; однако она особым образом связана с некоторыми материальными молекулами и массами, образующими мозговое вещество.¹⁵³

---

¹⁵² «Высший манас», или «эго» (*киштраджна*), — это «Молчаливый Наблюдатель»; истинно, его оборотная сторона — низший манас — тиранический деспот, в угоду которому приносится сознательная «жертва».

¹⁵³ «Элементы физиологической психологии. Трактат об активности и природе разума с физической и экспериментальной точек зрения», стр. 606 и 613.

Этот «Разум» является *манасом*, или скорее его низшим отражением, которое, порывая с *камой*, становится проводником высших металлических, или умственных, способностей, и является органом свободной воли физического человека.

Таким образом данное предположение новейшей психофизиологии оказывается неоригинальным, и кажущаяся невозможность примирения наличия свободной воли с законом сохранения энергии ни что иное как — заблуждение. Это хорошо продемонстрировано в «Научных письмах» Элпея в критическом обзоре данной работы. Однако для того, чтобы окончательно доказать это, не требуется вмешательство такого высокого уровня (высокого, по крайней мере, для нас), как оккультные законы; достаточно иметь лишь немного здравого смысла. Давайте рассмотрим этот вопрос беспристрастно.

Одним, по-видимому, образованным человеком утверждается, что поскольку «психическое действие подвержено общим и неизменным законам движения, это означает, что человек не *обладает свободой воли*». «Аналитический метод точных наук» продемонстрировал это, и ученые материалисты постановили «принять резолюцию» о том, что это должно быть одобрено их последователями. Однако существуют другие, гораздо более великие ученые, думающие иначе. Например, сэр Уильям Лоуренс, выдающийся хирург, заявил в своих лекциях, что:

Философское учение о душе и ее отдельном существовании не имеет ничего общего с физиологическим вопросом такого рода; оно основывается на иных доказательствах. Эти возвышенные истины никогда не могут быть обнаружены благодаря трудам анатомов и физиологов. Нематериальная и духовная сущность не может быть открыта среди крови и грязи секционной комнаты.¹⁵⁴

Рассмотрим теперь материалистическое утверждение о том, как такой универсальный растворитель, называемый «аналитическим методом», применяется в этом специальном случае. Автор «Психофизиологии» разлагает психическую активность на составные элементы, прослеживая их вплоть до движения, и, не найдя в них ни малейшего следа свободной воли или спонтанности, перепрыгивает к заключению, что их не существует вовсе, и что они не могут быть обнаружены в той психической деятельности, которую он только что расчленил на элементы. «Не является ли самоочевидной ошибочность такой ненаучной процедуры?» — спрашивает его критик, и справедливо доказывает, что:

В этом случае и исходя из точки зрения аналитического метода, каждый имеет равное право отрицать любое явление природы от начала и до конца. Ибо, не приведет ли экспериментатора к тому же самому движению разложение на составные элементы звука и света, тепла и электричества, и других химических процессов, в котором исчезнут все специфические особенности данных элементов, и все, что останется от них, будет только «вибрация молекул»? Но следует ли отсюда с необходимостью то, что все это — тепло, свет, электричество — лишь только иллюзии, а не действительные проявления свойств нашего реального мира? Конечно, такие особенности не могут быть найдены в отдельных элементах просто потому, что какая-то часть не содержит, от начала до конца, все свойства целого. Что бы мы сказали о химике, который, разложив воду на составляющие ее водород и кислород, и не обнаружив в них особых свойств воды, утверждал бы, что вода вообще не существует, или что эти компоненты нельзя найти в воде? Что сказать об антикваре, который, исследовав рассыпанный шрифт и не найдя никакого смысла в каждой отдельной букве, стал бы утверждать, что такая вещь, как смысл, вообще не может быть найдена в любом печатном документе. И не поступает ли автор «Психофизиологии» подобным образом, когда он отрицает наличие свободной воли или спонтанности у человека на том основании, что эта отличительная особенность высочайшей психической активности отсутствует в тех элементах, которые он анализирует?

¹⁵⁴

У. Лоуренс, «Лекции по сравнительной анатомии, физиологии, зоологии и естественной истории человека», Лондон, 1848 г., стр. 6.

Совершенно очевидно, что от отдельного кусочка кирпича, дерева или железа, которые были когда-то частью здания, ныне находящегося в руинах, невозможно ждать того, чтобы они сохранили хотя бы малейшие признаки архитектуры этого здания, — во всяком случае, пока они находятся в руках химика; однако на это можно надеяться, если они попадут к *психометру*, обладающему такой способностью, которая демонстрирует закон сохранения энергии значительно лучше, чем физическая наука, показывая его действие не только в мире объективного и материального, но также и в мире субъективного и психического. Происхождение звука должно быть прослежено до того же движения, и тогда обнаружится то же соотношение сил, что и в случае какого-либо другого проявления. Будет ли физик, который разложит звук на составляющие его вибрации и не сможет найти в них какой-либо гармонии или определенной мелодии, отрицать ее наличие? И не доказывает ли это, что аналитический метод, имеющий дело исключительно с элементами, но неспособный исследовать их *комбинации*, приводит к тому, что физик много говорит о движении, вибрации и т. п., но полностью утрачивает представление о *гармонии, создаваемой определенными комбинациями движений*, или «гармонии вибраций». Таким образом, критика права, обвиняя материалистическую психофизиологию в пренебрежении этими вещами; считая, что тщательное наблюдение фактов необходимо для изучения простейших физических явлений, не следует ли требовать этого в гораздо большей степени, когда речь идет о таких сложных и важных вопросах, как психическая сила и психические способности? И все же в большинстве случаев такие существенные различия оказываются вне поля зрения, и аналитический метод используется весьма искусственным и предвзятым образом. Что удивительного, в таком случае, в том, если низводя психическое действие до его основных элементов, психофизиолог, лишаящий его во время этого процесса всех его существенных характеристик, неизбежно разрушает его; а после его разрушения становится ясно, что он не может найти того, чего больше не существует. Короче говоря, он забывает, или скорее намеренно игнорирует тот факт, что хотя психические проявления, как и другие феномены материального плана, в своем окончательном анализе *должны* быть соотнесены с миром вибраций («звук», *являющемся субстратом универсальной акаши*), однако по своему происхождению они принадлежат к другому, высшему миру ГАРМОНИИ. Элпей приводит несколько резких и достойных упоминания высказываний, направленных против предположений тех, кого он называет «физико-биологами»:

Не осознавая своей ошибки, психофизиологи отождествляют составные элементы психической активности с самой этой активностью: отсюда их заключение, что с точки зрения аналитического метода самая высокая и специфическая особенность человеческой души — свобода воли, спонтанность — является просто иллюзией, а не психической реальностью. Но, как мы только что показали, такое отождествление не только не имеет ничего общего с точной наукой, но и просто недопустимо, поскольку оно вступает в противоречие со всеми основными законами логики, вследствие чего все эти так называемые физико-биологические выводы, возникающие в результате такого отождествления, превращаются в ничто. Таким образом, прослеживание психического действия до первичного движения никоим образом не приводит к доказательству «иллюзорности свободы воли». И так же, как в случае воды, специфическим свойствам которой нельзя отказать в реальности, хотя они и не обнаруживаются в составляющих ее газах, так и по отношению к специфической особенности психического действия: его спонтанность нельзя исключить из психической реальности, хотя это свойство и не содержится в тех конечных элементах, на которые психофизиолог расчленяет данную активность своим ментальным скальпелем.

Этот метод является «отличительным свойством современной науки, пытающейся ответить на вопросы относительно *природы* объектов ее исследования посредством подробного описания их *развития*», — говорит Дж. Т. Ладд. Затем автор «Элементов физиологической психологии» добавляет:

Универсальный процесс «становления» был почти персонифицирован и обожевлен, превратившись в истинную основу всякого конечного и конкретного существования... Делаются попытки соотнести все виды так называемого развития ума к эволюции мозгового вещества под воздействием чисто физических и механических причин. Такой подход отрицает, что всякая истинная целостная сущность, называемая *разумом*, необходимым образом должна рассматриваться как претерпевающая процесс развития в соответствии со своими собственными законами... С другой стороны, все попытки объяснить закономерное увеличение сложности и многогранности ментальных явлений при помощи физической эволюции мозга, кажутся совершенно неприемлемыми для многих людей. Мы без колебания относим себя именно к таким людям. Те опытные данные, которые показывают соответствие в ходе развития тела и разума, и даже определенную зависимость в этом процессе разума от тела, конечно должны быть приняты; однако, они в той же мере совместимы и с другой точкой зрения о развитии разума. Этот другой взгляд имеет то дополнительное преимущество, что он оставляет место для многих других фактов опыта, которые трудно согласовать с любой материалистической теорией. В целом, *история любого индивидуального опыта требует предположения о том, что истинная целостная сущность (разум) претерпевает процесс развития, зависящий от изменения состояния или эволюции мозга, и все же, в соответствии со своей собственной природой и законами* (стр. 616).

Насколько близко это последнее «предположение» науки приближается к учениям оккультной философии, будет показано во второй части этой статьи. Тем временем, мы можем закончить ответом на последнее материалистическое заблуждение, суммировав его в нескольких словах. Поскольку всякое психическое действие имеет своим субстратом нервные элементы, свидетельствуя о их наличии, и не может существовать вне этих элементов, и поскольку активность нервных элементов проявляется только в виде движения молекул, то нет никакой необходимости придумывать некую психическую силу для объяснения работы нашего мозга. Признание *свободной воли* заставило бы науку постулировать невидимого творца этой *свободной воли*, создающего эту уникальную силу.

Мы соглашаемся с тем, «что нет ни малейшей необходимости» признавать творца этой особой силы, так же, как и других сил. Сегодня нет никого, кто утверждал бы такой абсурд. Но есть разница между тем, чтобы *творить* и тем, чтобы *руководить*, и в этом втором случае не идет речь о каком-либо создании энергии движения или другой особой энергии. *Психический разум* (в противоположность манасическому, или ноэтическому) лишь преобразует энергию «целостной сущности» в соответствии с «ее собственной природой и ее собственными законами», — по удачному выражению Ладда. Эта «целостная сущность» ничего не создает, она лишь обуславливает естественную корреляцию между физическими и ее *собственными* законами; используя силу, она определяет ее направление, выбирает пути, по которым она будет двигаться, и побуждает ее к действию. И, поскольку ее активность независима и *sul generis* [своеобразна], она переносит эту энергию из мира дисгармонии в свою собственную сферу гармонии. Если бы она не была независимой, она не могла бы этого делать. Поскольку это так, то свобода человеческой воли находится за пределами сомнений и придинок. Поэтому, как уже отмечалось, это не вопрос творения, но лишь вопрос *руководства*. Поскольку штурман не создает пар для вращения парового колеса, должны ли мы утверждать, что не он направляет пароход?

И, если мы отказываемся от признания ошибочных утверждений некоторых психофизиологов как *последнего* слова науки, то нужны ли нам новые доказательства того, что свобода воли — это не *галлюцинация*? Мы осмеиваем *анималистическую* идею. И насколько более научно и логично, не говоря уж о том, насколько поэтично и высоко, учение «Катха упанишад», повествующее в виде прекрасной метафоры: «Чувства — это лошади, тело — это повозка, разум (*камаманас*) — это вожжи, и интеллект (или *свобода воли*) — это возничий». Поистине, даже в наименее важной из «Упанишад», созданной тысячи лет назад, больше точной науки, чем во всем материалистическом бреде современной «физико-биологии» и «психофизиологии», взятых вместе!

II

...Знание прошлого, настоящего и будущего заключено в *кшетраджне* (в себе самом).

Из оккультных аксиом

Покончив с объяснением того, в чем именно и по какой причине мы, как оккультисты, не соглашаемся с материалистической физиологической психологией, мы можем теперь перейти к описанию различий между психической и ноэтической функциями разума (следует заметить, что последняя вообще не признается официальной наукой).

Более того, мы, теософы, понимаем термины «психический» и «психизм» несколько иначе, чем обычная публика, наука и даже теология: последняя приписывает этим терминам смысл, отрицаемый и наукой, и теософией, тогда как простые люди имеют весьма смутное представление об истинном их значении. Для многих разница между «психическим» и «психологическим» или вообще не существует, или же она крайне незначительна, поскольку оба слова каким-то образом связаны с человеческой душой. Некоторые современные метафизики разумно согласились отделить слово «разум» (*пневма*) от слова «душа» (*психе*), приписав первой рациональную, духовную функцию, а второй — *психе* — основной жизненный принцип человека, т. е. дыхание, которое одушевляет человека. Однако, если это так, то как же можно отрицать наличие души у животных? Они не меньше, чем люди, наполнены той же жизнью чувств, *нефеш* из второй главы книги «Бытия». Душа — это никоим образом не синоним разума, и умственно отсталого человека, в большой степени лишенного разума, никак нельзя назвать «бездушным». Описать, как это делают физиологи, человеческую душу в ее взаимоотношениях с чувствами и потребностями, желаниями и страстями, общими для человека и животных, а также с Богоподобным интеллектом, обладающим духовными и рациональными способностями, источник которых может быть лишь в *сверхчувственном* мире, — это значит навсегда набросить покров непроницаемой тайны над этой проблемой. Однако в современной науке «психология» и «психизм» соотносятся лишь с состоянием нервной системы, при этом ментальные явления прослеживаются исключительно до молекулярных актов. Высший *поэтический* характер принципа-разума полностью игнорируется и даже отрицается физиологами и психологами как «суеверный предрассудок». Психология во многих случаях стала синонимом психиатрии. Поэтому изучающие теософию, вынужденные не соглашаться со всем этим, приняли учение, лежащее в основе освященной веками восточной философии. Далее будет показано, что оно собой представляет.

Чтобы лучше разобраться в приведенных и последующих аргументах, читателю стоит обратиться к статье в сентябрьском выпуске «Люцифера» («Двойной аспект мудрости») для ознакомления с двойным аспектом того, что св. Иаков в своем Третьем послании назвал — *дьявольской, земной* мудростью, и «мудростью свыше». В другой нашей статье, «Космический Разум» (см. «Тайные знания», стр. 310), также устанавливается, что древние индусы наделяли сознанием каждую клетку человеческого тела, давая ей имя Бога или Божества. Говоря об атомах от имени науки и философии, профессор Ладд называет их в своей книге «сверхчувствительными сущностями». Оккультизм рассматривает каждый атом¹⁵⁵ как «независимую целостность», а каждую клетку — как «сознающий элемент». Он разъясняет, что атомы группируются в клетки лишь тогда, когда последние будут наделены сознанием, характерным для каждой из них, и *свободой воли, позволяющей действовать* в рамках определенных законов. И нельзя сказать, что научные доказательства в пользу заявлений такого рода полностью отсутствуют. Кроме того, не только отдельные физиологи, принадлежащие к «золотому меньшинству», быстро приходят сейчас к убеждению, что память не имеет специального «места» в мозгу, т. е. там нет специального «органа памяти», но, с *другой стороны*, она представлена в каждом органе человеческого тела.

«Не имеется убедительных оснований, чтобы говорить о каком-либо специальном органе, или седалище памяти», — пишет профессор Дж. Т. Ладд. — «На

самом деле, каждый орган, каждая область, каждый участок нервной системы имеет свою собственную память».¹⁵⁶

Таким образом, месторасположение памяти находится не там и не здесь, но в любом участке человеческого тела. Расположить ее в одном только головном мозге — это значит ограничить и принизить вселенский разум и его бесчисленные лучи (*манаса путра*), которые наполняют каждого разумного смертного. Поскольку мы пишем прежде всего для теософов, мы мало заботимся о «психофобических» предрассудках материалистов, которые могут также прочесть это и презрительно фыркнуть при упоминании «вселенского разума» и высшей *поэтической* души человека. Однако зададимся вопросом, что же *такое* память. Нам говорят, что «представление чувств и образов памяти — это временные стадии сознания». Но что такое само сознание? — спросим мы опять. Профессор Ладд отвечает, что «мы не можем дать определение сознания».¹⁵⁷ Таким образом, задавая вопросы физиологической психологии, мы должны удовольствоваться спорами о различных состояниях сознания, производимыми при помощи субъективных и не подлежащих проверке гипотез других людей; как отмечает тот же автор, «в вопросах, касающихся физиологии головного мозга, знатоки понимают столь же мало, как и новички». Гипотеза за гипотезой, и мы можем придерживаться как учений наших провидцев, так и догадок тех, кто отрицает существование этих провидцев и их мудрость. Это тем более возможно, поскольку, как говорит тот же ученый, «если метафизика и этика не могут должным образом диктовать свои факты и выводы такой науке, как физиологическая психология ... то эта наука, в свою очередь, не может должным образом навязывать метафизике и этике те заключения, которые она делает относительно факта сознания, объявляя о своих мифах и небылицах, облеченных в надежно установленную историю мозговых процессов».¹⁵⁸

Далее, поскольку метафизика оккультной физиологии и психологии постулирует, что внутри смертного человека находится бессмертная сущность, «божественный разум», или *ноус*, чьим бледным и часто искаженным отражением является то, что принято называть «умом» и человеческим интеллектом — сущность, отделяющаяся от человека во время каждой инкарнации, — мы говорим, что оба источника «памяти» содержатся в этих двух «принципах». Мы различаем их как высший *манас* (разум, или эго) и *кама манас*, то есть разумный, но земной, или физический интеллект человека, заключенный в материи и связанный с ней, и потому подверженный ее влиянию; с одной стороны, всезнающая ЛИЧНОСТЬ, которая периодически перерождается (поистине, СЛОВО создает плоть!) и остается самой собой, и с другой стороны — отраженный от нее «двойник», меняющийся с каждым новым перерождением, личность, сознающая лишь один жизненный период. Последний «принцип» является *низшей* личностью, или тем, что проявляясь через нашу *органическую* систему, действует в этой иллюзорной плоскости, воображая себя *ego sum* [самосущим], и впадает в то, что буддийская философия клеймит как «ересь разъединенности». Первую мы называем ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬЮ, последнюю — *личностью*. От первой происходят все *поэтические* элементы, а от второй — *психические*, то есть, в лучшем случае «земная мудрость», подверженная влияниям всех хаотических раздражений, исходящих от человеческих или, скорее, *животных страстей*, присущих живому телу.

«Высшее эго» не может непосредственно действовать на тело, поскольку его сознание принадлежит к совершенно иному плану мышления и воображения; «низшее» я способно к этому, и его деятельность *зависит от его свободной воли и выбора*, причем оно может испытывать тяготение или в направлении своего родителя («Отца Небесного»), или в направлении «животного», которое наполняет его, то есть плотского человека. «Высшее эго», как часть УНИВЕРСАЛЬНОГО РАЗУМА, является безусловно всезнающим на своем собственном плане, но в нашей земной сфере оно имеет лишь потенциальные возможности такого рода, поскольку должно действовать исключительно через свое *alter ego* — личное я. Хотя это «высшее эго» является проводником всего знания о прошлом, настоящем и будущем, но оно действует через своего «двойника», улавливающего лишь случайные отблески того, что находится за пределами чувств человека, и передающего их

¹⁵⁶ «Элементы физиологической психологии», стр. 553.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Там же, стр. 544.

определенным клеткам головного мозга (функции которых неизвестны науке), превращая таким образом человека в *провидца*, предсказателя или пророка, однако память о прошлых событиях, особенно на этой грешной земле, имеет местом своего пребывания исключительно личное эго. Никакая память о явлениях повседневной жизни, имеющих физическую, эгоистическую или низшую ментальную природу, таких как еда и питье, наслаждение личными чувственными удовольствиями, принесение вреда своему ближнему, и т. д., и т. п., не имеет ничего общего с «высшим» разумом или эго. Она не имеет никаких взаимодействий физического плана с нашим мозгом или сердцем, поскольку оба эти органа обладают более высокой силой, чем наша *личность*; она взаимодействует лишь с такими нашими органами, как печень, желудок, селезенка и т. д. Таким образом, утверждается, что память на события такого рода должна возникать прежде всего в том органе, который первым и вызвал действие, которое привело к запоминанию, и она должна привести к появлению «мысли об этом чувстве», совершенно *отличной от «сверхчувственной» мысли*. И лишь высшие формы последней — *сверхсознательный* ментальный опыт — могут коррелировать с мозговыми и сердечными центрами. С другой стороны, память о физических и *эгоистических* (личностных) деяниях, вместе с ментальным опытом земной природы и биологическими функциями суетного мира, может быть сопоставлена лишь с молекулярной структурой различных *камических* органов и с элементами автономной нервной системы в каждом органе.

Поэтому, когда профессор Ладд, показав, что каждый элемент нервной системы имеет свою собственную память, добавляет: «Этот взгляд составляет самую суть всякой теории, рассматривающей акт сознательного воспроизведения ментального лишь как одну из форм биологической органической памяти», — то он должен бы упомянуть среди таких теорий и оккультное учение. Ибо никакой оккультист не смог бы выразить такое учение точнее, чем профессор, который заканчивает свой аргумент таким образом: «Мы можем говорить, собственно, о памяти концевых органов зрения или слуха, о памяти спинного мозга и так называемых рефлекторных действий, связанных с продолговатым мозгом, мозжечком и т. д.» Это есть суть оккультного учения — даже в тантрических трудах. Действительно, каждый орган в нашем теле *имеет свою собственную память*. Поскольку, если он обладает сознанием «своего собственного вида», то каждая клетка необходимым образом имеет память своего собственного вида, а также — свою собственную *психическую* и *поэтическую* деятельность. Отвечая на прикосновение физической и *метафизической* силы,¹⁵⁹ импульс даваемый *психической* (или психо-молекулярной) силой будет действовать снаружи вовнутрь, тогда как импульс *поэтической* (не должны ли мы назвать ее духовно-динамической?) силы действует *изнутри наружу*. Ибо, поскольку наше тело является оболочкой для внутренних «принципов» (души, разума, жизни и т. д.), то молекула или клетка является телом, в котором обитают ее «принципы» — нематериальные (то есть, недоступные для наших чувств и понимания) атомы, которые образуют эту клетку. Активность клетки и ее поведение определяются ее сущностью, направленной или внутрь, или наружу, посредством *поэтической* или *психической* силы, причем первая не имеет какого-либо отношения к собственно *физическим* клеткам. Тогда как последние неизбежным образом подчинены закону сохранения и превращения физической энергии, атомы — будучи психо-духовными, а не *физическими единицами* — *действуют по своим собственным законам*, как «целостная сущность» в философской и научной гипотезе профессора Ладда, что соответствует нашему «разуму-эго». Каждый орган человеческого тела и каждая его клетка имеют свою собственную клавиатуру, как у пианино, которая регистрирует и излучает не звуки, а ощущения. Каждая клавиша содержит в себе потенциальные возможности добра и зла, создания гармонии или дисгармонии. Это зависит от импульса, который ей дан, и от комбинаций, которые при этом возникли, то есть по существу от характера работы музыканта, «двуликого Единого». Именно деятельность одного или другого «лица» этого Единого определяет природу и динамический характер результата, представленного в виде проявленных феноменов, будь они физические или ментальные. Ибо это двуликая сущность является руководителем человека в целом. Если импульс приходит от высшей мудрости, он вызывает *поэтическую* или *духовную* силу, и результатом будут

действия, достойные божественного двигателя; если же это импульс «земной, дьявольской мудрости» (психической силы), то поступки человека будут эгоистичными, целиком основанными на требованиях его физической, то есть животной природы. Вышесказанное возможно представляется чистой бессмыслицей среднему читателю; но каждый теософ должен понимать, что у него имеются как *манасические*, так и *камические* органы, хотя клетки его тела отвечают и на физические, и на духовные импульсы.

Поистине, это тело, оскверненное материализмом и самим человеком, является святым Граалем, это *adytum* (святая святых) величайших, нет, всех мистерий природы в нашей солнечной системе. Это тело — Эолова арфа, гармонирующая с двумя набором струн, один из которых из чистого серебра, другой из кетгута. Когда след божественного Указа как бы наносится мягкой кисточкой на первый набор струн, то человек становится похожим на своего Бога, но другие струны этого вообще не чувствуют. Для того, чтобы зазвучали эти струны, требуется сильнейший земной ветер, насыщенный плотскими испарениями. Функцией физического низшего разума является действие на физические органы и образующие их клетки; но *лишь* высший разум может влиять на атомы, взаимодействующие в этих клетках, и одно лишь их взаимодействие способно, *через центр спинного мозга*, привести к возбуждению головного мозга и ментальному воспроизведению духовных идей, очень далеко отстоящих от каких-либо объектов в этом материальном плане. Феномены божественного сознания следует рассматривать как деятельность нашего разума в ином, более высоком плане, осуществляющаяся посредством чего-то менее вещественного, чем движущиеся молекулы мозга. Ее нельзя объяснить как простой результат процессов в головном мозгу, поскольку они являются лишь условием для этой деятельности, или средством для того, чтобы придать ей окончательную форму в ее конкретном проявлении. Оккультизм считает, что клетки печени и селезенки больше всего подвержены влиянию «личного» разума, тогда как сердце *par excellence* [по преимуществу] является органом, через который действует «высшее» эго — посредством низшего эго.

Никакие видения или память о чисто земных явлениях не могут быть переданы непосредственно в ментальную сферу мозга: прямым органом восприятия впечатлений является сердце. Все такие воспоминания должны прежде всего пробуждаться в органах, которые, как уже говорилось ранее, были источником различных причин, которые привели к этим результатам, или же непосредственно участвовали в этой деятельности. Другими словами, если так называемые «ассоциации *идей*» столь сильно связаны с пробуждением памяти, то тем более это справедливо для взаимодействий и постоянных взаимоотношений между личным «целостным разумом» и отдельными органами человеческого тела. Голодный желудок вызывает воспоминания о последнем банкете, потому что его деятельность отражается и повторяется в *личном* разуме. Еще до того, как память личного эго извлечет образ из отдельных ячеек, в которых хранится опыт каждого дня жизни — до малейших деталей, — память желудка уже вызвала тот же самый образ. И так же обстоят дела с другими органами нашего тела. Именно эти органы, в соответствии со своими телесными нуждами и желаниями порождают электро-витальные вспышки, освещающие поле сознания низшего эго; и именно эти вспышки, в свою очередь, пробуждают в нем функцию воспоминаний. Таким образом, человеческое тело можно представить себе в виде огромной доски, способной издавать звуки, каждая клетка которой хранит запись многих впечатлений, связанных с ее «родительским органом», и обладает памятью или сознанием своего особого рода, которые можно назвать также инстинктами. Эти впечатления, в соответствии с природой органа, являются физическими, психическими или ментальными, поскольку они имеют отношение к тому или иному плану. Их можно назвать «состояниями сознания» только потому, что нет лучшего определения, поскольку на самом деле имеются состояния инстинктивного, ментального и чисто абстрактного, или духовного, сознаний. Если мы прослеживаем все такие «психические» акты до уровня функционирования мозга, то это лишь потому, что во дворце, именуемом человеческим телом, именно головной мозг является парадной дверью, единственной, которая открывается в мир. Все другие органы можно сравнить с внутренними дверями, ведущими в частные помещения, через которые непрерывно движутся агенты, переносящие разнообразные ощущения и воспоминания. Их ясность, живость и сила зависят от состояния и «звучности» этих переносчиков. Но правдивость и точность передаваемого связана с тем «принципом», от которого они

происходят, и относительным преобладанием в низшем манасе *поэтического* или *френического* («камического», земного) элементов.

Как утверждает оккультизм, если высший разум-бытие — постоянный и бессмертный — является божественной гомогенной сущностью «алайя-акаши»,¹⁶⁰ или махата, — то его отражение, личный разум, представляет собой временный «принцип», субстанцию астрального света. Будучи чистым лучом «сына универсального разума», он не может выполнять в теле никаких функций и не имеет силы над непокорными органами материи. Таким образом, хотя его внутренняя структура является манасической, его «тело», или точнее функционирующее вещество, является гетерогенным, пропитанным астральным светом, низшим элементом эфира. Частью миссии манасического луча является постепенное освобождение от слепого, вводящего в заблуждение элемента, который, хотя и делает из него активную духовную сущность на этом плане, все же приводит его в столь близкий контакт с материей, что полностью затемняет его божественную природу и сводит на нет его интуицию.

Это побуждает нас видеть различия между чистыми, ноэтическими, и приземленными, психическими, видениями в прорицательстве и медиумизме. Первого можно достичь одним из двух способов: а) при условии произвольного отключения *памяти* и инстинктивной независимой деятельности всех материальных органов, и даже клеток материального тела; при поглощении света высшего эго и подчинении плотской природы низшего, личного эго, — этот акт не является трудным, хотя и требует адепта; б) путем перевоплощения того, кто в предыдущем рождении благодаря исключительной чистоте жизни и усилиям, направленным должным образом, почти достиг *йогического* состояния святости. Имеется также третья возможность достижения в мистических видениях сферы высшего манаса, однако это может быть лишь непреднамеренно, и зависеть не от воли провидца, но от исключительной слабости и истощения материального тела вследствие болезни и страдания. Провидица из Преворста была иллюстрацией этого последнего случая, а Якоб Беме принадлежал к нашей второй категории. Во всех других случаях аномального провидчества, так называемое яснослышание, ясновидение и трансы, речь идет просто о *медиумизме*.

Но что такое медиум? Термин «медиум», если он не относится к вещам и объектам, предполагает некую личность, через которую проявляется или передается действие другой личности или существа. Спиритуалисты, верящие в общение с бестелесными духами и в то, что они могут обнаруживать себя или влиять на чувствительных людей, побуждая их передавать «сообщения», рассматривают медиумизм как благой дар и великую привилегию. С другой стороны, мы, теософы, не верящие в «общение духов», как спиритуалисты, рассматриваем этот «подарок» как одну из опаснейших нервных болезней. Медиум — это просто тот, в чьем личном эго, или земном разуме (*психе*), количество «астрального» света так велико, что он пронизывает все его физическое тело. Каждый орган и каждая клетка, можно сказать, как бы «настроены» на определенную тональность и подвергнуты исключительно сильному напряжению. Разум пребывает в сфере того обманчивого света (и полностью погружен в него), чья *душа* является божественной, но чье тело (световые волны в низших сферах) — инфернальным, ибо они представляют собой лишь темные, искаженные отражения земных воспоминаний. Нетренированный глаз бедного восприимчивого человека не может пронзить темную мглу, плотный туман земных эманаций, чтобы видеть за ним светящееся поле вечных истин. Его зрение расфокусировано. Его чувства, привыкшие с рождения, подобно тому как жители лондонских трущоб привыкают к отбросам и зловонию, к неестественным искажениям взглядов и образов, мелькающих как в калейдоскопе в астральной сфере, — эти чувства неспособны отличить истинное от ложного. Бледные, лишенные души трупы, движущиеся по бездорожью полей «камалоки», кажутся ему живыми образами дорогих умерших; обрывки эхо человеческих голосов, проходящие через его сознание, внушают ему хорошо сформулированные фразы, которые он повторяет не ведая того, что их окончательная форма и полировка произведены в самых глубинах его собственной мозговой фабрики. Вид и звук того, что в естественных условиях наполнило бы сердце медиума ужасом, теперь наполняет его чувством блаженства и уверенности. Он действительно верит, что неизмеримые перспективы, открывающиеся перед ним, это истинный духовный мир, место обитания блаженных бестелесных ангелов.

Мы вкратце описываем основные особенности медиумизма, поскольку в такой статье нет места для отдельных выдающихся случаев. *Лично* пройдя, к сожалению, в одном из периодов жизни через такие опыты, мы считаем, что медиумизм в целом исключительно опасен, и *психические* опыты, принимаемые некритически, приводят лишь к искреннему обману других, поскольку медиум — это первая жертва самообмана. Кроме того, слишком близкое общение со «старым земным Искусителем» заразительно. Одические и магнетические потоки астрального света часто побуждают к убийству, пьянству, аморальности и, как это выражает Элифас Леви, не совсем чистые натуры «могут быть увлечены слепыми силами, задействованными *светом*», — благодаря ошибкам и грехам, наложившимся на его волны.

Вот как подтверждает вышесказанное великий маг XIX столетия, говоря об астральном свете:

Мы говорили, что для приобретения магической силы необходимы две вещи: освободить волю от всякого порабощения и научиться ее контролировать.

Высшая воля (адепта) представлена в наших символах женщиной, которая попирает голову змеи, и сверкающим ангелом, который убивает дракона, лежащего у его ногами и пронзенного копьем. Великое магическое действующее начало — двойной поток света, жизненный и астральный огонь земли — было представлено в древних теогониях змеей с головой быка, барана или собаки. Это двойной змеей *кадуцеев*, это древний Змий «Бытия», но это также *бронзовый змий Моисея*, обвившийся вокруг тау, то есть порождающий *линга*. Это также козел шабаша ведьм, это Бафомет тамплиеров; это *гиль* гностиков; это двуххвостый змеей, образующий ноги солнечного петуха Абраксаса; наконец, это Дьявол маркиза де Мирвиля. Но, по существу, это слепая сила душ (т. е. низший *манас*, или нефеш), которые должны бороться, чтобы освободить себя от земных уз; потому что если их воля не освободит «их от этого *фатального притяжения*, они будут поглощены потоком при содействии силы, создавшей их, и *вернутся в центральный и вечный огонь*».¹⁶¹

«Центральный и вечный огонь» — это та разрушительная сила, которая постепенно поглощает и сжигает *комарупу*, или «личность», в камалоке, куда она попадает после смерти. И действительно, то, что медиумы привлекаются астральным светом, связано непосредственно с тем, что их «личные души» поглощаются «силой, которая создала» их земные элементы. Поэтому, по словам того же оккультиста:

Все магические операции сводятся к тому, чтобы *освободить* свою собственную личность от колец древнего Змия; затем поставить ногу ему на голову и подчинить его своей воле. «Я дам тебе все царства мира, если падши поклонись мне» — говорит Змий в евангелическом мифе. Посвященный должен был ответить ему: «Я не паду пред тобой ниц, но это ты должен пресмыкаться у ног моих; тебе нечего дать мне, но я воспользуюсь тобой и поступлю с тобой по воле своей. Потому что я. *Господь твой и Хозяин!*»

Личное эго, как таковое, становясь единым со своим божественным родителем, обретает бессмертие последнего. В противном случае...

Но, довольно. Блажен тот, кто постиг двойственные силы, действующие в АСТРАЛЬНОМ свете; трижды блажен тот, кто научился отличать действие *поэтическое* от *психического*, совершаемое «двуликим» Божеством в себе самом, и тот, кто познал возможности своего собственного духа — или «динамику души».

ЕСТЕСТВЕННЫЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ МАГНИТЫ

Если кто-нибудь из нас в настоящее время отважится рассказать о каком-либо таинственном опыте или о явлениях, кажущихся необъяснимыми, две группы возражающих попытаются заткнуть ему рот одним и тем же кляпом. Ученый закричит: «Я раскрыл все тайны природы, и это невозможно; сейчас не время для чудес!» Индусский фанатик скажет: «Это Кали юга — духовная ночь человечества; чудеса более невозможны». Таким образом, одно и то же утверждение будет сделано одним благодаря его самомнению, а другим — его невежеству, то есть все, что имеет хотя бы примесь сверхъестественного, невозможно в эти последние дни. Однако индуист считает, что чудеса когда-то происходили, тогда как ученый этого не думает. Что касается фанатичных христиан, то вовсе не Кали юга, — если можно судить по тому, что они говорят, — а золотая эра света, во время которой блеск Евангелия освещает человечество и продвигает его вперед к великим интеллектуальным победам. И поскольку они основывают всю свою веру на чудесах, они ссылаются на то, что чудеса совершаются сейчас Богом и Девой Марией (прежде всего последней) так же, как и в древние времена. Наши собственные взгляды хорошо известны: мы не верим, что «чудо» когда-либо происходило или будет происходить; мы поистине верим, что удивительные явления, ошибочно именуемые чудесными, происходили всегда, происходят сейчас и будут происходить до конца времен, и что они являются естественными; и когда этот факт достигнет сознания материалистических скептиков, наука будет быстро продвигаться по направлению к той окончательной *Истине*, которую она столь долго искала. Говорить о феноменах, характерных для менее знакомой стороны природы, — это утомительное и приводящее в уныние занятие. Недоверчивая улыбка слишком часто сопровождается оскорбительным выпадом в отношении правдивости говорящего или попыткой опорочить человеческий характер. Сотни невероятных теорий будут созданы для того, чтобы избежать принятия единственной правильной теории. Ваш мозг, конечно, чрезмерно возбужден, нервная система находится в состоянии галлюцинации, вы «околдованы». Если этот феномен оставил после себя какое-либо положительное, осязаемое и неоспоримое доказательство, тогда скептики прибегают к последнему средству, объявляя его заговором и затрачивая большое количество средств, времени и хлопот, полностью несоизмеримых с результатами, на которые надеялись, и вопреки тому, что нет даже намека какого-либо злого намерения.

Если мы высказываем предположение, что все является результатом взаимодействия силы и материи, то наука одобрит это; если мы будем двигаться дальше и скажем, что мы видели какие-то феномены и рассматриваем их с точки зрения этого закона, — эта самонадеянная наука, никогда не наблюдавшая вашего феномена, будет отрицать ваши послышки и заключения и глумиться над вами. Таким образом, все возвращается к вопросу о том, насколько можно доверять человеку как свидетелю, и человек науки, пока какой-либо счастливый случай не привлечет его внимания к новому факту, подобен ребенку, который пронзительно кричит при виде фигуры в покрывале, которую он принимает за привидение, но которая на самом деле оказывается всего лишь его няней. Если мы просто терпеливо подождем, то вскоре увидим, что большинство профессоров переходят на ту сторону, где уже находятся Хейер, де Морган, Фламарион, Крукс, Уоллес, Цельнер, Вебер, Вагнер и Бутлеров, и тогда, хотя «чудеса» и будут считаться столь же абсурдными, как и сейчас, все же оккультные феномены будут должным образом введены в область точной науки, и люди станут мудрее. Именно сейчас эти барьеры подвергаются интенсивному штурму в Санкт-Петербурге. Молодая девушка-медиум «шокирует» всех университетских мудрецов.

В течение многих лет медиумические явления были представлены в России лишь приезжавшими на не большой срок американскими, английскими и французскими медиумами, рассчитывающими на большое вознаграждение, силы которых, однако, за исключением нью-йоркского медиума д-ра Слейда, шли уже на убыль. Вполне естественно, что представители науки имели хороший повод для того, чтобы отвергнуть их. Но сейчас все отговорки тщетны. Недалеко от Петербурга в небольшой деревушке, населенной тремя семьями немецких колонистов, некая вдова по имени Маргарет Бич, взяла к себе на службу

несколько лет назад маленькую девочку из приюта. Маленькую Пелагею сразу полюбили в семье за ее мягкий нрав, трудолюбие и исключительную честность. Она чувствовала себя совершенно счастливой в этом новом доме, и в течение нескольких лет никто не сказал ей ни одного плохого слова. В конце концов она стала симпатичной девушкой семнадцати лет, но ее характер не изменился. Она глубоко любила своих хозяев и была любимицей в доме. Несмотря на ее красивую наружность, никакой деревенский парень никогда даже не помышлял о том, чтобы предложить ей выйти за него замуж. Молодые люди говорили, что она «внушает им благоговение». Они смотрели на нее, как в этих местах смотрят на изображение какого-нибудь святого. Так, по крайней мере, пишут русские газеты, в том числе полицейские «Ведомости», из которой мы и цитируем сообщение губернского полицмейстера, посланного для того, чтобы исследовать определенные факты черной магии. Ибо это невинное молодое создание как раз и стало жертвой «таинственных действий неких непостижимых, невидимых сил», как говорится в отчете.

3 ноября 1880 года она вместе с другой служанкой спустилась в подпол, чтобы взять картофеля. Едва они открыли тяжелую дверь, как сразу же на них посыпались овощи. Думая, что какой-нибудь соседский мальчишка спрятался на широкой полке, где хранился картофель, Пелагея, поставив корзинку себе на голову, шутливо заметила: «Кто бы ты ни был, заполни ее картошкой и помоги мне!» Моментально корзина была наполнена до краев. Другая девушка попыталась сделать то же самое, но картофелины остались без движения. Взобравшись на полку, девушки, к своему изумлению, никого не нашли там. Когда вдова Бич узнала об этом странном явлении, она пошла туда сама и, открыв погреб, который девушки надежно заперли уходя, она не нашла никого, кто бы там спрятался. Это событие лишь предшествовало целой серии других. В течение трех недель они следовали друг за другом с такой скоростью, что если бы мы перевели на английский язык весь официальный отчет, то он заполнил бы целый выпуск «Теософиста». Мы процитируем лишь кое-что из него.

С того самого момента, как она покинула подпол, невидимая «сила», наполнившая картофелем ее корзину, начала постоянно проявлять свое присутствие самыми разнообразными способами. Приготовится ли Пелагея Николаева положить дрова в печь, поленья поднимаются в воздух и как живые прыгают туда; едва лишь она поднесет к ним спичку, как они уже горят ярким пламенем, как будто подожженные невидимой рукой. Когда она подходит к колодцу, вода начинает подниматься и быстро перетекает через его края, потоками выливаясь к ее ногам; случится ли ей пройти мимо ведра с водой — происходит то же самое. Как только девушка протягивает руку, чтобы взять с полки какую-нибудь нужную ей посуду, вся посуда, чашки, супницы и тарелки, как бы сорванные со своих мест ураганом, начинают подпрыгивать и трястись, и затем с грохотом падают к ее ногам. Если кто-либо приляжет на мгновение на кровать этой девушки, то тяжелая кровать поднимается к самому потолку, затем переворачивается и сбрасывает наглого незваного гостя, после чего спокойно возвращается в свое исходное положение. Однажды, придя в сарай для выполнения своей обычной вечерней работы по корму скота, Пелагея, сделав свое дело, приготовилась уходить оттуда с двумя другими служанками, когда произошло самое удивительное явление. Все коровы и свиньи внезапно как бы сошли с ума. Коровы, устрашая всю деревню своим яростным ревом, пытались вскарабкаться на кормушки, а свиньи, ударяясь головами в стену, бегали кругами, как бы преследуемые каким-то диким животным. Вилы, лопаты, скамейки и корыта, сорвавшись со своих мест, преследовали испуганных девушек, которые едва живые выскочили из хлева и тщательно заперли за собой дверь. Но как только они это сделали, всякий шум внутри прекратился как по волшебству.

Все такого рода явления имели место не только в темноте или в ночное время, но и днем, и даже на виду у всех жителей маленькой деревни; кроме того, им всегда предшествовал чрезвычайный шум, похожий на вой ветра, треск в стенах и стук в оконные рамы и стекла. Среди домочадцев и жителей деревушки поднялась настоящая паника, и она усиливалась при каждом новом событии. Конечно, был вызван священник — как будто священники что-нибудь знают о магнетизме! — но безуспешно: пара горшков танцевала джигу на полке, ухват топал и прыгал по полу, а тяжелая швейная машинка следовала его примеру. Новость о молодой колдунье и ее борьбе с невидимыми бесами обежала всю округу. Мужчины и женщины из соседних деревень стекались, чтобы увидеть чудеса. Те же

самые явления, часто даже еще более сильные, наблюдались и в их присутствии. Однажды, когда толпа мужчин, войдя, поставила свои чашки на стол, каждая из них опрокинулась на пол, и тяжелая кожаная перчатка, подпрыгнув, сильно ударила своего хозяина по лицу и присоединилась к упавшим чашкам. В конце концов, невзирая на самые добрые чувства, которые вдова Бич питала к бедной сироте, в начале декабря Пелагею и ее багаж погрузили в экипаж и после многих слез и выражения сожаления отослали ее к суперинтенданту приюта, из которого она была взята. Этот господин, возвращаясь на следующий день вместе с девушкой, стал свидетелем проделок той же самой силы, заявил в полицию, и после тщательного допроса получил протокол, подписанный должностными лицами, и удалился.

Этот случай был рассказан одному спиритисту, богатому дворянину из Санкт-Петербурга, и он немедленно отправился за молодой девушкой и взял ее с собой в город.

Вышеприведенные официально зарегистрированные факты перепечатывались во всех русских еженедельных изданиях и газетах. Оканчивая это введение, мы проследим последующее развитие силы в этом удивительном медиуме так, как оно комментируется во всех наиболее серьезных и официальных газетах метрополии.

На горизонте спиритизма в Санкт-Петербурге внезапно появилась новая звезда — некая мадмуазель Пелагея, — говорится в редакционной статье в «Новом Времени» за 1 января 1881 г. — Манифестации, которые происходили в ее присутствии, столь экстраординарны и сильны, что многие искренние спиритуалисты были буквально *опрокинуты* ими — при помощи тяжелого стола. Но, — добавляет газета, — жертвы спиритуальных воздействий ни в малой степени не чувствовали себя огорченными таковыми поразительными испытаниями. Напротив, едва они поднимались с пола (один из них, прежде чем он смог восстановить вертикальное положение, должен был выползти из-под софы, куда был заброшен тяжелым столом), как они забывали о своих ушибах и начинали восторженно обнимать друг друга и с глазами, переполненными слезами, поздравлять себя с этим новым проявлением мистической силы.

В «Санкт-Петербургских ведомостях» некий веселый репортер приводит следующие подробности:

Мисс Пелагея — это молодая девушка около восемнадцати лет, дочь бедных но бесчестных родителей (которые сдали ее в приют, как это было уже сказано ранее), с не очень красивым по симпатичным лицом, весьма необразованная но смышленная, небольшого роста но пропорционально развитая, весьма нервная но с добрым сердцем. Мисс Пелагея внезапно обнаружила самые удивительные медиумические способности. Ее называют «спиритической звездой первой величины». И действительно, молодая женщина, по-видимому, сконцентрировала в своих конечностях потрясающее количество магнетической ауры; благодаря этому она передает окружающим ее объектам неслыханные и невиданные доселе феноменальные движения. Около пяти дней назад на сеансе, на котором присутствовали наиболее известные спиритуалисты и медиумы петербургского *grand monde* [высшего света]¹⁶², случилось следующее. Расположившись вместе с Пелагеей вокруг стола, они (спиритисты) едва успели сесть, когда каждый из них получил о, что казалось электрическим ударом. Внезапно стол резко опрокинул стулья и все остальное, отбросив компанию энтузиастов на довольно приличное расстояние. Медиум обнаружила себя на полу вместе с остальными, ее кресло начало совершать серию таких умопомрачительных воздушных скачков, что перепуганные спиритисты вынуждены были ретироваться и в спешке покинуть помещение.

Весьма удачно, что при рассмотрении этого случая из Америки пришло сообщение о мальчике, по-видимому, также сверх меры заряженном жизненным магнетизмом. Отчет,

¹⁶²

Мы сильно сомневаемся, будет ли когда-либо больше людей, верящих в спиритуализм, чем сейчас, среди представителей среднего и низшего классов в России. Они являются слишком искренне набожными и слишком горячо верят в дьявола, чтобы иметь какую-либо веру в «духов».

помещенный в «*Catholic Mirror*», сообщает, что мальчик является сыном мистера и миссис Джон К. Коллинз из Сент-Паула в штате Миннесота. Ему десять лет, и только в последнее время развились его магнетические свойства, — любопытное обстоятельство, которое должно быть отмечено. Он обладает хорошими интеллектуальными способностями, прекрасным здоровьем и с жаром участвует во всех спортивных соревнованиях. Его левая рука стала «удивительно сильным магнитом. Металлические частицы небольшого веса приклеиваются к его руке так, что требуется значительная сила, чтобы удалить их. Ножи, булавки, иголки, кнопки и т. п., покрывающие его руку, прикрепляются к ней так прочно, что их нельзя стряхнуть. Более того, притяжение столь сильно, что при его помощи может быть поднято ведро с углем, и еще более тяжелые вещи поднимались более сильными людьми, которые держались за его руку. Но однако мальчик испытывал резкую боль в случае тяжелых предметов, быстро распространяющуюся вдоль руки. Остальная часть его левой руки и вся левая сторона его тела обнаруживает ту же самую силу, хотя и в меньшей степени, но она совершенно не проявляется на его правой стороне».

Единственный человек, который пролил сколько-нибудь значительный свет на естественные и аномальные магнитные свойства человеческого тела, — это покойный барон фон Рейхенбах из Вены, прославленный химик и открыватель новой силы, которую он назвал «одил». Его опыты длились более пяти лет, и он не жалел ни расходов, ни затрат времени и усилий для того, чтобы сделать их убедительными. Физиологи давно наблюдали, особенно у больных в клинических условиях, что большая часть таких людей весьма чувствительна к тонкому влиянию, или ауре, исходящей из магнита, когда совершаются пассы сверху вниз вдоль тела человека, не касаясь его. В особо сильной степени такая чувствительность была зафиксирована при таких болезнях, как пляска св. Витта (хорея), разные формы паралича, истерия и т. д. Но хотя великий Берцелиус и другие научные авторитеты настаивали на том, что ученые должны изучать это, однако, это исключительно важное поле исследований оставалось почти нетронутым, пока барон Рейхенбах не взялся за решение этой великой задачи. Его открытия столь важны, что их можно в полной мере оценить лишь после тщательного прочтения его книги «Исследования по магнетизму, электричеству, теплоте, свету, кристаллизации и химическому средству, и их отношения к жизненной силе»; к сожалению все ее экземпляры распроданы, и ее можно лишь случайно достать в Лондоне из вторых рук.

Исходя из наших непосредственных задач, следует сказать лишь то, что он доказывает, что тело человека заполнено аурой, «динамидом», «флюидом», паром, влиянием, или как угодно; что она [аура] одинакова у мужчин и женщин; что она испускается преимущественно из головы, рук и ног; что она полярна, как и аура магнита; что вся левая сторона положительна и дает ощущение тепла сенситиву, к которому мы можем приложить нашу левую руку, тогда как вся правая половина тела отрицательна и дает ощущение холода. У некоторых людей эта витальная магнетическая сила (или, как он называет ее, «одилическая») особенно выражена. Таким образом, мы можем без опасений рассматривать любой феноменальный случай, как два вышеприведенных, и верить в него, не боясь переступить границы точной науки, или того, что мы дадим повод обвинить себя в предрассудках и доверчивости. В то же время следует отметить, что барон Рейхенбах не обнаружил ни одного пациента, чья аура могла бы отклонить подвешенную магнитную иглу или притягивала бы железные предметы, подобно природному магниту. Таким образом, его исследования не охватили всей проблемы, и сам он полностью осознавал это. Люди, заряженные магнетически, подобно русской девушке и американскому мальчику, встречались тогда и встречаются сейчас, и несколько наиболее знаменитых из них оказались среди медиумов. Так, палец медиума Слейда, перемещаясь около компаса, до некоторой степени притягивает стрелку. Такой опыт был проведен в Лейпциге профессорами Цельнером и Вебером (профессором физики, основателем учения о колебаниях сил). Профессор Вебер «положил на стол компас, заключенный в стекло, стрелку которого мы все могли наблюдать весьма отчетливо благодаря яркому свету свечи, в то время как он соединил наши руки с руками Слейда», находившимися на расстоянии более фута от компаса. Однако, магнетическая аура, создаваемая руками Слейда, была столь сильна, что «примерно через пять минут стрелка начала сильно качаться между 40 и 60 градусами, после чего она полностью повернулась кругом». В следующем опыте профессору Веберу удалось

обычную спицу, проверенную при помощи компаса непосредственно перед опытом и обнаружившую полное отсутствие намагниченности, превратить в постоянный магнит. «Слейд положил эту спицу на грифельную доску, подержал ее над столом ... и примерно через четыре минуты, когда грифельная доска со спицей была опять положена на стол, спица оказалась столь сильно намагниченной с одного конца (и *только* с одного конца), что железные опилки и швейные иглы приклеились к этому концу; стрелку компаса можно было легко вращать по кругу. Созданный полюс был южным полюсом, поскольку северный полюс (стрелки компаса) притягивался к нему, а южный отталкивался».¹⁶³

Первой областью исследования барона Рейхенбаха было воздействие магнита на нервы животных; после этого он перешел к наблюдению влияния на них сходной ауры или силы, наличие которой было обнаружено им в кристаллах. Не вдаваясь в подробности, — которые, однако, следовало бы прочитать каждому, кто претендует на изучение арийской науки, — отметим, что свои выводы он суммирует следующим образом:

С магнитной силой, с которой мы знакомимся в естественном магните и в намагниченной игле, связана та сила («одил» — новая сила, открытая им), которую мы обнаружили в кристаллах.

Таким образом:

Сила магнита — это не единичная сила, как это, однако, считалось доказанным до сих пор, но она состоит из двух, то есть к давно известной силе должна быть добавлена до сих пор неизвестная, определенным образом отличная от нее, сила, а именно сила, которая находится в кристаллах.

Одним из его пациентов была мадемуазель Новотны, и ее чувствительность к аурам магнита и кристалла была исключительно высокой. Когда магнит помещался около ее руки, она неудержимо притягивалась к нему, куда бы барон ни перемещал его. Воздействие на ее руку «было точно таким же, как если бы кто-то схватил ее руку и при помощи нее сгибал или наклонял ее тело по направлению к ее ногам». (Она болела и лежала в постели, и магнит перемещался в этом направлении). Когда он подносился близко к ее руке, «рука столь прочно прилипла к нему, что когда магнит поднимался, или перемещался в сторону, назад или в каком-либо ином направлении, ее руки следовали за ним таким же образом, как это мог бы сделать кусочек железа» Это, как мы видим, является прямой противоположностью феномену, наблюдаемому в случае американского мальчика Коллинза, ибо не его рука притягивалась к чему-либо, а железные предметы, легкие и тяжелые, по-видимому, неудержимо притягивались к его руке, и *только к его левой руке*. Рейхенбах естественно думал о проверке магнетических способностей мадемуазель Новотны. Он говорит:

Чтобы попробовать это, я взял металлические опилки и поместил ее палец над ними. *Даже самые мелкие частички не прилипли к ее пальцу*, и в том случае, когда они были в прямом контакте с магнитом... Подвешенная намагниченная игла, к полюсам которой я велел ей подносить попеременно палец в различных положениях, не проявила ни малейшей тенденции к вращению или колебанию.

Если бы это позволили размеры статьи, то этот весьма интересный анализ собранных фактов, относящихся к проявляющимся время от времени аномальным магнетическим способностям человеческих существ, мог бы быть продолжен далее, и это не вызвало бы утомления у интеллигентного читателя. Но мы сразу же можем сказать, что с тех пор, как Рейхенбах¹⁶⁴ доказал, что магнетизм является составной, а не единичной силой, и что каждое человеческое существо наделено одной из этих сил, одилом; и так как эксперименты со Слейдом, и явления, наблюдавшиеся в России и Сент-Пауле, показывают, что человеческое тело может создавать истинную магнетическую ауру так же, как это обнаружено у естественного магнита; таким образом, эти последние аномальные случаи

¹⁶³

«Трансцендентальная физика», стр. 47.

¹⁶⁴

Рейхенбах, *op. cit.*, стр. 25, 46, 210.

объясняются тем, что человек просто развил в себе избыток одной из сил вместо другой, которые вместе образуют то, что обычно известно под названием магнетизм. Поэтому в таких случаях нет ничего сверхъестественного. Мы понимаем, что довольно просто объяснить то, почему это произошло, но это увело бы нас столь далеко в малоизвестную область оккультной науки, что было бы лучше сейчас обойти это молчанием.

СУБСТАНЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА МАГНЕТИЗМА

Материалистам, которые обвиняют оккультистов и теософов за их веру в то, что каждая сила (так называемая) в природе имеет своим источником субстанциальный НОУМЕН, сущность, сознательную и разумную, является ли она планетарной (дхиан коган) или элементарной, — мы советуем обратить внимание на куда более опасную организацию, чем та, которую называют Теософским обществом. Мы имеем в виду некое Общество в Соединенных Штатах, члены которого называют себя субстанциалистами. Мы называем его *опасным* по той причине, что эта организация, соединяя в себе догматическое церковное христианство, то есть антропоморфический элемент Библии, с солидной наукой, тем не менее делает последнюю во всем подчиненной первой. Равным образом можно сказать, что новая организация, в своем фанатичном догматизме, будет вовлекать — если она одержит победу — грядущие поколения в антропоморфизм без надежды на спасение. Она добьется этого сравнительно легко в нашем веке наукопоклонничества, поскольку демонстрация неопровержимого учения должна способствовать тому, чтобы наделить добавочной силой веру в гигантского человеческого бога, так как их гипотезы, как и гипотезы материалистической науки, могут быть легко приспособлены для ответа на эту специфическую задачу. Образованные и мыслящие классы общества, однажды освободившись от церковного рабства, могли бы посмеяться над научными данными св. Августина или «достопочтенного» Бэды, которые заставляли их подтверждать авторитет и мертвые буквы того, что они рассматривали как откровение, — что наша Земля является не сферой, а плоскостью, подвешенной под кристаллическим сводом, усеянным блестящими медными гвоздями, и что солнце не больше по своим размерам, чем оно кажется на взгляд. Но те же самые классы всегда будут принуждаемы общественным мнением с уважением относиться к гипотезам современной науки — в каком бы направлении не могли бы повести их научные спекуляции. Это привело их за последнее столетие к грубому материализму; они могли бы быть снова направлены в противоположную сторону. Цикл замкнулся, и если наука когда-либо попадет в руки оппозиции — ученых «преподобных отцов» и фанатичных церковников, — то мир может обнаружить себя постепенно приближающимся к канаве на противоположной стороне дороги и в недалеком будущем впасть в грубый антропоморфизм. Еще раз массы отвергнут истинную философию — беспристрастную и несектантскую — и таким образом снова попадут в новые сети, сплетенные ими самими, — продукт и результат реакции, вызванной нашим веком всеобщего отрицания. Возвышенный идеал всеобщего, бесконечного, вездесущего Ноумена Духа, безличного и *абсолютного* Божества, еще раз угаснет в человеческих умах и освободит место для УЖАСНОГО БОГА ночного кошмара сектантства.

Современная официальная наука в настоящее время состоит на 5% из бесспорных аксиоматических истин и фактов, а на 95% — из чистых спекуляций. Более того, она сделала себя открытой для бесконечных атак благодаря своим многочисленным взаимно противоречивым гипотезам, каждая из которых по своему виду является столь же научной, как и любая другая. С другой стороны, субстанциалисты, которые включают в число своих членов, как они хвастаются, некоторых наиболее выдающихся людей науки в Соединенных Штатах, безусловно, открыли и собрали большое количество фактов, предназначенных для

того, чтобы опрокинуть современные теории силы и материи. И как только их данные будут признаны справедливыми, в этом конфликте между (материалистической) наукой и (все еще материалистической) религией — результат грядущего сражения нетрудно предвидеть: современная наука будет побеждена. Субстанциальность некоторых сил в природе нельзя отрицать, ибо это факт, существующий во Космосе. Нет энергии или силы без материи, нет материи без силы, энергии или *жизни* — хотя бы и пребывающих в скрытом состоянии. Но эта конечная материя является субстанцией, или *ноуменом* материи. Таким образом, голова золотого идола научной истины падет, потому что он стоит на глиняных ногах. В таком результате нет ничего, о чем стоит сожалеть, за исключением его ближайших последствий: золотая голова останется та же самая, и лишь пьедестал будет заменен другим, столь же ненадежным и сделанным из *глины*, как и до того. Вместо того, чтобы основываться на материализме, наука будет покоиться на антропоморфическом суеверии — если субстанциалисты когда-либо одержат победу. Ибо вместо того, чтобы придерживаться одной философии, исповедуемой в духе полной беспартийности, и материалисты, и последователи того, что помпезно называется «философией субстанциализма», действуют в направлении, отмеченном предрассудками и предвзятостями; и те и другие растягивают свои факты на прокрустовом ложе своих увлечений. Это те *факты*, которые должны удовлетворять их теориям даже под угрозой искажения чистой природы Истины.

Перед тем как мы предложим читателю извлечение из работы одного субстанциалиста — это извлечение покажет лучше, чем могли бы это сделать критические обзоры, истинную природу утверждений «субстанциальной философии», — мы не намерены продвигаться дальше, так как они действительно в весьма небольшой степени интересуют нас, и тратить слова на их ошибки и претензии. Тем не менее, так как их идеи о природе физических сил и феноменов являются любопытным образом — *лишь в некоторых отношениях* — похожими на оккультные учения, мы намерены использовать их аргументы — для начала, в отношении магнетизма. На них *невозможно дать ответы*, и таким образом мы можем нанести поражение точным наукам при помощи ее собственных методов наблюдения и ее собственного оружия. До сих пор мы лишь познакомились с теориями субстанциалистов при помощи того, что ими написано. Возможно, что кроме значительного различия в наших взглядах на *природу* «производящих феномены причин» — как они довольно странно называют физические силы, — существует лишь небольшое расхождение в наших представлениях относительно субстанциальной природы света, теплоты, электричества, магнетизма, и так далее, — может быть, только в форме изложения и в терминологии. Однако, никакой теософ не мог бы согласиться с такими выражениями, которые используются в новой доктрине: например, «Если ее принципы истинны, тогда каждая сила или форма энергии, известная науке, *должна быть субстанциальной сущностью*». Ибо, хотя доказательства д-ра Холла в отношении магнитного флюида, являющегося чем-то большим, нежели «разновидностью движения», *неопровержимы*, все же существуют и другие силы, которые имеют совершенно иную природу. Так как эта статья, тем не менее, посвящена доказательству субстанциальности магнетизма — животного или физического, — мы приведем теперь наилучшие аргументы из «*Scientific Arena*» (июль 1886 г.), которые когда-либо выдвигались против материалистической теории современной науки.

Если на мгновение принять, что единичная сила природы, такая как звук, *свет*, или *теплота*, — это лишь вибрационное движение материи, будь это материальное тело сильно разреженным, как в случае предполагаемого *эфира*, или менее разреженным, как в случае воздуха, или плотным, как нагретая железная болванка, — это значит принять циничные утверждения материализма о полной аналогии между природой и наукой, действующей для блага будущей жизни человечества. И материалистические ученые этой страны и Европы хорошо знают это. И в той же самой степени они боятся распространения и всеобщего признания субстанциальной философии, в полной мере понимая, что в тот момент, когда силы природы будут признаны научными кругами как реальные субстанциальные сущности, а учение о том, что звук, свет, тепло, и т. д. являются формами движения, будут оставлены, то вскоре и их материалистические увлечения исчезнут навсегда...

Следовательно, целью настоящей статьи, после такого повторения и выделения общего числа аргументов, появившихся за последний месяц, является показать, что сила *per se* [сама по себе] — это нематериальная субстанция, и она ни в коем случае не представляет собой движение материальных частиц. При этом мы намерены показать, что для христианских ученых абсолютно необходимо признать общие принципы субстанциальной философии, и поступать так всякий раз, если они надеются низвергнуть материалистический атеизм в своей стране или логически защитить религию при помощи научных аналогий и таким образом доказать субстанциальное бытие Бога так же, как и возможность субстанциального существования человеческой души после смерти. Таким образом, они снова имеют преимущество действовать успешно и с триумфом вновь усилить доказательства своих писаний при помощи благоприятствующих свидетельств самой природы.

Мы могли бы выбрать какую-либо из отдельных физических форм силы в качестве решающего критерия новой философии, или пробного камня субстанциализма. Но для того, чтобы, насколько это возможно, избежать многословия и избыточных детальных объяснений, не являющихся необходимыми и привести лишь данные первостепенной важности, мы выбрали то, относительно чего никто из ученых на земле не будет сомневаться, что это безусловная природная сила или форма энергии — а именно, *магнетизм*. Эта сила, благодаря своим простым и прямым проявлениям, выражающимся в перемещении значительных тел на расстояние от магнита без присутствия какой-либо осязаемой субстанции, связывающей их с магнитом, выбрана для наших целей, поскольку это признанный чемпион среди физических загадок современного философского *modus operandi* [способа действия], как в этой стране, так и в Европе.

Даже для таких величайших современных физиков, как Гельмгольц, Тиндаль, сэр Уильям Томсон, и др., таинственное действие магнетизма, сколь бы ни объясняла его современная наука, представляло собой, по общему признанию, проблему, которая приводила их умы в совершенное смущение просто потому, что они, к сожалению, никогда даже мельком не могли уловить основных принципов субстанциальной философии, которые столь ясно раскрывают тайну. В свете этих принципов такой мыслитель, как сэр Уильям Томсон, вместо того, чтобы учить, как он это делал в своем открытом выступлении в Мидлендском институте (Бирмингем, Англия), что магнетизм — это лишь движение молекул, или, как он это выразил, лишь «свойство материи», или «вращение молекул» магнита, увидел бы с первого взгляда крайнюю недостаточность, с точки зрения причины и следствия, какой-либо взаимосвязи между такими движущимися молекулами в машите (предположим, что они двигаются) и перемещением железных предметов на расстояние.

Кажется странным, что столь разумные люди, как сэр Уильям Томсон и профессор Тиндаль, столь недавно сделали заключение о том, что магнетизм необходимым образом должен быть чем-то субстанциальным, однако невидимым и неосязаемым, когда он вытягивает свои механические, но невидимые пальцы на расстояние от магнита и тащит или толкает инертные кусочки металла! То, что они не видели абсолютной необходимости такого заключения, как единственно возможного объяснения получения механических эффектов, и очевидной несовместимости любых других предположений — это удивительный результат помрачающего и вводящего в заблуждения влияния существующих ложных научных теорий на инакомыслящих, логичных и мудрых людей. И то, что такие люди были бы удовлетворены предположением о том, что слабые и локальные вибрации молекул и атомов магнита (необходимым образом ограниченные размерами самого магнита), могли бы при любой возможности распространяться на расстояние вне его пределов и таким образом тащить или толкать брусок металла, преодолевая его инерцию, — побуждает некоторых людей забыть всякое уважение к проницательности и мудрости интеллекта этих великих ученых.

Другая наиболее значительная аномалия, имеющая отношение к физикам, к которым мы здесь и обращаемся, состоит в следующем: в то время как они не могут увидеть неизбежной необходимости существования реальной субстанции некоего

рода, исходящей от из полюсов магнита и связывающей его с кусочком железа, посредством чего он и поднимается, и таким образом достигается физический результат, который не может быть произведен никаким другим способом, — они легко принимают действие всепроникающего *эфира* (субстанции, совершенно не являющейся необходимостью в природе), благодаря которому создается *свет* па этой земле как простое *движение*, и таким образом приспособливают его к предполагаемым звуковым волнам в воздухе! Таким образом, благодаря полнейшей выдумке вовсе не необходимой материальной субстанции, они пытались превратить не только свет, теплоту и магнетизм, но и все остальные силы в природе в разновидности движения, и ни по какой иной причине, кроме того, что звук ошибочно рассматривался предыдущими учеными как форма движения. Странно предположить, что невзирая на то, что предполагаемый *эфир* столь же неощутим для любых из наших органов чувств и нераспознаваем при помощи любого процесса, известного химии или механике, как и субстанция, которая необходимым образом должна исходить из полюсов магнита, брать и поднимать железный брусок, все же физики доверчиво признают этот эфир, для существования которого нет никакой необходимости ни на земле, ни на небесах, и в то же время равнодушно отвергают признание последней, хотя она и совершенно необходима для достижения наблюдаемых результатов! Была ли когда-нибудь еще такая несурзаца в отношении свидетельств научной теории?

Позвольте мне рассмотреть еще немного данную тему, прежде чем оставить ее. Если простое «вращение молекул» в стальном магните может произвести механическое воздействие на кусочек железа, находящийся на расстоянии, даже через вакуум, как утверждает сэр Уильям Томсон, почему же не может вращение молекул солнца вызывать свет на расстоянии без того, чтобы пространство было заполнено желеобразной материальной субстанцией «огромной жесткости», приводимой в волнообразное состояние? Каждому человеку, способному к научному мышлению, должно бы приходиться в голову, что изобретение «материального», «жесткого» и «инертного» эфира как существенной причины появления света на расстоянии от светящегося тела, может служить примером одной из наиболее бесполезных растрат механической изобретательности, которую когда-либо совершил человеческий ум, — так обстоит дело, если есть хотя бы малейшая правда и учении сэра Уильяма Томсона о том, что простое «вращение молекул» в магните поднимет брусок железа на расстоянии. Почему не может вращение молекул солнца столь же легко создавать свет на расстоянии?

Философский *modus operandi* должно приводить в отчаяние то, что теория эфира, наполняющего пространство между магнитом и кусочком железа, который приводится в состояние вибрации вращающимися молекулами стали и который таким образом поднимает и переносит железный кусочек, способна лишь на то, чтобы сделать из плохого еще более худшее. Если материальная вибрация в стальном магните, которая совершенно ненаблюдаема, связывается с удаленным бруском посредством некой материальной субстанции и ее вибрационных движений, которые также ненаблюдаемы, не очевидно ли, что их воздействия на удаленный брусок должны иметь тот же самый механический характер, а именно, быть ненаблюдаемыми? Вместо этого железный брусок поднимается физически, и ясно видно, что это происходит без какого-нибудь видимого толчка, как это было бы в случае вибрирующего «желе», такого, каким должен быть требуемый эфир! Кроме того, такой физический подъем значительной массы совершенно несовместим с простым толчком, однако такой толчок или вибрация могут быть сильными и видимыми, в соответствии с некоторыми принципами, известными механике. Здравый смысл должен убеждать любого человека в том, что простая вибрация или толчок, даже сильный и чувственно воспринимаемый, не может ничего тянуть или толкать. Невозможно представить себе достижение такого результата, кроме как при помощи субстанциального агента, исходящего из магнита, захватывающего железный предмет, сильно толкающего и таким образом перемещающего его. Это все равно, что говорить о подтаскивании лодки к берегу без какой-либо веревки или другого вещественного приспособления, связывающего вас с лодкой. Даже сэр Уильям Томсон не утверждает,

что можно подтянуть лодку при помощи молекулярных вибраций берега, или даже созданием видимого толчка в воде, как это весьма логично показал д-р Хэмлин в своей недавней мастерски написанной статье о силе (см. «Микрокосм», том 5, стр. 98).

Хорошо известно, что магнит поднимает кусочек железа точно на такую же высоту через стеклянную тарелку, как и без нес. Закоренелый атеист м-р Смит из Цинциннати, Огайо, к которому мы обращались в нашей статье о субстанциализме в «Микрокосме» (том 3, стр. 278-311), был крайне удивлен этим проявлением субстанциальной силы магнетизма, действующей на расстоянии через привнесенную стеклянную тарелку. Когда мы помещали некое количество иголок и гвоздей на тарелку и располагали полюса магнита под ней, заставляя их двигаться вместе с магнитом, он увидел впервые в своей жизни действие реальной субстанции, проявляющее механическое влияние в виде перемещения значительных масс металла вопреки всем материальным условиям и при отсутствии возможности материальной связи или открытого пространства между источником и результатом такого субстанциального воздействия. И он спросил, воскликнув, если это так, то может ли не существовать субстанциального, разумного и нематериального Бога, и может ли у него не быть субстанциальной, но нематериальной души, которая сможет жить отдельно от тела после его смерти?

Далее он поставил вопрос о том, уверены ли мы, что в стеклянной тарелке не было невидимых пор, через которые могла бы проникнуть магнитная сила, и таким образом не является ли эта сила наиболее тонкой формой материи из всех? Затем он помог нам наполнить тарелку кипяченой водой, на которой плавала карточка с помещенными на нее иголками, таким образом поместив между ними и магнитом наименее пористое из всех известных тел. Но это не вызвало ни малейшего изменения, и карточка с грузом иголок двигалась туда и сюда вслед за магнитом, который перемещался и под водой, и под тарелкой. Этого было достаточно даже для столь критически настроенного, но искреннего материалиста, и он поверил, что имеется субстанциальная, но нематериальная сущность в его атеистической философии.

Здесь приводится заключительный аргумент, при помощи которого мы показываем, что магнетизм, одна из сил природы, и наиболее представительная из всех этих природных сил, это не только реальная, *субстанциальная* сущность, но и абсолютно *нематериальная* субстанция¹⁶⁵: таким образом подтверждается наша оригинальная классификация сущностей во вселенной в материальной и нематериальной областях.

1. Если бы магнетизм не был реальной *субстанцией*, он не мог бы физически поднимать кусочек металла на расстоянии от магнита, так же, как и рука не могла бы поднять предмет некоего веса с пола без какой-либо вещественной связи между ними. Это самоочевидный трюизм и аксиома в механике, что никакое тело не может двигать или перемещать другое тело на расстояние без некоего реального субстанциального посредника, связывающего их между собой, благодаря чему и достигается результат, так как иначе это было бы механическое следствие без причины — очевидный абсурд с точки зрения философии. Следовательно, сила магнетизма — это реальная, субстанциальная сущность.

2. Если бы магнетизм не был бы *нематериальной* субстанцией, тогда любое практически не содержащее пор тело, помещенное между магнитом и притягиваемым объектом, препятствовало бы, по крайней мере, до некоторой степени, прохождению магнитного потока, чего не наблюдается. Если бы магнетизм был очень тонкой или разреженной формой материи, и если бы таким образом его проникновение через другие материальные тела зависело от их чувственно не воспринимаемых пор, тогда, очевидно, некоторая разница в свободе его проникновения и в соответствующей силе притяжения удаленного магнита было бы результатом большого различия в пористости разнообразных тел, подвергнутых испытанию, как это было бы например в случае ветра, дующего через проволочную сетку с ячейками большего или меньшего размера, и соответственно оказывающую ему большее или меньшее сопротивление. Тогда как в случае этой магнетической субстанции, нет никакой разницы в каких-либо

результатах проявления энергии механического перемещения удаленного кусочка железа, сколько бы практически лишенных пор пластинок стекла, резины или каких-либо других материальных тел не помещалось между ними, или же в том случае, когда не было никакой иной субстанции, кроме воздуха, или же когда опыт проводится в полном вакууме. Перемещение совершается всегда с совершенно одинаковой силой и передвигает подвешенный кусочек железа на одинаковое расстояние в каждом и во всех случаях, какими бы точными и тонкими ни были бы инструменты, которыми проводится исследование и измерение.

Несомненно, что на вышеприведенные пассажи невозможно дать ответ. Что касается магнетической силы, или флюида, то субстанциалисты несомненно доказали свою правоту, и их триумф должен с радостью приветствовать каждый оккультист. Невозможно понять, каким образом феномен магнетизма — земного, или животного — может быть объяснен иначе, чем посредством признания материального, или субстанциального, магнетического флюида. То, *что это так*, не отрицают даже некоторые ученые — например, Гельмгольц, который верит, что электричество должно быть столь же *атомическим, сколь и материя* (Гельмгольц, «Фарадеевы лекции»). И хотя наука и готова отделить силу от материи, каким образом она сможет поддерживать свою позицию в дальнейшем.

Но мы не обладаем такой же уверенностью относительно некоторых других сил — так же, как и связанных с ними *действий* — и эзотерическая философия нашла бы легкое возражение каким-либо предположениям субстанциалистов — например, в отношении звука. И так как настанет день, когда новая теория, безусловно, восстанет против оккультизма, поэтому было бы полезно сразу же предусмотреть их возражения и расстановку сил.

Выражение «нематериальная субстанция», использованное выше в отношении *магнетизма*, весьма странно, и кроме того оно противоречит само себе. Если вместо того, чтобы говорить, что «магнетизм... это не только реальная субстанциальная *сущность*, но *абсолютно нематериальная субстанция*», автор относил бы это определение к свету, звуку и любой другой силе, мы не сказали бы ничего иного, кроме того, что прилагательное «сверхчувственный» было бы лучше приложимо к какой-либо силе, чем слово «нематериальный».¹⁶⁶ Но сказать это о магнетическом флюиде неправильно, так как это сущность, ясно воспринимаемая любым ясновидящим, как в темноте — в случае *одического* излучения — так и на свету — когда действует животный магнетизм. *Флюид*, пребывающий в сверхчувственном состоянии, все же является *материей*, и не может быть «нематериальным», и это выражение сразу же становится нелогичным, так как является софизмом. В отношении других *сил* — если «нематериальными» называть лишь те силы, которые объективны, но находятся за границами наших нынешних *обычных* органов восприятия или чувств, это совершенно правильно; но когда бы субстанциалисты ни обозначали что-либо таким словом, мы, оккультисты и теософы, сомневаемся относительно формы, в которой они его употребляют. Субстанция, как говорят нам философские словари и энциклопедии, это то, что лежит в основании внешних феноменов; субстрат; постоянный субъект или причина феноменов, материальных или духовных; то, что является носителем свойств; то, что реально, в отличие от того, что лишь *видимо*, — особенно в этом мире *майи*. Короче говоря, это — *реальная*, и единственно реальная сущность. Но оккультные науки, хотя и называющие субстанцию *ноуменом* всякой материальной формы, истолковывают этот *ноумен* как *все же материальный* — но только на ином плане. То, что является *ноуменом* для нашего человеческого восприятия, является материей для восприятия дхиан коганов. Согласно объяснению нашего ученого брата-ведантиста, Т. Субба Роу, *мулапракрити*, первый универсальный аспект Парабрахма. его космическое покрывало, сущность которого для нас непостижима, — для ЛОГОСА «так же материальна, как какой-либо предмет материален для нас» («Комментарии к Бхагавадгите»). Поэтому, никакой оккультист не назовет субстанцию «нематериальной» *in esse* [по существу].

¹⁶⁶

Мы используем термины «материя или субстанция, существующие в сверхчувственных условиях», или «сверхчувственные состояния материи», для того, чтобы избежать вспышки неистового и немедленного критицизма не только со стороны людей науки, но и от обыкновенных образованных людей, которые понимают значение терминов.

Субстанция — это термин, в различных случаях вводящий в заблуждение. Мы можем назвать наше тело, или обезьяну, или камень, так же как и любой другой предмет — «субстанциальным». Поэтому мы скорее называем «сущностью» материю тел таких субъектов — сверхчувственных существ, в существование которых мы верим, но которых наука и ее поклонники рассматривают как суеверие и бессмыслицу, называя *выдумками* как «личного» бога и ангелов христиан, так и наших дхиан коганов, или девов, «планетарного человека», гениев, и так далее, у каббалистов и оккультистов. Но последние никогда не помышляли о том, чтобы называть свет, звук, теплоту, силу трения и т. д. — «сущностями», как это делают субстанциалисты. Они определили бы такие силы как чисто *нематериальные* воспринимаемые действия — *вовне*, субстанциальных и *эссенциальных* ПРИЧИН — внутри: в окончательном итоге которых, или в самом источнике, пребывает БЫТИЕ, чья сущность видоизменяется в зависимости от лемента,¹⁶⁷ к которому оно принадлежит (См. «Монады, боги и атомы» в I томе «Тайной доктрины», кн. 2). И нельзя смешивать душу с СИЛАМИ, которые существуют на совершенно ином уровне восприятия. Поэтому теософа возмущает то, что субстанциалисты столь *нефилософично* помещают душу среди сил.

Приведа, как он сообщает читателям, «обоснование своих аргументов к точным аналогиям, существующим в природе», редактор «*Scientific Arena*» в статье, озаглавленной «Научное доказательство будущей жизни», продолжает следующим образом:

Если принципы субстанциализма верны, тогда, как это было показано, каждая из известных науке сил или форм энергии должна быть субстанциальной сущностью. В дальнейшем мы намерены показать, что если некая форма силы убедительно продемонстрировала свое субстанциальное или объективное существование, было бы отступлением от здравого смысла и логики не наделять все остальные силы или создающие феномены причины в природе такой же субстанциальной сущностью. Но если бы какой-либо вид физической силы, или одна единственная создающая феномены причина — такая как теплота, свет, или звук — могла бы проявить себя простым *движением* материальных частиц, а не субстанциальной сущностью, тогда при помощи разумной аналогии и гармоничного единообразия законов природы, все остальные силы или производящие феномены причины, будь они физическими, витальными, ментальными или духовными, должны были бы попасть в ту же самую категорию как не обладающие сущностью *виды движения* материальных частиц. Однако, в таком случае это привело бы к тому, что душа, жизнь, разум, или дух, столь удаленные от бытия субстанциальные сущности, которые могут создать основу для надежды на бессмертное существование после данной жизни, должны были бы в соответствии с материализмом, считающим их простым *движением* частиц мозга и нервов, прекратить свое существование, как только такие физические частицы прекратят свое движение в результате смерти.

ДУХ — это «субстанциальная сущность»!! Безусловно, в данном случае субстанциализм не может сколько-нибудь серьезно претендовать на право называться *философией*. Но дочитаем доказательства до конца. Мы обнаруживаем справедливую и правомерную атаку на материализм, которая оканчивается тем же самым нефилософским утверждением!..

Исходя из вышеприведенного утверждения наиболее заметных положений материалистической пауки, так как они направлены против существования души после смерти, мы делаем логичный вывод о том, что никакой христианский философ, который признает общепринятые доктрины о звуке, свете и теплоте как лишь о *видах молекулярного движения*, никогда не сможет ответить на аналогичные рассуждения материалиста против бессмертия человека. Никакой иной способ видения, на чем мы столь часто настаивали, не может успешно выдвинуть против таких материалистических рассуждений или настроений какое-нибудь возражение на этот великий аргумент Геккеля и Гексли, направленный против души как сущности и ее

¹⁶⁷

Не нужно еще раз напоминать читателю, что мы имеем ввиду под элементами не воздух, воду и землю, чье существование доступно нашему физическому и чувственному восприятию, но *ноуменальные* элементы древних.

возможного существования отдельно от тела, кроме учения субстанциализма, которое последовательно утверждает, что душа, жизнь, разум и дух — это необходимым образом субстанциальные силы или сущности, исходя из аналогий физической науки, а именно, *субстанциальной природы всех физических сил, включая притяжение, электричество, магнетизм, трение, звук, свет, теплоту, и так далее.*

Эта непоколебимая позиция субстанциализма, проистекающая из логической аналогии, основанная на гармонизирующем единообразии природных законов и сил, образует бастион субстанциальной философии и согласно природе вещей должна навсегда установить неприступную башню системы этого учения. Если здание субстанциализма, построенное и укрепленное таким образом, будет захвачено и разграблено силами материализма, тогда наши труды за многие годы, очевидно, сведутся к нулю. Скажите, если вам угодно, что армии субстанциалистов таким образом сжигают за собой мосты. Это так. Мы предпочитаем смерть капитуляции или отступлению; ибо если эта фундаментальная позиция не может устоять против объединенных сил наших врагов, тогда все пропало, материализм одержал победу, и смерть — это полное уничтожение человеческой расы. Поэтому здесь, внутри этой главной цитадели принципов, мы должны закрепиться, чтобы спастись или погибнуть, и здесь, окруженные алмазной стеной, мы храним все свои сокровища и военные запасы, и если агностическая орда материалистической науки надеется овладеть ими, пусть они направят против нее огонь своей самой тяжелой артиллерии...

Как странно, что тогда, когда сами материалисты, понимая безнадежность своего положения, столь охотно используют истинные плоды аналогического аргумента, основанного на субстанциальной природе физических сил, мы обязаны убеждать мнимых субстанциалистов, предоставляя им аргумент за аргументом для того, чтобы доказать им, что они вовсе не являются субстанциалистами в истинном смысле этого слова, до тех пор, пока они оставляют одну-единственную природную силу или одну-единственную создающую феномены причину в природе за пределами всей категории субстанциальных сущностей!

Духовный отец нашего знакомого горячо говорит об окончательном успехе субстанциальной философии и гордо именуется субстанциалистом, но отказывается включать звук в субстанциальные силы и сущности, признавая таким образом в действительности волновую теорию! Если исходить из логического постоянства, что мог бы сказать этот священник, отвечая другому «субстанциалисту», который настаивал бы на красоте и истинности субстанциализма, но не включал бы туда *свет*? И еще одному, кто не мог бы включить туда *теплоту*, или *электричество*, или *магнетизм*, или силу *тяжести*? И все же все они являются добрыми «субстанциалистами» по тому же самому принципу, как и тот, кто оставляет *звук* вне субстанциальной категории, все еще утверждая, что он правоверный субстанциалист! Почему бы им не оставить вне перечня этих сущностей жизненную силу, силу разума и духовную силу, представляя их, подобно силе звука (как настаивают материалисты), лишь вибрацией материальных частиц, и при этом претендовать на то, чтобы называть себя добрыми субстанциалистами? Гекель и Гексли, в таком случае, были бы готовыми кандидатами для крещения в церкви субстанциализма.

Истина состоит в том, что священник, который может примять хотя бы на один момент, что *звук* состоит из движения частиц воздуха, то есть не является субстанциальной сущностью, представляет собой материалиста в глубине души, хотя он может и не осознавать логического водоворота, который засасывает его в научную деструкцию. Все мы слышали о постановке «Гамлета», где был пропущен принц датский. Такой же была бы научная пьеса субстанциализма, в которой замалчивался бы вопрос о звуке, а теория акустики передавалась бы материализму (см. нашу статью «Значение дискуссии о звуке», «Микрокосм», том V, стр. 197).

Мы симпатизируем священнику, который отрицает включение звука в число «субстанциальных *сущностей*». Мы верим в ФОХАТ, но вряд ли признали его *голос* и эманации за «сущности», хотя они и создаются электрическим столкновением атомов и отражениями, производящими *и свет, и звук*. Наука не признала бы наш фохат в той же

степени, как и звуковые или световые *сущности* «субстанциальной философии»(?). Но мы во всяком случае удовлетворены тем, что фохат, как только он будет правильным образом объяснен, окажется более философичным, чем материалистические или субстанциальные теории природных сил.

Как может кто-либо, претендующий и на *научное*, и на *психологическое* мышление, говорить о *душе* и о *духе*, и помещать их на том же самом уровне, что и физические явления природы, используя при этом язык, который может быть применен *только* по отношению к физическим фактам! Даже профессор Бейн, «монистический АННИГИЛЯЦИОНИСТ» как его называют, признает, что «ментальные и телесные состояния являются в высшей степени контрастными».¹⁶⁸

Таким образом, прямое заключение, к которому в любом случае могут прийти оккультисты и теософы на основании *prima facie* (на первый взгляд) достоверных свидетельств, полученных из письменных источников, и которые никакая философия не сможет теперь опровергнуть, состоит в том, что субстанциальная философия, пришедшая в этот мир для того, чтобы бороться с материалистической наукой и прикончить ее, неизмеримо превзошла последнюю в материализме. Ни Бейн, ни Гексли, ни даже Геккель, никогда не смешивали до такой степени ментальные и физические феномены. В то же самое время, «апостолы материализма» находятся на более высоком философском уровне, чем их оппоненты. Ибо обвинения, выдвинутые против них в том, что согласно их учению душа представляет собой «всего лишь движение частиц мозга и нервов», неверно, поскольку они никогда не высказывались таким образом. Но если даже предположить, что они бы имели такую теорию, то это соответствовало бы субстанциализму, поскольку он уверяет нас, что душа и *дух*, так же как все «*создающие феномены причины*»(?), физические, ментальные или духовные, — если они не рассматриваются как СУБСТАНЦИАЛЬНЫЕ СУЩНОСТИ, — «должны находиться внутри той же самой категории, что и *не обладающие сущностью* (?) *формы движения* материальных частиц».

Все это не только мучительно неясно, но и почти бессмысленно. Вывод о том, что признание научных теорий света, звука, теплоты и т. д., было бы равнозначно признанию *душевного движения молекул* — вряд ли заслуживает обсуждения. Совершенно верно, что около 30-40 лет назад Бюхнер и Молешотт пытались доказать, что ощущение и мысль являются неким движением материи. Но это было объявлено хорошо известным английским аннигиляционистом «недостойным имени *философии*». Ни один человек с истинной научной репутацией или какой-либо известностью, как — Тиндаль, Гексли, Модсли, Бейн, Спенсер или Льюис в Англии, Вирхов или Геккель в Германии, никогда не заходили столь далеко, чтобы заявить: «Мысль есть движение молекул». Единственное их разногласие с теми, кто верит в душу, было и остается в том, что тогда как последние рассматривают душу как *причину* мысли, они (ученые) утверждают, что мысль *сопутствует* определенным физическим процессам в мозге. И они (*истинные* ученые и философы, хотя бы и материалистические) никогда не утверждали, что мысль и движение в нервной системе — *это одно и то же*, но утверждали, что они представляют собой «субъективную и объективную сторону одного и того же».

Джон Стюарт Милль — это хороший авторитет и пример для цитирования, чтобы таким образом опровергнуть эти обвинения. Ибо, говоря о грубом и приблизительном методе попыток разложить ощущение на нервные движения (беря в качестве примера случай *нервных вибраций* в мозгу, которые являются физической стороной *светового* восприятия), он говорит, что «в основе всех этих движений находится нечто, что *не является движением* — это чувство или ощущение цвета». Следовательно, совершенно правильно говорить, что «субъективное чувство», о котором говорит здесь Милль, переживает даже принятие волновой теории света или тепла как вида движения. Ибо последняя базируется на *физической спекуляции*, а учение о первом построено на вечной *философии* — хотя оно и весьма несовершенно, поскольку в столь сильной степени заражено материализмом.

Наш спор с материалистами происходит не столько из-за их *бездуховных* сил, сколько из-за отрицания ими существования какого-либо «носителя силы», ноумена света,

¹⁶⁸

Кроме того, субстанциалисты называют *духом* то, что мы называем разумом (*манасом*), и то, что вместе с ним занимает место АТМЫ — это душа; коротко говоря, они смешивают повозку с тем, кто находится внутри нее.

электричества и т. д. Обвинить их в том, что они не делают различия между ментальными и физическими явлениями, это все равно, что объявить себя несведущим в их теориях. Наиболее знаменитые *негационисты* сегодня являются первыми среди тех, кто признает, что САМОСОЗНАНИЕ и ДВИЖЕНИЕ — «это противоположные полюса бытия». Тот вопрос, который ожидает урегулирования между нами и *материалистическими ИДЕАЛИСТАМИ*, — жизненно важный парадокс, между прочим, представленный сегодня наиболее известными авторами *идеалистической* философии в Англии, — это вопрос о том, является ли сознание лишь переживанием, связанным с органическими молекулами мозга, или нет. Мы говорим, что именно мысль или разум приводит молекулы физического мозга в движение; они же отрицают какое-либо существование разума, независимое от мозга. Но даже *они* не называют месторасположение разума «молекулярной фабрикой», говоря лишь о наличии «разумного принципа» — местоположении или органическом базисе проявляющегося разума. Такое реальное отношение материалистической науки может быть продемонстрировано, если читатель вспомнит утверждения м-ра Тиндаля в его «Научных фрагментах», ибо со времени его дискуссии с д-ром Мартино позиция материалистов не претерпела изменения. Эта позиция остается неизменной, если мы на самом деле не помещаем *гилоидеалистов* на тот же самый уровень, что и м-р Тиндаль — что было бы абсурдно. Объясняя феномен сознания, этот великий физик приводит вопрос м-ра Мартино: «Человек может говорить, я чувствую, я думаю, я люблю; но каким образом сознание привносит себя в проблему?» И сам же отвечает: «Переход от физики мозга к соответствующим фактам сознания непостижим. Мы признаем, что определенная мысль и молекулярное действие в мозгу происходят одновременно, но мы не обладаем интеллектуальным органом, или хотя бы каким-либо рудиментом такого органа, который позволил бы нам перейти путем осознания от одного к другому. Они возникают одновременно, но *мы не знаем, почему*. Если бы наш разум и чувства были столь расширены, усилены и проницательны, как это необходимо для того, чтобы увидеть и почувствовать молекулы мозга; *если бы мы были способны* проследить все их движения, все их группировки, все их электрические разряды, если таковые случались бы; и если бы мы были внутренне знакомы с соответствующими состояниями мысли и чувства, — и тогда мы были бы столь же далеки от решения этой проблемы, как были и до того. «Каким образом такие физические процессы связаны с сознанием?» — пропасть между этими двумя классами феноменов все же оставалась бы интеллектуально непреодолимой».

Таким образом, обнаруживается меньше несогласия между оккультистами и современной наукой, чем между ними и субстанциалистами. Последние совершенно безнадежно смешивают субъективные и объективные аспекты всех феноменов, а ученые — нет, и напротив, они ограничивают *субъективное* лишь земными или физическим феноменами. В данном случае они выбирают картезианский метод в отношении атомов и молекул; мы придерживаемся древних философских убеждений, столь интуитивно воспринятых Лейбницем. Наша система, таким образом, может быть названа, как это сделал он, «спиритуалистической и атомистической».

Субстанциалисты с глубоким презрением говорят о научной теории колебаний. Но до тех пор, пока они не *докажут*, что их взгляды могут достаточно хорошо объяснить феномены и, кроме того, заполнить существующие бреши и разрывы в современных гипотезах, они вряд ли имеют право использовать подобный тон. И поскольку все такого рода гипотезы и спекуляции являются лишь временными, нам было бы лучше оставить их без внимания. Наука совершила удивительные открытия в объективной плоскости всех физических явлений. Но в чем она действительно ошибается, так это в том, что она видит в материи *одной* — то есть в той материи, которая ей известна — *альфу* и *омегу* всех феноменов. Однако, отрицание научной теории световых и звуковых колебаний должно бы вызывать такие же насмешки, как и отрицание учеными *физических* и *объективных* спиритуалистических явлений и объяснение всех их как мошенничества. Наука точно установила и *доказала* ту скорость, с которой распространяются звуковые волны, и она искусственно смоделировала — по данным о прохождении звука при помощи этих волн — человеческий голос и другие акустические феномены. *Восприятие* звука — реакция сенсорного тракта на некий *объективный* стимул (атмосферное колебание) — это действие сознания: и назвать звук «сущностью» на *этом* плане означает *объективировать* самым

курьезным образом *субъективный* феномен, который является в конце концов лишь следствием — низшим итогом последовательности событий. Если материализм помещает все в область объективной материи и не может увидеть исходных и первоначальных источников сил — то сколь же велики ошибки материалистов; ибо это лишь обнаруживает ограниченность их собственной способности слышать и видеть, — ограниченность, которую понимает сам Гексли, ибо он неспособен, исходя из своих собственных убеждений, определить границы наших чувств, и все же он отстаивает свою материалистическую тенденцию ограничивать звук только сферой материи и уровнем нашего восприятия. Смотрите, великий биолог останавливает развитие наших чувств и ограничивает силы человека и природы в своей обычной ультра-поэтической манере. Послушайте, как он говорит (согласно книге Стерилинга «О протоплазме») об «удивительной полуденной тишине тропического леса», которая «*в конце концов обусловлена лишь недостатками нашего органа слуха*, и если бы наши уши могли уловить бормотание тех слабых вихрей, которые проносятся в бесчисленных мириадах живых клеток, составляющих каждое дерево, нас оглушил бы этот шум, как шумом большого города».

Кроме того, телефон и фонограф должны опровергнуть любую теорию, кроме теории колебаний, — как бы *материалистически* они ни были бы выражены. Следовательно, попытка субстанциалистов «показать ошибочность волновой теории звука, как универсального учения, и обрисовать субстанциальную теорию акустики», не может достигнуть успеха. Если бы они показали, что звук — это не *разновидность движения по своему происхождению*, и что силы — это не просто качества и способности материи, вызванные или созданные в материи, *благодаря* материи и *посредством* материи, в определенных условиях — они бы достигли великого триумфа. Но, будь они субстанцией, материей или действием, звук и свет никогда не могут быть отделены от своих форм проявления посредством *колебаний*, — и субъективная или оккультная природа в целом является единственным вечным, постоянным движением **ВИХРЕВЫХ колебаний**.

ЧЕРНАЯ МАГИЯ В НАУКЕ

...Исследование начинается там, где догадки нашего времени складывают свои ненадежные крылья

Бульвер-Литтон: «Занони»

Плоское отрицание вчерашнего дня стало научной аксиомой сегодня.

Афоризмы здравою смысла

Тысячи лет назад фригийские дактили, посвященные жрецы, о которых говорили как о «магах и целителях», лечили болезни с помощью магнитных процессов. Утверждали, что они получали такие целительные способности от могущественного дыхания Кибелы, многогрудой богини, дочери Неба и Земли. Поистине, ее родословие и мифы, относящиеся к ней, указывают, что Кибелу считали воплощением и образцом жизненной сущности, источник которой помещался древними между землей и звездным небом, и рассматривали ее как истинный *fons vitae* [животворный источник] всего, что живет и дышит. Горный воздух вокруг этого источника укреплял здоровье и продлевал человеческую жизнь; поэтому в мифе, посвященном Кибеле, ее жизнь как новорожденной хранится на некой горе. Это было до того, как эта *Magna* [великая] и *Bona Dea* [добрая богиня] превратилась в Цереру-Деметру, покровительницу Элевсинских мистерий.

Животный магнетизм (называемый сегодня внушением или гипнотизмом) был существенным действующим фактором в теургических мистериях так же, как и в *асклепиях*

— храмах исцеления Эскулапа, где допущенного туда пациента лечили магнетически в течение «инкубационного» процесса, пока он спал.

Эту творящую и наделяющую жизнью силу — которую отвергали и высмеивали, именуя теургической магией, обвиняли в последнем столетии в том, что она основана на суевериях и обмане, рассматривая ее как месмеризм, — сегодня называют гипнотизмом, шаркоизмом, внушением, «психологией», и как угодно еще. Но какое бы выражение ни использовать, оно всегда останется чем-то неопределенным, если его употреблять без соответствующей квалификации. Ибо если бы ее кратко изложили со всеми сопредельными ей науками, — которые представляли бы собой все науки внутри *данной* науки, — то в ней бы обнаружили такие возможности природы, о которых никогда даже не мечтали старейшие и наиболее ученые профессора ортодоксальной физической науки. Последние, так называемые «авторитеты», не более чем наивные облысевшие основоположники, столкнувшиеся с тайнами допотопного «месмеризма». Как уже неоднократно утверждалось ранее, все цветы магии, белой или черной, божественной или адской, растут из одного корня. «Дыхание Кибелы» — *акаша таттва* в Индии — это единственная главная действующая сила, и она лежит в основании так называемых «чудес» и «сверхъестественных» феноменов во все времена и во всех странах. Так как этот родовой источник универсален, производимые им эффекты бесчисленны. Даже величайшие адепты вряд ли могли бы сказать, где заканчивается его могущество.

Ключ к алфавиту этих теургических сил был утерян после того, как последние гностики были истреблены жестокими преследованиями церкви; и так как мистерии, иерофанты, теофании и теургии постепенно исчезали из умов людей, в то время как они видели в них лишь некую неопределенную традицию, все они в конце концов были забыты. Но в период ренессанса, в Германии, один ученый теософ, философ *per ignem* [огненный], как он себя называл, вновь открыл некоторые из утраченных секретов фригийских жрецов и Асклепия. Это был великий и несчастный физик-окультист, величайший алхимик своего времени — Парацельс. Этот гений был первым из тех, кто в средние века публично предлагал действие магнита в качестве средства для лечения болезней. Теофраст Парацельс — «шарлатан» и «пьяный обманщик» в глазах, так сказать, «облысевших основоположников» того времени и их сегодняшних наследников — среди других явлений семнадцатого века ознаменовал появление того, что стало полезными областями знания в восемнадцатом. Это он предложил применять и использовал для лечения различных мышечных и нервных заболеваний намагниченные браслеты, пояса, кольца, ожерелья и ножные браслеты; однако его магниты лечили намного более эффективно, нежели это делают современные электрические кольца. Ван-Гельмонт, преемник Парацельса, и Роберт Фладд, алхимик и розенкрейцер, также применяли магниты в лечении своих пациентов. Месмер в восемнадцатом и маркиз де Пуисегюр в девятнадцатом веке также следовали по их стопам.

В большом лечебном заведении, которое Месмер основал в Вене, он использовал, кроме магнетизма, электричество, металлы и различные деревья. Его основной доктриной было учение алхимиков. Он верил, что все металлы, а также деревья и растения обладают сродством и несут в себе в скрытом виде связь с человеческим организмом. Все во Вселенной развилось из единой гомогенной первоначальной субстанции, разделенной на неисчислимы виды материи, и все они обречены на возвращение обратно. Он утверждал, что секрет излечения состоит в знании соответствия и сродства между родственными атомами. Если обнаружить, что металл, дерево или растение в большой степени обладают соответствующим сродством с телом больного; и если при внутреннем или наружном применении это средство наделяет пациента дополнительной силой для борьбы с болезнью (как правило, развивающейся в результате введения некоторого инородного элемента в организм) и ее изгнания, это, безусловно, приведет к его излечению. Такие лекарства, применяемые Антоном Месмером, были многочисленны и удивительны. Были вылечены люди с сердечными заболеваниями. Даме высокого положения, обреченной на смерть, было полностью возвращено здоровье путем прикладывания определенных симпатических сортов древесины. Сам Месмер, страдавший от острого ревматизма, полностью излечился применением специально приготовленных магнитов.

В 1774 году он на самом деле случайно столкнулся с теургическим секретом прямой витальной передачи; и он был столь сильно заинтересован этим, что оставил все свои старые методы, посвятив себя целиком этому новому исследованию. С тех пор он *месмеризировал* пристальным взглядом и движениями рук и перестал использовать естественные магниты. Таинственные действия таких манипуляций он назвал — *животным* магнетизмом. Это привлекло к Месмеру множество последователей и учеников. Эксперименты с новой силой ставили во всех городах Европы, и повсюду ее признали как реальный факт.

Около 1780 года Месмер обосновался в Париже, и в скором времени вся столица, от королевской семьи до последних истеричных буржуа, была у его ног. Духовенство было напугано и кричало — «Дьявол»! Дипломированные «вымогатели» почувствовали все возрастающее оскудение своих кошельков; и аристократия, и двор почувствовали себя на краю безумия от возбуждения. Нет нужды повторять столь хорошо известные факты, но память читателя можно освежить некоторыми деталями, о которых он мог позабыть.

Так случилось, что именно в это время академическая наука была очень горда собой. После многих столетий ментальной стагнации в области медицины и общего невежества, наконец, были сделаны некоторые шаги в направлении истинного знания. Естественные науки достигли решительного успеха, и химия и физика находились на правильном пути, ведущем к прогрессу. Поскольку *ученые мужи* прошлого века не доросли до той высокой скромности, которой столь выгодно отличаются их современные последователи, они надувались тогда от собственного величия. Период похвальной скромности, сопровождаемый признанием относительной мало значимости знаний того времени — и даже современного знания в этом отношении — по сравнению с тем, что знали древние, так и не наступил. Это было время наивных хвастливых павлинов науки, выставляющих напоказ свои хвосты и требующих всеобщего признания и восхищения. Господа-оракулы были не столь многочисленны, как в наше время, но все же их количество было значительным. И поистине, не были ли Дулкамары публичных базаров подвергнуты остракизму? Не исчезли ли вскоре *вымогатели*, освободив место для дипломированных докторов с королевским разрешением убивать и хоронить *a piacere ad libitum* [по собственной воле и усмотрению]? Таким образом, клюющий носом «бессмертный» на своей академической кафедре рассматривался как единственный компетентный авторитет в решении вопросов, которых он никогда не изучал, и в вынесении вердиктов о том, о чем он никогда не слышал. Это было ЦАРСТВО РАЗУМА и науки — в своем детстве; начало великой и ужасной борьбы между теологией и фактом, духовностью и материализмом. В образованных классах общества одна вера слишком часто сменялась полным безверием. Период поклонения науке только что начался, с паломничествами в Академию, на Олимп, где пребывали во всеобщем почтении «сорок бессмертных», с нападками на каждого, кто отказывался проявлять шумное восхищение, эту разновидность младенческого энтузиазма, перед дверью в храм науки. Когда появился Месмер, Париж разделял свою преданность между церковью, которая приписывала Дьяволу все феномены, за исключением своих собственных *божественных тайн*, и Академией, которая не верила ни в Бога, ни в Дьявола, но лишь в собственную непогрешимую мудрость.

Но были и такие умы, которых не удовлетворяло ни одно из этих верований. Поэтому после того, как Месмер заставил весь Париж столпиться у своих приемных, часами ожидая возможности получить место в кресле рядом с таинственным багетом, некоторые люди думали, что наступило то время, когда истина должна быть обнаружена. Они принесли свои верноподданнические желания к королевским стопам, и король тут же приказал своей ученой Академии разобраться в этом. И тогда, пробудясь от своей постоянной дремоты, «бессмертные» учредили «Исследовательский» комитет, в который входил и Бенджамин Франклин, и выбрали некоторых наиболее старых, мудрых и облысевших среди своих «основоположников» для наблюдения за Комитетом. Это было в 1784 году. Каждый знает о том, каков был отчет последнего и окончательное решение Академии. Это дело в целом выглядит сегодня как генеральная репетиция пьесы, один из актов которой был сыгран Лондонским «Диалектическим обществом» и некоторыми крупнейшими английскими учеными почти восьмьюдесятью годами позже.

На самом деле, невзирая на противоположный отчет д-ра Жюсьё, академика высшего ранга, и придворного лекаря д'Эслона, который, как очевидец наиболее поразительных

феноменов, настаивал на проведении Медицинским факультетом тщательного изучения терапевтического действия магнитного флюида — их требования потерпели неудачу. Академия не поверила своим наиболее выдающимся членам. Даже сэр Б. Франклин, столь хорошо знакомый с космическим электричеством, не распознал его первоначальный источник, и вслед за Байи, Лавуазье, Магенди и другими провозгласил месмеризм обманом. Второе исследование, которое последовало за первым — в 1825 году — принесло не лучшие результаты. Отчет был еще в большей степени подавляющим (см. «Разоблаченную Изиду», том 1, стр. 137-139).

Даже сегодня, когда эксперименты полностью продемонстрировали, что «месмеризм», или животный магнетизм, ныне известный под именем гипнотизма (поистине, несчастное следствие «дыхания Кибелы») — это факт, все же мы видим большинство ученых, отрицающих его существование. Даже гипнотизм, эта мелкая рыбешка среди величественных экспериментальных психо-магнетических феноменов, кажется слишком невероятным, *слишком загадочным*, для наших дарвинистов и геккелианцев. Вы видите, что необходима большая нравственная смелость, чтобы встретиться лицом к лицу подозрения коллег, недоверие публики и хихиканье дураков. «Тайны и шарлатанство переходят из рук в руки», — говорят они; и «самоуважение и профессиональное достоинство», — как отмечает Магенди в своей «Физиологии человека», — «требуют того, чтобы хорошо образованный медик помнил, как легко тайны переходят в шарлатанство». К сожалению, «хорошо образованный медик» не помнит, что физиология среди всего прочего полна тайн — глубоких, необъяснимых тайн от А до Я, — и спрашивает, не должен ли он, исходя из вышеприведенного трюизма, выбросить за борт биологию и физиологию как крупнейших представителей шарлатанства в современной науке. Тем не менее, некоторые из здравомыслящего меньшинства наших медиков предпринимают серьезные исследования гипнотизма. Но даже они, с неохотой вынуждаемые поверить в реальность его феноменов, все же настаивают на том, что они видят в таких проявлениях действие не большего фактора, чем материальная и физическая сила, и таким образом отрицают правомерность именования их животным магнетизмом. Но как только что сказал преподобный м-р Хевис (о нем немного позднее) в «Daily Graphic»:

Феномены Шарко, из всех подобных, являются во многих отношениях идентичными с месмерическими феноменами, и гипнотизм было бы наиболее правильно рассматривать как область месмеризма, чем нечто, отличное от него. Как бы то ни было, факты Месмера, ныне широко признанные, сперва безусловно отрицались.

И их все еще отрицают.

Но хотя они и отрицают месмеризм, они увлекаются гипнотизмом, несмотря на научно признанные сегодня опасности этой науки, в которой медики-практики во Франции опережают английских. И первые утверждают, что между двумя состояниями месмеризма (или магнетизма, как они называют его) и гипнотизма «существует пропасть». Что одно из них благотворно, а другое зловредно, как это, очевидно, должно быть; поскольку, в соответствии и с оккультизмом, и с современной психологией, *гипнотизм вызывается посредством удаления нервного флюида из капилляров нервов*, которые являются, так сказать, часовыми, которые держат двери наших чувств открытыми и впадают в состояние анестезии при гипнотических условиях, позволяя им закрыться. А. Г. Симонин открыл многие полезные истины в своей выдающейся работе «Solution de probleme de la suggestion hypnotique» [«Решение проблемы гипнотического внушения»].¹⁶⁹ Он показал, что в то время как «в магнетизме (месмеризме) в человеке происходит значительное развитие моральных способностей», и его мысли и чувства «становятся возвышенными, и чувства приобретают аномальную остроту»; в гипнотизме, напротив, «человек становится *простым зеркалом*». Внушение является истинным двигателем в различных процессах, происходящих в гипнотике; и если время от времени «совершаются действия, кажущиеся удивительными, это происходит благодаря гипнотизеру, а не самому человеку». И еще... «В гипнотизме инстинкт, то есть, *животное*, достигает своего наивысшего развития; поистине, столь

¹⁶⁹

См. обзор данной его работы в «Journal du Magnetisme» (май, июнь 1890), журнале, который был основан бароном дю Поте, и ныне редактируется Г. Дюрвилем в Париже.

большого, что афоризм «крайности сходятся» нигде не мог бы получить столь лучшего выражения, как в случае магнетизма и гипнотизма». Эти слова столь же истинны, как и различие между человеком, находящимся под воздействием месмеризма или гипноза. «В одном человеке, его идеальная природа, его моральное эго — отражение его божественной природы — подходит к своему крайнему пределу, и он становится полностью небесным существом (*un ange*). В другом же, его *инстинкт* развивается наиболее удивительным образом. Гипнотик низводит себя до уровня животного. С физиологической точки зрения, магнетизм (месмеризм) успокаивает и исцеляет, и гипнотизм, который является лишь результатом неуравновешенного состояния, — наиболее опасен».

Таким образом, враждебно настроенный Отчет, написанный Бейли в конце прошлого столетия, повлек за собой ужасные последствия в этом веке, но это также и его *карма*. Направленный на то, чтобы уничтожить «месмерическое» безумие, он нанес смертельный удар доверию публики к научным утверждениям. В наши дни *Non-Possumus* [недоверие] королевских колледжей и академий котируется на фондовой бирже всеобщего мнения столь же низко по своей цене, как *Non-Possumus* Ватикана. Дни авторитетов, человеческих или божественных, утекли прочь; и мы уже видим мерцающий на горизонте будущего единственный трибунал, высший и окончательный, перед которым склонится человечество — ТРИБУНАЛ ФАКТА и ИСТИНЫ.

Да, этому трибуналу оказывают почтение даже либеральные церковники и знаменитые проповедники. Роли сегодня перешли из одних рук в другие, и во многих случаях это наследники тех, кто зубами и ногтями отстаивал реальность Дьявола и его прямую взаимосвязь с психическими феноменами, кто долгие века печатно выступал с бранью в адрес науки. Заслуживающий внимания пример такого рода содержится в уже упоминавшемся письме преп. м-ра Хевиса в «Graphic». Ученый проповедник, кажется, разделяет наше негодование по поводу пристрастности современных ученых, замалчивания истины и неблагодарности к своим древним учителям. Его письмо столь интересно, что его лучшие моменты должны быть увековечены в нашем журнале. Вот его некоторые фрагменты. Он спрашивает:

Почему наши ученые не могут сказать: «Мы грубо ошибались в отношении месмеризма; он по своей сути истинен»? Не потому, что они являются людьми науки, но просто потому, что они люди. Без сомнения, это унижительно, когда о том, что вы догматизировали во имя науки, вы же говорите: «Я был неправ». Но не более ли унижительно, когда твоя неправота бывает обнаружена; и не в высшей ли степени унижительно после бесполезного изворачивания в плотных сетях неумолимых фактов внезапно падать духом и называть ненавистную сеть «подходящей оградой», в которую вы отныне уже не возражаете быть пойманным? Именно это, как мне кажется, делают сегодня м-р Шарко, французские гипнотисты и их поклонники-медики в Англии. Даже после смерти Месмера в возрасте восьмидесяти лет, в 1815 году, французские и английские «факультеты», за немногими достойными уважения исключениями, высмеивали и отрицали факты так же, как и теории Месмера, но сегодня, в 1890 году, армия ученых внезапно признала их, хотя и стирая (так хорошо, насколько они это могут) имя Месмера, лишив его всех его феноменов, которые они тихо присвоили под именами «гипнотизма», «внушения», «терапевтического магнетизма», «психопатического массажа», и все остальное. Поистине, «Что в имени?»

Хотя я больше озабочен вещами, нежели именами, но я склоняюсь перед пионерами мысли, которые были изгнаны, попраны и распяты ортодоксами всех веков, и я думаю, что немногие ученые могли сделать столько для людей, как Месмер, дю Поте, Пуисегюр, или Майо и Элиотсон; теперь их нет, и следует «построить им надгробия».

Но м-р Хевис мог бы добавить, что вместо этого гипнотисты — любители от науки — роют своими собственными руками могилы для умов многих мужчин и женщин; они порабащают и парализуют свободную волю в этих «личностях», превращая бессмертных людей в бездушные, невменяемые автоматы, и расчлениают *их души* с тем же равнодушием, с

каким они подвергают вивисекции тела кроликов и собак. Короче говоря, они легко превращаются в «колдунов» и поворачивают науку на безбрежное поле черной магии. Преподобный автор, однако, очень легко прощает преступников; и отмечая, что он признает «различие» (между месмеризмом и гипнотизмом), «не имея пристрастия к какой-либо теории», он добавляет:

Я занимаюсь главным образом фактами, и то, что я хотел бы узнать, так это почему об этих леченных и аномальных состояниях возмущается как о современных открытиях, хотя «факультеты» до сих пор высмеивают или игнорируют своих великих предшественников, сами не имея никакой теории, о которой они могли бы договориться, или хотя бы одного-единственного факта, который они могли бы назвать новым. Истина состоит в том, что мы снова ощупью, с большим трудом, пытаемся разрабатывать старые неиспользованные рудники древних; повторное открытие таких оккультных наук точно соответствует возрождению скульптуры и живописи в современной Европе: Вот история оккультной науки в двух словах. 1. Когда-то известная. 2. Утраченная. 3. Вновь открытая. 4. Отрицаемая. 5. Вновь подтвержденная, и медленно, под новыми именами, победившая. Доказательства всего этого являются исчерпывающими и изобильными. Этого может быть достаточно для того, чтобы заметить, что Диодор Сицилийский упоминает о том, как египетские жрецы, за много веков до Христа, приписывали Изиде наделение ясновидением для терапевтических целей. Страбон приписывал то же самое Серапису, в то время как Гален упоминает об одном храме недалеко от Мемфиса, знаменитом таким гипнотическим лечением. Пифагор, который добился доверия египетских жрецов, полностью поглощен этим вопросом. Аристофан в «Plutus» детально описывает месмерическое лечение — «и сперва он начал брать голову руками». Целий Аврелиан описывает манипуляции (1569) для лечения болезни, состоящие в том, что «руками проводят от верхних частей тела к нижним»; и была такая старая латинская поговорка: «*Ubi dolor ibi digitus*», «Где больно, надо приложить руку». Но время не позволяет мне рассказать о Парацельсе (1462)¹⁷⁰ и его «глубокой тайне магнетизма»; о Ван-Гельмонте (1644)¹⁷¹ и его «вере в силу рук при заболевании». Многое в писаниях этих людей прояснилось для современной публики лишь благодаря *экспериментам Месмера*, и имея ввиду современных гипнотистов, становится ясно, что мы должны делать относительно его самого и его учеников. Он безусловно утверждал передачу животного магнетического флюида, которую, как я полагаю, гипнотисты отвергают.

Да, они это делают. Но то же самое ученые делали в отношении более чем одной истины. Отрицать «животный магнетический флюид» — это, без сомнения, не более абсурдно, чем отвергать циркуляцию крови, что они делали столь энергично.

Некоторые дополнительные подробности о месмеризме, приводимые м-ром Хевисом, могут показаться интересными. Он напоминает нам об ответе написанном сильно обиженным Месмером академикам после их неблагоприятного Отзыва, и называет его «пророческими словами».

«Вы говорите, что Месмер никогда больше не поднимет снова своей головы. Если такова судьба человека, то не такова судьба истины, которая по своей природе является нерушимой, и воссияет рано или поздно в этой или какой-либо другой стране с еще большим великолепием, чем раньше, и ее триумф уничтожит ее несчастных разрушителей». Месмер с отвращением покинул Париж и до самой смерти уединился в Швейцарии; но знаменитый д-р Жюсьё был обращен в его веру. Лафатер принес систему Месмера в Германию, в то время как Пуисегюр и Делюз распространили ее по всей провинциальной Франции, создавая многочисленные «гармонические общества», занимающиеся изучением терапевтического магнетизма и родственных с ним феноменов передачи мысли, гипнотизма и ясновидения.

---

¹⁷⁰ Эта дата ошибочна, Парацельс родился в Цюрихе в 1495г.

¹⁷¹ Это дата смерти Ван-Гельмонта; он родился в 1577 г.

Около двадцати лет тому назад я познакомился, вероятно, с наиболее знаменитым учеником Месмера, ныне покойным бароном дю Поте.¹⁷² Вокруг терапевтических и месмерических подвигов этого человека шла (между 1830 и 1846 годами) резкая полемика по всей Франции. Один убийца был осужден и наказан единственно на основании доказательств, которые предоставили ясновидящие дю Поте. Поэтому мировой судья допустил многих людей на открытый суд. Этого было более чем достаточно даже для скептически настроенного Парижа, и Академия решила вновь провести заседание и, если возможно, разрушить это суеверие. Они заседали, но, странно сказать, в это же время они и уверовали. Итард, Фукье, Гверсент, Бурдуа де ла Мотт, сливки французского факультета, сочли месмерические феномены достоверными — лечения, трансы, ясновидения, передачу мысли и даже чтение закрытых книг; и с этого времени была изобретена тщательно разработанная номенклатура, в которой, где это было возможно, стирались ненавистные имена неутомимых людей, которые вынудили появление этого научного признания, и в то же время многие факты, подтвержденные Месмером, дю Поте и Пуисегюр, вносились в число бесспорных феноменов, принятых, на основании какой-нибудь теории, медицинской наукой...

Теперь подошла очередь нашего туманного острова и его фанатичных ученых.

Кроме того, — продолжает автор, — Англия была более упрямой. В 1846 году прославленный д-р Эллиотсон, популярный практик с обширной клиентурой, зачитал знаменитую Гарвейскую лекцию, в которой он признал свою веру в месмеризм. Он был осужден медиками с такими результатами, что полностью потерял свою практику и вскоре умер разоренным, если не убитым горем. Им был создан Месмерический госпиталь на Марильбон-роуд. Здесь проводились успешные операции под воздействием месмеризма, и все те феномены, которые впоследствии происходили в Лидсе и в других местах и удовлетворили медиков, были получены на Марильбон пятьюдесятью годами ранее. Тридцать пять лет назад профессор Листер проделал то же самое — но введение хлороформа было более быстрым и намеренно с целью анестезии, что убивало на время месмерическое лечение. Интерес публики к месмеризму угас, и месмерический госпиталь на Марильбон-роуд, который был в тяжелом положении после расправы с Эллиотсоном, в конце концов закрылся. Позже мы узнали, какой была судьба Месмера и месмеризма. Говоря о Месмере, его помещали рядом с графом Калиостро, а сам месмеризм вообще упоминался очень редко; но мы слышим много всего об электробиологии, терапевтическом магнетизме и гипнотизме. О, тени Месмера, Пуисепора, дю Поте, Эллиотсона — *sic vos non vobis* [так вы трудитесь, но не для себя]. И все же, я говорю: *Palmam qui meruit ferat* [И на камнях растут деревья]. Когда я познакомился с бароном дю Поте, он был на краю могилы, в возрасте около восьмидесяти лет. Страстный поклонник Месмера, он посвятил всю свою жизнь терапевтическому магнетизму, и был абсолютно уверен в том, что реальная магнетическая аура переходит от месмеризатора на пациента. «Я покажу вам это». — сказал он однажды, когда мы с ним стояли у постели пациентки, находящейся в столь глубоком трансе, что когда мы вонзали иголки в ее руки и кисти, она не подавала ни малейшего знака или движения. Старый барон продолжал: «Я буду, с расстояния один или два фута, вызывать слабые конвульсии в любой части ее тела при помощи простого перемещения моей руки над этой частью, без какого-либо контакта». Он начал с плеча, которое вскоре стало судорожно подергиваться. Тихо успокоив его, он попробовал локоть, запястье, колено, и конвульсии возрастали по

¹⁷²

Барон дю Поте был многие годы Почетным членом Теософского общества. В его собственноручно написанных письмах, полученных нами и хранящихся в Адьяре, нашей штаб-квартире, он порицает ненаучный и легкомысленный подход «*par les charlatans du jour*» [современных шарлатанов], которые берутся судить о месмеризме (тогда он был на грани того, чтобы стать научным «гипнотизмом»). Если бы он дожил до того, чтобы увидеть тайну науки, опустившуюся до такой полной пародии, как гипнотизм, его могущественный голос смог бы предотвратить нынешние ужасные злоупотребления месмеризмом и его деградацию в коммерческий балаган Панча и Джуди. К счастью для него, и к несчастью для истины, величайший адепт месмеризма в Европе этого столетия — скончался.

своей интенсивности в зависимости от времени воздействия. «Вы теперь достаточно удовлетворены?» Я сказал: «Полностью удовлетворен»; и он продолжал, — «некоторых пациентов, которых я испытывал, я подвергал воздействию через кирпичную стену, и в то время, и в таком месте, когда пациент не должен был знать о моем присутствии или моем намерении. Это», — добавил дю Поте, — «было одним из экспериментов, наиболее загадочных для парижских академиков. Я повторял этот эксперимент снова и снова, при любых условиях и проверках, с совершенно неизменным результатом, пока самые большие скептики не были вынуждены признать его».

Мы обвинили науку в том, что она на всех парусах погружается в Мальстрим Черной Магии, практикуя то, что древняя психология — наиболее важная область оккультной науки — всегда объявляла колдовством, примененным по отношению к *внутреннему* человеку. Мы готовы отстаивать то, что мы говорим. Мы намерены доказать это в ближайшем времени в одной из будущих статей, основываясь на опубликованных фактах и действиях, совершаемых гипнотизмом самих вивисекционеров. Таким образом, эти бесстрастные колдуны не смогут избавиться от тех фактов, что они практикуют Черное Искусство *bel et bien*. Короче, ситуация состоит в следующем. Меньшая часть из образованных медиков и других ученых экспериментирует с «гипнотизмом» потому, что они что-то увидели в нем; большая же часть представителей мира науки до сих пор отрицает существование животного магнетизма в его месмерической форме, даже под его современной маской — гипнотизма. Первые — полностью невежественные относительно фундаментальных законов животного магнетизма — экспериментируют наугад, полностью вслепую. Если вспомнить в соответствии с их декларациями, что (а) гипнотизм не является месмеризмом, и (б) что магнетическая аура или флюид, исходящий от месмериста (или гипнотизера) — это чистое заблуждение, они не имеют права, конечно, применять законы древней науки к науке современной. Однако они вмешиваются и пробуждают к действию наиболее опасные силы природы, сами не осознавая этого. Вместо лечения болезней — единственного использования, для которого животный магнетизм под его новым названием может быть применен *законным* образом, — они зачастую внушают людям свои собственные как физические, так и ментальные болезни и пороки. За все это, и за невежество меньшинства своих коллег, неверящее большинство саддукеев несет огромную ответственность. Ибо, противостоя им, они препятствуют свободе действия и нарушают клятву Гиппократова, делая себя бессильными принимать и совершать многое из того, что верующие могли делать и делали бы другим способом. Но, как верно отметил в своей работе д-р А. Тест:

Существуют такие несчастливые истины, которые компрометируют тех, кто в них верит, и особенно тех, кто столь искренен, что признает их публично.

Таким образом, смысл гипнотизма, хотя он и не изучается надлежащим образом, самоочевиден. Много лет назад было отмечено:

Долг Академии и медицинских авторитетов — изучить месмеризм (то есть, оккультную науку в своем духе) и испытать оный; наконец, изъять его применение и использование из рук тех людей, кто совершенно незнаком с этим вопросом, кто злоупотребляет этими средствами и делает их предметом наживы или спекуляции.

Тот, кто выразил эту великую истину, был «гласом вопиющего в пустыне». Но те, кто имеет некоторый опыт в области оккультной психологии, пошли бы дальше. Они сказали бы, что это обязанность каждой научной организации — нет, каждого правительства — положить конец публичным представлениям такого рода. Применяя *магическое* воздействие человеческой воли на более слабую волю; высмеивая существование *оккультных* сил в природе — сил, имя которых легион, — но все же вызывая их под предлогом, что они не являются ни совершенно независимыми силами, ни даже психическими силами по своей природе, но «связаны с известными *физическими* законами» (Бине и Фере), эти авторитетные

люди фактически являются ответственными за все ужасные последствия, которые следуют и могут последовать за их опасными публичными экспериментами» Поистине карма — ужасный, но справедливый карающий закон — поразит всех тех, кто создал наиболее страшные последствия в будущем, проводя такие ужасные публичные представления для развлечения профанов. Пусть они подумают лишь об опасностях для потомства, о новых формах болезней, ментальных и физических, порожденных таким безумным использованием психической воли! Это столь же вредоносно на моральном плане, как искусственное введение животного вещества в кровь человека, в соответствии с имеющим дурную репутацию методом Броуна Секварда, — на плане физическом. Они смеются над оккультными науками и высмеивают месмеризм? Все же еще не закончится этот век, как они получают неопровержимые доказательства, что идея преступления, внушенная ради эксперимента, не уносится обратным движением волевого потока столь же легко, как она была вызвана. Они могли бы понять, что если внешнее проявление идеи «внушенного» преступления может исчезнуть из воли оператора, то искусственно внесенное *активное живое зерно* не исчезнет из него; что однажды попавшее в место человеческих — или, скорее, животных — страстей, оно может пребывать в скрытом виде иногда годами и внезапно пробуждаться к действию при некоторых непредвиденных обстоятельствах. Известно, что плачущие дети, испуганные до немоты посредством внушения некоего монстра, дьявола, стоящего в углу, глупой няней, впадали в безумие через двадцать или тридцать лет по тому же самому поводу. Существуют таинственные, тайные ящики, темные уголки и потаенные места в лабиринте нашей памяти, до сих пор неизвестные физиологам, которые открываются лишь однажды, в редких случаях дважды, за человеческую жизнь, и лишь при аномальных и очень специфических условиях. Но когда это случается, то это обычно либо героический поступок, совершенный человеком, от которого его совсем не ожидали, либо — ужасное преступление, причина которого навсегда останется тайной...

Такие эксперименты по «внушению», производимые людьми, несведущими в оккультных законах, представляют собой наибольшую из опасностей за последнее время. Действие и обратное действие идей на *внутреннее низшее* «эго» никогда ранее не изучалось, и поэтому это эго есть *terra incognita* [неведомая земля] (даже когда его не отрицают) для людей науки. Кроме того, такие представления перед разношерстной публикой несут в себе опасность. Люди, обладающие беспорной научной образованностью, которые экспериментируют с гипнотизмом на публике, дают своими именами санкцию на такие представления. И тогда любой недостойный спекулянт, достаточно хорошо понимающий процесс, может, развиваясь благодаря практике и накоплению той же самой силы в себе самом, применить ее для своих собственных эгоистических, а часто и криминальных целей. *И вот кармические последствия:* любой гипнотизер, любой человек науки, пусть даже свободомыслящий и достойный уважения, однажды позволивший себе стать бессознательным инструктором того, кто изучал лишь злоупотребления тайной наукой, становится, без сомнения, моральным сообщником каждого преступления, совершенного таким образом.

Таковы последствия публичных «гипнотических» экспериментов, которые таким образом приводят к ЧЕРНОЙ МАГИИ, а фактически и являются таковой.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МЕСМЕРИЗМЕ И ГИПНОТИЗМЕ

Месмеризм и гипнотизм совершенно различны по своим методам. В гипнотизме нервные окончания органов чувств сперва утомляются, а затем, при продолжении изнурения, временно парализуются; этот паралич распространяется далее в направлении чувствительного центра в мозгу, и результатом является состояние транса. Утомление

осуществляется при помощи некоторых механических средств, таких как вращающееся зеркало, диск, электрический свет, и т. д. результате частого повторения такого уставания пациент получает склонность впадать непосредственно в состояние транса, а его органы чувств и мозг постоянно слабеют. Когда его эго оставляет место своего обитания, и его мозг таким образом остается пассивным, другому человеку легко внушить ему идеи или действия, и эти идеи будут затем осуществляться пациентом после его выхода из трансового состояния, как если бы они были его собственными. Во всех таких случаях он является просто пассивной силой в руках гипнотизера.

Метод подлинного месмеризма совершенно иной. Месмеризер переносит свой собственный аурический флюид ... посредством эфирного двойника, на своего пациента; таким образом он может, в случае болезни, регулировать непостоянные вибрации страдающего человека или поделиться с ним своей собственной жизненной силой, таким образом повышая его витальность. Нет другой силы, которая действовала бы столь же целебно на нервную атрофию, как эта, и можно увидеть при помощи ясновидения, как сморщенная, ссохшаяся клетка надувается и увеличивается в нахлынувшем жизненном потоке. Наиболее легко ток праны истекает из кончиков пальцев и через глаза; движения руками следует совершать вдоль нервов от центра к периферии, резко встряхивая пальцы в сторону от пациента и оператора по окончании пассивов. Следует вымыть руки перед операцией и после нее, и ее ни в коем случае нельзя совершать, когда разум неспокоен, а здоровье не является крепким. Недостаток витальности можно преодолеть при помощи стояния на солнце, причем на вас должно быть настолько мало одежды, насколько это возможно, дышать следует глубоко и медленно, задерживая дыхание между каждым вдохом и выдохом столь долго, сколь это удобно, то есть, чтобы не вызвать боли или удушья. Пять минут такого занятия восстановят пранический баланс.

ГИПНОТИЧЕСКИЕ МЕДИУМЫ И «ИСТОРИЧЕСКИЕ» ВИДЕНИЯ

Софья Перовская как «дух»

О достоверности опознания *возвращающихся* духов можно сделать некоторый вывод из той порции свежей информации, которая была получена недавно из «Религиозно-философского журнала» за 23 июля. Одна дама из Рочестера, США, некая миссис Корнелия Гарднер, написала сообщение о личном опыте своих собственных ясновидческих сил. Рассказывая об «индивидуальности духов и их посланиях», она говорит: «Обычно я принимаю их за то, чего они заслуживают, и если я получаю доказательство истинности, я более чем довольна; если же этого не происходит, я кладу их на чаши весов вместе со многим другим, и буду ждать доказательств, прежде чем что-либо решить, ибо я верю, что духов надо испытывать так же, как и медиумов».

Несомненно; и очень жалко, что автор должен был в данном случае отступить от своей мудрой политики. Пренебрегая «ожиданием доказательств», ныне она навлекает большое сомнение в достоверности и ясности своего ясновидения. Вот суть того дела, о котором она рассказывает нам: мадам (?) Перовская, нигилистка, казненная за ужасное убийство царя Александра II, по-видимому, поспешила в субботний полдень, после казни пяти нигилистов в Санкт-Петербурге, появиться в эфирном теле в Рочестере перед миссис Гарднер, которая услышала ее возглас:

— Я рада, что я сделала это! Это было сделано ради свободы и моих соотечественников. Я страдала вместе с другими членами моей семьи от власти тирании, и я чувствовала некую силу, которая побуждала меня идти вперед и которой я не могла сопротивляться. Теперь я знаю, чем было это невидимое влияние и почему я не могла ему сопротивляться. Я действовала в согласии с невидимыми силами высших разумных существ,

которые осуществляют великие изменения на земле, чтобы доказать, что пробил час человека.

На вопрос ясновидящей:

Кто вы?, — голос ответил:

— Я мадам Софья Перовская. Я была казнена в Санкт-Петербурге вместе с нигилистами за убийство царя.

Черты верхней части лица становились видимыми, они показывали «ясный, широкий и высокий лоб», который помог ясновидящей отождествить это лицо с лицом Софьи Перовской. На следующий день она обнаружила в газетах сообщение об этой казни. «Наиболее замечательным объектом», — пишет она, — «в экипаже, который перевозил узников к эшафоту, был «широкий, высокий лоб» мадам Перовской, которая ехала к месту своей казни с непокрытой головой. Это описание вполне отвечало той голове, которую я видела в состоянии ясновидения».

Очень хорошо. А теперь мы проанализируем это замечательное видение. Итак. В едва ли дюжине строк, которые были, как нам говорят, произнесены «духом», мы обнаруживаем около полудюжины *посмертных* выдумок. Софья Перовская, которая, между прочим, никогда не имела «широкого, высокого лба», но обладала очень *узким* и вытянутым лбом (у нас имеется ее фотография), и чело лишь делало ее естественную красоту немного грубоватой, — не могла «ехать к месту казни с непокрытой головой». Помимо того, что правила требуют, чтобы на заключенных были одеты их черные шапки, ее руки были связаны. И с этой шапкой она появилась, по крайней мере на фотографических изображениях ужасной процессии и в официальных сообщениях о казни, где нет места поэтической фантазии и где упоминается эта шапка. Кроме того, Софья Перовская не могла бы представляться после своей смерти как «мадам», как она не делала этого и в своей жизни, поскольку она не была замужем и всегда называлась «мадемуазель» Перовская и в русских, и в европейских газетах. И опять-таки — все «другие члены моей (ее) семьи» пострадали лишь от того вечного позора, который навлекло на них это жалкое и бессердечное создание. Эта семья, долгие годы проживавшая в Крыму, известна всему одесскому обществу, так же как и лично автору; и мы говорим не боясь никаких опровержений, что едва ли был другой русский человек, столь лояльный и преданный покойному императору, как несчастный отец Софьи Перовской, — отец, который не смог пережить такого бесчестия, вследствие чего умер от разрыва сердца, или, как многие предполагают, в результате самоубийства. «Ради свободы» и ее соотечественников! Благодаря безумному акту цареубийства несчастная Россия была отброшена на сорок лет назад, ее политические оковы ныне стали тяжелее и сильнее, чем когда-либо. Но наиболее дискредитирующая и опасная часть (опасная для «ангелов») тирады Перовской-привидения — это заключительная фраза о ее тесных связях. Если эта хладнокровная убийца действовала «в согласии с невидимыми силами *высших* разумных существ», и эти «высшие разумные существа» побудили ее совершить самое ужасное из преступлений — убийство *престарелого человека* (тот факт, что этот человек был императором, ничего не добавит к нашему негодованию) и самого доброго, высоко патриотичного и наиболее благожелательно настроенного к своему народу человека и правителя, которого когда-либо имела Россия; который, если бы его оставили в покое вместо того, чтобы посылать ежедневные угрозы, и дали время, несомненно смог бы осуществить все необходимые реформы и, таким образом, добавить их к тем великим реформам, которые уже были проведены, — тогда какой же характер, можем мы спросить, должны иметь «низшие» разумные создания? И подумать о том, что данное «духовное сообщение» было опубликовано именно в то же самое время, когда президент Соединенных Штатов, генерал Гарфилд, был смертельно ранен рукой подлого убийцы и вскоре умер... Не эти ли «высшие разумные существа» направляли руку Гито? И если это так, то чем раньше мы, смертные, закроем наши двери от вторжения таких опасных гостей, тем лучше это будет для нравственности во всем мире.

Это удивительное письмо заканчивается другой информацией не менее вредоносного характера. «Однажды», — пишет миссис Гарднер, — «она (Перовская) появилась снова в доме одного друга вместе с *женщиной, которую российское правосудие арестовало перед родами и жестоко замучило до смерти*». Сколь же это удивительно! Если бы ясновидящая лишь ожидала «доказательств», она могла бы узнать из августовских газет официальные

новости, что «женщина, которую российское правосудие... жестоко замучило до смерти» (позорная выдумка русских нигилистов в Париже), а именно, еврейка Джесси Гелффман, была помилована императором, а ее смертный приговор был заменен пожизненной ссылкой. Именно в связи с петицией, посланной ею императрице и умоляющей о милосердии во имя детей императора и ее собственного невинного ребенка — ребенка цареубийцы, — была сохранена ее никчемная жизнь. Не ожидала ли миссис Гарднер, что убийца будет не только прощена, но и произведена императрицей в придворные дамы? Мы бы посоветовали ей в таком случае использовать свои психологические силы для того, чтобы склонить американских республиканцев проголосовать за назначение Гито государственным секретарем, если не президентом Соединенных Штатов вместо его жертвы.

Эти две небольшие психологические ошибки напоминают нам о другой ошибке того же рода, которая имела место также в «Религиозно-философском журнале» несколько лет назад. В серии писем, вспоминая о пребывании в Санкт-Петербурге, некий м-р Джесси Шеппард, — безусловно подлинный, хотя и очень странный медиум, «гипнотический пианист» и певец из Америки, благодаря удивительным горловым связкам которого покойные мадам Каталини, Малибран, Гризи и синьоры Лаблаш, Ронцони и Ко., вместе с множеством других оперных знаменитостей, ежедневно совершали свои посмертные представления, — рассказывает о некоторых своих удивительных «видениях». Такие видения, которые мы можем назвать *историческими*, были получены им в состоянии ясновидческого транса в России. Захватывающей темой одного из них было убийство императора Павла I. В это время м-р Джесси Шеппард посетил тот дворец, в котором было совершено ужасное цареубийство, и состояние транса и последующие видения были вызваны, как он сам сообщает нам, печальными ассоциациями, которые подобно невидимому покрывалу окутывали весь дворец. Но как же вообще смог знаменитый медиум попасть во дворец, который был разрушен до основания более чем восемьдесят лет тому назад, — собственно, сразу же после того, как произошло это преступление, на его месте было построено военное училище, — этого мы не можем объяснить. Однако, и несмотря на все это, м-р Дж. Шеппард был там, — поскольку он сам сообщает нам об этом, — и там он увидел в апокалиптическом и ретроспективном видении сцену кошмарного убийства, со всеми ее отвратительными, но все же *историческими* подробностями. Он видел, что императору Павлу *перерезали горло* двое крепостных, которые носили русско-американские имена — фавориты Екатерины II, «*жены Павла*», которую медиум видел спокойно ожидающей финала этой небольшой супружеской драмы в своей собственной спальне, и т. д., и т. д... Теперь, принимая во внимание тот незначительный и неоспоримый исторический факт, что Екатерина Великая *была матерью Павла и умерла еще до того, как Павел взойшел на российский престол*, и что, как логическое следствие, она не могла быть в то же самое время его женой, а следовательно, не имела никакого отношения к его несчастной кончине; и, в-третьих, что император Павел был задушен своим собственным форменным шарфом, и потому вдобавок перерезать ему горло — это было бы весьма необдуманное нанесение еще одной травмы в дополнение к другой; мы можем сказать, что в течение всей нашей жизни, с тех пор как мы читали и обдумывали это видение, мы никогда не могли найти разумную причину такого «явления»! И мы не можем ничего понять в большинстве современных медиумических видений. Может ли это сделать кто-то другой?

Само собой разумеется, что эти заметки навлекут на нашу голову новый ураган оскорблений, который, в ходе своего вихреобразного и все усиливающегося движения, будет находить свое развитие во все новых видах совершенно удивительного и неожиданного поношения и оскорбления. Так, я ожидаю, что меня вновь назовут «обманщицей»; подкупленным агентом живых иезуитов, нанятым для разрушения спиритуализма; и «медиумом» иезуитов мертвых, а именно, «духов иезуитов», которые используют меня для этой цели. Меня будут обвинять в бигамии, тригамии и полигамии, в том, что я ограбила Английский банк и, быть может, убила своими «психологическими силами, соединенными с плутовством», папу римского и нескольких британских премьер-министров; в том, что я являюсь одной из героинь Эмиля Золя и говорю на французском *арго* [сленге], сходным с языком одного из воров-карманников в «Парижских тайнах» Эжена Сю (это скорее комплимент моим лингвистическим способностям, чем наоборот, и даже более того, поскольку наши собственные обвинители вряд ли могут правильно говорить на своем

собственном языке). Если закончить перечень наших ужасающих пороков, то мы будем прямо обвиняться в курении трубки и «сигарет», (!) «неистовом богохульстве» (!!) и «неодолимом пристрастии к спиртным напиткам». (!!!) И все это потому, что мы подвергаем сомнению достоверность и правдивость «духов», которые пренебрегают изучением истории, и отказываемся признать существование «призраков» людей, о которых мы знаем, что они живы. *Furor arma ministrat* [орудием служит бешенство]... Поистине, только лишь правда, да к тому же самая неприятная, какая только может быть, способна вызвать у людей такие припадки безумной ярости !

В связи со всем вышеизложенным мы сожалеем о том, что до настоящего времени уважаемое и «философское» издание опустилось на уровень совершенно непристойного маленького журнальчика — определенно безумного органа спиритов «Weekly» в Филадельфии. Это весьма прискорбно, что руководители журнала, который предполагает посвятить себя религии и философии, позволяют беспринципным корреспондентам превращать его страницы в средство для распространения самой низкой клеветы, состряпанной для удовлетворения личной злобы. Позорное письмо (позорное для журнала, который его опубликовал), — за появление которого, как мы надеемся, не несет непосредственной ответственности полковник Бунди, редактор «Религиозно-философского журнала», которого не было в то время в стране, — изливает поток грязной клеветы, направленный против редакторов «Теософиста». Эта тирада — которую никогда не написал бы ни один джентльмен, и даже человек, обладающий самыми слабыми привычками джентльмена — не заслуживает детального рассмотрения, так как она может вызвать лишь чувство отвращения к автору в некоторых людях, а у всех остальных лишь гомерический смех. Однако, как бы то ни было, ее появление связано с мстительной враждебностью одной слабоумной француженки с «дальнего Запада», мнимого медиума для создания «спиритических фотографий», которая никогда не простит теософов за то, что они отказывали ей в чести пребывать в окружении семьи знаменитого покойного Бонапарта в астральной сфере. «Факты, которыми я обладаю», — и которыми этот автор столь наивно хвастается, являются по большей части информацией из вторых рук, полученной им от этого бедного, обманутого создания. Тот факт, что он обвиняет меня в пристрастии к спиртному и пособничестве иезуитам, сам по себе достаточен в глазах всех, кто меня знает, для того, чтобы определить характер нападения, о котором нам не нужно более распространяться .

«МЕТИЛ В КОМАРА, А ПОПАЛ В СЛОНА»

Трудно переоценить значение голоса прессы в жизни Лондона, но временами ее тяжелые орудия стреляют *sal Atticum* [дословно: *аттическая соль*, в переносном смысле означает изощренную остроумность]. Кто же из газет сравнится с тобой, о «Эхо», в подобном занятии? Кто, спрашиваем мы, превзойдет тебя в оригинальности твоих шуток и в разнообразии твоей информации? «Никто», — полагает «Эхо» и ошибается. *Vade retro* [не обольщайтесь!].. У вас нет даже собственного голоса, а только искаженный отзвук многих смешанных голосов— *vox et praeterea nihil* [запредельные голоса]. От прекрасной греческой нимфы по имени *Эхо*, которая чахла и сохла, пока не исчезла вовсе, остался ее жалобный голос, повторяющий все услышанное ею. От Чеширского кота, который исчезал на глазах у собеседника, растворяясь по частям в воздухе, оставалась *его ухмылка*. От «Эхо» же не остается даже этого. Оно зубоскалит, преследуя свои собственные интересы, и не находит ни отклика, ни опровержения, на что, собственно, и рассчитывает. Разумеется, здравомыслящему человеку нет нужды всерьез обдумывать ответ и вступать в полемику с недалеким, легкомысленным «попкой-дураком». Но его слепое невежество так

восхитительно, а претензии на остроумие так гротескны, что на этот раз нельзя не отметить допущенную этой газетой грубейшую тройную ошибку.

Читаем: «мадам Блаватской... *полагалось бы* быть русской», — далее следует бессмысленное и комичное замечание по поводу авторитета «гималайского монаха... имя которого звучит как Кут Хуми». То, что подобное замечание могло родиться только в «умных головах» сотрудников «Эхо», вряд ли нуждается в комментариях. Но, пройдясь по «монаху» и «мадам Блаватской», газета задевает третье лицо, и это не кто-нибудь, а знаменитый оксфордский профессор-санскритолог. В разделе «Читателям на заметку» газета «Эхо» доводит до сведения читателей, что: «озадаченный профессор Макс Мюллер (уж он-то должен знать) не может сказать ничего определенного относительно этимологии этого странного имени («Кут Хуми»). Ясно одно, что это не санскрит и, вообще, не имеет отношения ни к одному известному ему языку».

Так как «озадаченное» «Эхо» способно только разносить, подобно сороке, всякие сплетни и вряд ли может надеяться, что его *услышат*, разумеется, никто из его сотрудников не захочет обременять себя выяснением этимологии непонятого имени (безусловно, работы м-ра А. П. Синнета не читаются в такого рода учреждениях), а также проверкой высокопарного утверждения, что имя «Кут Хуми» не санскритское. Но это не объясняет, почему знаменитый ученый-санскритолог делает опрометчивое заявление и тем самым разделяет невежество репортеров «Эхо». Даже неосведомленный и наивный писака не имел право расписываться в собственном незнании. Если не он сам, то его редактор должен был открыть кн. V, гл. iii, «Вишну Пуран», прежде чем публиковать голословные утверждения о том, что вышеупомянутое имя «не санскритское». Он должен был посетить библиотеку Азиатского общества, чтобы выяснить наличие восемнадцати родов Кут Хуми (или Кутхуми) в Бенгалии, которые ведут свое происхождение со времен Риши. Поистине, журналист заслуживает большего внимания Барнума, чем какое бы-то ни было Общество. У «озадаченного профессора Макса Мюллера» есть все основания подать иск за клевету, возведенную на него. Вот только... как могло столь некомпетентное «Эхо» вторгнуться в изучение *sanctum sanctorum* [святая святых] знаменитого европейского филолога.

СЛУЧАИ ОДЕРЖИМОСТИ

Подробности, относящиеся к случаю «одержимости», который упоминался в апрельском номере нашего журнала, даются в следующем письме уважаемого английского доктора, который ухаживает за жертвой:

Я позволяю себе обратиться к Вам по причине человеколюбия и с намерением привлечь ваши симпатии и получить всю возможную помощь, какую Вы можете предоставить в случае так называемого «контроля». Вы поймете, что джентльмен *становится медиумом* против его воли при посещении им нескольких спиритических сеансов с намерением быть свидетелем «материализации».

С тех пор как он был в той или иной степени подвержен серии преследований со стороны «контролирующих» духов, и несмотря на все его попытки избавиться от такого влияния, его заставляли страдать наиболее позорно и болезненно очень многими способами, при исключительно мучительных и тяжелых обстоятельствах, особенно путем направления его мыслей в по запретному руслу без какой-либо внешней причины, — деятельность органов его тела была чрезмерно усилена, что приводило к тому, что он очень сильно кусал свой язык и щеки во время еды и т. д., и подвергался разным мелким неприятностям, служащим средством «контроля» (неизвестного), обеспечивающего поддержание связи. Детали, в своих наиболее болезненных чертах, таковы, что я не могу написать вам о них; но если существуют какие-либо средства, известные вам, для того, чтобы отвести это влияние, и если

необходимы большие подробности в моем описании этого случая, я пошлю вам всю информацию, которая у меня имеется.

В Индии столь мало известно о последней и наиболее ужасающей фазе западных медиумических феноменов — «материализации», — что необходимо сказать несколько слов объяснения для того, чтобы сделать понятным этот случай. Коротко говоря, в течение нескольких лет в присутствии некоторых медиумов в Америке и Европе наблюдалось — часто в хороших для проверки условиях — появление умерших людей, которые во всех отношениях казались похожими на живые существа. Они прогуливаются, пишут сообщения присутствующим и отсутствующим друзьям, говорят вслух на языках, известных им в течение их жизни, даже если медиум может быть незнаком с ними, и одеваются в те наряды, которые они носили при жизни. Были обнаружены многие случаи мошеннического выдавания себя за умершего, поддельные медиумы иногда по несколько лет обманывали доверчивых людей, но также и истинные медиумы, чьи психические силы несомненно были доказаны, были пойманы на том, что они совершали трюки в некое злосчастное время, поддавшись либо любви к деньгам, либо к славе. Принимая во внимание эти случаи, все же очевидно, что имеется какое-то количество истинных случаев материализации, или того, что делаются видимыми, осязаемыми и слышимыми изображения умерших людей. Эти удивительные феномены рассматривались исследователями различным образом. Большинство спиритуалистов смотрели на них как на наиболее точные доказательства продолжения существования души; в то время как теософы, знакомые со взглядами древних теургистов и еще более древних арийских философов, рассматривали их как наиболее обманчивые заблуждения чувств, чреватые опасностью для физической и нравственной природы как медиума, так и наблюдателя — если последний оказался восприимчивым к определенным психическим воздействиям. Такие люди, изучающие оккультизм, отмечали, что эти медиумы, которые совершают материализацию, слишком часто имеют подорванное состояние здоровья из-за истощения их организма и нарушений их нравственности. Они снова и снова предупреждали спиритуалистически настроенную публику, что медиумичность — это наиболее опасный дар, допустимый лишь с очень большими предосторожностями. И за это они получили многочисленные обвинения и немногие благодарности. И все-таки наш долг нужно исполнить любой ценой, и случай, находящийся сейчас перед нами, дает ценную возможность еще для одного дружеского совета.

Нам не нужно прекращать обсуждение вопроса о том, являются ли вышеописанные так называемые материализованные формы — формами умерших, на которых они похожи, или же нет. Это можно отложить до тех пор, пока будут лучше поняты основные факты восточной психической науки. Нам не следует также спорить о том, была ли когда-нибудь совершена достоверная материализация. Опыты м-ра Уильяма Крукса, из Общества психических исследований, в Лондоне, и полковника Олькотта в Америке (оба они столь широко известны и обладают столь убедительной репутацией), предоставляют нам достаточное обоснование для обсуждаемых фактов. Мы допускаем реальность материализации и приведем пример, описываемый английским медиком как повод для установления диагноза.

Описывается пациент, который как бы оказался под «контролем» после посещения нескольких «кружков», на которых проводились материализации; он стал рабом некоторой злой силы, заставляющей его говорить и совершать болезненные и всегда отвратительные поступки, несмотря на его сопротивление. Почему это произошло? Как можно заставить человека действовать против его воли? Что такое одержимость? Это три коротких вопроса, но очень трудно объяснить их непосвященной публике. Законы одержимости могут быть хорошо поняты лишь тем, кто изучил глубины индийской философии. Единственный ключ к тайне, которым обладает Запад, содержится в такой в высшей степени благородной науке, как магнетизм или месмеризм. Он учит тому, что существует жизненный флюид внутри и вокруг человека; что есть различные человеческие полярности; что возможно для одного человека передавать этот флюид или силу по своей воле другому человеку, иначе поляризованному. Теория барона Рейхенбаха об *одиле*, или *одической* силе, показывает нам существование того же самого флюида в минеральном и растительном царствах так же, как и в царстве животных. Завершая цепь доказательств, открытие Бьюкененом психометрической

способности в человеке дает нам возможность доказать, при помощи этой способности, что люди оказывают тонкое воздействие на дома и даже на те места, где они живут, на бумагу, на которой они пишут, одежду, которую носят, на ту часть универсального эфира (арийская *акаша*), в которой они существуют, — и что это постоянное воздействие, которое может быть воспринято даже в весьма удаленные эпохи по отношению к тому времени, когда данный человек жил и оказывал это воздействие. Другими словами, мы можем сказать, что открытия западной науки подтверждают наиболее полным образом намеки, высказанные греческими мудрецами и более определенные теории некоторых индийских философов.

Индуисты и буддисты равным образом верят в то, что мысль и поступок являются материальными, так что они продолжают существовать, что злые и добрые желания человека окружают его в мире, созданном им самим, что такие желания и мысли принимают форму в такой степени, что они становятся реальными для него после смерти, и что *мокша* в одном случае, и *нирвана* — в другом не могут быть достигнуты до тех пор, пока бестелесная душа не пройдет полностью через этот темный мир появившихся мыслей, и не станет полностью свободной от последнего пятнышка ее земного порока. Прогресс западных открытий в этом направлении до сих пор происходил крайне постепенно, и так, очевидно, будет всегда. От феноменов грубой материи — к явлениям, происходящим в более тонкой, возвышенной материи, и лишь после этого в направлении к тайнам духа — такова трудная дорога, которую необходимо пройти согласно наставлениям Аристотеля. Западная наука впервые установила, что в воздухе, выходящем при нашем дыхании, содержится углекислый газ, который, будучи в избытке, является смертельным для человеческой жизни; далее, что определенные опасные заболевания переходят от одного человека к другому в виде спор, выдыхаемых в воздух больным; далее, что человек переносит на любое тело или любую вещь, с которой он сталкивается, некую магнетическую *ауру*, свойственную для него; и, наконец, что физические нарушения преобразуются в эфире в процесс мыслительной эволюции. Другим шагом в продвижении вперед будет реализация магической творящей силы человеческого разума и понимание того факта, что моральный порок так же передаваем, как и физический. «Влияние» плохих товарищей будет понято тогда как дурной личный магнетизм, более тонкий, чем впечатление, передаваемое глазу или уху посредством взглядов и звуков в порочной компании. Последнего можно избежать путем решительного отказа видеть и слышать плохое; но первый окутывает сенситива и пронизывает все его существо, если он лишь окажется там, где воздух пропитан моральным ядом. «Животный магнетизм» Грегори, «Исследования» Рейхенбаха и «Душа вещей» Дентона сделают многое из этого понятным для западного человека, хотя никто из этих авторов и не проследил связи своей любимой области науки с ее родоначальником — индийской психологией.

Возвращаясь к выше приведенному случаю, мы видим человека, в высшей степени чувствительного к магнетическим впечатлениям, несведущего в природе «материализации» и поэтому неспособного защитить себя от дурных влияний, вовлеченного в контакт с сомнительного рода кругами, где впечатлительный медиум долгое время был невольным ядром злых магнетизмов, и его организм насытился эманациями продолжающих свое существование мыслей и желаний тех, кто живет, и тех, кто уже умер. Мы можем отослать читателя к интересной статье судьи Геджил из Берода (см. декабрьский номер «Теософиста» за 1879 г.) «Индуистские представления об общении с мертвыми», где ясно изложен вопрос о связанных с землей душах, или *пишачах*.

Считается, — говорит этот автор, — что в этом состоянии душа, лишенная способов для наслаждения чувственными удовольствиями посредством своего физического тела, постоянно мучается от голода, влечений и других телесных желаний, и может получить лишь викарное удовольствие, входя в живые тела других людей, или поглощая тончайшие испарения от жертвоприношений и возлияний, совершающихся ради них самих.

Что же может удивить нас в том факте, что отрицательно заряженный человек чувствительного темперамента, внезапно вовлеченный в ток отвратительных эманации, исходящих от какого-либо злобного человека, может быть, еще живого, а может быть и мертвого, воспринимает предательский яд так же быстро, как негашеная известь

воспринимает влагу, до тех пор, пока он не насытится им? Таким образом чувствительный организм улавливает вирус оспы, или холеры, или тифа, и нам нужно лишь напомнить это, чтобы провести аналогию, которая, как это подтверждает оккультная наука, является оправданной.

Поблизости от поверхности земли над нами висит, если можно использовать такое сравнение, парообразный моральный туман, состоящий из нерассеявшихся испарений человеческих грехов и страстей. Этот туман проникает до самой глубины души сенситива; его психическое эго поглощает его, как губка поглощает воду, или как свежее молоко поглощает миазмы. Это парализует его нравственное чувство, активизирует его основные инстинкты, пересиливает его добрые решения. Как запах, исходящий из кабака, делает мозг находящегося рядом человека как бы «танцующим», или как рудничный газ перехватывает дыхание в шахте, так это тяжелое облако безнравственных влияний выводит сенситива за пределы самоконтроля, и он становится «одержимым», как наш английский больной.

Какое же средство можно предложить в этом случае? Не говорит ли об этом сам установленный нами диагноз? Сенситив должен разрушить свою чувствительность; отрицательная полярность должна быть превращена в положительную; вместо того, чтобы быть пассивным, он должен стать активным. Ему может помочь магнетизер, который понимает природу одержимости и является нравственно чистым и физически здоровым; это должен быть сильный магнетизер, то есть человек со способной управлять силой воли. Но борьба за свободу, при всем том, должна вестись самим больным. Должна пробудиться его собственная сила воли. Он должен изгнать яд из своего организма. Дюйм за дюймом он должен отвоевать обратно потерянную землю. Он должен осознать, что это вопрос жизни и смерти, спасения или гибели, и бороться за победу подобно тому, кто делает последнюю героическую попытку спасти свою жизнь. Его диета должна быть самой простой, он не должен есть животную пищу, не должен прикасаться к чему-либо стимулирующему или попадать в какую-нибудь компанию, где есть хотя бы малейшая возможность для появления нечистых мыслей. Он должен оставаться в одиночестве минимально, но его компаньоны должны быть выбраны исключительно тщательным образом. Он должен делать упражнения, быть много на свежем воздухе и использовать для очага дрова, а не уголь. Каждое указание на то, что плохое влияние все еще действует на него, должно рассматриваться как призыв проверить свои мысли и вынудить их к тому, чтобы они пребывали в чистых, возвышенных, духовных областях, и во что бы то ни стало скорее подвергать себя страданию, чем открывать путь этому влиянию. Если этот человек будет иметь такой дух, и его лечащий врач может обеспечить ему благоприятную помощь сильного, здорового гипнотизера, обладающего хорошей репутацией, то он может быть спасен. Случай, почти точно такой же, как этот, за исключением того, что пациентом была женщина, происходил под нашим наблюдением в Америке; тот же самый совет, что и вышеприведенный, был дан и тогда, и ему последовали; вызывающий одержимость «дьявол» был изгнан и с тех пор не появлялся.

ДУХИ ПРИРОДЫ И ЭЛЕМЕНТАЛЫ

Когда корреспондент «Light» обратился с просьбой к миссис Эмме Хардинг-Бриттен, знаменитому среди спиритуалистов оратору и автору, изложить свои представления относительно существования разрядов «духов», стоящих ниже человеческого уровня, наш выдающийся друг откровенно поведала о них в номере этого журнала от 3-го декабря [1882 г.]. Прежде чем привести ее слова, мы должны сообщить нашим читателям о том, что спиритуалисты всегда выступали против заявлений теософов о существовании таких видов существ, и мы должны были вытерпеть с их стороны немало поношений. Миссис Бриттен весьма опрометчиво, по нашему мнению, использует слово «элементарий» для обозначения духов природы, или природных сил. Необходимо провести четкую грань между этими духами природы и психическими оболочками некогда живых человеческих существ,

известными в Индии под названием *бхуты*. Для того, чтобы установить это различие и, насколько возможно, избежать путаницы, мы относили в «Изиде» название «элементалы» к духам природы, а слово «элементарии» использовали для обозначения *бхутов*. Миссис Биттен говорит:

Заранее протестуя против любого втягивания в литературную полемику, бездуховный характер которой слишком часто вызывает отвращение и справедливое негодование у читателей нашего журнала, я лишь отвечаю на вопрос «изучающего», что я — как человек, который не просто верит в существование духов-элементариев, но и утверждает, что видела их и общалась со многими другими, имевшими сходный опыт — обычно классифицирую всех «субчеловеческих» духов как *элементариев* по своей организации, и я полагаю, что термин «духи природы» можно попросту применить к этим существам исходя из того положения, каковое они занимают в царстве природы.

Недавно я видела в одном спиритуалистическом журнале, хотя я и не могу сейчас точно припомнить в каком именно, совершенно аналогичное мнение, представляющее положение человека на шкале творения, стоящего где-то посередине на знаменитой лестнице, основание которой находится на земле, а вершина упирается в небеса. И если это положение представляет собой некую физическую истину, материальное существование которой засвидетельствовано визуально, не может ли быть также соответствующей духовной лестницы, в которой нисходящие ступени бытия столь же очевидны и философски обоснованы, как и ступени лестницы восхождения, с которой столь хорошо знакомы спиритуалисты? Если дарвинская схема материального прогресса совершенным и бесспорным образом объясняет столь многие моменты, что ее нерешенные проблемы можно временно оставить в стороне, ожидая доказательств, которые должны появиться в будущем, может ли спиритуалист удовлетвориться тем, чтобы дополнить дарвинские чисто материалистические признаки бытия путем проникновения в духовные царства *за пределами* материи, и все же полностью игнорировать существование духовных царств бытия, как *предшественников* материи?¹⁷³ Разве не существует *эмбрионных* состояний и для души, так же как и для тела; разве не существует царств, в которых созревают духовные формы так же, как и материальные?

...

...

...

Я не буду больше отнимать у вас время и лишь повторю еще раз, что я видела духов-элементариев во многих формах и на многих ступенях лестницы бытия, и что свои убеждения я обсуждала и согласовывала с многими сотнями интеллигентных людей, которые вместе со мной полагают, что имеют бесспорные доказательства существования как субчеловеческих и суперчеловеческих духов, так и просто человеческих духов. Я признаю, что общения с этими сферами бытия происходят гораздо реже, чем с духами людей; и потому те, кто входил в эти царства, с такой же болью и страданием отступают перед грубым отрицанием и откровенным презрением тех, кто не имел подобного опыта, каковые испытывают и сами спиритуалисты, когда невежество и слепой фанатизм нападают на их веру. По той же самой причине сегодня очень мало говорится и пишется об этом предмете, и, хотя я и имею все основания верить в грандиозное раскрытие духовного мира и духовной жизни, на самом пороге которых мы сегодня стоим, — нас ожидают еще более широкие, глубокие и удивительные открытия в духовной сфере человеческой природы, чем нам позволяет увидеть наша нынешняя, весьма ограниченная перспектива. Я полагаю, что несомненно послужит делу истины то, что

¹⁷³

Мы не знаем, что в действительности понимает прославленный автор «Современного американского спиритуализма» под словами «за пределами» и «предшественники материи» в данном контексте. Конечно, она не может иметь в виду, что существует какое-либо царство «бытия» за пределами материи или *вне* ее? Такое царство было бы царством чистого духа, т. е., царством *абсолютной* нематериальности, в котором — едва ли это нуждается в напоминании — *не может существовать никакого бытия*; ибо под «бытием» в любом его определении подразумевается нечто *организованное*, и это нечто никогда не может быть образовано из *ничего*.

мы с крайней осторожностью предлагаем; признавая лишь то, что мы можем доказать путем обычных опытов, и предоставляя экстраординарным и необычным явлениям самим раскрывать себя...

Искренне ваша, Эмма Хардинг-Бриттен Лаймс,
Хамфри-стрит, Читем Хилл, Манчестер

Из того же самого номера «Light» мы узнаем от корреспондента, назвавшегося «Ма», что

древнейшие боги Египта, потомки Матери Богов, были теми Восемью, кто правил в Ам-Смене до того, как был поднят небесный свод Ра;

и что

они известны всем египтологам как восемь *элементариев*.

Вот новое доказательство справедливости идеи о циклической неотвратимости: боги, которым поклонялись за девяносто веков до Р. Х., становятся кандидатами для такого же поклонения в девятнадцатом столетии н. э.!

ОБ АСТРАЛЬНЫХ ТЕЛАХ, ИЛИ ДОШЕЛГЕНГЕРАХ

Диалог между двумя редакторами

М. К. В умах многих людей существует большая путаница относительно различных видений, двойников, призраков или духов. Не следует ли нам объяснить раз и навсегда значение этих понятий? Вы говорите, что имеются разные виды «двойников», — что они из себя представляют?

Е. П. Б. Оккультная философия учит нас, что существуют три вида «двойников», если употреблять это слово в самом широком смысле. (1) Человек имеет своего «двойника», или лучше сказать, *тень*, вокруг которого образуется физическое тело зародыша — будущего человека. Воображение матери или несчастный случай, влияющий на ребенка, будет действовать и на астральное тело. Астральное и физическое сосуществуют еще до того, как разум созревает для деятельности и до того, как пробуждается *атма*. Это происходит тогда, когда ребенок достигает семилетнего возраста и приобретает ответственность, связанную с его сознающей и чувствующей сущностью. Этот «двойник» рождается вместе с человеком и умирает вместе с ним, он никогда не может в течение жизни далеко отойти от тела, хотя и переживает его, разрушается, *rap passu*, вместе с трупом. Именно его иногда, при определенных атмосферных условиях, можно видеть около могилы в виде светящейся фигуры человека, которым он был раньше. По своему физическому виду он при жизни является *двойником живого человека*; так же и после смерти, за исключением того, что из разрушающегося тела выходят газы. Но если говорить о его происхождении и сущности, то он представляет собой нечто большее. Этот «двойник», который принято у нас называть *линга шарира*, но который мы предложили бы назвать «Протееподобным» или «пластическим телом».

М. К. Почему Протееподобным или пластическим телом?

Е. П. Б. Протееподобным, потому что он может принимать любые формы; например, это «маги-пастухи», которых молва обвиняет, возможно без каких-либо оснований, в том, что они «оборотни» и «медиумы в кабинетах», чье «пластическое тело» играет роль материализованных бабушек и «королей Джонов». С другой стороны, откуда эта постоянная

привычка «дорогих бестелесных ангелов» отходить от медиума, находится он в трансе или нет, лишь на расстояние, не превышающее длину руки? Я не отрицаю вовсе посторонние влияния в такого рода явлениях. Но я подтверждаю, что такое взаимодействие со стороны бывает редко, и что материализованная форма в таком случае — это всегда «астральное», или Протееподобное тело медиума.

М. К. Но как создается это астральное тело?

Е. П. Б. Оно не создается; как я говорила Вам, оно растет вместе с человеком и существует в рудиментарном состоянии еще до рождения ребенка.

М. К. А что можно сказать о следующем виде?

Е. П. Б. Следующий вид — это тело «мысли», или тело «сновидения», известное среди оккультистов как *майявирупа*, или «иллюзорное тело». При жизни этот образ является проводником мысли, а также животных желаний и страстей, черпающий их в одно и то же время из самого нижнего земного *манаса* (разума) и из *камы*, элемента желания. Он *двойственен* по своим возможностям, и после смерти образует то, что на Востоке называют *бхутом*, или *кама-рупой*, более известное теософии как «призрак».

М. К. А что насчет третьего вида?

Е. П. Б. Третий вид — это истинное *эго*, называемое на Востоке словом, обозначающим «причинное тело», но в Трансгималайских школах его всегда называют «кармическим телом», что имеет тот же смысл. Ибо *карма*, или действие, — это причина, которая вызывает непрестанные повторные рождения, или «реинкарнации». Это не *монада*, и это не *манас* в собственном смысле этого слова; но оно неразрывно связано с ними и является составной частью монады и манаса в девакхане.

М. К. Значит имеется три вида двойников?

Е. П. Б. Если вы называете христианскую и другие троицы «тремя Богами», то имеются три двойника. Но на самом деле он один, только имеет три аспекта, или фазы: наиболее материальная часть исчезает вместе с телом; средняя, проживающая как независимая, но временная, сущность в стране теней; и третья — бессмертная, существующая во время манвантары до тех пор, пока нирвана не положит ей конец.

М. К. Но не спросят ли нас, какая разница существует между *майяви* и *камарупой*, или, как Вы предлагаете их называть, «телом сновидения» и «призраком»?

Е. П. Б. Необходимо добавить к уже сказанному: наиболее вероятно, что «мыслительная сила», или аспект *майяви*, или «иллюзорное тела», после смерти полностью сливается с причинным телом или сознающим, *думающим* ЭГО. Животные элементы, или сила желания «тела сновидения», поглощая после смерти все, что она собрала (благодаря ее ненасытному желанию *жить*) в течение жизни; то есть, вся астральная витальность, так же как все впечатления ее *материальных* поступков и мыслей в то время, когда она жила вместе с телом, образуют «приз», или *кама рупу*. Наши теософы знают достаточно хорошо, что после смерти *высший манас* объединяется с *монадой* и переходит в девакхан, в то время как отбросы *низшего манаса*, или животного разума, образуют этот призрак. Он живет в нем, но вряд ли имеет какое-либо сознание, за исключением тех случаев, когда он вовлекается в сферу действия медиума.

М. К. Это все, что Вы можете сказать по этому поводу?

Е. П. Б. Я думаю, пока что достаточно метафизики. Поговорим о «двойнике» в его земной фазе. Что вы о нем знаете?

М. К. Повсюду в мире в большей или меньшей степени верят в «двойника», или доппелгенгера. Самой простой формой этого является появление призрака перед ближайшим другом умершего сразу после его смерти, или во время смерти. Есть ли это явление *майявирупы*?

Е. П. Б. Именно так; поскольку она создается мыслью умирающего человека.

М. К. Является ли это бессознательным?

Е. П. Б. Это бессознательно в том отношении, что умирающий человек, в общем, не делает это произвольно; и не осознает, что именно он появляется в таком виде. Что же при этом происходит? Если он очень настойчиво думает о ком-либо в момент смерти, о том, кого он очень хотел бы видеть, или кого он больше всего любит, то он может явиться этому человеку. Мысль становится объективной; двойник, или тень человека, представляет собой ничто иное, как его точное воспроизведение, похожее на отражение в зеркале, то есть все то,

что человек делает (хотя бы мысленно), повторяется его двойником. Вот почему призраков в таких случаях часто видят в той одежде, в которую были одеты люди в тот особый момент, и этот *образ* часто воспроизводит даже выражение лица умирающего человека. Если бы можно было увидеть двойника человека, который купался, то он был бы погруженным в воду; также, когда утонувший человек появляется перед своим другом, то с него будет капать вода. Причина появления призрака может быть и иной; например, умирающий человек может думать о ком-либо, или не думать о том, перед кем появится его образ, но он появляется потому, что этот человек очень чувствителен. Или, возможно, его симпатия или ненависть к человеку, двойник которого вызывается таким образом, очень сильна физически или психически; и в этом случае его появление создается интенсивностью мысли, от которой оно исключительно и зависит. Как же это происходит? Назовем умирающего человека — А, а того, кто видит его двойника — Б. Последний, благодаря любви, ненависти или страху, имеет образ А столь глубоко запечатленным в его психической памяти, что между ними обоими возникает поистине магнетическое притяжение или отталкивание, независимо оттого, знают ли они об этом, чувствуют ли, или нет. Когда А умирает, шестое чувство или психический духовный разум *внутреннего человека* в Б осознает это изменение в А и немедленно оповещает об этом физические чувства человека, проецируя перед его глазами форму А, как раз в момент великого изменения в нем. То же самое бывает тогда, когда умирающий человек стремится увидеть кого-либо; его мысль становится объективной, как бы посылая своему другу телеграмму по проводам симпатии, будь то сознательно или бессознательно. Именно это Общество по исследованию «призраков» весьма напыщенно, но тем не менее невразумительно, называет *телепатическим импульсом*.

М. К. Это относится к самой простой форме появления двойника. Но что можно сказать о тех случаях, в которых двойник делает то, что противоположно чувствам и желаниям человека?

Е. П. Б. Это невозможно. «Двойник» не может действовать до тех пор, пока в мозгу человека (будь он только что умершим или живым, в хорошем или плохом состоянии здоровья), к которому принадлежит «двойник», не возникнет команда к его действию. Если он подумает об этом хотя бы секунду, прежде чем перейти к другим мыслям, то этого уже достаточно для *объективизации* его личности в астральных колебаниях, так же как для вашего лица, чтобы запечатлеть себя на чувствительной пластинке фотографического аппарата. Форма, которая создается при этом, легко может быть подхвачена окружающими силами — как сухой лист, упавший с дерева, подхватывается и уносится ветром, — которые могут исказить или превратить в карикатуру вашу мысль.

М. К. Предположим, что двойник выражает актуальными словами мысли, несвойственные человеку, и выражает ее, скажем, некоему другу, находящемуся очень далеко, может быть, на другом континенте. Я знал примеры такого рода.

Е. П. Б. Когда так случается, это означает, что созданный образ берется и используется «оболочкой». Так же, как в комнате для спиритических сеансов, когда «образы» умершего, которые могут бессознательно задерживаться в памяти или даже в ауре присутствующих, подхватываются элементалами, или элементарными тенями и становятся объективными для аудитории, побуждая действовать даже самую сильную волю из многих находящихся в этом помещении. Кроме того, в Вашем примере должно существовать связующее звено — «телеграфный провод» — между двумя людьми, основанный на психической симпатии, по которому постоянно курсирует мысль. Конечно, в каждом таком случае должно быть очень сильное основание, благодаря которому эта конкретная мысль выбирает данное направление; она должна каким-то образом быть связана с другим человеком. В противном случае такие явления встречались бы повседневно.

М. К. Это кажется очень простым, но почему же однако это случается лишь в исключительных случаях.

Е. П. Б. Это связано с тем, что пластическая сила воображения у некоторых людей намного сильнее, чем у прочих. Разум является двойственным по своим возможностям: физическим и метафизическим. Высшая часть разума связана с духовной душой, или буддхи, а низшая — с животной душой, принципом камы. Есть люди, которые никогда не используют высшие способности своего разума, а те, кто использует их, составляют меньшинство и находятся *вне*, если не выше, по отношению к среднему человеку. Такие

люди мыслят даже в этом *высшем* плане об обыденных вещах. Характерные особенности личности определяются тем, по какому принципу работает его разум, а также его способностями в предыдущей жизни и иногда его физической наследственностью. Вот почему так трудно для материалиста — у которого метафизическая часть мозга полностью атрофирована — подняться, а для того, кто естественным образом мыслит духовно наоборот, спуститься на уровень вульгарного мышления в рамках реальной действительности. Оптимизм и пессимизм так же в большой степени зависят от этого.

М. К. Но привычка думать, используя высший разум, может быть развита — иначе не было бы надежды у людей, которые хотят изменить свою жизнь и поднять самих себя. И это то, что должно быть возможно, потому что иначе не будет вообще никакой надежды для мира.

Е. П. Б. Конечно, она может быть развита, но только с очень большими трудностями, непоколебимой решительностью и исключительным самопожертвованием. Однако, это сравнительно легко для тех, кто родились с этим даром. Как же это бывает, что один человек видит поэтическое в капусте или свинье с маленькими поросятами, тогда как другой видит в самых возвышенных вещах их самый низший, наиболее материальный аспект, смеется над «музыкой сфер» и издевается над самыми возвышенными концепциями и философскими идеями? Это различие зависит просто от врожденной способности ума думать в высшем или в низшем плане, при помощи *астрального* (в том смысле, который придает этому слову св. Мартин) или физического мозга. Значительные интеллектуальные силы часто являются не доказательством, но препятствием для духовных и истинных концепций, свидетельством чего является большинство великих людей науки. Мы должны скорее пожалеть их, чем осуждать.

М. К. Но как получается, что человек, думающий в высшем плане, создает своей мыслью более совершенные и более потенциальные образы и объективные формы?

Е. П. Б. Не обязательно только этот человек, но и все те, кто в общем являются чувствительными. Человек, наделенный способностью думать в высшем плане даже о наиболее незначительных вещах, имеет благодаря этой способности пластическую силу создавать нечто в своем собственном воображении. О чем бы такой человек ни думал, его мысль будет более интенсивной, чем мысль обычного человека, и при помощи этой интенсивности она получает мощь творения. Наука установила тот факт, что мысль — это энергия. Эта энергия своим действием нарушает расположение атомов астральной атмосферы, окружающей нас. Я уже говорила Вам, что лучи мысли имеют такую же возможность создавать формы в астральной атмосфере, как и солнечные лучи в оптическом стекле. Каждая мысль, получившая энергию от мозга, создает *nolens volens* [волей-неволей] некую форму.

М. К. Является ли эта форма абсолютно бессознательной?

Е. П. Б. В высшей степени бессознательной, если это только не творение адепта, который имел специальную цель придать ей сознательность, или скорее послать вместе с ней часть своей воли и разума, чтобы это появление было сознательным. Это должно сделать нас более осторожными по отношению к нашим собственным мыслям.

Однако следует иметь ввиду существенное различие в этом отношении между адептом и обычным человеком. Адепт может по своей воле использовать свою *майявирупу*, тогда как обычный человек не может этого, разве что в очень редких случаях. Это называется *майявирупа*, потому что это форма иллюзии, создаваемой для использования в особых случаях, и она в достаточном количестве содержится в уме адепта. Обычный человек просто создает мысленный образ, чьи свойства и сила ему совершенно неизвестны.

М. К. Можно ли тогда сказать, что форма адепта, появляющаяся на некотором расстоянии от его тела, как например Рам Лал в мистере Исааке, это просто образ?

Е. П. Б. Конечно, это ходячая мысль.

М. К. В каком случае адепт может появиться практически одновременно в нескольких местах?

Е. П. Б. Да, он это может. Как Аполлоний Тианский, которого видели однажды в двух местах, хотя его тело было в Риме. Но следует понимать, что даже наиболее *астральный* адепт не *полностью* присутствует в каждом таком появлении.

М. К. Итак, человеку необходимо иметь определенное количество воображения и психической силы, которые сопутствовали бы его мыслям?

Е. П. Б. Конечно, ибо каждая мысль имеет форму, которая воспроизводит внешность человека, вовлеченного в действие, о котором он думал. Иначе как могут ясновидящие видеть в вашей *ауре* ваше прошлое и настоящее? То, что они видят — это проходящая панорама вас самих, представленная в последовательных действиях вашими мыслями. Вы спросили меня, можем ли мы быть наказаны за наши мысли. Не за все, поскольку некоторые — мертворожденные; но за другие, которые мы называем «молчаливыми», но потенциальными мыслями — да. Возьмем крайний случай, когда кто-нибудь столь безнравственен, что желает смерти другого. Если желающий зла не является *дугна*, высшим адептом черной магии (в этом случае действие кармы откладывается), то такое желание обратится на него самого.

М. К. Но если предположить, что желающий зла не является *дугна*, но имеет очень сильную волю, то может ли это привести к смерти другого человека?

Е. П. Б. Если только эта зловредная личность имеет дурной глаз, что означает просто обладание огромной пластической силой воображения, работающей непроизвольно, которая бессознательно может быть использована для совершения плохого. Ибо что такое эта «дурного глаза»? Это просто могучая пластическая сила мысли, столь значительная, что она может создавать некие токи, насыщенные возможностями несчастных случаев любого рода, которые заражают каждого, кто приходит с ним в соприкосновение. *Джеттатор* (человек, обладающий дурным взглядом) необязательно должен быть одарен богатым воображением или иметь злые намерения и желания. Он может быть просто личностью, которая естественно любит быть свидетелем или читать о разных сенсационных событиях, таких как убийства, экзекуции, несчастные случаи и т. д., и т. п. И он не обязательно думает о чем-нибудь таком в тот момент, когда его глаза встречаются с его будущей жертвой. Но токи, созданные и существующие в лучах его зрения, готовы перейти в активное состояние в тот момент, когда они находят подходящую почву, подобно зерну, упавшему у дороги и готовому прорасти при первой возможности.

М. К. Но как обстоит дело с мыслями, которые Вы назвали «молчаливыми»? Возвращаются ли такие желания и мысли обратно, к своему хозяину?

Е. П. Б. Да; так же, как шар, который не смог проникнуть через преграду, отскакивает к бросившему его. Это случается даже с некоторыми *дугна* или колдунами, которые не имеют достаточной силы или не подчиняются правилам — потому что даже у них есть *правила*, которых они должны придерживаться, — но не с обычными, полностью развитыми «черными магами», поскольку они имеют силу совершать то, чего они хотят.

М. К. Раз Вы упомянули о правилах, это побуждает меня закончить данный разговор вопросом о том, что хотел бы знать каждый, кто имеет интерес к оккультизму. Какой главный совет Вы можете дать тем, кто имеет такие силы и хочет контролировать их правильным образом — чтобы придти к оккультизму?

Е. П. Б. Первый и наиболее важный шаг на пути к оккультизму — это понять то, как согласовать ваши мысли и идеи с вашими пластическими возможностями.

М. К. Почему это так важно?

Е. П. Б. Потому что в противном случае вы совершаете поступки, посредством которых может создаваться дурная карма. Никто не должен входить в оккультизм или даже прикасаться к нему, пока он не познакомился в совершенстве со своими собственными силами, и пока он не узнал, как соразмерить их со своими действиями. И он может сделать это только путем глубокого изучения философии оккультизма, прежде чем начать *практические* занятия. В противоположном случае несомненно, что ОН **ОКАЖЕТСЯ ВО ВЛАСТИ ЧЕРНОЙ МАГИИ.**

О СОСТОЯНИИ САМОУБИЙЦЫ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Мы рады предложить нашим читателям первую статью из серии неопубликованных работ покойного Элифаса Леви (аббата Альфонса Луи Констана), одного из великих учителей оккультных наук нашего столетия на Западе. Бывший римско-католический священник, он был лишен духовного сана римскими церковными властями, которые не терпят никакой веры в Бога, Дьявола или Науку вне узкого круга своих ограниченных догм, и предают анафеме любую подавленную их вероучением душу, которая достигает успеха в освобождении от своего умственного рабства. «Именно в разуме возрастает знание и уменьшается вера; следовательно, те, кто знает больше всех, всегда верят меньше всех», — сказал Карлейль. Элифас Леви знал много, много больше, чем даже привилегированное меньшинство среди величайших мистиков современной Европы; поэтому он был оклеветан невежественным большинством. Он написал такие зловещие слова: «Открытие великих тайн истинной религии и древней науки магов, показывающее миру единство универсальной догмы, уничтожает фанатизм благодаря научному объяснению и обнаружению смысла любого из чудес», — и эти слова решили его судьбу. Религиозный фанатизм преследовал его за неверие в «божественное» чудо; фанатичный материализм — за использование слова «чудо»; догматическая наука — за попытку объяснить то, что она еще не могла объяснить сама, и во что, потому, она не верила. Автор книг: «Догма и ритуал высшей магии», «Наука духов» и «Ключ к великим мистериям» умер в нищете, как и его знаменитые предшественники в оккультном искусстве — Корнелий Агриппа, Парацельс и многие другие. Из всех стран света, Европа наиболее жестоко побивает камнями своих пророков, в то время как лжепророки весьма успешно водят ее за нос. Европа упадет ниц перед любым идолом, при условии, что он будет льстить ее излюбленным привычкам, громогласно превозносить ее *высокомерный* интеллект и взывать к нему. Христианская Европа будет верить в божественные и демонические *чудеса* и в непогрешимость книги, которая была осуждена ее собственными устами и состоит из давно развенчанных легенд. Спиритуалистическая Европа придет в восторг перед видением медиума — если только это не простыня или неуклюжая маска — и останется в полной уверенности в реальности появления привидений и духов умерших. Научная Европа будет с презрением высмеивать христиан и спиритуалистов, разрушая все и не строя ничего, ограничиваясь лишь составлением арсеналов фактов, с которыми она в большинстве случаев не знает, что делать, и внутренняя природа которых все еще является тайной для нее. И затем все три, несогласные во всем остальном, соглашаются объединить свои усилия для подавления освященной веками науки и древней мудрости, единственной науки, которая способна сделать религию — *научной*, науку — *религиозной*, и освободить человеческий разум от толстой паутины САМОМНЕНИЯ и СУЕВЕРИЯ.

Нижеприведенная статья предоставлена нам уважаемым членом Теософского общества и учеником Элифаса Леви. Наш корреспондент и ученик великого учителя оккультной науки, потерявшего своего дорогого друга (который покончил жизнь самоубийством), попросил его изложить свои взгляды о состоянии души *felo-de-se* [самоубийцы]. Он сделал это; и с любезного позволения его ученика мы переводим и публикуем ныне его рукопись. Хотя мы лично далеки от того, чтобы во всем разделять его представления, — ибо будучи священником, Элифас Леви так и не освободился до самого последнего дня от своих теологических пристрастий, — мы все же готовы с уважением выслушать наставления столь ученого каббалиста. Подобно Агриппе и, в некоторой степени, самому Парацельсу, аббат Констан может быть назван библейским, или христианским, каббалистом, хотя Христос был, на его взгляд, более идеален, чем живой богочеловек или исторический персонаж. Моисей или Христос, если они действительно существовали, были, по его мнению, людьми, *посвященными* в тайные мистерии. Иисус был символом возрожденного человечества, божественным принципом, который принял человеческую форму лишь для того, чтобы доказать божественность человечества. Мистицизм официальной церкви, которая стремится поглотить человеческую природу в божественной природе Христа, подвергается сильной

критике со стороны своего бывшего представителя. Но в большей степени, чем кем-либо другим, Элифас Леви является *еврейским* каббалистом. Даже если бы мы очень хотели изменить или исправить учения столь великого мастера оккультизма, это было бы более чем просто неприлично сегодня, поскольку его уже нет в живых, и он не мог бы защитить и объяснить свою позицию. Мы оставим эту незавидную задачу пинать умерших и умирающих львов — ослам, этим добровольным гробовщикам всех разрушенных репутаций. Поэтому, хотя мы лично и не согласны со всеми его взглядами, наше мнение совпадает с мнением литературного мира, что Элифас Леви был одним из умнейших, наиболее ученых и интересных авторов среди тех, кто занимался этим труднейшим вопросом.

СОСТОЯНИЕ САМОУБИЙЦЫ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Добровольная смерть — это самое неисправимое из всех греховных деяний, но это также и наиболее простительное из преступлений, по причине тех мучительных усилий, которые требуются для его осуществления. Самоубийство — это результат слабости, требующей в то же самое время великой психической силы. Оно может быть вызвано сильнейшей привязанностью, так же как и эгоизмом, а часто происходит из-за неведения. Если бы только люди знали, какая солидарность связывает их вместе, такая, что они живут в других людях так же, как *другие люди живут в них*, они обрадовались бы вместо того, чтобы горевать, обнаружив двойную долю страданий, определенных им в этой жизни; ибо, понимая вечный закон всеобщего равенства и гармонии, они осознали тогда бы двойную меру блаженства и счастья, причитающегося им, а следовательно, они с меньшей готовностью стали бы отвергать ценность своей работы под тем предлогом, что их труд является слишком грубым. Я искренне жалею своего несчастного друга, хотя это именно ему и ему подобным людям могут быть адресованы слова утешения: «Отец, прости их, ибо они не ведают, что творят».

Меня спрашивают о том, что можно сделать, чтобы помочь его страдающей душе? Конечно, я не могу посоветовать вам обратиться за утешением к церкви. Хотя она и не запрещает надежду, она считает самоубийцу навсегда исключенным из христианского общения; ее суровые законы заставляют ее всегда проклинать его. Вы можете помогать бедному дезертиру жизни «молитвой» — но эта молитва должна *быть действием*, а не словами. Посмотрите, не оставил ли он чего-либо недоделанным, или быть может он не совершил на земле чего-то лучшего, чем успел сделать, и тогда попытайтесь завершить дела для него и во имя его.¹⁷⁴ Подавайте милостыню за него, но разумную и ненавязчивую милостыню, ибо она приносит плоды только тогда, когда помогаешь калеке и старику, тем, кто неспособен трудиться; и деньги, посвященные благотворительности, должны служить к поощрению работы, а не для одобрения и поддержки лени. Если эта несчастная душа вызывает у вас очень сильное сострадание и вы чувствуете большую симпатию к ней, тогда возвысьте это чувство, и вы станете провидением и светом для нее. Она будет жить, так сказать, в вашей интеллектуальной и нравственной жизни, не получая в той великой тьме, куда она была увлечена своим деянием, никакого света, кроме отражения ваших добрых мыслей о ней. Но знайте, что благодаря созданию между вашим духом и духом страдающим такой особенной связи единства, вы подвергаете себя риску почувствовать отражение сходного страдания. Вы можете пережить

174

Согласно каббалистической теории, человек должен прожить на земле некое количество лет, дней и часов, и ни одной минутой меньше, чем тот период, который определен для него судьбой, когда бы его *Эго* не избавилось сознательно и преднамеренно от своего тела до того, как наступил предписанный час, ибо тогда оно все же должно жить, даже в виде бесплотной страдающей души. *Эго*, или чувствующая индивидуальная душа неспособна освободиться сама от притяжения земли и должна прозябать и претерпеть все муки мифического ада на ней. Она становится элементарным духом; и когда пробьет час избавления, душа, которая ничему не научилась, утрачивающая в своих ментальных муках воспоминание о том немногом, что она знала на земле, будет насильственно выброшена из земной атмосферы и поплывет по воле волн, как добыча слепого потока, который принесет ее к новому перевоплощению, которое эта душа не сможет выбрать для себя, как она могла бы это сделать при помощи своих благих поступков...

великое уныние, сомнения нападут на вас, и вы почувствуете себя обескураженным. Это бедное существо, принятое вами, может, вероятно, причинить вам такие же муки, как ребенок заставляет страдать свою мать накануне своего рождения. Последнее сравнение столь точно, что наши предшественники в нашей святой науке (окультизме) давали такому «усыновлению» страдающих душ название «ЭМБРИОНАТ». Я затронул эту тему в моей работе «Наука духов», но так как этот вопрос касается ныне вас лично, я попробую сделать эту идею более ясной.

Самоубийцу можно сравнить с сумасшедшим, который, чтобы избежать работы, отрезал бы свои руки и ноги, и таким образом заставил бы других перевозить его и работать для него. Он лишил себя своих физических конечностей прежде, чем сформировались его духовные органы. В таком состоянии жизнь стала невозможна для него; но что еще более невозможно для него — это *уничтожить* себя до наступления своего срока. Если, все же, ему посчастливится найти человека, достаточно преданного памяти о нем, чтобы пожертвовать собой и предоставить ему убежище, он будет жить благодаря жизни этого человека, но не подобно вампирам, а как зародыш, который живет в организме своей матери, не ослабляя его, ибо природа возмещает убыток и воздает тем, кто много тратит. В своем внутриутробном состоянии ребенок осознает свое существование и уже проявляет свою волю посредством движений, независимых и ненаправленных волей своей матери, и даже причиняет ей боль. Младенец не знает мыслей своей матери, и последняя не знает, о чем может грезить ее дитя. Она осознает два существования, но не две различные души внутри себя, так как две их души едины для ее чувства любви; и полагает, что рождение ее ребенка не разлучит их души, как это случится с их телами. Оно лишь придаст им (если я могу использовать это выражение) новую поляризацию (как двум полюсам магнита). То же самое и в смерти, которая является нашим вторым рождением. Смерть не разлучает, но лишь поляризует две души, которые были искренне привязаны друг к другу на этой земле. Души, освобожденные от своих земных оков, возвышают наши собственные до самих себя, и в свою очередь наши души могут притянуть их вниз¹⁷⁵ при помощи силы, сходной с силой магнита.

Но греховные души претерпевают два вида мучений. Один из них является результатом их несовершенного освобождения от материальных уз, которые приковывали их к нашей планете; другой же вызван отсутствием «небесного магнита».¹⁷⁶ Последний становится жребием тех душ, которые, предавшись отчаянию, насильственно разорвали цепь жизни, а следовательно, своего равновесия, и должны впоследствии остаться в состоянии абсолютной беспомощности до тех пор, пока некая благородная облеченная в тело душа не вызовется разделить с ними свой магнетизм и свою жизнь, и таким образом поможет им вовремя возвратиться в поток универсальной жизни, снабдив их необходимой поляризацией.

Вы знаете, что значит это слово. Оно заимствовано из астрономии и физической науки. Звезды обладают противоположными и аналогичными полюсами, что определяет положение их осей, и это так же естественно, как и у искусственных магнитов. Закон поляризации универсален и управляет миром духов так же, как и миром физических тел.

Элифас Леви

¹⁷⁵

Было бы ошибкой делать из всего вышеприведенного вывод о том, что Элифас Леви верил в так называемый *спиритуализм*. Он высмеивал и спиритуалистическую, и спиритическую теории о возвращении бестелесных душ, или духов, в объективной, или материализованной, форме на землю. Он учил каббалистической доктрине о *субъективных* связях между воплощенными и бестелесными духами, и о взаимном влиянии, оказываемом этими душами, причем это влияние, согласно его взглядам, ограничено чисто психологическими и моральными результатами и продолжается лишь до тех пор, пока чистая душа дремлет в своем промежуточном состоянии в эфире, или греховная душа (дух-элементарий) удерживается в земных областях.

¹⁷⁶

Небесный магнит означает здесь ту духовную «подъемную силу» (отсутствие греховных поступков и мыслей, которые, как предполагается, обладают материальной тяжестью), которая одна способна поднять бесплотную душу в более высокие, или, скорее, более чистые, области.

К ВОПРОСУ О СМЕРТИ И САТАНЕ

Редактору «Теософиста»

Мадам, поскольку вы опубликовали посмертное письмо моего Учителя и дорогого друга, покойного Элифаса Леви, я полагаю, что вы могли бы напечатать, если считаете это возможным, некоторые выдержки из многочисленных рукописей, которыми я владею, написанных специально для меня и переданных мне моим Учителем, о кончине которого я не перестану скорбеть.

Для начала, я посылаю вам две статьи о «Смерти» и «Сатане», вышедшие из-под его пера.¹⁷⁷

Я не могу закончить это письмо, не выразив глубокого негодования, которое появилось во мне при виде низкопробных обличений, опубликованных в лондонском «Спиритуалисте» против вашего Общества и его членов. Каждого искреннего человека возмущает такое несправедливое обращение, особенно когда оно исходит от такого благородного, как м-р Харрисон (редактор «Спиритуалиста»), который принимает в своем журнале анонимные статьи, что равносильно публикации клеветы.

С величайшим уважением, мадам,
преданный Вам барон Дж. Спадальери

Марсель, 29 июля 1881 г.

Мы испытываем глубокую благодарность барону Спадальери за присланную им в высшей степени ценную статью. Покойный Элифас Леви был самым ученым каббалистом и оккультистом нашего века в Европе, и каждая вещь, вышедшая из-под его пера, драгоценна для нас, поскольку она помогает нам сравнить его представления с восточными оккультными учениями и, при помощи того и другого, доказать миру спиритуалистов и мистиков, что эти две системы — восточно-арийская и западная, или халдео-еврейская каббала — едины в своих главных метафизических учениях. Однако, в то время как восточные оккультисты никогда не теряли ключ к своему эзотеризму и ежедневно проверяют и развивают свои доктрины посредством личных экспериментов и принимая во внимание данные современной науки, то западные, или еврейские каббалисты, кроме того, что они веками были введены в заблуждение введением в каббалу чужеродных элементов (таких как христианские догмы, буквальные истолкования Библии, и т. д.), они совершенно несомненно утратили подлинный ключ к эзотерическому смыслу каббалы Симона бен Иохан и пытаются замаскировать эту утрату при помощи интерпретаций, исходящих из глубин их воображения и внутреннего сознания. Это очевидно в случае Дж. К., самозваного лондонского «адепта», чьи анонимные и беспомощные поношения Теософского общества и его членов совершенно справедливо называются бароном Спадальери «равнозначными клевете». Но нам следует быть милосердными. Этот бедный последователь библейских *левитов* — насколько мы о нем знаем — в своих ничтожных попытках опровергнуть теософов, совершенно очевидно, «расщепил» свой мозг, когда он выступил против одного из своих собственных «оккультных» положений. И в особенности это заметно в случае одного из них (в «Спиритуалисте» за 22 июля), к которому впоследствии будет привлечено внимание мистически настроенных людей, так как этот параграф весьма вероятно является причиной того печального происшествия, которое столь сильно повлияло на него. Как бы то ни было, но все это делает сегодня знаменитого Дж. К. неспособным сообщать «научным образом, свое знание», и в то же самое время заставляет его оставаться, как он сам выражает это, «в непередаваемом экстатическом состоянии». Ибо ни в каком другом состоянии этот наш

¹⁷⁷

Учитель Кут Хуми, ознакомившись со статьями Элифаса Леви, опубликованными в октябрьском номере «Теософиста» за 1881 г., сделал на полях журнала заметки и пояснения, которые мы приводим в настоящем издании в квадратных скобках с пометкой — «К. Х.». Так же инициалами в квадратных скобках отмечены выделения в тексте, сделанные рукой Учителя. Экземпляр «Теософиста» с комментариями Кут Хуми хранится в Британском музее в так называемом «Архиве махатм». — *Прим. ред.*

великий современный адепт, литератор такого «калибра»,¹⁷⁸ что подозревать его в невежестве становится равным, по своей смелости, тому, чтобы бросить тень подозрения на добродетели жены кесаря, — не смог бы написать следующие строки, в которых он, как мы полагаем, намеревался дать понятное и ясное выражение своего собственного психокаббалистического учения, в сопоставлении с «трудными для понимания словами», «заморскими выражениями», «моральными и философскими банальностями» и «труднопроизносимыми словами» «ученых теософов».

Вот «жеммы оккультной мудрости» знаменитого еврейского каббалиста, который, подобно застенчивой фиалке, скрывает свое оккультное учение под двумя скромными инициалами. «В каждом человеческом создании лежит в скрытом виде в произвольной части существа достаточное количество всеведущего, абсолюта. Для того, чтобы вызвать скрытый абсолют, который *является* произвольной частью нашего произвольного сознательного существа, чтобы сделать его проявленным, существенно, чтобы произвольная часть нашего существа стала скрытой. После предварительного очищения от приобретенной порочности, необходимо некоторого рода самососредоточение; произвольное должно стать произвольным благодаря произвольному, становящемуся произвольным. Когда сознательное становится полусознательным, тогда то, что было сначала для нас бессознательным, становится полностью сознательным. Части всеведущего, которая находится внутри нас, жизненному и растущему, неутомимому, произвольному, оккультному или женскому принципу позволено выразить себя в произвольной, разумной, проявленной, или мужской части человеческого существа, в то время как последнее остается в состоянии совершенной пассивности, две первоначально разъединенные части воссоединяются как одно святое (полностью) совершенное существо, и тогда неизбежно божественное проявление». К великому счастью, Дж. К. сам дает нам ключ к этому высокопарному излиянию: «необходимым образом, — добавляет он, — это может быть благополучно осуществлено лишь живущим в безупречной чистоте, ибо иначе существует опасность *душевного расстройства — безумия*, или сомнительной формы *медиумичности*».

Курсив здесь наш. Очевидно, что у нашего *непогрешимого* «адепта» «произвольному, оккультному или *женскому* принципу» не было позволено «выразить себя в произвольной, разумной, проявленной, или мужской части» его существа — и вот результаты!!

В качестве наставления нашим индийским читателям, которые недостаточно развиты для того, чтобы отказаться читать произведения «Дж. К.» или следить за умственными «кульбитами», совершаемыми на страницах «Спиритуалиста», мы можем добавить, что в той же самой статье он информирует своих английских читателей, что это «индийские мистификации, действующие на западную доверчивость», «породили Теософское общество». «Индийская философия», — согласно этому великому светилу девятнадцатого столетия, — это не «философия», но «скорее мистицизм»... «Следуя по следу мистифицирующих и мистифицированных индусов, они (теософы) рассматривают четыре вышеназванные способности (сиддхи Кришны), Анима, Махима, Лагхима и Гарима, как силы, к которым они (мы) стремятся». «Поистине, какое нелепое смешивание следствия с причиной!»

Да, это было поистине серьезное «расщепление мозга». Мы надеемся, что своевременные и повторные примочки гамамелиса [«ведьминого орешника»] или «универсального магического бальзама» дадут хорошие результаты. Между тем, мы обращаем внимание наших индийских читателей и изучающих оккультизм на идентичность

178

«Обвинить *литератора моего калибра* в невежестве — это столь же забавная ошибка, как если бы обвинить Порсона в незнании греческого языка», — пишет он в «Спиритуалисте» за 8 июля... «Оккультные исследования — это моя главная тема, и ... *существует очень немногое ... чего я не знаю*», — добавляет он. Теперь нам все ясно в этом вопросе. Не только *«адепт»*, но и никакой мирянин или непосвященный с достаточно широко развитым интеллектом и познавательными способностями, никогда бы не осмелился, опасаясь того, что его впредь и навсегда сочтут одним из наиболее самонадеянных героев Эзопа, использовать это выражение, говоря о себе самом! Он показал себя столь идиотски высокомерным и трусливо нахальным, укрываясь за своим щитом из инициалов, по отношению к людям много более достойным, чем он сам, в своих откровенных выпадах против них в вышеназванном «Спиритуалисте», что это в первый и, безусловно, последний раз мы оказываем ему честь тем, что упоминаем о нем в нашем издании. Мы верим, что у нашего журнала есть более благородная цель, чем полемика с теми, кого в простонародном языке обычно называют — *хвастунами*.

доктрин, которым учил Элифас Леви (над которым «адепт» также презрительно насмехается и отсылает его в компанию «братьев», йогов и «факиров»), во всех их главных и существенных пунктах с учениями наших восточных посвященных.

СМЕРТЬ

Смерть является необходимым растворением несовершенных комбинаций. [1, 2, 3, 4 и 5-й. — К. Х.] Это повторное поглощение грубого контура индивидуальной [Личность и личное эго. — К. Х.] жизни в великую работу жизни универсальной; только совершенный [6-й и 7-й принципы. — К. Х.] бессмертен.

Это купание в забвении. [До времени воспоминания. — К. Х.] Это источник молодости, куда с одной стороны погружается старость, и откуда с другой стороны выходит младенчество.¹⁷⁹

Смерть — это преображение живого; трупы — это лишь мертвые листья на Древе Жизни, которое еще распустит все свои листья весной. Воскресение людей вечно напоминает эти листья.

Тленные формы обусловлены нетленными прототипами.

Все те, кто жил на земле, все еще живут в новых экземплярах своих прототипов, [К. Х.] но души, которые превзошли свои прототипы, получают в другом месте новую форму, основанную на более совершенном типе, так как они вечно восходят по лестнице миров;¹⁸⁰ плохие экземпляры разрушаются, и их вещество возвращается в общую массу.¹⁸¹

Наши души являются как бы музыкой, а наши тела — инструментами для нее. Музыка существует без инструментов, но она не может стать слышимой без материального посредника; [Поэтому дух не может сообщаться. — К. Х.] нематериальное нельзя ни постигнуть, ни осознать.

Человек в своем нынешнем существовании помнит и сохраняет лишь некоторые предрасположенности своих прошлых существований. [Карма. — К. Х.]

Вызывания умерших — это всего лишь уплотнение памяти, воображаемое окрашивание теней. Вызвать тех, кого больше нет здесь, означает лишь вынудить их прототипы вновь появиться из воображения природы.¹⁸²

Чтобы находиться в непосредственном общении с воображением природы, необходимо быть либо в состоянии сна, опьянения, экстаза, каталепсии, или безумия. [И чтобы быть в непосредственном контакте с *разумом* Природы, ему нужно стать адептом.]

Вечная память сохраняет только нетленное; все то, что подвержено Времени, по праву подлежит забвению.

Сохранение трупов — это нарушение законов природы; это оскорбление благопристойности смерти, которая скрывает свою работу разрушения так же, как и мы скрываем свои акты воспроизведения. Сохранять трупы — это значит создавать призраки в воображении земли;¹⁸³ [Мы никогда не хороним наших усопших. Их либо сжигают, либо оставляют над землей.] привидения ночных кошмаров, галлюцинаций и страхов, являются лишь удивительными фотографиями сохраненных трупов. [Их отражения в астральном свете. — К. Х.] Именно эти сохраненные или плохо разрушенные трупы распространяют среди живых людей чуму, холеру, заразные

---

¹⁷⁹ Перерождение *эго* после смерти. Восточная, и особенно буддийская, доктрина эволюции нового эго из старого.

¹⁸⁰ Из одной *локи* в другую, из положительного мира причин и деятельности в негативный мир следствий и пассивности.

¹⁸¹ В космическую материю, когда они необходимым образом утрачивают свои *самосознания* или *индивидуальности*, [Свою монаду, 6-й и 7-й принципы. — К. Х.] или уничтожаются, как говорят восточные каббалисты.

¹⁸² Страстно желая увидеть умершего человека, следует вызвать образ этого человека, призвать его из астрального света или эфира, в котором остаются запечатленными образы *Прошлого*. Это именно то, что отчасти совершается на «сеансах». Спиритуалисты — это бессознательные НЕКРОМАНТЫ.

¹⁸³ Усилить эти образы в астральном или звездном свете.

болезни, уныние, скептицизм и разочарование в жизни.¹⁸⁴ Смерть истощается смертью. Кладбищенские яды городской атмосферы и миазмы трупов отравляют детей даже во чреве их матерей.

Около Иерусалима, в долине Геенны, поддерживался постоянный огонь для сожжения останков и скелетов животных, и это об этом вечном огне упоминает Иисус, когда он говорит, что грешники будут гореть в *Геенне*, подразумевая, что с душами умерших будут обращаться так же, как и с их телами.

Талмуд говорит, что души тех, кто не верил в бессмертие, не станут бессмертными. Одна лишь вера дает личное бессмертие;¹⁸⁵ [В девахане эго видит и чувствует только то, к чему были направлены его устремления. Тот, у кого нет желания продолжения чувственной личной жизни после физической смерти, минует эту стадию. После нового рождения он останется бессознательным, как в переходном состоянии. — К. Х.] наука и разум могут утверждать лишь общее бессмертие.

Смертный грех — это самоубийство души. Такое самоубийство происходит, если человек посвящает себя служению злу со всей силой своего разума, с совершенным знанием добра и зла и полной свободой действия, которая кажется невозможной на практике, но возможна в теории, потому что сущность независимой индивидуальности — это неограниченная свобода. Божество ничего не навязывает человеку, даже существование. Человек имеет право даже удалиться прочь от божественной доброты, и догма об адском огне является лишь утверждением вечной свободы воли.

Бог не низвергает никого в ад. Это человек свободно может идти туда, бесповоротно, окончательно и по своему собственному выбору.

Те, кто находится в аду, то есть, так сказать, во мраке зла¹⁸⁶ и страдании неизбежного наказания, вовсе не желая этого, призываются выйти оттуда. Этот ад для них лишь чистилище. Проклят навсегда, абсолютно и без всякой отсрочки — Сатана, который есть не что-то разумно существующее, а просто необходимая гипотеза.

Сатана является последним словом творения. Он есть конец бесконечно освобожденного. Он возжелал быть равным Богу, противником которого он является. Бог — это гипотеза, необходимая для разума. Сатана — гипотеза, необходимая для безрассудства, утверждающего себя как свободную волю. [То, что подчеркнуто красным карандашом, на первый взгляд *выглядит как противоречие*, но это не так. — К. Х.]

Для того, чтобы быть *бессмертным* [Употребляя слово «бессмертие», герметисты, как правило, ограничивают его продолжительность от начала до конца малого цикла. Их нельзя осуждать за ограниченность их собственных языков. Вряд ли можно назвать это полубессмертием. Древние называли это «панэонической вечностью», от слов: *παν* — совокупность всего, или природа, и *αιων* — неопределенный период времени, предел которого известен лишь посвященным. См. словари: *зон* — это период времени, который включает в себе человеческий срок жизни, промежуток существования вселенной, а также *вечность*. Это понятие являлось «словом мистерий» и его значение было намеренно сокрыто. — К. Х.] во благе, следует отождествить себя с Богом; чтобы быть бессмертным во зле — с Сатаной. Это два полюса в мире душ; между этими двумя полюсами прозябает и умирает безо всякого воспоминания бесполезная часть человечества.

¹⁸⁴

Люди начинают интуитивно осознавать эту великую истину, и во многих европейских странах сегодня создаются учреждения для сожжения тел и *крематории*.

¹⁸⁵

Вера и *сила воли*. Бессмертие является обусловленным, как мы это всегда утверждали. Это награда чистому и доброму. Греховный человек, человек, увлеченный чувственным и материальным, только выживает. Тот, кто ценит лишь физические удовольствия, не живет и не *может* жить в посмертии как сознающее себя существо.

¹⁸⁶

То есть, они вновь рождаются в «низшем мире», который не является ни «адам», ни каким-либо богословским чистилищем, но миром почти абсолютной *материи*, и после него следует последний мир в «круге необходимости», из которого «нет освобождения, ибо там царит абсолютная духовная тьма» («Книга Кхиу-ти»).

Это может показаться непонятным среднему читателю, *ибо это одно из наиболее сложных учений оккультной [Западной. — К. Х.] доктрины.* [К. Х.] Природа двойственна: в ней существует как физическая и материальная сторона, так и сторона духовная и моральная; и в ней существует и добро, и зло, и последнее является неизбежной тенью от ее света. Для того, чтобы проникнуть в поток бессмертия, или, скорее, достигнуть бесконечного ряда перерождений в виде сознательных индивидуальностей (см. «Книгу Кхиу-ти», том XXXI [Гл. III. — К. Х.]), *следует стать сотрудником природы, либо во БЛАГЕ, либо во ЗЛЕ, в ее работе по сотворению и воспроизведению, или же в разрушении.* [Эта сентенция указывает на вида посвященных — адептов и колдунов. — К. Х.] И лишь от бесполезных трутней она избавляется, насильственно изгоняя их и заставляя миллионами [Одно из ее обычных преувеличений. — К. Х.] погибать в качестве самосознающих существ. [Пара бессмысленных слов. — К. Х.] Таким образом, в то время как добрый и чистый стремится достигнуть *нипанг (нирваны, или такого состояния абсолютного существования и абсолютной сознательности, которое, в мире конечного восприятия, является не-существованием и не-сознательностью)* — греховный, напротив, будет желать иметь серию жизней в виде сознательных, определенных существований или существ, предпочитая вечно страдать, находясь под властью закона воздающей справедливости, [Кармы. — К. Х.] чем отказаться от своих жизней, как от частей единого, универсального целого. Существа прекрасно сознают, что они не могут никогда надеяться на обретение конечного успокоения в чистом духе, или *нирване*, и они скорее будут цепляются за жизнь в любой форме, [Посредством медиумов, существовавших везде и во все века. — К. Х.] чем отринут это «желание жить», или *танху*, которая служит причиной создания новой комбинации *скандх*, или перевоплощения индивидуальности. Природа — это добрая мать как по отношению к жестокой хищной птице, так и к безобидному голубю. Мать-природа накажет своего сына, но если он стал ее соратником в деле разрушения, она не сможет отринуть его. [Не до завершения эона, если только ему известно, как пересилить ее. Но это есть жизнь мучений и вечной ненависти. Если вы верите в нас, как вы можете не верить в них? — К. Х.] Существуют такие совершенно развращенные и порочные люди, которые все же имеют столь же высокоинтеллектуальное развитие и *духовную* проницательность для злых целей, как и те, кто духовен ради добра. [Теневые братья. — К. Х.] *Эго* таких людей могут избегать закона окончательного разрушения или уничтожения в течение веков. [Большинство *вынуждено* покидать эту планету и перемещаться на 8-ую, как она ее называет. Но высшие будут жить, развивая землю, до самого порога конечной нирваны. — К. Х.] Именно это подразумевает Элифас Леви под теми, кто становится «бессмертными во зле» посредством отождествления с Сатаной. «Знаю твои дела; ты ни *холоден*, ни *горяч*», — говорится в видении в «Откровении» св. Иоанна (III. 15-16). — «Но как ты *тепл*, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих». «Откровение» — это полностью каббалистическая книга. Жар и холод — это два «полюса», то есть, добро и зло, *дух* и *материя*. Природа *извергает* «теплое», или «бесполезную часть человечества» из своих уст, то есть, уничтожает ее. Это представление о том, что значительная часть человечества может в конце концов не обладать бессмертными душами, не будет нова даже для европейских читателей. Сам Кольридж сравнивал этот случай с дубом, несущим поистине миллионы желудей, но из которых при номинальных [Нормальных. — К. Х.] условиях едва ли один из тысячи может когда-либо развиваться в дерево, и предполагал, что поскольку большинство желудей бессильно вырасти в новое живое дерево, то вероятно и большинству людей не удастся развиваться в новое живое существо после своей земной кончины.

САТАНА

Сатана — это всего лишь символ, а не реальный персонаж.

Это некий тип, противостоящий Божественному типу, который необходимым образом мешает ему в нашем воображении. [К. Х.] Это искусственная тень, которая делает видимым для нас бесконечный свет Божественного.

Если бы Сатана был реальным персонажем, [К. Х.] тогда было бы два Бога, и вера манихеев была бы истинной.

Сатана является воображаемым представлением об абсолютном зле; [К. Х.] концепцией, необходимой для полного утверждения свободы человеческой воли, которая, при помощи этого воображаемого абсолюта, кажется способной уравновесить даже совокупную силу Бога. Это самая смелая, самая наглая и, быть может, самая возвышенная мечта человеческой гордости.

«Вы будете как боги, знающие добро и зло», — говорит аллегорический змий в Библии. Поистине, сделать зло наукой — это значит сотворить из Бога дьявола, и если какой-либо дух может постоянно сопротивляться Богу, то больше нет единого Бога, но есть два Бога.

Чтобы сопротивляться Бесконечному, необходима бесконечная сила, и две бесконечные силы, противоположные одна другой, должны нейтрализовать друг друга.¹⁸⁷ Если сопротивление со стороны Сатаны является возможным, то сила Бога не может существовать далее, Бог и Дьявол уничтожают друг друга, и человек остается один; он остается в одиночестве с призраком своих богов, гибридным сфинксом, крылатым быком, держащим в своей человеческой руке меч, блистающие молнии которого ведут воображение человека от одной ошибки к другой, и от деспотизма света к деспотизму тьмы.

История земных бедствий и страданий — это лишь роман о войне Богов, войне все еще не законченной, пока христиане поклоняются Богу в Дьяволе, и Дьяволу в Боге.

Антагонизм сил — это анархия в догме. *Таким образом, церкви, которая утверждает существование Дьявола, мир отвечает с ужасающей логикой: тогда не существует Бог; [К. Х.] и бесполезно пытаться избежать этого аргумента, изобретая превосходство Бога, который позволил бы Дьяволу сделать так, чтобы люди были прокляты; это разрешение было бы чудовищным и походило бы на соучастие, и бог, который смог бы стать сообщником дьявола, не мог бы быть Богом.*

Догматический Дьявол является персонификацией атеизма. Дьявол в философии — это преувеличенный идеал свободной воли человека. Реальный или физический Дьявол есть магнетизм зла.

Вызвать Дьявола — это значит лишь представить на мгновение эту воображаемую личность. Это влечет за собой то, что в эго человека преступается граница безумной порочности, и он совершает самые преступные и бессмысленные поступки.

Следствием такого деяния является смерть души в безумии, а часто и смерть тела, как бы подобная удару молнии, в результате инсульта.

Дьявол всегда надоедает просьбами, но никогда ничего не дает взамен.

Святой Иоанн называет его «Зверем» (*la Bete*), потому что его сущность — это человеческая глупость (*la Betise humaine*).

Вот вероучение Элифаса Леви (*Bonae Memoriae*) и его учеников.

Мы верим в Бого-Принцип, сущность всего сущего, всего добра и всей справедливости, неотделимый от природы, которая есть его закон и которая обнаруживает себя через разум и любовь.

Мы верим в человечество, дочь Бога, все члены которого неразрывно связаны друг с другом, так, что все люди должны сотрудничать в деле спасения каждого, и каждый — в деле спасения всех.

¹⁸⁷

И поскольку зло бесконечно и вечно, ибо оно современно материи, то напрашивался бы логический вывод о том, что нет ни Бога, ни Дьявола — как персональных существ, а есть лишь Один Несотворенный, Бесконечный, Неизменный и Абсолютный Принцип или Закон: ЗЛО, или ДЬЯВОЛ — чем глубже он погружается в материю, и ДОБРО или БОГ, как только он очищается от последнего и вновь становится чистым неомраченным Духом или АБСОЛЮТОМ в своей вечной, непреложной Субъективности.

Мы верим, что для служения Божественной сущности необходимо служить человечеству.

Мы верим в исправление зла и в победу добра в жизни вечной.

FIAT [ДА СВЕРШИТСЯ!]

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ САМОУБИЙСТВО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ?

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ТЕОСОФИСТА». — Автор в ноябрьском номере лондонского «Спиритуалиста», который называет «Фрагменты оккультной истины» спекуляциями, вряд ли прилагает это определение к *Фрагменту* № 3, в котором столь осторожно выдвигается гипотеза относительно самоубийства. Эта гипотеза, если рассматривать ее в самом общем виде, кажется достаточно разумной, она удовлетворяет нашим представлениям о Нравственном Законе Вселенной и совпадает с нашими житейскими взглядами, а также с тем, что мы извлекаем из науки. Вывод, который может быть сделан на основании двух приведенных случаев, то есть об эгоистичном самоубийстве с одной стороны, и о бескорыстном с другой, состоит в том, что хотя состояние после смерти может быть разным, все же основной результат неизменно плохой, а вариации касаются лишь степени наказания. Мне кажется, что приходя к этому выводу, он не имел представления о всех возможных случаях самоубийства, которые происходят или могут происходить. Я утверждаю, что в некоторых случаях самоубийство не только оправдано, но и желательно с нравственной точки зрения, и что результат такого самопожертвования по-видимому не может быть плохим. Я приведу один случай, самый редкий из всех редких случаев, но нет необходимости считать его чисто гипотетическим по этой причине, ибо я знаю по крайней мере одного человека, который руководствуется чувствами, не отличающимися от тех, которые я сейчас опишу, и который был бы весьма признателен за любой дополнительный свет, который мог бы быть пролит по этому в высшей степени мистическому вопросу. (См. примечание редактора, I.)

Предположим, что некто, кого я буду называть М., долго и глубоко размышляет над проклятыми вопросами о тайнах земного существования, его целях и высочайших обязанностях человека. Для того, чтобы посодействовать своим мыслям, он обращается к философским работам, особенно к тем, которые имеют дело с возвышенным учением Будды. В конце концов он приходит к заключению, что Первая и Единственная цель существования — это быть полезным нашим собратьям, что неудача в этом представляет собой его собственную никчемность в качестве разумного человеческого существа, и что продолжая такую жизнь, он просто рассеивает энергию, которую он имеет, и которую он не в праве растрачивать по мелочам. Он пытается быть полезным, но терпит в этом полную неудачу. Что же тогда является для него лекарством? Вспомните, что здесь нет никаких причин, чтобы обратить против кого-то оружие, не нужно бояться того, что нарушен человеческий закон, не нужно избегать земного наказания; на самом деле нет никакой нравственной трусости в этом самопожертвовании. М. просто кладет конец существованию, которое является бесполезным, и поэтому не удовлетворяет своей собственной первичной цели. Не является ли такой поступок оправданным? Или он также является жертвой того превращения в *призрака* и *пишача*, против чего предостерегает *Фрагмент* № 3. (II.)

Может быть М. надеется получить более благоприятные условия при последующем рождении, и тогда он будет в большей мере способен выполнять задачу

Бытия. Да, вряд ли он может быть хуже; ибо вдобавок к тому, что он вдохновлен похвальным намерением освободить дорогу для того, кто Может быть более годным к служению, он невиновен в данном случае ни в каком нравственном преступлении. (III.)

Но я еще не закончил. Я пойду немного дальше и скажу, что М. не только бесполезен, но и определенно вреден. К своей неспособности делать добро он добавляет беспокойную склонность, которая постоянно толкает его на *попытки* делать добро. М. делает попытку — он был бы недостоин носить имя человека, если бы он ее не сделал — и обнаруживает, что его неспособность постоянно приводит его к ошибкам, которые превращают потенциальное добро в действительное зло; и что благодаря своей природе, рождению и воспитанию, большое количество людей оказалось вовлеченным в результаты его ошибочного рвения, и что мир в целом больше страдает от его существования, чем от его отсутствия. Итак, если после достижения таких результатов М. пытается придать им логическое завершение, то есть, будучи морально обязанным уменьшить зло, которому подвержены разумные существа на земле, он должен уничтожить самого себя, и таким образом совершить то единственное доброе дело, на какое он способен; есть ли в таком случае, спрашиваю я, какая-либо нравственная вина, связанная с актом преждевременной смерти? Что касается меня, то я конечно скажу, что нет. Нет, больше того, я утверждаю, с учетом высшего знания, что М. не только оправдан в совершении такого поступка, но что он был бы негодяем, если бы сразу и без колебаний не положил бы конец жизни не только бесполезной, но и определенно вредной. (IV.)

М. может ошибаться, но, полагая, что он умирает, лелея счастливую надежду, что в смерти — все хорошее, а в жизни — все зло, на которое он способен, и в этом случае нет никаких извиняющих его обстоятельств, чтобы сильно ходатайствовать в его пользу и чтобы помочь ему избежать падения в ту ужасную пропасть, которой так запуганы ваши читатели? (V.)

М., повторяю я, это не гипотетический случай. История изобилует примерами бесполезных и вредных жизней, которые привели к горькому результату разрушения наций. Посмотрите на творцов Французской революции, пылающих такой страстной любовью к своим соотечественникам, которая зажигала человеческие сердца; посмотрите на них, красных от невинной крови, приносящих неисчислимые бедствия своей стране, выступая под священным именем Свободы! такие сильные на вид! такие ничтожные и слабые в действительности! Какой горестный результат их неспособности! Если бы они смотрели глазами М., не были бы они его прототипом? Не благо ли это было бы для Франции, если бы они предвосхитили поступок М.?

Опять-таки, посмотрим на Георга III Англии, имевшего самые лучшие намерения, но неспособного правителя, который, после своего царствования в течение долгих лет, оставил свою страну отчаявшейся и обедневшей от войн, разрываемой внутренними противоречиями, отделенной от родственных народов по ту сторону пролива, со свободой подчиненных, попранной его ногами, и с добродетелью, prostituted в кабинете, парламенте в Лондонском суде. Его переписка с лордом Нортон и другими дает многочисленные доказательства того, что благодаря его самонадеянности (хотя бы и вызванной добрыми намерениями) произошли бедствия Великобритании и Ирландии, бедствия, от результатов которого Соединенные Королевства до сих пор еще не оправилось. Было бы счастьем для Англии, если бы ее правитель, подобно М., увидел бесполезность своей жизни и пресек бы ее, как это может сделать М., в самом начале своей пагубной карьеры!

Спрашивающий

ОТВЕТ РЕДАКТОРА. — I. «Спрашивающий» не является оккультистом, отсюда его утверждение, что в некоторых случаях «самоубийство не только оправдано, но и желательно с нравственной точки зрения». Оно оправдано не в большей мере, нежели убийство, хотя иногда и может показаться, что оно желательно. Оккультист, который видит происхождение и конечный результат всего, считает, что человек, который признает, что

любой человек в некоторых обстоятельствах может положить конец своей жизни, виновен в таком же большом преступлении и в столь же пагубной софистике, как и народ, который утверждает право убивать во время войны тысячи невинных людей под предлогом мести за что-то, причиненное кому-то одному. Все подобные рассуждения являются плодами *авидьи*, принятой за философию и мудрость. Наш друг очевидно ошибается, полагая, что автор «Фрагментов» пришел к своим заключениям только потому, что он не сумел охватить своим мысленным взором все возможные случаи самоубийств. Результат в определенном смысле конечно однозначен, и существует лишь одно общее правило или закон для всех самоубийств. Но, именно потому, что «состояния после смерти» разнообразны *ad infinitum* [до бесконечности], ошибочно полагать, что различия могут касаться только степени наказания. Если в каждом случае результатом будет проживание определенного периода разумного существования, мы не понимаем, откуда «Спрашивающий» вывел свое заключение о том, что результат «в любом случае плохой». Результат полон опасностей, но существует надежда на определенное самоубийство, а во многих случаях даже вознаграждение, если жизнь была принесена в жертву ради спасения других жизней и не было альтернативы этому. Пусть он прочтет параграф 7, стр. 313 в сентябрьском номере «Теософиста» [за 1882 г.] и подумает об этом. Конечно, вопрос представлен автором в слишком общем виде. Чтобы рассмотреть детально каждый случай самоубийства и их посмертные состояния, это потребовало бы не наших «Фрагментов», а целого стеллажа книг в библиотеке Британского музея.

II. Никто из людей, повторяем мы, не имеет права положить конец своему существованию просто потому, что оно бесполезно. Это все равно, что доказать необходимость побуждения к самоубийству всех неизлечимых инвалидов и калек, представляющих собой постоянный источник страдания для своих семей, или проповедовать нравственную красоту закона, существующего у диких племен на островах Тихого океана, подчиняясь которому, они предают смерти с воинскими почестями своих стариков и старух. Пример, выбранный «Спрашивающим», не является удачным. Есть огромная разница между тем человеком, который расстается с жизнью, пребывая в полном отвращении от постоянной безуспешности совершить добро, от отчаяния быть когда-нибудь полезным или даже от страха причинить вред своим ближним в случае продолжения жизни; и тем, кто по своей воле отказывается от своей жизни ради спасения жизни людей, которых он должен спасти по обязанности или потому, что они ему дороги. Один — это наполовину больной мизантроп, а другой — герой и жертва. Один лишает себя жизни, другой предлагает ее в жертву филантропии и своему долгу. Капитан, который остается один на борту тонущего корабля; человек, который отказывается от своего места в лодке, в которой не могут поместиться все, в пользу более молодых и слабых; врач, сестра милосердия и няня, которые не отходят ни на минуту от постелей больных, умирающих от инфекционной лихорадки; ученый, который проводит свою жизнь в умственной работе и усталости, и знает, что он трудится день за днем и ночь за ночью, чтобы открыть великий закон вселенной, что может привести к великому благу человечества; мать, которая бросается перед диким животным, напавшим на ее детей, чтобы закрыть их и дать им убежать, — все это не случаи самоубийства. Импульс, который толкает их на то, чтобы нарушить первый великий закон одушевленной природы — сохранение жизни — является великим и благородным. И хотя все они должны будут жить в *кама локе* отведенный им жизненный строк, все же они являются предметом восхищения для всех, а их память будут чтить среди живущих в течение еще более долгого периода времени. Мы все хотим, чтобы при подобных обстоятельствах у нас нашлась смелость умереть таким образом. Но не так конечно обстоят дела в случае того человека, пример которого приводит «Спрашивающий». Несмотря на его утверждения о том, что «здесь нет никакой нравственной трусости» в таком самопожертвовании, мы называем это со всей определенностью «нравственной трусостью» и отказываемся от того, чтобы назвать это жертвой.

III и IV. В большинстве случаев гораздо больше требуется смелости для того, чтобы жить, чем умереть. Если «М.» чувствует, что он «определенно приносит вред», пусть он удалится в джунгли или на уединенный остров, или, что еще лучше, в пещеру или в хижину около большого города, и тогда, ведя жизнь отшельника, которая исключает любую возможность нанести вред кому-либо, — работать тем или иным образом для бедных,

голодающих и страдающих. Если он будет жить именно так, то никто не «окажется вовлеченным в последствия его ошибочного рвения», и если у него есть хотя бы малейший талант, он сможет облагодетельствовать многих простым физическим трудом, совершенным в столь полном одиночестве и молчании, как это могут сделать данные обстоятельства. Все что угодно, даже быть названным сошедшим с ума филантропом, — все это лучше, чем совершить самоубийство — наиболее трусливый и подлый из всех поступков, хотя бы *felo de se* [самоубийца] прибегнул к нему в припадке безумия.

V. «Спрашивающий» интересуется, не является ли его «М.» также жертвой превращения в *призрак* или *тшиача*! Судя по описанию его характера, данному его другом, мы должны сказать, что из всех случаев самоубийства, он с исключительно высокой вероятностью является призраком из комнаты для спиритических сеансов. Вполне возможно, что он невиновен в «какой-либо нравственной низости», но поскольку он поражен «беспокойной склонностью, которая постоянно толкает его делать добро» — здесь, на земле, — мы не знаем причины, почему он должен утратить такую несчастную склонность (несчастную, потому что она приводит к постоянной неудаче) в *кама локе*. «Ошибочное рвение» конечно должно приводить его к различным медиумам. Привлеченный сильным магнетическим желанием сенситивов и спиритуалистов, «М.» вероятно будет чувствовать себя «морально обязанным уменьшить зло, которому подвержены на земле эти разумные существа (медиумы и верующие)», и должен будет уничтожить не только себя, но и близких к нему духовно медиумов.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ АБОРТ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ?

Публикация в вашем журнале, озаглавленная «Является ли самоубийство преступлением?», побудили меня задать другой вопрос: «Является ли преступлением аборт?» Дело не в том, что я лично имею какие-либо серьезные сомнения в незаконности такого поступка; но данный обычай до такой степени преобладает в Соединенных Штатах, что лишь сравнительно немногие видят в нем что-то неправильное. Лекарства для этой цели открыто рекламируются и продаются; в «респектабельных семьях» эта церемония регулярно повторяется каждый год, и семейный доктор, который предложил бы отказаться от этого, был бы безапелляционно отстранен и заменен более сговорчивым.

Я говорила с докторами, которые при совершении аборта имеют не больше колебаний, чем при введении лекарств; с другой стороны, существуют определенные брошюры, исходящие из ортодоксальных источников и направленные против этой практики; но они обычно столь перегружены описанием «опасных последствий», что утрачивают свою действенность для обычного читателя вследствие своей абсурдности.

Следует признать существование определенных обстоятельств, при которых может случиться так, что самое лучшее как для ребенка, который должен родиться, так и для общества в целом, чтобы его появление было предотвращено. Например в том случае, если сама мать искренне желает уничтожения ребенка, то ее желание вероятно повлияет на формирование его характера и сделает из него, когда он вырастет, убийцу, закоренелого преступника или человека, для которого было бы лучше, «если бы он никогда не родился».

Но если убиение плода оправдано, не лучше ли было бы убивать ребенка после того, как он родится, поскольку тогда не было бы опасности для матери; а если оправдано убивание детей до или после их рождения, то возникает следующий вопрос: «В каком возрасте и при каких обстоятельствах убийство позволительно?»

Поскольку это вопрос огромного значения для многих тысяч людей, я была бы признательна, если бы он был рассмотрен с теософской точки зрения.

«М. Д.», член Т. О.,
Джорджтаун, Колорадо, США

ОТВЕТ РЕДАКТОРА. — Теософия в целом отвечает: «Ни в каком возрасте и ни при каких обстоятельствах убийство не может быть оправдано!» — а оккультная теософия добавляет: «Предостережения против аморальной и опасной практики исходит не от закона и не из аргументов, взятых из того или иного ортодоксального «изма», но скорее оттого, что в оккультной философии как физиология, так и психология обнаруживают бедственные последствия этого поступка». В данном случае аргументация основана не на причинах, но на производимых ими следствиях. Наша философия заходит так далеко, чтобы считать, что если Уголовный Кодекс большинства стран наказывает за попытки самоубийства, то он должен (если он намерен быть последовательным) вдвойне наказывать за убийство плода как за попытку к *двойному самоубийству*. Ибо действительно, если даже оно происходит успешно и мать не погибает, *все же это укорачивает ее жизнь на земле и надолго продлевает ее тоскливое пребывание в камалокке*, которая является промежуточной сферой между землей и областью покоя, и это не есть «чистилище св. Патрика», но факт и место необходимой остановки в эволюции жизненных стадий. Совершенное преступление неминуемо приводит к греховному разрушению жизни и грубому вмешательству в деятельность природы, а также пагубно влияет на КАРМУ матери и вероятное будущее нерожденного человеческого существа. Этот грех не рассматривается оккультистами как грех *религиозного* характера, — ибо, на самом деле, в плоде или даже в ребенке до того, как он достиг самосознания, содержится не больше духа и души, чем в каком-нибудь другом маленьком животном, — поскольку мы отрицаем отсутствие души у минералов, растений или животных и верим лишь в то, что она выражена у них в неравной степени. Тем не менее, умерщвление плода — это преступление против природы. Без сомнения разного рода скептики будут смеяться над нашими замечаниями и называть их абсурдными предрассудками и «ненаучной болтовней». Но мы пишем не для скептиков. Нас попросили изложить взгляды теософии (или, скорее, оккультной философии) по этому поводу, и мы отвечаем на данный вопрос соответственно нашему знанию.

БРАК И РАЗВОД В РЕЛИГИОЗНОМ, ПРАКТИЧЕСКОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В глазах многочисленных Соломонов общества м-р А. Ричард представляет весомую силу, призванную под религиозной личиной превозносить в каждом столетии авторитет Библии для оправдания любых постыдных деяний. Они ссылались на нее, поддерживая рабство, и они ссылаются на нее, оправдывая внебрачное сожительство и распутство. Данный автор рассматривает брак со всех позиций, уделяя особое внимание анималистической точке зрения. Освещая вопрос, он допускает «свободу совести» (как верно подмечено, исключительно для *сильного пола*). Фактически это означает для мужчин полную свободу половых отношений, торговлю женщиной как вещью и ослабление связи, которую многие считают священной и нерасторжимой, в противовес бездуховной свободной любви и тому образу жизни, который предоставляет вечная профессия, уготовленная *слабому полу*.

В литературном отношении эта работа может быть и оригинальна, но в ней заложен принцип еще более мрачный, чем в основании общества мормонов. Возможно, это отвечает,

чаяниям рядового мусульманина, хотя вряд ли удовлетворит каждого второго (а то и каждого десятого) христианина.

Наши представления о взаимоотношении полов зиждутся на нашей социальной системе, и так как у разных народов совершенно несхожие нравы и убеждения, то естественно полагать, что и данные взаимоотношения будут отличны от наших. И действительно, взгляды и обычаи относительно брака у разных народов весьма разнообразны, но из них можно вывести основное для всех правило, согласно которому, опускаясь по шкале цивилизации, значение семьи падает, а рода — возрастает.

М-р Ричард приводит весьма подробную, хотя и надуманную во всех отношениях, разработку обсуждаемой им темы. Он исходит из предпосылки о *непогрешимости* Библии и на этом основании оправдывает позицию церкви. Действуя в таком ключе, он дословно следует суждению св. Августина: «*Ego vero Evangelio non crederem; nisi me catholicae Ecclesiae commoveret auctoritas*». [«Для меня авторитет католической церкви превышает авторитета Евангелий».] Оба, и католический святой и протестантский автор, тем не менее, размышляя о душе и порочном круге, каждый выносит суждение со своей колокольни. Справедливости ради отметим, что в Ветхом Завете существует разница между временными и постоянными законами. «Благословение Бога, снизошедшее на брак Адама и Евы». В самом деле? Автор благоразумно умалчивает об отношении Всемогущего к этому браку. Сотворив прежде солнце, луну и другие необходимые вещи, которые «были очень хороши», Создатель не выразил подобного одобрения Еве, своему конечному творению. *Незаконная любовная связь* Авраама с Агарью (не говоря уже об отвратительной связи Лота со своими дочерьми) «никак не осуждается в «Книге Начал». Полигамия (это касается также и кровосмесительных браков) «была признана и допущена моисеевым законом, но не распространялась на женщин», — продолжает наш *авторитет*. И если имел место один подход, то был также и другой, и мы докажем это.

Давида, к сведению автора, упрекали за его *прелюбодеяние*, но не за *многоженство*(!). Жены и наложницы Соломона были предоставлены ему как «вещь необходимая». Символизм мистических невест, олицетворяющих собой силы природы, снова игнорируется *pur sang* [истинным] сторонником буквального понимания закона. Перейдем к Новому Завету. Христос не отвергал полигамию, его апостолы тоже. Только первосвященник выражал свое неодобрение этому. Нигде в Библии нет четко выраженного запрета на этот счет, и м-р А. Ричард считает, что это вопрос открытый, такой же спорный, как прыжки с парашютом или фондовая биржа. *Utrum horum mavis accipe*. [Каждый выбирает для себя то, что ему больше нравится.]

Это показывает, к чему ведет *библейская* религия, опирающаяся не на основы морали, а на мертвую букву закона. Затем автор, затрагивая вопрос о расторжении брака, ссылаясь на «Исход», XXI, 2, 7 и «Второзаконие», XXI, 10, XXIV, 1, и делает вывод:

Отсюда видно, что при определенных условиях допускалось внебрачное сожитие. Также в случае необходимости поощрялся и развод.

Автор, похоже, намеренно игнорирует учение Христа, отменяющее закон Моисея и недвусмысленно запрещающее брак с разведенным лицом. Во всех своих суждениях м-р А. Ричард исходит из протестантской морали и рассматривает англиканскую церковь как *επιτελεχεια* [*эпитехия*, причину всего сущего]. Греческая и римская церкви во внимание не принимаются, оставаясь в стороне, затушеванными или разделанными по его прихоти и желанию.

Далее автор более подробно рассматривает вопрос о разводе, хотя и умалчивает о существенном различии между разрывом *vinculum matrimonii* [брачных уз] и прекращением *mensa et thoro* [духовных отношений]. Однако, отдавая должное его стремлению неукоснительно следовать церковным предписаниям англиканской церкви, следует все же признать, что он показывает, как свободные отчасти пары могут быть введены в биологический план «генного разнообразия». Также в этой работе поднимается теологическая проблема соответствия-несоответствия, предположительно являющаяся главной движущей силой для совершения обряда, который некоторые называют таинством, и

которая должна быть взвешена и обдумана более других при заключении брачного договора. Автор, однако, не поясняет, о каком браке идет речь.

А теперь рассмотрим данный вопрос с другой стороны. Давайте посмотрим на него с точки зрения женщины и ее поправленных священных прав; а также с точки зрения истины и беспристрастного анализа.

Кровожадные древние евреи, похотливые иудеи, описанные в Ветхом Завете, следовали первобытному инстинкту и воспринимали особь женского пола как *предмет* для захвата и эксплуатации, от которого агрессору, как правило, мало проку. Творимые во время их кровавых войн беззакония совершались под водительством «Господа Бога» (см. «Осия», XIII, 16), доведенные, как и все остальное, до апогея христианскими захватчиками. Женщина могла быть собственностью любого мужчины в племени. «Книга Руфь», если посмотреть на нее глазами большинства иудеев, в литературном отношении, бесспорно, насаждает принцип полиандрии [многожужия]. Оккультисты, конечно, знают его истинное значение; женщина, между тем, верит в его мертвую букву, находя полное оправдание настойчивому требованию своих прав на осуществление на деле полиандрии в том же самом *авторитетном* источнике.

Иудеи, согласно их собственным свидетельствам, имели в тот исторический период как полигамию, так и полиандрию, несмотря на то, что в социальной практической жизни и то, и другое запрещалось им Торой, или Законом.

Когда этот закон нарушался отдельными личностями, то их проступок охотно оправдывался гласом «Божийим». Точно также как рабство, приносящее доход в карманы американских рабовладельцев, покрывалось всем духовенством, оправдывающим чудовищные притязания жителей южных штатов текстами Библии. Каждый иудей мог иметь много жен или мужей, и рядом с храмом невыразимого $\pi\pi$ возводились храмы Ваалу и Иштар, проповедники Израиля (не Иудеи) пронесли Тайную и Священную Доктрину сквозь множества злоключений. Они были настоящими хранителями Истины, в которую они были посвящены. Окружавшие их иудеи не ведали об этой доктрине, и их основные религиозные отправления заключались в продаже голубей, обмене денег и забивании скота в храме древнего Иерусалима. Но по-настоящему возвышенные самаритянские тексты повествуют о поклонении Богу Истины. Хижина, построенная на вершине холма в виде божественного круга, или *, указывает верующим где и как поклоняться Божеству. Эти танаимы (посвященные) пытались протестовать против грубого влияния иудеев, но самозванцы твердо уверовали, что земля обетованная изобилует молоком и медом, и что, оставшись на востоке, они могут быть истреблены арабами. День Кармы настал, и иудеи были последовательно поработены сначала вавилонянами, затем римлянами и столетиями спустя христианами. Значение * приходило в забвение. Первое время иудеи соблюдали видимую благопристойность, следуя внешнему поведению римских куртизанок, от которых они могли набраться нравственности даже менее, чем на собственной земле. Мы видим, что во времена Цицерона (*Oratio pro Flacco*) у иудеев в сексуальных отношениях были различные моральные принципы, даже более низменные, чем у римлян, погрязших в распутстве, последние всегда опасались проявления такого сенсуализма [сластолюбия] в своей среде. Полигамия еще дозволялась римскому воину, но полиандрия для римской матроны — это уж слишком. Римский народ еще не пал так низко, хотя из-за контакта с аморальными иудеями, а также из-за погрязших в распутстве высших слоев Империи, поддавался соблазну. Но зарождающийся христианский аскетизм определил место женщины, особенно замужней, исходя из обоих оснований. Мы можем отнести правила поведения, насаждаемые Новым Заветом, к любому вышеперечисленному источнику. Они объединены в систематическую догму, которая и поныне имеет место, хотя в настоящее время, как этого и следовало ожидать, весьма незначительное. Закон, по крайней мере, предписывает моногамию. Иудейский обычай наконец-то упразднен, и, во всяком случае, внешне, по сравнению с жизнью, которую вели ветхозаветные патриархи и цари, современный человек сделал шаг вперед в нравственном совершенствовании.

Как доказывает А. Ричард, у Христа не было намерения немедленно и совершенно отменить моисеев закон, касающийся данной темы.

Говоря о Библии как об источнике морали и проводнике истины, он призывает своих читателей отказаться от убеждения, что полигамия осуждается каким-либо авторитетом или текстом «Священного Писания». В доказательство он ссылается на самого Христа, который

не осуждал свободу полигамии. Он признает, что некоторые вопросы, касающиеся брака, особенно относительно евангелических принципов их решения, поднимались в ранние дни христианской церковью. Спустя четыре или пять лет после того, как апостол Павел основал церковь в Коринфе во время своей длительной остановки там, затянувшейся на полтора года, собратья написали ему письмо с просьбой о дополнительных разъяснениях и советах относительно некоторых теоретических и практических вопросов; особое внимание уделялось некоему аспекту, касающемуся вопроса брака. Павел, знавший, что большинство из них были иудеи, которые не придерживались максимы *non cuius homini contingit adire Corinthum*, все же отметил один порок, которым печально прославились коринфяне — проституция. Он рассматривал тему смешанных браков в манере, которая после была сформулирована и развита поколениями богословов в тенденцию, хотя и не доведенную до конца на практике. М-р А. Ричард очень долго и нудно обсуждает аргументацию св. Павла. Но поскольку он опирается на почву личной интерпретации, сходную с позицией Фальстафа: «То и хорошо для вас, что когда все поверят в это, вы сможете посмеяться над ними», все возвращается на круги своя. Серьезность, с которой автор нагромождает одну цитату на другую, чтобы подвести доказательство под свою извращенную доктрину, приводит на ум надутых престарелых пуританских проповедников, которые гневно выступая против женских головных уборов, щедро перемежали свою речь словами из Библии. Пусть он витает в облаках! Но мы призываем вас: спуститесь на землю! Пока мы не докопаемся до его предпосылок, мы не в праве принять его аргументацию. Отметим лишь, что вероятно нет такой формы помрачения человеческого разума, или причудливого поведения, которую нельзя было бы оправдать при помощи соответствующих манипуляций с текстами Священного Писания.

Автор, исходя из человеческих инстинктов, рассматривает брак не только как приятный во всех отношениях, но и как необходимый для человеческого существования. И из этого он делает вывод, что все жизненные процессы должны найти свое завершение в браке. Роман, который не заканчивается бракосочетанием, единодушно признается слабым средним английским обывателем. Идея, выраженная в древнеиндусских *кумарах* и архангеле Михаиле, отказавшихся от воспроизводства детей, практически сошла на нет в современном обществе. Непрерывающаяся борьба слабой половины человечества не за реализацию их конечной цели, т. е. за свободу духовного Эго от рабства материи, а за улучшение условий их существования, вероятно будет продолжаться так долго, пока нынешняя раса продолжает наводнять поверхность земли. Оккультное женское начало, заключенное в непорочном луче, исходящем из Невыразимого Имени, напрочь игнорируется современными людьми, которые вступая в брак, размягчающий сердце, затем расторгают союз, что ведет к ожесточению того же самого органа. Высшая степень человеческого состояния — невинность — и скрывающийся за этим предмет гордости, приносятся в жертву чувственным наслаждениям и материальным выгодам брака. Последнее соображение становится наиболее частым двигателем в наше время. Автор настолько прозаичен, что он не может представить себе возвышенное человечество, для которого не будет разницы между землей и небом, в котором никто не будет жениться или выходить замуж, и популяция вселенной будет уменьшаться до тех пор, пока последний из живущих не сольется с Эйн Софом. Вместо этого он представляет брак как приятное и доступное для всех удовольствие, подобно шестипенсовой телеграмме. Ограничения, которые наиковарнейший миссионер устанавливает для полигамии, вряд ли стоит принимать в расчет. Всем лицам рекомендовано обзаводиться семьей как можно раньше и *чаще*, и всем дано право участвовать (пока не вмешаются мальтузианцы) в задаче, сформулированной в Библии: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю».

Не ясно, что же думает автор о проблеме перенаселения; ведь большая половина человечества голодает, терпит лишения и совершает преступления!

Древних иудеев менее всего заботила своя собственная индивидуальная канонизация. Если их дом был полон ребятишек, да у соседа имелось кое-что, к чему они приложили старание, то высшие помыслы еврейской расы были удовлетворены. Мы видим это на примере непрерывного и постоянного фаллицизма иудеев, который достиг своего апогея в гедонизме [жажде наслаждений] и роскоши, из которых формируется *summum bonum* [наивысшее благо] среди еврейской расы и их христианских подражателей. Взять хотя бы

романы Авербаха или Беконсфильда. Повсюду на их страницах сверкают золотые фонари, богатые ковры устилают полы под ногами, воздух наполнен ароматами роскошных яств, соблазняющих пресыщенный аппетит, дорогие напитки возбуждают угасающий разум, прекрасные женщины прельщают взор, и все это для ублажения мужчины. Нет ничего зазорного в стремлении к лучшему образу жизни. Но не хотелось бы слишком часто следовать примеру древних египтян, которые на пиршественных столах выставляли человеческие черепа для напоминания о бренности сущего. Серьезный урок, содержащийся в аллегории: *tene, mene, tekel, upharsin*, высеченной в стене мастером, — забыт. Плотское наслаждение, желание обладать увиденным и блеск роскоши прельщают многих, и приобретение подобных привычек, которые делают человека уязвимым воздействию традиционного дьявола, решительно отвергаются теми, кто стремится к достижению высшей цели, а также теософскому образу жизни. Тем, кто считает, что нынешнее поколение dorosло до того, чтобы воспринять любую мысль или идею, можно привести слова св. Поликарпа: *Illos vero indignos puto, quibus rationem reddam* [«И все же я считаю их недостойными, чтобы объяснять им»], или как это выразил Гете:

О самом сокровенном никогда
Не говори в присутствии глупца.

В одной этой книге, написанной в нашем столетии, напичканной цитатами из Библии, заключена более опасная для общества безнравственность, чем во всем собрании сочинений Золя. Убийственно отвратительная атмосфера плотской распущенности исходит из этой работы; еще один не внемлет, что бракоразвод осуждается любым архиепископом или самым захудалым епископом, не говоря уже о «Книге Судей».

Те, кто когда-либо задумывались над идеей иного существования; кому, быть может, открылся посредством до сих пор неразвитых способностей человека не только внешний мир, но и внутренний, кажутся невероятными аргументы в защиту полигамии, хотя бы они и подтверждались текстами из Ветхого и даже из Нового Завета. Мысли людей различны и многогранны; и мы можем только сожалеть о появлении такой книги. Приведенные выше аргументы в защиту полигамии возвращают человека к животному состоянию, к простому проявлению звериных инстинктов и влечений. Эта наивысшая цель, которой может достичь человек, является кульминацией аморальности данного столетия, осененного *мертвой буквой* Библии.

Иудейская раса получила по заслугам. Их народное достояние, в том числе и Книги Моисея, было разграблено фанатиками ранних христиан, и, согласно древним пророчествам, было освистано, гонимо и исковеркано даже имя Единого. И теперь, подобно золотому плоду в волшебной сказке, Библия, некогда вся наполненная живительным соком, сохла, не понятая и отторгнутая алчным едоком, постепенно скатывается к выделению смертоносного яда от мертвых букв и к заражению последних чистых вод, которые, какими бы тихими они ни были, все еще сохраняются в наши дни в сердцах христианского мира. Кажется, все, что протестантское христианство ассимилировало из «священной Библии» — это изощренное коварство и раблепную защиту эгоистичных и скотских страстей, таких как полигамия и *узаконенные* грабительские войны — по воле еврейского «Господа Сил»!

ЖЕНЩИНЫ ЦЕЙЛОНА

В нижеприведенном отчете за 1888 год Уэслиской миссии в Галлском округе высокопарно отмечается:

Величайшая мощь цейлонского буддизма заключается не в священном дереве Бо, не в жреческом сословии, не в изобилии воздвигнутых храмов и даже не в священных книгах. Основное влияние на буддизм на этом острове оказывает ЖЕНЩИНА. Что-то увидеть, с чем-либо соприкоснуться, чему-либо поклониться, —

все эти человеческие пристрастия встречаются в современном буддийском вероисповедании; женский инстинкт принесшей веточку священного дерева был безошибочен в этом отношении; это воззвание к прозрению завоевало толпы для Сонгхамитто. В Индии, притесняемая браминами, женщина в который раз порабощена; но в Ланке наследницы принцессы никогда не теряли своей свободы. Буддистская женщина не запирается на женской половине и не лишается права свободного поклонения в богослужении. Она может беспрепятственно подниматься на вершину горы, в скале которой глубоко врезался отпечаток следа Будды, и без страха совершать паломничества к своим древним религиозным храмам. Вы видите женщин *упасик*, или ревностных поборниц белых одежд, во время *пайя* — священных дней буддизма, ведущих толпы девушек и матерей к *безмолвным идолам*. (?)¹⁸⁸ В доме она оберегает алтарь с изображением почившего учителя, стоящего на возвышении, убранном покрывалом. Женщина, здесь, может самоутверждаться и исполнять семейный *махасил*, три великих заповеди; или *пансил*, пять обязательных клятв; и *дасасил*, десять законов буддизма.

Цейлонская женщина, как и другая любая буддистская женщина, всегда была свободна и даже наравне с мужчиной, как сказано выше, в религиозных действиях. Но таким образом ее положение прямо противоположно положению христианской женщины на протяжении ранних столетий и средних веков. Буддийская женщина обязана своим положением благородному Будде и справедливому закону, а христианская — своей фанатичной и деспотичной церкви. В этом нас убеждает ректор университета Дональдсон, в своей статье в сентябрьском номере «*Contemporary Review*», относительно общепринятого мнения, что женщина обязана своим нынешним высоким положением христианству. По его собственному признанию, он «выразил надежду на это», но верит в это не настолько сильно, как бы ему хотелось, исторические факты противоречат этому заявлению; и он продолжает показывать, что «в течение первых трех столетий я не способен увидеть, что христианство оказывало какое-либо благоприятное воздействие на положение женщин, и наоборот, что оно способствовало унижению их личности и ограничивало сферу их деятельности».

Павла он осуждает как «женоненавистника». У вдов было почти такое же незавидное положение, как и у современных индусских вдов. В церкви женщину можно было увидеть только в трех качествах: «как мучениц, как вдов и как дьякониц», — но должность последней была чисто символической! Они не были обременены духовными обязанностями, и по закону освобождались от несения какой-либо приличествующей духовному лицу службы, такой, какая возлагалась на буддийскую женщину. «Им надлежит быть немногословными», — говорит Тертуллиан, — «и дома прислушиваться к своим мужьям».¹⁸⁹

Что же до вдов, выполняющих обязанности дьякониц, то им запрещалось развивать свой кругозор, и церковь говорила им:

Вдова должна отречься от всего, но молиться за дающих и за всю паству, и на все вопросы отвечать скупой, исключая вопросы, касающиеся веры, праведности и упования в Боге... Но ее ответы, касающиеся перечисленных догм, не должны быть необдуманно, чтобы своей неграмотной речью она не превратила бы слово в богохульство. А досуг вдовы должен сводиться к следующему: «Она должна сидеть дома, петь, молиться, читать, бодрствовать и поститься, обращаясь непрерывно к Богу в песнопениях и псалмах».

Любопытное различие обнаружилось, как подчеркивает д-р Дональдсон и отмечают обозреватели, между языческими римлянками прошлого и христианками настоящего. Вот как он описывает «высший языческий идеал», —

---

¹⁸⁸ Означает ли прилагательное «безмолвные» тот факт, что поскольку в христианском мире имеется несколько *говорящих* «идолов» — как мы могли видеть во Франции и Италии, — в то время как в буддийском мире нет ничего подобного, следовательно, христианство превосходит буддизм? К сожалению, в миссионерском «Отчете» это показано недостаточно ясно.

¹⁸⁹ Тертуллиан всего лишь цитирует Павла.

более замечательный, потому что в Римской цивилизации, в свержении которой христианство сыграло не последнюю роль, женщина обладала великой силой и влиянием. Традиции предписывали ограничения, но в то же время женщина была свободна от рабских пут старых диктующих норм, и они пользовались всеми свободами, принятыми в обществе; они прогуливались и появлялись на людях в накидках, не скрывающих их лица, они обедали в обществе мужчин, они изучали литературу и философию, они принимали участие в политических движениях, им дозволялось отстаивать свои собственные суждения, если они того стоили, они помогали своим мужьям в управлении провинциями и в написании книг... Отстранение женщин от истинных священных функций стоит в поразительном контрасте с языческой практикой. В Риме жена понтифика Максима играла ведущую роль в поклонении Боне Дэе и в религиозных ритуалах, особенно в тех, которые касались женщин. Один из наиболее уважаемых священнослужителей, призванный на особое служение Богу в Риме, Фламин Диалис, был обязан жениться и должен был оставить свою должность после смерти жены, жена его также была в священном чине жрицы, и его семья была поставлена на службу Богу. И весталкам ежедневно оказывали все мыслимые знаки уважения и была предоставлена полная свобода. Высшие должностные лица протоптали дорожку к ним, они устраивали торжественные обеды в компании понтификов, они играли в присутствии императрицы, и в их честь устанавливались памятники.

Ранние христиане поделили все человечество на мужчин и женщин, причем мужчина был предназначен для высших и благороднейших целей, а женщина годилась лишь для одного. Она находилась на земле, чтобы воспламенить сердце мужчины порочной страстью. Она была брандером, вплотную подбирающимся к военному кораблю мужчины, чтобы разнести его на кусочки. Вот путь, который Тертуллиан предначертал женщинам: «Разве вам не известно, что в каждой из вас живет Ева? Божье проклятие на ваш пол переходит из века в век: также должно переходить и осознание вины. Вы — дьявольские ворота; вы — нарушившие запрет и вкусившие запретный плод; вы — первые отступники от священного закона; вы — та, кто подбила на грех Адама, от которого отступился сам Дьявол. Вы не задумываясь соvertsили Богоподобного человека. Ваше изгнание, которое было равносильно потере бессмертия, явилось причиной того, что Бог послал своего единственного Сына на смерть». И кроткий Климент Александрийский нещадно лупцует ее, когда говорит: «В мужчине, наделенном разумом, нет и тени бесчестья; чего не скажешь о женщине, которую позорит даже отражение той природы, которая заключена в ней». (Любопытно отметить, что доктрина сваливания всех грехов на женщин, против которой выступают современные реформаторы, опирается, таким образом, на христианские авторитеты в этой области.

* * *

И в заключение подведем итог апостолическим исследованиям д-ра Дональдсона и посмотрим, в чем, согласно отцам церкви, в конечном счете заключаются функции женщин.

Наипервейшей и основной обязанностью ее было находиться при доме, а не болтаться где-либо. Ей не полагалось принимать участие в празднествах. Она не могла присутствовать на брачных пирах; не могла посещать ни театр, ни публичные выступления. Ей хотелось проявить себя? Климент Александрийский советует ей: «Она может заняться прядением и ткачеством, а также, по необходимости, приготовлением пищи». Любое украшение — характерная черта «женщины, потерявшей всяческий стыд». Вынашивание детей было «опасным для веры», и считалось высшей духовной милостью для мужчины, «если он случайно терял жену» (имеется в виду — по причине смерти). Между тем, ее функция, на протяжении всей ее

жизни, была ограничена. Она должна была присматривать за домом и во всем подчиняться своему мужу. («*Pall Mali Gazette*».)

Вот такое различие между незавидным и угнетенным положением в христианском мире жены, матери и дочери, наблюдавшееся в дни раннего христианства и на протяжении средних веков, и прошлым и настоящим положением женщины в буддийском мире во все времена. Также и браминка, или индианка, обладала не меньшей свободой и была почитаема до мусульманского нашествия в Индии. До этого бедствия, постигшего Арьяварту, она была наравне с мужчиной и обладала даже большей свободой, чем женщина на Цейлоне в настоящее время. Но положение последней, ее огромное значение в своей семье так хорошо известно христианскому миссионеру и прозелитисту, что он пытается использовать это знание с выгодой для себя. Так, описывая это завидное положение «Отчет Уэслианской миссии» неожиданно раскрывает свои позиции в следующем замечании:

Буддизм будет оказывать жизненно важное влияние на Цейлоне, пока женская половина населения не станет более христианизированной и образованной. Откройте тысячу школ для девочек на этой земле и умело воспитайте одно поколение, и раньше чем через тридцать лет мы увидим, что приходы наших церквей удвоятся, и в количественном, и в качественном отношении. Не ошибаются ли миссионеры в своих прогнозах? Это — девушка, мать и женщина, которая остается верной своей религии, и все же это можно успешно видоизменять и развивать; и если женщина делает так много ради мертвого БУДДЫ и бессердечного вероисповедания, насколько больше она сможет сделать для живого Христа, вездесущего спасителя, истинного избавителя от греха и смерти. [!!]

Не удивительно, что это весьма искреннее высказывание их чаяний и стремлений гневно осуждается *буддистами* Коломбо, с которыми нам довелось общаться. Цитированная рекомендация беззаветной преданности и благочестия наших сингалезских сестер вызвала бурю возмущения всего буддийского населения острова, как ортодоксального, так и теософского. Вот что говорит наш современник:

Большая часть из того, что изложил здесь миссионерский писатель — правда, и обязательства, которые Цейлон выполняет по отношению к своим преданным буддийским дочерям, нельзя преувеличить. В течение периода, когда так много его сыновей вынуждены были поклоняться иностранному ярму, навязанному им, изменяя высшему своему призванию и попустительству беспрецедентному господству, несмотря на свое неотъемлемое право, подавляющее большинство цейлонских женщин продемонстрировало верность и преданность нашему великому Учителю, сплотившись вокруг Его знамени и удерживая поднятый факел правды твердой рукой. Это — несмотря на беспринципное использование христианством всей своей власти и богатства, они, в конечном итоге, выстояли, не допустив обращения своих сыновей в унизительные суеверия наших завоевателей — показывает, как велика роль женщины и как важна работа, предпринимаемая Женским образовательным обществом. Цель, преследуемая Обществом заключается в спасении восходящего поколения дочерей Цейлона от коварных ловушек хитрых миссионеров и гарантии того, что матери будущего будут склоняться не только к традиционному служению, но и к разумному вероисповеданию в религии, и когда эта цель будет полностью достигнута, сладкоречивые обманщики, которые с таким дьявольским искусством пытаются заманить слабых в вероотступничество, смогут упаковать свои саквояжи и возвратиться назад, и стараться христианизировать и цивилизовать свою собственную землю (которая, к сожалению, нуждается в их помощи, по общему мнению), и заниматься этим до окончания веков. Затем, когда тень анчарного дерева христианства, с сопутствующим ему ужасающим кровопролитием и пьянством, отодвинется от незапятнанного острова, мы сможем надеяться на светлое будущее мира — мира счастья и возрожденной религии, который будет великолепным соперником нашей древней истории. И может быть этот день скоро наступит!

Выражения антагонизма по отношению к протестантским миссионерам, которые везде гнут свою линию, звучащие отовсюду горечью и нетерпением для западных ушей, могут быть оправданы по причине затянувшегося похода общественных демагогов, которые являлись последователями евангелических трудов португальских, немецких и английских завоевателей «Прекрасной Ланки». Не только раскол семей и конфискация собственности, но и массовые убийства, грабежи и гонения занесены в длинный перечень этих попыток искоренения национальной религии и вытеснения ее экзотерическим христианством. Как у вальденсов и альбигойцев была весомая причина ненавидеть само имя римского католицизма, так и у потомков пострадавших от христианского гонения не менее веская причина связывать миссионерскую деятельность с наиболее жестокими и отвратительными деяниями.

СУЕВЕРИЕ

Благодаря фантастическим отчетам поверхностных и предубежденных путешественников и своему полному незнанию азиатских религий, а довольно часто и своих собственных, — западные народы пребывают в странном убеждении, что в мире нет более глупых и суеверных людей, чем «языческое» население Индии, Китая и других нехристианских стран. Они говорят, что лишённые благодатного света Евангелия несчастные язычники во тьме отыскивают на ощупь признаки таинственных сил в наиболее неподобающих для этого объектах: так, они будут связывать будущее благополучие или неблагополучие души умершего родственника с тем, примет или отвергнет прыгающая боком ворона рисовый шарик во время обрядовой церемонии «шраддха»; и они будут верить, как верил ставший ныне известным заговорщик из Колхапура, что «совиные глаза», которые носят в качестве амулета, сделают их владельца неуязвимым. Само собой разумеется, что все подобные суеверия столь же унижительны, сколь нелепы и абсурдны...

Но еще более *зablуждается*, если не намеренно искажает истину, тот, кто утверждает, что подобные странные верования ограничиваются лишь языческим миром, или что они являются прямым следствием языческих религий. Они интернациональны; это совокупное творение и необходимое следствие уловок бесконечных поколений недобросовестных и нечестных служителей *всех религий* и во все времена. Выработанная древнейшим иерархиями жрецов политика подчинения невежественных масс, основанная на *игре* на их наивном воображении, доверчивости и страхах, с целью добраться через душу до их кошельков, была признана действенной и повсеместно применялась как жрецом, так и священником по отношению к мирянину и на заре истории, и вплоть до нашего времени. Повсюду в природе, как в абстрактной, так и в конкретной, есть две стороны, как и для каждого яда обязательно найдется противоядие. Религия, или вера в невидимый мир, основывается на дуальном принципе — Бог и Сатана, или ДОБРО и ЗЛО, и если ФИЛОСОФИЯ — источник истинного религиозного чувства — может быть уподоблена чистому потоку, то, с другой стороны, СУЕВЕРИЕ — это клоака всех догматических культов, которые основаны на слепой вере. Говоря без преувеличений, это сточная канава, заполненная затхлыми водами халдейско-ноевского потопа. Неостановимый, он прокладывает свой путь сквозь язычество, иудаизм и христианство, вбирая в себя весь мусор и хлам буквальных человеческих интерпретаций; в то время как на его грязных берегах толпится духовенство всех времен и вер и зазывает легковверных людей поклоняться его вредоносным водам как «священному потоку», — называя его сегодня Гангом, а завтра Нилом или Иорданом.

Почему же тогда западные люди должны обвинять в таких верованиях одни лишь нехристианские народы? Сколь же небольшое может сделать «истина Божия» в окружении *такого* количества лжи, и она обнаруживает свою слабость, когда какая-нибудь религия

пытается обманым путем привлечь к ней внимание иноверцев. История показывает, что занимаясь, на первый взгляд, уничтожением всякого следа язычества и осуждением поверий в древнем фольклоре относительно действия «чар» как происков дьявола, христианские миссионеры становятся хранителями всех подобных суеверий и, постепенно принимая их, позволяют им свободно распространяться среди людей, но лишь под другими именами. Вряд ли имеет смысл повторять все сказанное нами ранее по этому поводу, лучше всего об этом говорит и доказывает статистика преступлений, совершенных на почве суеверия во всех христианских странах. Подобные верования самого грубого, как и в высшей степени опасного, свойства, являются обычным делом в католической Франции, Испании, Италии и Ирландии, в протестантской Англии, Германии и Скандинавии, а так же в православной России, Болгарии и других славянских странах, и они столь же живы сегодня среди людей, как и во времена короля Артура, первых пап или варяжско-русских великих князей. Если высший и средний классы благодаря цивилизации освободились от таких абсурдных фантазий, то с массами сельских жителей этого не произошло. Низшие классы были оставлены на милость и попечение сельского священника, — который, если он сам не был невежествен, всегда прекрасно понимал важность содержания своей паствы в умственном рабстве, — и они верят в чары, заклинания и дьявольские силы *сегодня* так же, как они верили в них *тогда*. И, до тех пор, пока вера в Сатану и его легионы падших ангелов (ныне дьяволов) остается догмой для христианской церкви, — а мы не видим никакой возможности для ее ликвидации, потому что это краеугольный камень учения о (ныне дьявольском) спасении, — в ней будут сохраняться такие разлагающие суеверия, ибо вся структура последней основана на этой вере в могущественного соперника Бога.

Только за последний год в России перед судом предстали не менее шестидесяти человек обоего пола за самовольную расправу над мнимыми колдунами и ведьмами, которые, как предполагалось, навели порчу на некоторых истеричных женщин. Судебное заседание продолжалось несколько месяцев и раскрыло ряд ужасающих преступлений самого отвратительного толка. И все же крестьяне были оправданы, поскольку они были признаны не несущими ответственность за свое *преступление*. Снова справедливость восторжествовала в России над мертвой буквой закона. А теперь перейдем к сообщениям о последствиях этого же суеверия еще более ужасающего свойства. Дальнейшее можно воспринять как средневековую историю о днях «святой» инквизиции. В «Русском вестнике» опубликован официальный отчет губернатору из Чембара (Пензенская губерния), который мы вкратце излагаем:

В конце декабря прошлого года, во время Рождества, деревня Межовка стала ареной кошмарного и неслыханного преступления, вызванного суеверием. Один помещик, Н. М., получил очень большое наследство и прибыл незадолго до Рождества в Пензу, чтобы оформить его. Население деревни — одной из многих пострадавших в этот год от голода — было в большинстве своем очень бедным; и двое из наиболее бедных и голодных крестьян решили ограбить помещика во время его отсутствия. Не желая понести наказание за свое преступление, они отправились сперва к деревенской знахарке (буквально «знающей», ведьме). В русской деревне, где ведьма столь же необходима, как кузница или трактир, или астролог в индийской деревне, количество таких людей увеличивалось в зависимости от благосостояния и потребностей каждого населенного пункта. Так, два наших будущих громилы посоветовались с «колдуньей» о том, как им лучше совершить грабеж и в то же время остаться незамеченными. Ведьма посоветовала им *убить человека, вырезать сальник из нижней части живота, растопить его и изготовить из него свечу, зажечь ее и, войдя в дом помещика, спокойно ограбить его: благодаря колдовскому свету человеческой свечи они останутся невидимыми для всех людей*. Точно следуя данному совету, эти два крестьянина вышли из своих лачуг в два часа пополуночи и, встретив на своем пути наполовину пьяного бедолагу, своего соседа, только что вышедшего из трактира, убили его и, вырезав его сальник, закопали тело в снегу невдалеке от коровника. На третий день после убийства труп был вырыт собаками, и было назначено следствие. Было арестовано большое количество крестьян и, в ходе поисков вещественных доказательств в крестьянских домах, обнаружили горшок, наполненный топленым

жиром; был проведен анализ его содержимого и доказано, что это *человеческий* жир. Обвиняемый признался в преступлении и выдал своего сообщника, и оба они сознались в содеянном.

Они признали свою вину, но сказали, что действовали по совету ведьмы, имени которой они однако не предали разглашению, больше опасаясь мести колдуньи, чем человеческого правосудия. Этот факт тем более важен, поскольку до тех пор оба убийцы считались хоть и бедными, но благонадежными, уравновешенными и весьма честными юношами. По-видимому, совершенно невозможно определить, какая из живущих по соседству «ведьм» — поскольку их много, и некоторые из них неизвестны никому, кроме своих «клиентов» — виновна в этом смертоносном совете. Нет никакого шанса получить какой-либо ключ к этому от крестьян, так как даже самые уважаемые из них никогда не согласятся навлечь на себя недовольство кого-либо из числа этих продавшихся дьяволу. Мы привели этот пример для того, чтобы показать, что существуют *суеверия* гораздо более преступного свойства, чем сравнительно безобидное поверие колхапурских заговорщиков в действенность «совиных глаз».

А теперь перейдем к следующему случаю «чародейства». В декабре этого же года сельский совет Александровска постановил изгнать из села и насильственно выдворить в Сибирь одного состоятельного крестьянина по фамилии Родинин. Было зачитано обвинение, показывающее ответчика виновным «в великом преступлении, что он был весьма искусен и сведущ в колдовской науке и в искусстве побуждать людей отдавать себя во власть Сатаны», и решение присяжных было единодушным. Обвинительный акт утверждает, что

как только подсудимый Родинин приближался к кому-нибудь, особенно если этот человек получал от него стакан водки, он тут же становился одержимым... Жертва немедленно начинает жаловаться, что она ощущает внутри себя как бы поток жидкого огня, и жалобно уверять присутствующих, что Сатана разрывает на клочки его внутренности... С этого момента он не знает покоя ни днем, ни ночью и вскоре умирает в ужасной агонии. Многочисленными были жертвы этого дьявольского колдовства, совершенного подсудимым... В связи с этим местный суд присяжных находит его «виновным» и почтительно просит власть наложить на него соответствующее наказание.

Этим «наказанием» было решение сослать Родинина в Сибирь, что и было сделано.

Любому западному человеку известна народная и повсюду, особенно в Германии и России, распространенная вера в таинственную силу определенного трехлистного папоротника, сорванного в полночь накануне дня св. Иоанна в глухом непроходимом лесу. Побуждаемый неким заклинанием, обращенным к дьяволу, этот лист начинает расти уже при завершении первого стиха и вырастает окончательно, когда произносятся его последние слова. Если экспериментатор не убоится ужасающих видений, которые обступают его, — а они превосходят все мыслимые и не мыслимые кошмары, — не поддастся им и не падет духом, внимая крикам «лесной нечисти» и видя их попытки помешать ему в его начинании — его усердие вознаградится тем, что он получит растение, которое даст ему власть над дьяволом в течение всей его жизни и *заставит* последнего служить ему.

Это вера является верой в Сатану и *его* силу. Можем ли мы упрекать за такую веру невежественных или даже образованных, но все же набожных людей? Разве церковь, католическая, протестантская или греческая, не вселяет в нас с самого раннего возраста и, фактически, не *требует* от нас этой веры? Разве это не *sine qua non* [необходимое условие] христианства? Да, ответят люди; но церковь проклянет нас за любую такую *связь* с Отцом Зла. Церковь хочет, чтобы мы верили в дьявола, но чтобы мы в то же самое время презирали и «отвергали» его; и только она, через своих законных представителей, имеет право вступать в контакт с его почтенным величеством и поддерживать с ним непосредственные сношения, таким образом прославляя Бога и показывая мирянам ту великую власть, которую она получила от божества, чтобы управлять дьяволом во имя Христа, в чем, однако, ей никак не удается преуспеть. Она бессильна доказать это; но это вовсе не тот случай, когда лучшим доказательством чего-то является тот факт, что в это верит большинство людей. Наиболее

убедительное доказательство объективности Ада и Сатаны, которое когда-либо выдвигала церковь, было предоставлено в средние века, когда святая инквизиция была наделена божественным правом силой зажигать адский огонь на земле и жечь в нем еретиков. С достойной похвалы беспристрастностью она сжигала равным образом тех, кто не верил в ад и дьявола, как и тех, кто слишком рьяно верил в силу последнего. И тогда, пожалуй, не лишено смысла убеждение тех бедных, доверчивых людей, которые верят в возможность «чудес» вообще. Поверив в Бога и Дьявола и видя, что зло преобладает на земле, они едва ли смогут избежать мысли о том, что все это является очевидным доказательством победы Сатаны в своей извечной борьбе с Богом. А если это так, то его власть и союз с ним не следует подвергать презрению. Муки ада далеки, а нищета, страдание и голод есть участь миллионов людей. Если покажется, что Бог пренебрег ими, они обернутся к другой силе. Если в одном случае Бог наделяет некий «лист» таинственными силами, почему же тогда не может быть полезным лист, если он вырос под непосредственным наблюдением Дьявола? И разве мы не читаем многочисленные легенды, в которых грешники, заключив некий *договор* с Дьяволом, обманывали его и не отдавали ему свои души перед концом, приобретая покровительство какого-либо святого, раскаиваясь и прося об «искуплении» в последний момент? Двое убийц из Чембара, признаваясь в своем преступлении, прямо утверждали, что как только в результате кражи их семьи были бы обеспечены, они собирались отправиться в монастырь и, взяв «святой обет, раскаяться»!! И если, в конце концов, мы рассматриваем веру в один-единственный листик как грубое, унижительное суеверие, то почему же государство, общество и, едва ли еще сто лет назад, — *закон*, подвергали человека наказанию за то, что он не верил в чудеса церкви? Вот свежий пример «чудотворного» листа, извлеченный нами из «Католического зеркала». Мы приводим его для сравнения, и после этого наши читатели быть может станут более милосердными к суевериям «бедных язычников», лишенных благословенного знания Христа и веры в него.

ЧУДОТВОРНЫЙ ЛИСТ

Отец Игнатий, исполняющий в настоящее время проповедническую миссию в Шеффилде, предлагает нам следующее сообщение о весьма удивительном «чуде» исцеления, которое, по его словам, произошло с одной леди из Брайтона благодаря листку с того куста, на который, по слухам, снизошла Дева Мария во время своего недавнего небесного явления, которого было удостоено аббатство Лантони. После подробного описания видения, отец Игнатий говорит, что Бог удостоверил их подлинность самым благословенным из всех возможных способов. Листья с этого куста были разосланы многим людям и, по милости Божьей, употреблены во исцеление. Далее он упоминает об одном великом чуде, произошедшем с некой пожилой дамой, которая была известна тем, что содержала школу для девочек в Брайтоне. В течение тридцати восьми лет она страдала от ужасных болей в результате воспаления тазобедренного сустава, которые не позволяли ей ни сидеть, ни лежать в удобной позе. Она была полным инвалидом. Он сам неоднократно был свидетелем, как ее лицо становится мертвенно-бледным от боли в суставе. Он послал ей один лист, не думая о том, что это излечит ее, но желая оставить ей некую память об этих видениях. Когда она легла в эту ночь в постель, она взяла с собой его письмо и этот лист, и слова «По вере твоей да пребудет с тобой», которые она почерпнула в «Выборочных утренних и вечерних чтениях», звучали в ее ушах. Она стала молиться и приложила лист к больному месту на своей ноге, и гнойник тотчас рассосался, выделение гноя прекратилось и боль утихла, и она смогла правильным образом поставить свою ногу на пол. С этого момента она стала ходить так же, как и другие люди, и она совершенно освободилась от ужасных и мучительных страданий. Он готов назвать имя этой дамы и ее адрес любому человеку, который захочет самолично убедиться в подлинности этого случая, а эта дама согласна предоставить любую информацию.

Некое «видение» в аббатстве Лантони, или некое «видение» в кабинете медиума, — на самом деле мы не видим большой разницы между ними; и если Бог снисходит до того, чтобы действовать через какой-то листок, почему же дьявол, который во всем «обезьянничает с Бога», не может поступать подобным образом?

ВСЕГО-НАВСЕГО — ГИПНОТИЗМ?

Один американский «подписчик» просит нас «прокомментировать» некое любопытное сообщение в «*Chicago Tribune*», которое он прислал нам. Мы делаем это столь охотно, потому что оно содержит весьма искреннюю, заново изобретенную «попытку» открыть истинную природу таких трюков, как «выращивание манговых деревьев», «мальчик из корзины» и тому подобных феноменов, производимых индийскими «фокусниками», и прилагаемое «научное» объяснение того же самого. Последнее, однако, старо, как мир, и известно каждому оккультисту, и из него никогда не делалось секрета. Заголовок статьи «ВСЕГО-НАВСЕГО — ГИПНОТИЗМ» (*всего-навсего* — что?) претендует на то, чтобы вытащить кота из мешка, и «Чикагский» интервьюер, похоже, в восторге от такого подвига своего соотечественника. Однако, перейдем к фактам; итак:

КАК ИНДИЙСКИЕ ФАКИРЫ ОБМАНЫВАЮТ СВОИХ ЗРИТЕЛЕЙ

Фред С. Элмор, молодой уроженец Чикаго, наглядно продемонстрировал правоту своей теории, находясь в индийском городе Гая: манговые деревья, дети, а также другие объекты, якобы создаваемые факиром на глазах у зрителей, как показано в результате осуществленного хитроумного плана, являются всего лишь плодом воображения!

Почти каждый путешественник, возвращающийся из Индии, привозит с собой более или менее удивительные истории о представлениях индийских факиров или фокусников. Всякому, кто когда-либо слышал одну из таких историй, было бы любопытно узнать объяснение тайны. Предлагались различные виды теорий, и все они были более или менее неудовлетворительными. Юному жителю Чикаго не оставалось ничего другого, как самому найти объяснение, которое действительно ставит точки над «и», и предоставить то, что явилось бы решающим доказательством правильности его идеи. Открытие его имеет шанс привлечь внимание людей во всех частях света, и он может стать столь же широко известным, как открыватель электричества.

Да, он мог бы, вне всякого сомнения, достичь этого, если не обращать внимание на два пустяковых факта: (а) если бы то, что он открыл, не было известно восточным оккультистам в течение много веков как ГУПТА МАЙЯ, или «тайная иллюзия»; и (б) если бы не существовало около сорока лет Теософского общества, которое рассказывало историю «Элмора» каждому *гоби-мучи*, склонному верить в *таинственный и сверхъестественный* характер так называемых индийских «фокусников». Уже свыше десяти лет назад все подобные явления — и даже более удивительные и феноменальные, поскольку они являются вполне научными и объяснимыми при помощи естественных причин — были многократно охарактеризованы настоящим автором в Симле как «психологический трюк», к глубокому разочарованию ее чересчур восторженных друзей. Что из себя представляют в действительности такие *психологические трюки*, и в чем состоит разница между ними и «простыми фокусами», это будет объяснено ниже. А теперь вернемся к сообщению в «*Tribune*». После сообщения некоторых частных подробностей относительно м-ра Фредерика С. Элмора, описывающих его детство, учебу в колледже и цвет его волос и дающих адрес местожительства его семьи, интервьюер показывает его, вместе с его другом и

одноклассником, м-ром Георгом Лессингом — один из них «фотограф-энтузиаст», другой искусный художник в стране Священной Коровы и ушлых *факиров*.

Рассказывая корреспонденту «*Tribune*» о своем замечательном опыте, приобретенном в Индии, м-р Элмор сказал: «Мы нашли Западную Индию совершенно очаровательной, и провели некоторое время в Калькутте. Оттуда мы отправились на север, остановившись на короткое время в Раджмахале и Динапуре. Из последнего города мы поехали южнее, к Гая, которую и достигли к концу июля. Лессинг и я часто говорили об индийских факирах и их удивительных представлениях, и мы решили провести тщательное изучение их сил. Мы были постоянно наготове в ожидании первоклассных фокусников. Однажды после полудня, когда я собирался вздремнуть, Лессинг ворвался в комнату и сказал мне, что перед домом находится факир, готовый начать свое представление. Я был так же обрадован, как и он. Никто из нас до этого времени не имел возможности увидеть кого-нибудь из этих людей, но мы разработали небольшой план, который и привели в действие, когда представилась возможность. Я теоретически предполагал, что объяснение всех приписываемых им сверхъестественных трюков могло бы быть найдено в гипнотизме, но я все же не знал, как они это делают, пока Лессинг не предложил такой план для проверки моей теории. В то время, как факир проделывал свои фокусы, Лессинг должен был бы сделать быстрый карандашный набросок того, что он видел, а я в тот же самый момент сделал бы моментальный снимок моим «Кодаком».

Приготовившись привести наш план в исполнение, мы вышли из нашего жилища и обнаружили факира, толпу его соотечественников и одного или двух европейцев. Факир оказался чудаковато выглядящим стариком. Его волосы были длинными и спутанными, и его борода низко свисала на его грудь. Его единственным украшением было медное кольцо или браслет, одетый на его правую руку между запястьем и локтем. Его глаза были замечательны своим блеском и своей напряженной глубиной, если можно это так выразить. Они были совершенно черными и казались сидящими необычайно глубоко на его лице. Когда мы вступили в небольшой кружок вокруг него, его глаза охватили нас от головы до пят. Он расстелил на земле грубый ковер из необычной ткани, около четырех футов в ширину и шести в длину. Справа от него находилась небольшая глиняная чаша, и на коленях лежал музыкальный инструмент странного вида.

Получив сигнал, что все готово, он взял чашу в свои руки и высыпал содержимое — красноватую, похожую на песок, смесь — на ковер. Он перемешал ее своими пальцами, очевидно, чтобы показать, что она не содержит никаких скрытых предметов. Вновь насыпав песок в чашу, он поместил ее в центр ковра, на расстоянии нескольких футов от своих коленей, и покрыл ее небольшим платком, предварительно положив в смесь несколько зерен манговых плодов. Затем он сыграл таинственную мелодию на своей дудочке, раскачиваясь взад и вперед, и, делая это, неторопливо всматривался в каждого из толпы наблюдателей своими удивительными глазами. Раскачивание и игра на дудочке продолжалась две или три минуты. Затем он внезапно остановился и приподнял один из краев платка. Мы увидели несколько зеленых ростков в два или три дюйма высотой. Он опустил платок, поиграл еще немного на своей дудочке, и я мог бы поклясться, что я увидел платок, поднятый на три фута в воздух. Он снова остановился и убрал платок. В это время там было настоящее дерево, двух или более футов в высоту, с длинными тонкими плоскими листьями. Лессинг легко подтолкнул меня, и я сделал свой фотоснимок, он же нарисовал набросок. В то время, как мы наблюдали со- здание странного старика, оно, как показалось, исчезло из наших глаз. Когда это произошло, он перенес чашу и разостлал ковер перед собой. За этим последовало еще больше музыки и раскачивания, еще больше смотрения в землю, и так как мы следили за грязным прямоугольником из ткани, который он постелил на землю, мы увидели под ним очертаниядвигающегося предмета. Когда мы наблюдали за этим, он схватил платок за два угла и рывком приподнял его с земли. На том месте, где он был за мгновение до того, сидел самый странный рябой индийский ребенок из всех, которых я видел во время моего путешествия. Нервы Лессинга были

в лучшем состоянии, чем у меня. Я бы забыл, что я должен делать, если бы он не напомнил мне об этом. Я сделал фотографию, а он — свой рисунок. Ребенок оставался лишь одно мгновение, после чего факир вновь покрыл его платком, и, вытащив нож, нанес удары по тому месту, где сидел ребенок. В следующее мгновение он сорвал платок, под которым ничего не было.

Едва мы успели оправиться от изумления, как факир вытащил из-под своих колен клубок серой веревки. Зажав свободный конец между своими зубами, он резким движением вверх бросил клубок в воздух. Вместо того, чтобы возвратиться к нему обратно, клубок все поднимался и поднимался до тех пор, пока не скрылся от нашего взора, и остался лишь длинный качающийся конец веревки. Когда мы опустили глаза после попыток увидеть клубок, мы все были изумлены, увидев стоящего около факира мальчика примерно шести лет. Его не было там, когда клубок был брошен в воздух, но он был там теперь, и по команде факира обошел вокруг веревки и начал карабкаться по ней, некоторым образом подражая обезьяне, поднимающейся по виноградной лозе. Когда он начал подниматься, я навел на него фотоаппарат и сделал снимок, и в то же самое время Лессинг делал зарисовку. Мальчик исчез, когда он достиг высоты тридцати или сорока футов над землей, по крайней мере мы не могли его увидеть. Моментом позже веревка исчезла. Затем факир встал, свернул свой ковер, взял чашу и, обходя толпу, стал просить вознаграждения.

У меня не было возможностей для проявления фотографических пленок, и Лессинг взял их с собой для проявки, вместе с тысячей или еще большим количеством других негативов. Изображения факира вместе с некоторыми другими я получил сразу после обеда. После ухода факира Лессинг дополнил свои наброски и оставил их у меня. Вы увидите, сравнивая рисунки Лессинга с фотографиями, что ни в одном случае камера не зарегистрировала удивительных особенностей представления. Например, набросок Лессинга показывает дерево, выросшее из куста, в то время как камера не обнаруживает там никакого куста. Лессинг, а также и я, видели мальчика, и он попал в его набросок, хотя камера демонстрирует отсутствие мальчика. Рисунок Лессинга, на котором изображен карабкающийся по веревке мальчик, это доказательство, что он видел это, но камера утверждает, что не было никакого мальчика и никакой веревки. Поэтому я был вынужден поверить, что моя теория абсолютно верна, — что факир просто загипнотизировал всю толпу, но не смог загипнотизировать камеру. Я собираюсь написать историю об этом, сделать копии с рисунков и послать их в Лондонское Общество психических исследований. Я не сомневаюсь, что они найдут им хорошее применение.

У нас также нет каких-либо сомнений по этому поводу. «О.П.И.», конечно, найдет «хорошее применение» наброскам м-ра Лессинга и фотографиям м-ра Эллмора, как оно это сделало с сотнями своих сеансов со спиритическими медиумами, и с доказательствами, представленными теософами: неспособное связать эти вещи со своим излюбленным «телепатическим воздействием», оно заклеит в целом все вышеприведенные многочисленные и хорошо известные феномены как фокусничество, ловкость рук и трюки *a la* «Маскелин и Кук». Ибо это обычно бывает единственным объяснением, даваемым «ученым» Обществом всему, что его члены не понимают и неспособны понять.

Мы с радостью поздравляем м-ра Эллмора и м-ра Лессинга и должны сказать несколько слов по данной теме для их пользы и в благополучия в будущем.

Прежде всего, мы спрашиваем их, почему они называют «фокусника» — «факиром»? Если он является одним из них, то он не может быть другим; ибо факир — это просто *мусульманский фанатик*, который все свое время проводит в благочестивых делах, таких, как стояние днями на одной ноге или на макушке своей головы, и не уделяет внимания каким-либо другим феноменам. Он не может быть также и йогом, ибо имя последнего несовместимо с «собираем толп» для показа своих психических сил. Человек, которого они видели в Гая, был просто — как бы его назвать покорректней — публичным фокусником, или, как его обычно называют в Индии, *ядувалла* (колдун) и «создатель иллюзий», будь он индусом или мусульманином. Как подлинный фокусник, то есть тот, кто заявляет нам о том, что он покажет нам сверхъестественные феномены, или *сиддхи* йогов, он

в такой же мере имеет право на использование колдовских трюков, как например, Гофман, или Маскелин и Кук. Ну что ж, мы приглашаем последних джентльменов и всех «волшебников Севера», повторить, если они могут, даже такие *фокуснические феномены*, как вышеприведенные, одетыми, а точнее раздетыми, как и фокусники, и под куполом неба, а не под крышей или потолком зала или театра. *Они никогда не смогут сделать этого. А почему?* Да потому что такие «фокусники» — это не те, кто использует «ловкость рук». Они являются квалифицированными и подлинными психологами, месмеризаторами, наделенными наиболее феноменальными силами, которые до сих пор неизвестны и почти не практикуются в Европе, кроме некоторых исключительных случаев. И что касается данного пункта, мы спрашиваем, основывая наши вопросы на логике аналогий: *если существование таких феноменальных сил «очаровывания», как распространение чар на аудиторию часто в несколько сотен или даже тысяч человек, доказано хотя бы однажды в простых профессиональных фокусниках, то кто же может отрицать те же самые силы, только в двадцать раз более могущественные, в обученных адептах оккультизма?* Это будет крепким орешком для Общества психических исследований.— если оно когда-либо примет свидетельство м-ра Эллмора, в чем мы сомневаемся. Но если оно и будет принято, то какое же право будут иметь члены этого Общества или публика сомневаться в заявлениях, сделанных от имени великих йогов и ученых адептов и «махатм», которые создают во много раз более удивительные феномены? Единственный факт, поистине, состоит в том, что все собравшиеся видят веревку в воздухе,¹⁹⁰ конец которой кажется закрепленным в облаках, мальчика, поднимающегося по ней, ребенка под корзиной, и растущее манговое дерево, когда на самом деле нет ни веревки, ни мальчика, ни мангового дерева, — все это может дать нам право назвать это величайшим из возможных ментальных чудес; некий «психологический трюк» — это почти верно, но с ним никогда не сможет конкурировать, и даже приблизиться к нему, никакое физическое явление, сколь бы удивительным одно ни было. *«Всего-навсего — гипнотизм», —* говорите вы. Но те, кто говорит так, не знают разницы между гипнотизмом, который в лучшем случае является лишь *чисто физиологическим проявлением* даже в руках наиболее сильного и обученного экспериментатора, и истинным месмеризмом, не говоря уж о *махамайе* или даже *гупта майе* в древней и современной Индии. Мы бросаем вызов всем и каждому, от Шарко и Рише до всех второсортных гипнотизеров, включая и величайших физических медиумов, чтобы они создали то, что м-р Эллмор и м-р Аессинг приписывают их «фокуснику».

Для тех, кто неспособен понять всю важность такой психо-спиритуальной силы в человеке, которую *«Tribune»* столь невежественно и глупо называет «гипнотизмом», все, что мы можем сказать, будет бесполезно. Мы попросту отказываемся отвечать им. Но другим, кто поймет нас, мы скажем: *да; это волшебство, очаровывание, психология, назовите как захотите, но это не «гипнотизм».* Последний является неким помрачением ума, создаваемым некоторыми людьми, действующими на других людей посредством прикосновения, или путем пристального взгляда человека в сильно освещенное пятно, или неких других манипуляций; но что это по сравнению с коллективным и одновременным *очаровыванием* сотен людей одним мимолетным взглядом «фокусника» (*Vide supra* [см. выше]), даже если этот взгляд «охватывает каждого человека» «от головы до пят». Никакой теософ, который что-либо знает об оккультизме, никогда не объяснял такие феномены никаким другим образом, кроме как *магическими чарами* и *очаровыванием*; и приписывать им что-либо еще равнозначно тому, как если бы учить *сверхъестественному* и чудесному, — то есть тому, что невозможно в природе. В одной только Англии есть множество теософов, которые в любой день могли бы засвидетельствовать, что их за многие годы до сегодняшнего дня учили тому, что такие физические феномены в Индии являются результатом очаровывания и психологических сил тех, кто их совершает. И все же никто в Теософском обществе никогда не заявлял об открытии им и об объяснении тайны мангового дерева, так как это учение известно уже в течение многих веков, и ныне ему обучают всех, *кто хочет знать.*

Тем не менее, как было сказано в начале, мы отдаем долг благодарности м-ру Эллмору и его другу за их удачную идею использовать фотографический тест для исследования такого трюка, так как никакие чары (или, как говорит, по утверждению репортера, Эллмор, «гипнотизм») не могут воздействовать на фотокамеру. Кроме того, кажется, что и оба

молодых путешественника, и репортер «*Tribune*» поработали именно для Теософского общества. Поистине, можно с уверенностью предсказать, что никто, включая и Общество психических исследований, не уделит больше внимания «открытию» м-ра Элмора, — поскольку последнее, невзирая на ошибочное именование гипнотизмом, является только фактом и истиной. Таким образом, лишь одно Теософское общество будет благодарно за еще одно подтверждение его учений при помощи независимого и неопровержимого доказательства.¹⁹¹

ОДУШЕВЛЕННЫЕ СТАТУИ

Слову *фетиш* — не имеет значения, по какой причине — придается в словарях весьма ограниченный смысл «объекта, временно избранного для поклонения», «небольшого идола, используемого африканскими *дикарями*», и т. д., и т. д.

Дюлор в своей книге «Древние идолопоклоннические культы» определяет фетишизм как «восхищение объектом, который невежественные и слабоумные люди считают местом пребывания бога или гения».

Все это без сомнения весьма учено и глубоко, но лишено таких качеств, как правдивость или точность. Фетиш может быть *идолом* у африканских негров, согласно словарю Вебстера; и конечно существуют слабоумные и невежественные люди, которые поклоняются фетишу. Однако теория о том, что определенные объекты, например статуи, изображения и амулеты, являются временным или даже постоянным местом обитания «бога», «гения» или просто духа, разделялась некоторыми из наиболее интеллектуальных людей, известных истории. Она была создана не невежественными и слабоумными, поскольку большинство мудрецов и философов мирового масштаба, от *доверчивого* Пифагора и до скептика Лукиана, верили в такие вещи в древности; и поскольку в наш высокоцивилизированный и ученый век в нее все еще верят несколько сот миллионов христиан, то могут ли быть правильными вышеприведенные определения, или то, которое мы сейчас приведем? Отправление обряда причащения, таинства пресуществления «в предполагаемом обращении хлеба и вина причащающегося в плоть и кровь Христа», превращало бы хлеб, вино и общинный сосуд с ними, в котором они находятся, в *фетиши* — не в меньшей степени, чем дерево, лоскут или камень африканских дикарей. Каждое чудотворное изображение могилы или статуи святого, Девы Марии или Христа, в римско-католической или греческой церквях, должны, таким образом, рассматриваться как *фетиши*; поскольку кем бы не совершалось это предполагаемое чудо, Богом или ангелом, Христом или каким-либо святым, их изображения или статуи действительно *становятся* — если чудо признается *подлинным* — «местом обитания», на больший или меньший срок, Бога или «Божьего ангела».

Лишь в «Словаре религий» (статья о *фетишизме*) может быть найдено такое весьма корректное определение: «Слово *фетиш* происходит от португальского *fetisso*, то есть «очарованный», «околдованный» или «волшебный»; отсюда *fatum*, «судьба», *fatua*, «фея», и т. д.

¹⁹¹

Дополнительное подтверждение оккультного учения дается в брошюре, озаглавленной «Материализм, агностицизм и теософия», выпущенной *Pacific Coast Committee for Theosophical Works*: «В связи с тем самым вопросом (то есть, вопросом о туманностях), около трех лет назад мадам Блаватская, этот *bete noire* [объект ненависти], как со стороны религии, так и науки, заявила, что если бы ученые смогли усовершенствовать приборы и сделать их достаточно мощными для того, чтобы проникнуть в эти туманности, они бы поняли ложность своего предположения о всеобщем действии гравитации. Это осталось без ответа... Но совсем недавно один калифорнийский ученый совершенно неожиданно подтвердил это кажущееся неосновательным утверждение. Одним из первых результатов изучения звездного неба при помощи большого Ликского телескопа было осторожное сообщение профессора Голдена о том, что устройство материи во многих туманностях казалось бы прямо приводит к заключению, что там действуют некие другие силы, нежели гравитация».

Кроме того, фетиш был и все еще должен быть идентичным с «идолом»; как говорит автор книги «Терафимы идолопоклонства», — «фетишизм — это поклонение *некоему объекту*, неорганическому или живому, больших или малых размеров, *в котором* (или *связи с которым*) какой-либо «дух» — добрый или злой — или, попросту говоря, невидимая и разумная сила, проявил свое присутствие».

Собрав для нашей «Тайной доктрины» ряд записей по этому вопросу, мы можем теперь привести некоторые из них *a propos* [в связи] с последним *теософским* романом «Павший идол» и таким образом показать, что это произведение основано на некоторых оккультных истинах эзотерической философии.

Изображения всех богов древности, от самых ранних арийских до самых поздних семитских (еврейских), все они были идолами и фетишами, независимо от того, назывались ли они *терафимами*, *урим* и *туммим*, кабирами, или херувимами, или божественными *ларами*. Если, говоря о *терафимах* (слово, которое Гроций переводит как «ангелы», заимствуя такую этимологию у Корнелия), утверждают, что они являются «символами *ангелического* присутствия» (христианам позволительно называть их «посредниками, через которых проявляется божественное присутствие»), то почему не сделать то же самое по отношению к идолам «язычников»?

Я прекрасно осознаю, что современный человек науки, так же как и рядовой скептик, верит в «одушевленный» образ римской церкви не больше, чем в «одушевленный» фетиш дикаря. Но здесь мы не рассматриваем вопрос о вере или неверии. Здесь идет речь лишь о свидетельстве древности, охватывающей период времени в несколько тысячелетий, и его противостоянии опровержениям XIX века — века спиритуализма и спиритизма, теософии и оккультизма, Шарко и его гипнотизма «психического внушения» и нераспознанной ЧЕРНОЙ МАГИИ повсюду.

Не мешало бы нам, европейцам, уважительно относиться к религии наших предков, задавая ей вопросы о ее верованиях и их происхождении, прежде чем призывать на ее защиту языческую древность и ее великую философию; где найдем мы в Западной, так называемой, священной литературе первые упоминания об идолах и фетишах? В Главе XXXI (и далее) Бытия, в Уре халдеев в Месопотамии, где предки Авраама, Серуг и Тера, поклонялись маленьким глиняным идолам, которые назывались их *богами*, и где, в Харане, Рахиль украдала изображения (*терафимы*) своего отца Лавана. Иаков, вероятно, запретил поклонение этим богам, но все же через 325 лет после этого запрещения, евреи Моисея приняли «богов амореев» таким же образом (Иисус Навин XXIV. 14,15). Боги-терафимы Лавана существуют по сей день у некоторых мусульманских племен на территории Персии. Это маленькие статуэтки гениев-хранителей, или богов, с которыми советуются в различных случаях. Раввины объясняют, что у Рахили не было никаких иных мотивов для кражи изображений *богов* своего отца, кроме того, чтобы предотвратить получение им от них знания о направлении, избранном ей и ее мужем Иаковом, и чтобы он не смог еще раз помешать им покинуть его дом. Таким образом, это было не благочестие или страх перед Господом Богом Израиля, но просто страх перед неблагоразумием этих богов, который заставил ее завладеть ими. Более того, ее идола из мандрагоры были лишь другим видом колдовских и магических орудий.

Каковы же мнения различных классических и даже священных писателей об этих идолах, которых Гермес Трисмегист называет «статуями, предвидящими будущее» (*Асклепий*)?

Филон Библосский показывает, что евреи советовались с *демонами* подобно амореев, особенно при помощи небольших статуэток, сделанных из золота, в форме нимф, которые, спрошенные в любое время, разъясняли, что должны делать вопрошающие и чего должны избегать («Древности»). В «Дополнениях к Невохиму» (I, iii) говорится, что ничто не напоминает более таких *легко носимых* богов-хранителей язычников (*dii portatiles ver Avernunci*), чем эти охраняющие боги евреев. Они были «истинными амулетами или *одушевленными* талисманами, *spirantia simulacra* Апулея (Книга xi), ответы которых, данные в храме божества Сирии, лично *были выслушаны и повторены* Лукианом. Кирхер (отец-иезуит) показывает также, что *терафимы* выглядели весьма удивительным образом и походили на языческого египетского *Сераписа*; и Цедринус подтверждает это заявление Кирхера (в своем «Эдипе», том III, стр. 494 и т. д.), показывая, что *t* и *c* — это буквы, легко

переходящие друг в друга (подобно санскритскому *c* и зендийскому *x*), так что *Серафим* (или *Serapis*) и *терафим* являются абсолютными синонимами.

Что касается употребления этих идолов, то Маймонида говорит нам («Дополнение к Невохиму», стр. 41), что эти боги или изображения считались существами, наделенными даром предвидения, способными сказать людям, которые ими владели, «все, что для них полезно и благотворно».

Все эти изображения, говорят нам, имели форму новорожденного или младенца, и лишь некоторые были значительно крупнее. Они представляли собой статуи, или обыкновенных идолов в форме человека. Халдеи выставляли их под свет определенных планет, чтобы последние наделили их своими добродетелями и возможностями. Их использовали для целей астромантии, а обычных *терафимов* — для целей некромантии и колдовства, в большинстве случаев. Души умерших (элементарии) были соединены с ними посредством магического искусства, и их использовали для различных греховных целей.

Уголино¹⁹² вкладывает в уста мудреца Гамалиэля, учителя (или *гуру*) св. Павла, следующие слова, которые он цитирует, по его словам, из его «*Capito*», гл. XXXVI: «Они (владельцы таких некромантических *терафимов*) убивали новорожденного младенца, отрезали его голову и клали ему под язык, посыпанный солью и политый маслом, небольшую золотую пластинку, на которой было выдавлено имя злого духа; затем, после подвешивания этой головы на стене своей комнаты, они зажигали перед ней лампы и упавши на землю, они *беседовали* с ней».

Ученый маркиз де Мирвиль полагает, что как раз такие эксчеловеческие фетиши имел ввиду Филострат, который приводит ряд примеров такого рода. «Была голова Орфея», — говорит он, — «которая говорила с Киром, и голова Гоплосмия, жреца из храма Юпитера, которая, как рассказывает Аристотель, после своего отделения от тела, раскрыла имя своего убийцы, которого звали Ценцидасом; и голова некоего Публия Капитануса, который, согласно Траллиану, в момент победы, одержанной римским консулом Ацилием над азиатским королем Антиохом, предсказала крупные несчастья, которые скоро обрушатся на римлян, и т. д.» («*Pn. des Esprits*», том III, статья 29 для Академии, стр. 252).

Диодор рассказывает миру о том, как в древние времена такие идолы создавались с магическими целями. «Семела, дочь Кадма, вследствие перенесенного испуга родила семимесячного ребенка, Кадм распорядился последовать *обычаю его страны* и даровать ему (ребенку) *сверх-земное* происхождение, которое обеспечило бы ему жизнь после смерти, заключив его тело внутрь золотой статуи и сделав из него идола, для которого был установлен особый культ и ритуал» (Диодор, кн. I, стр. 48).

Как точно подмечает Фрер в «*Memoires de l'Academie des Inscriptions*», том XXIII, стр. 247, комментируя вышеприведенный отрывок: «Пожалуй, единственная вещь, заслуживающая большего внимания, чем то, что *посвящение* ребенка Семелы, которое, согласно *орфикам*, было традицией предков Кадма — это *та церемония, которая была описана раввинами*, как упоминает об этом Селден, и связанная с *терафимами*, или домашними богами-хранителями сирийцев и финикийцев. Однако маловероятно, что евреи были знакомы с орфиками».

Таким образом, есть смысл поверить, что содержащиеся в «Эдипе» отца Кирхера многочисленные изображения небольших фигур и голов людей с выступающими из-под их языков металлическими пластинками, которые полностью высовываются из их ртов, являются истинными и вполне правдоподобными терафимами, — как это показывает де Мирвиль. И опять-таки в «Религиях» (том III, стр. 277) Ле Бланк, рассказывая о финикийских *терафимах*, сравнивает их с греко-фригийским палладиумом, который содержал в себе человеческие останки. Все мистерии обожествления, оргии, жертвоприношения и магии применялись по отношению к таким головам. «Убивался ребенок, достаточно маленький для того, чтобы его невинная душа все еще оставалась единой с *anima mundi* [мировой душой]», — говорит он, — «его голову бальзамировали, и его душа удерживалась в ней, как это утверждалось, силами магии и колдовства». За этим следовал обычный процесс, золотая пластинка и т. п., и т. д.

Это, говорим мы, ужасная ЧЕРНАЯ МАГИЯ; и никто, кроме *дугна* древности и отвратительных колдунов античности не использовал ее. В средние века только немногие

римско-католические священники знали, как применять ее; среди них был и якобинский священник-вероотступник, состоявший на службе у королевы Екатерины Медичи, этой доверчивой дочери римской церкви и вдохновительницы «варфоломеевской резни». Эта история изложена Бодином в его знаменитой книге о колдовстве «*Le Demonomanie, ou Traite des Sorciers*» (Париж, 1587 г.); и она же цитируется в «Разоблаченной Изиде» (том 2, стр.51). Папа Сильвестр II был публично обвинен в колдовстве кардиналом Бенно в связи со своей книгой «Бронзовая голова оракула». Такие головы и другие говорящие статуи, трофеи магического искусства монахов и епископов, были точным воспроизведением *одушевленных* богов древних храмов. Папы Бенедикт IX, Иоанн XX, Григорий VI и Григорий VII, — все они известны истории как колдуны и маги. Невзирая на такую массу фактов, доказывающих, что латинская церковь во всем ограбила древних евреев, — поистине, даже включая их знание *черного искусства*, — один из ее современных адвокатов, а именно, маркиз де Мирвиль, не стыдится публиковать направленные против современных евреев самые ужасные и отвратительные обвинения!

В своей неистовой полемике с французскими символистами, которые пытаются найти философское объяснение древним библейским обычаям и ритуалам, он говорит: «Мы оставляем без внимания те символические обозначения, которые разыскиваются для объяснения всех таких обычаев евреев-идолопоклонников (их *человеческих* терафимов и отрубленных детских голов), потому что мы вообще не верим в них (такие объяснения). Но мы верим, что «голова», которая советовалась со скандинавским Одином по каждому сложному вопросу, была *терафимом* того же самого (магического) класса. И *еще больше мы верим* в то, что все *подобные таинственные исчезновения и похищения (христианских) детей*, практиковавшиеся евреями во все времена, и даже в наши дни, — *являются прямым следствием этой древней и варварской некромантической практики...* Пусть читатель вспомнит инцидент с дамой и отцом Томасом» («*Pneum des Esprits*», том III, стр. 254).

Это несомненно и совершенно ясно. Несчастные, ограбленные евреи прямо обвиняются в похищении христианских детей для того, чтобы обезглавить их и сделать из них головы *оракулов* с колдовскими целями! Я хочу знать, где проявится в следующий раз фанатизм и нетерпимость, сопровождаемые их *odium theologicum* [теологической ненавистью]?

Напротив, кажется почти очевидным, что как раз вследствие таких ужасных злоупотреблений оккультизмом Моисей и более ранние предки евреев были столь строги в вынесении суровых запретов, направленных против изображений, статуй и чего-либо подобного в отношении «богов» или живых людей. Та же самая причина лежала и в основании сходного запрета, сделанного Мухаммедом и проводимого в жизнь всеми мусульманскими пророками. Ибо *подобие какой-либо личности*, имеющее любую форму или вид и сделанное из любого материала, *может быть обращено человеком, реально обученным практике черного искусства, в смертоносное оружие против личности реальной*. Правовые авторитеты в течение средних веков и даже около 200 лет назад не совершали ошибки, предавая смерти тех, кто владел небольшими восковыми фигурками своих врагов, ибо это означало *намерение убийства* в чистом виде. «Ты не должен превращать духов твоего врага или какого-либо человека в его *simulacrum* [подобие]», ибо «это ужасное преступление против природы». И снова: «Любой объект, которому придана *санкция* духа, опасен, и не может оставаться в руках неведающего... Должен быть призван эксперт (в магии), чтобы очистить его». («Практические законы оккультной науки», кн. V, коптская копия.)

В одном «Руководстве» по элементарному оккультизму говорится: «Для того, чтобы сделать заколдованный объект *{фетиш}* безвредным, его части следует уменьшить до размеров атомов (разрушить), и весь в целом закопать во влажную почву» (далее следуют наставления, публикация которых не является необходимой).¹⁹³

То, что называется «витальными духами» — это астральное тело. «Души, объединенные со своими телами или отделенные от них, *имеют телесную субстанцию, присущую их природе*», — говорит св. Илларион («*Comm. in Matth.*», V, 8). Астральное тело

¹⁹³

Автор «Падшего идола» — либо благодаря врожденной интуиции, либо в результате изучения оккультных законов, что известно лишь ему одному, — демонстрирует знание этого факта через Небельсена, который говорит, что дух Тиртанкара был парализован и онемел а то же самое время, когда его идол был предан земле в Индии. Такой идол, или элементарий, не мог ничего поделать. См. стр. 295.

живого человека, не обученного оккультным наукам, может быть принудительно оживлено или извлечено (специалистом в магии), и после этого заключено в какой-либо объект, особенно в тот, который изготовлен по его подобию — портрет, статую, небольшую восковую фигурку и т. д. И так как на любой удар или любое действие астрал реагирует посредством воздействия на физическое тело, становится разумным и логичным полагать, что, если пронзить это подобие в наиболее жизненно важных местах — например, в сердце, — то можно убить реального человека, причем никто не сможет установить причину этого. Египтяне, которые подразделяли человека (*экзотерически*) на три отделения или группы — «разумное тело» (чистый дух, или 7-ой и 6-ой принципы); призрачная душа (5-й, 4-й и 3-й принципы); и грубое тело (прана и *стхула шарира*), призывали впоследствии в своих теургиях и вызываниях духов (для божественных целей *белой магии* так же, как и для целей черного искусства) «призрачную душу», или астральное тело, как мы его называем.

«То, что вызывали — это была не сама душа, но ее подобие, которое греки называли *эйдолоном*, и которое было промежуточным принципом между душой и телом. Это учение пришло с Востока, из колыбели всех учений. Как халдейские маги, так и другие последователи Зороастра верили, что не только *божественная* душа (дух) причастна сиянию небесного света, но также и *чувственная* душа». («Пселл, в Комментариях, в Орак.»).

Если это перевести на нашу теософскую фразеологию, то вышеприведенное имеет отношение к атма и буддхи — носителю духа. Неоплатоники, и даже Ориген, «называют астральное тело *аугоэйдос* и *астроэйдос*, то есть тем, что обладает великолепным сиянием звезд». («Оккультные науки» графа де Рези, том II, стр. 598-599).

Если говорить шире, весьма прискорбно всеобщее невежество относительно природы человеческого призрачного и витального принципов, так же как и назначения всех человеческих принципов. Тогда как наука отрицает всех их — легкий способ разубить гордиев узел проблем, — церкви разработали фантастические догмы относительно одного единственного принципа, души, и никто из них не сдвинется со своих соответствующих предубеждений, невзирая на доказательства всей античности и ее наиболее интеллектуальных писателей. Таким образом, прежде чем этот вопрос может быть обсужден с какой-либо надеждой на ясность, должны быть согласованы и изучены нашими теософами — во всяком случае теми, кто заинтересован в этом вопросе — следующие пункты:

1. Различие между физиологической галлюцинацией и психическим, или духовным, ясновидением и яснослышанием.

2. Духи, или сущности определенных невидимых существ — либо *призраки* некогда живых людей, ангелов, духов, либо элементалы — имеют или не имеют они естественное тело, хотя бы эфирное и невидимое для нас? Связаны ли они с некоторой флюидной субстанцией, или способны ли они усваивать ее, которая могла бы помочь им стать видимыми для людей?

3. Обладают ли они или нет силой проникновения между атомами любого объекта, будь это статуя (идол), картина или амулет, наделяя тем самым его своими способностями или силой, и даже *одушевляя* его?

4. Во власти ли адепта, йога или посвященного *удерживать* такие сущности в определенных объектах посредством *белой* или *черной* магии?

5. Каковы различные состояния (кроме нирваны и авичи) хорошего или дурного человека после смерти? и т. д., и т. п.

Все это может быть изучено по литературе древних классиков, и особенно — по литературе ариев. Между тем, я попыталась объяснить и привести коллективные и индивидуальные суждения всех великих философов древности по этому вопросу в моей «Тайной доктрине». Я надеюсь, что эта книга появится очень скоро. Однако для того, чтобы нейтрализовать эффект, произведенный такой несерьезной работой, как «Падший идол», на неискушенных людей, которые видят в ней лишь сатиру на наши убеждения, я думаю, было бы лучше привести здесь свидетельства веков, чтобы показать, что такие посмертные проделки, какие совершал поддельный аскет м-ра Анстея, умерший внезапной смертью, являются нередким явлением в природе.

Для того, чтобы сделать вывод, читатель может вспомнить, что если астральное тело человека — это не *предубеждение*, основанное на простых галлюцинациях, но реальность,

существующая в природе, тогда становится вполне логичным предположить, что такой *эйдолон*, индивидуальность которого полностью сконцентрирована после смерти в его *персональном* ЭГО, должен испытывать тяготение к останкам того тела, которое принадлежало ему в течение его жизни;¹⁹⁴ и в том случае, если последнее было сожжено и пепел похоронен, тогда он пытается продолжить свое существование при помощи замещения посредством либо овладения каким-либо живым телом (телом медиума), либо привязываясь к своей собственной статуе, картине или какому-то обычному предмету в доме или местности, где он жил. Теория «вампиров» вряд ли может быть полностью предрассудком. Повсюду в Европе, в Германии, Сирии, Молдавии, Сербии, Франции и России для таких тел умерших, которые, как верили, становились вампирами, существовали *специальные ритуалы их изгнания*, установленные для них соответствующими церквями. И греческая и латинская церкви считают полезным выкапывать такие тела и пригвождать их к земле при помощи осинового кола.

Чем бы это ни было, истиной или предубеждением, древние философы и поэты, классики и светские писатели, верили так же, как и мы сейчас (и это длится уже несколько тысячелетий), что человек имеет внутри себя астрального двойника, который может появиться, отделяя себя или исчезая из грубого тела, как в течение жизни, так и после смерти последнего. С этого момента «призрачная душа» является носителем божественной души и чистого духа. Но *как только языки пламени охватывают* физическую оболочку, духовная душа, отделившись от *simulacrum* [подобия] человека, восходит к своему новому дому неомраченного сияния (Девакхан, или Сварга), в то время как призрачный эйдолон *опускается* в царство Гадеса (*лимб*, чистилище, или *кама-лока*). «Я завершил свой земной путь», — восклицает Дидо, — «мой чудесный призрак (астральное тело), ОБРАЗ моей личности, опустится теперь во чрево земное».¹⁹⁵

«*El nunc magna mei sub terras ibit imago*» («Энеида», кн. IV, стр. 654).

Сабинус и Сервий Гонорат (ученый комментатор Вергилия VI века) учили, как показал демонолог Делрис (книга II, главы XX и XXV, стр. 116), что человек, *кроме своей души*, состоит из тени (*умбра*) и тела. *Душа* восходит на небеса, *тело* распадается, а *тень* погружается в *Гадес*... Они говорят, что этот призрак — *umbra seu simulacrum* — это не *настоящее* тело, но *проявление* чего-то такого, до чего никто не может дотронуться рукой, так как оно избегает соприкосновения, подобно дыханию. Гомер отобразил такую тень в призраке Патрокла, который погиб, убитый Гектором, и все же: «Вот он стоит — *лицо его* и глас его, и кровь его еще струится из ран его!» (См. «Илиаду», XXIII, а также «Одиссею», I, XI). У древних греков и римлян было две души, *anima bruta* и *anima divina*, первая из которых — это животная душа, согласно Гомеру, образ и жизнь тела, а вторая — бессмертная и божественная.

Что касается нашей *камалоки*, то Энниус, по словам Лукреция, «нарисовал картину священных областей в Ахерузии, где живут *не наши тела, не наши души*, но лишь наши подобия, бледность которых невыносима!» Именно среди этих *теней* ему явился божественный Гомер, проливающий горькие слезы, как *будто боги создали целомудренного человека лишь для вечной скорби*. Именно из этого мира (*камалоки*), который *жаждет установить связь* с нашим собственным, *третья* (часть) поэта, его призрак, объяснила ему тайны природы...¹⁹⁶

¹⁹⁴

Даже сожжение не может повлиять на его вмешательство или полностью предотвратить его — поскольку он сам может извлечь себя из пепла. Одна *земля* может лишить его силы.

¹⁹⁵

Это представляет собой не *внутреннюю область* земли, или *ад*, как этому учат антигеологически настроенные теологи, но космическую матрицу его царства — астральный свет нашей атмосферы.

¹⁹⁶

...Esse Acherusia templa

Qua neque permanent animae, neque corpora nostra.

Sed quaedam simulacra, modis pallentia miris,

Unde sibi exortam semper florentis Homeri

Commemorat spcciem lacrymas et fundere salsas

Coepisse, et rerum naturam, expandere dictis.

...Есть Ахерузии некая область,

Место, куда не тела и не души являются наши,

Но только призраки их удивительно бледного вида.

Он говорит, что ему появился оттуда Гомера

И Пифагор, и Платон разделяли душу на две части, независимые друг от друга — разумную душу, или λογον, и другую, *неразумную*, αλογον — причем последняя подразделялась на две части, или два аспекта, φυμιχον и επιθυμιχον, которые вместе с божественной душой и ее духом и телом образуют вместе *семь* принципов теософии. То, что Вергилий называет *imago*, «образ», Лукреций именует *simulacrum*, «подобие» (см. «О природе вещей», I), но все это названия одного и того же — *астрального тела*.

Таким образом, мы заключаем, что два представления древних полностью подтверждают нашу эзотерическую философию: (а) астральная, или материализованная фигура умершего, это *не душа, не дух, не тело* умершей личности, а просто ее *тень*, что оправдывает наше определение ее как «оболочки»; (б) хотя бы и *бессмертный Бог* (ангел) одушевлял объект, он никогда не сможет быть *духом*, то есть ДУШОЙ, или истинным духовным эго когда-то жившего человека; ибо они восходят вверх, и астральная тень (хотя бы это было тенью живого человека) никогда не может быть выше земного, или *связанного с землей* эго, или *неразумной* оболочки. Гомер был поэтому прав, когда его Телемах воскликнул, увидев Улисса, который явился своему сыну: «Нет, ты не мой отец, ты демон, дух, который меня соблазняет и вводит в заблуждение».

Οὐσὺν Οὐδυσσεὺς ἐστὶ πατὴρ ἐμὸς ἀλλὰ με δαίμων θελγεῖ
(«Одиссея», XVI, 194.)

Такие иллюзорные тени, не принадлежащие ни земле, ни небесам, используются колдунами и другими адептами черного искусства, помогая им преследовать их жертвы; вызывать галлюцинации в мозгу искренних и разумных людей, становящихся жертвами ментальных эпидемий, вызванных ими для некой цели; и чтобы всеми способами противостоять благотворной работе хранителей человечества, как божественных, так и человеческих.

Таким образом, сказанного достаточно, чтобы доказать, что теософы имеют подтверждения справедливости своих доктрин, подкрепленные античностью в целом.¹⁹⁷

ТАУ-ТРИАДЕЛЬТА

Африканская магия

Прежде чем мы перейдем к теме оккультного искусства, которое практиковалось на Западном побережье Африки, было бы неплохо сначала разобраться в том, что подразумевается под слишком затертым термином — «магия».

В обиходе это слово используется во многих значениях; в прошедшие века им объясняли буквально все, что было «непонятно простому обывателю». Мы ограничимся его определением, как — знание основных законов природы, которые не только неизвестны ученым Европы и Америки, но о которых последние даже не подозревают.

Вечно цветущего лик, начавший горькие слезы
Лить и природу вещей открывать в своих изречениях.

197

В подтверждение теории о том, что в объекте поклонения может концентрироваться большое количество психической силы, мы можем привести следующий библейский рассказ о низвержении идола Дагона в его собственном храме высшей силой еврейского ковчега:

«И взяли филистимляне ковчег Божий, и внесли его в храм Дагона, и поставили подле Дагона. И встали азотяне рано на другой день, и вот, Дагон лежит лицом своим к земле пред ковчегом Господним. И взяли они Дагона, и опять поставили его на свое место. И встали они поутру на следующий день, и вот, Дагон лежит ниц на земле пред ковчегом Господним; голова Дагона и обе руки его *лежали* отсеченные, каждая особо, на пороге, осталось только туловище Дагона». (1-я Царств, V, 2-4). — Прим. Генри С. Олькотта.

Общепризнанный факт, что нет такого закона природы, который можно было бы, хотя бы единожды, отменить. Исходя из этого нам кажется просто случайностью, когда, например, такой незыблемый закон, как земное притяжение, оказывается попраным, но все же мы должны признать, что могут быть и другие законы, пока еще неизвестные западной науке, способные не только не укладываться в действие известного закона, но и приостанавливать его.

Знание этих сокрытых законов как раз и есть то, что мы понимаем под термином оккультная наука, или магия. *И нет другой магии, кроме этой*, и никогда не было ни в одном из периодов мировой истории. Все так называемые «чудеса» давно минувших времен и по сей день могут воспроизводиться, и воспроизводятся, магами, когда того требуют обстоятельства. Действие магии имеет чисто научное объяснение, и его нельзя смешивать с любого рода фокусами и надувательством.

Существуют различные школы магизма, которые развиваются и действуют в совершенно различных направлениях. Ведущие из них, чью философию все остальные берут за основу — это индусская, тибетская, египетская (включая арабскую) и обеих, или вуду. Последняя из вышеперечисленных всецело и по сути своей противостоит всем предыдущим: ее корни и основа лежат в некромантии, или «черной магии», тогда как три другие действуют или посредством того, что специалистам известно как «белая магия», или, в большинстве случаев, при помощи психологического воздействия на наблюдателя. Опытный оператор может психологически воздействовать на целую толпу зрителей, которые, обладая своими обычными способностями, могут видеть и чувствовать любую вещь, какую он захочет. Скорее всего, именно таким образом пара заезжих факиров дает свое представление по месту вашей работы или во время отдыха в саду вашего бунгало. Они сооружают небольшой шатер и просят вас назвать любое животное, которое вы бы хотели видеть появившимся оттуда. Зрители попеременно называют множество различных животных, и в каждом случае заказанный экземпляр, будь это безобидный терьер или хищный тигр, появляется из-за полога шатра и неспешно удаляется до тех пор, пока не скрывается за углом. И так, это просто «психологический метод», как, впрочем, и большинство прославленных трюков индийских факиров, таких как «фокус с корзиной», «манговое дерево», подбрасывание веревки в воздух, которая, поднявшись вверх, останавливается и висит в пространстве, и многое-многое другое, что для каждого англичанина, живущего в Индии почти так же обыденно, как «слова, произносимые каждый день».

Различие между этой школой и школой вуду, или обеих, весьма велико, так как первые добиваются своей цели путем обмана, или иллюзии. Наблюдатель видит не то, что происходит *на самом деле*, а то, что подсказывает его воображение: его разум просто находится под внушением оператора, чем и достигается результат. Но в африканской магии все происходит наоборот: наблюдатель видит только то, что реально имеет место, и то, что вызвано «черной магией», он не видит. Сила, используемая африканскими некромантами, оказывает не психологическое воздействие, но дьявольское.

Белые маги «как правило, властвуют над низшими духами, которых они используют для выполнения различных своих поручений; так же они прибегают для осуществления своих намерений к помощи могущественных и благодетельных некто. Но это не одно и то же. Белый маг контролирует вредоносных по природе духов, которые становятся его рабами, и принуждает их выполнять его благодетельные замыслы. Некромант же, или приверженец черной магии, напротив, оставляет злого духа, который находится у него в подчинении, таким, каков он есть.

В то время как философия белого мага требует от него соблюдения принципов величайшей чистоты и практического воплощения каждой добродетели, а так же чрезвычайного подчинения и безупречного контролирования всех желаний и потребностей, как ментальных, так и физических, в результате чего он должен стать воплощенным интеллектом, абсолютно очищенным от всех человеческих слабостей и пороков, — некромантия требует от своего адепта надругательства и унижения человеческой природы всеми возможными способами. Наименьшее злодеяние, необходимое черному магу для достижения власти — это ритуальное убийство, или жертвоприношение заранее заготовленной человеческой жертвы. Неискушенный человеческий разум вряд ли сможет

вместить, или хотя бы представить, даже десятую часть тех ужасов и зверств, творимых на самом деле женщиной-обеих.

И все же, несмотря на страшную, невыразимо ужасную, цену — их сила вполне реальна. В этом невозможно ошибиться. Каждый, даже самый захудалый, вождь на Западном побережье пользуется услугами «заклинателя дождя». Среди путешественников и миссионеров вошло в моду смеивать и отрицать силу этих людей. Но, тем не менее, они владеют этой силой и действительно используют ее для вызывания урагана, дождя, ветра и молнии. Вопреки общепринятому мнению, что дикарь невежествен и жесток, у него все же могут быть недюжие природные способности, и, собственно говоря, то же самое невежество заставляет некоторых людей не верить в то, что они могут проверить: разве мог бы «заклинатель дождя» продержаться в течение года, не подтверждая, по требованию вождя, свою силу. Неудача для него означала бы просто — смерть. И нелепая гипотеза о том, что они якобы используют свою способность предсказывать перемену погоды и вызывают лишь те атмосферные явления, которые и без того неминуемо должны были произойти, — лишена всякого смысла и является лишь уловкой миссионеров. Местные вожди, подобно любому туземцу, способны определить приближение перемены погоды за много часов до того, как она наступит. И не кажется ли по меньшей мере странным, что вожди, посылая за заклинателем дождя, одаривают его скотом, причем в количестве, которого ему хватит на год, и это помимо жен и других предметов роскоши, если вызов дождя является заурядным явлением?

Я хорошо помню свое первое впечатление от этих колдунов. В течение многих недель не было дождя, несмотря на то, что был период дождей. Посевы маиса погибали от засухи; по все местности резали скот; женщины и дети умирали сотнями; воины находились в таком же плачевном положении и были похожи на скелеты. День за днем солнце выжигало землю, подобно раскаленному медному шару. Не было ни одного облака, за которое оно могло бы спрятаться хоть на миг, и вся природа увядала в этом огненном горниле. Неожиданно вождь племени приказал бить в барабан, на звук которого поспешно собрались все воины. Он объявил о прибытии двух знаменитых заклинателей дождя, которые незамедлительно приступят к преодолению бедствия. Старший из этих двоих был чахлый, кривоногий, низкорослый мужчина, его сидящие волосы были сальные и грязные, и их не украшали перья. Второй был более приятный субъект сусунской расы, но с очень угрюмым выражением лица. Сидящие на корточках негры образовали большой круг, собравшиеся — по какой-то им одним известной причине — были вооружены до зубов, вождь находился в центре круга, заклинатели дождя — напротив него, они начали свое колдовское действие. Солнце было в зените. То один, то другой пристальный взор обшаривал горизонт, но не было ни малейшего намека на появление облака. Вскоре старик упал на землю и забился в конвульсиях, похожих на эпилепсию, его товарищ встал у его ног, указывая обеими руками на раскаленное небо. Все взгляды устремились вслед за его жестом в поисках точки, на которую были направлены его руки, но ничего не было видно. Неподвижный как каменная статуя, он стоял, приковав взор к небу. Не прошло и минуты, как на совершенно чистом небе образовалось едва заметное странное пятнышко, отливавшее медью. В следующую минуту оно стало темнеть, увеличиваясь в размерах, и буквально на глазах превратилось в черное облако, которое очень скоро закрыло все небо. Быстро стемнело. Еще минута, и наступившие сумерки прорезала яркая вспышка молнии, на иссушенную землю хлынули потоки воды. Этот ливень запомнился надолго. В течение двух суток дождь хлестал как из ведра, казалось, он все смывает с лица земли.

После того как вождь отпустил заклинателей дождя, одарив их скотом и дорогими подарками, я пробралась в хижину, в которой они находились, и всю ночь напролет провела в беседе, расспрашивая магических искусников. Это была обычная тростниковая хижина диаметром в сорок футов, плетеные стенки которой прочно держались на деревянных сваях, глубоко вогнанных в землю; конусообразная крыша была настолько плотной, что ни капли дождя не проникало во внутрь. В конце концов я уговорила их продемонстрировать мне парочку своих трюков. Они завели заунывную песню, или, вернее, длинное неразборчивое заклинание, и по прошествии нескольких минут младший из них подпрыгнул, словно его подбросила вверх некая скрытая пружина, и завис под самым потолком, свободно паря в воздухе. Яркий свет от большого костра в центре хижины освещал все вокруг до мельчайшей

детали, поэтому я встала и подошла поближе, чтобы хорошенько разглядеть человека, парящего в трех футах от земли, — не было ни малейшего сомнения в его левитации. Потом он подплыл к сплошной стене и просочился сквозь нее наружу. Я стремительно рванулась к дверному проему, расположенному в противоположной стороне, и обежав хижину, огляделась по сторонам. Я увидела светящуюся фигуру, которая была похожа на человека, натертого фосфорным маслом; но мне хотелось поскорее укрыться от потоков нескончаемого дождя. Когда я вернулась в хижину, там находился только старик. Я тщательно обследовала стену, но не нашла никакого отверстия. Старик ни на минуту не прекращал своего монотонного пения, и вскоре в хижине снова появился его товарищ, по-прежнему парящий в воздухе. Он медленно опустился на пол, и я увидела его темную кожу, блестящую от дождя. Лохмотья, служившие ему одеждой, были такие мокрые «хоть выжимай».

Настала очередь старика, который для демонстрации своих феноменальных способностей, несколько раз мгновенно исчезал и неожиданно появлялся вновь; причем в результате этих таинственных исчезновений он оказался таким же насквозь промокшим, как и его молодой спутник.

Дальнейшее представление было еще более захватывающим. Следуя указаниям старика мы расположились вокруг костра таким образом, чтобы каждый из нас сидел в точке, являющейся вершиной воображаемого правильного треугольника. Мужчины стали медленно раскачиваться в такт пению, делая в направлении огня пассы руками, как вдруг, к моему неопишуемому ужасу, из раскаленных углей выползло с дюжину ядовитых змей — самых смертоносных змей во всей Африке — и, свиваясь в кольца и вставая на хвосты, закружились в своем дьявольском танце внутри хижины, непрерывно и устрашающе шипя. По команде старого колдуна они все бросились в пламя и исчезли. Затем молодой мужчина вскочил и начал описывать круги вокруг костра; оказавшись напротив меня, он упал на колени и открыл рот, из которого тут же высунулась голова ядовитой змеи. Он схватил ее и вытащил из глотки, — змея оказалась не менее трех футов длиной, — и швырнул ее вслед за другими змеями в огонь. В скором времени он вытащил семь змей, одну за другой, и точно также всех их приговорил к сожжению, переправив в костер.

Это было весьма впечатляющее зрелище, но им не терпелось узнать, каким образом они вызывают материализацию духов. К тому моменту, когда стала образовываться человеческая фигура, медленно поднимаясь из огня, колдовство продолжалось уже не менее двадцати минут. Это был мужчина преклонных лет, такой же белый человек, как и я сама, но совершенно голый. Я попыталась задать ему несколько вопросов, но ни на один из них не получила ответа. Тотчас я встала, обошла вокруг костра и внимательно оглядела его со всех сторон, обнаружив синевато-багровый рубец у него на спине. Хотя мне так и не удалось установить, кто же это был, но — из замечания, которыми обменивались мои ночные собеседники — мне показалось, что они относятся к нему с некоторой опаской, — очевидно, они рассчитывали на встречу с духом черного человека.

После появления этого неожиданного духа колдуны наотрез отказались продолжать демонстрацию этой ночью, зато на следующую ночь от их страхов не осталось и следа. Самое невероятное из того, что они мне впоследствии показали — это старинный обряд жрецов Ваала. Начав скорбное песнопение, они медленно двинулись вокруг костра (кстати говоря, огонь — всегда неотъемлемая часть действия), придерживаясь некоего ритма и в движении, и в голосовых вибрациях. Постепенно темп стал набирать силу, и они ускоряли свои движения до тех пор, пока не закружились вихрем, подобно танцующим дервишам. Причем, вращаясь в бешеном темпе вокруг своей собственной оси и вокруг костра, они еще и ухитрялись крутить над головами секирами, со свистом рассекающими воздух. С нарастанием темпа их голоса становились все выше и пронзительнее, пока не стали совершенно нестерпимыми. Потом, сохраняя синхронность в движениях, каждый из них начал рубить свою обнаженную плоть: руки, грудь, бедра, — до тех пор, пока их тела с ног по головы не покрылись глубокими ранами, на которых обильно сочилась кровь. Старик первым прекратил это сумасбродное действо и в изнеможении опустился на землю, пристально наблюдая за своим напарником, который в одиночку продолжал это безумное неистовство, с тех пор, пока тот совершенно не обессилел и не рухнул бездыханным у наших ног. Старик взял нож, просунул его лезвие в узкое горлышко калебасы и достал на его

кончике какую-то дурно пахнущую мазь, которой обильно смазал каждую рану своего товарища, после чего ладонями рук энергично растер все его израненное тело.

Через какое-то время молодой человек поднялся; на его упругой черной коже не осталось ни малейшего следа от ран, нанесенных им самому себе во время вышеописанного безумства. Затем он оказал ту же самую услугу своему старшему товарищу и с точно таким же результатом. Десять минут спустя они оба забылись на циновках в сладкой глубокой дреме.

Это представление, изобилующее заклинаниями, характерными телодвижениями и плясками вокруг костра, и многими другими деталями, окончательно убедило меня в том, что если не все, то по крайней мере большая часть магических искусств Западной Африки была унаследована с тех незапамятных времен, когда Ваал был официальным богом и был повсеместно почитаем в этой части Черного Континента.

ДРЕВНЯЯ МАГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Можно обвинять, а можно не обвинять Полтьера, французского индолога, за чрезмерный энтузиазм, когда он говорит, что Индия предстала перед ним как великий и древний центр человеческой мысли, чье сильное пламя угасло благодаря общению с, и распространению огня на весь античный мир,¹⁹⁸ — и он прав в своем утверждении. Это арийские метафизики¹⁹⁹ привели разум к оккультному знанию — древнейшей материнской науке о всех вещах, поскольку она содержит в себе все остальные науки. И оккультизм — синтез всех открытий в природе, относящихся, главным образом, к психической потенции внутри каждого физического атома материи и вне его — был первичной связующей силой, которая сцементировала в один краеугольный камень основные черты всех религий античности.

Поистине, первичная искра зажгла огонь каждой нации, и магия сегодня находится в основе всякой национальной веры, древней или молодой. Египет и Халдея, которые находятся на первом месте в ряду таких стран и предоставляют нам наибольшие доказательства по этому предмету, бессильны сделать то, что делает Индия, — защитить свои палеографические реликвии от осквернения. Мутные воды Суэцкого канала доносят до британских берегов магию древнейших времен Египта фараонов, которая наполняет своими крошачищами в пыль реликвиями музеи Британии, Франции, Германии и России. Древняя, *историческая* магия сама, таким образом, отражается на научных трудах нашего собственного всеотрицающего века. Она укрепляет руки и утомляет мозг ученого, смеясь над его попытками объяснить ее значение при помощи своего собственного материалистического подхода, и все же помогает оккультисту лучше понять современную магию, рахитичную, слабую внучку могущественной и древней бабушки. Вряд ли иератический папирус, эксгумированный вместе с забинтованной мумией царя или жреца-иерофанта, или поврежденная бурями, неразборчивая табличка из разрушенных городов Вавилона или Ниневии, или древняя шляпа-цилиндр — не послужат новой пищей для ума или не дадут какую-либо заслуживающую внимания информацию изучающему оккультизм. В то же время, магию отрицают и называют «суеверием» невежественных древних философов.

Таким образом, магия в каждом папирусе; магия во всех религиозных формулах; магия, сокрытая в герметически запечатанных пузырьках много тысяч лет назад; магия в изящной

¹⁹⁸

«Эссе». Предисловие Колбрука.

¹⁹⁹

И лишь благодаря св. Илариону м-ра Бартеlemi весь мир узнал, что «в отношении метафизики, индусский гений всегда оставался *младенчески недоразвитым*»!!

оболочке современных книг; магия в наиболее популярных романах; магия на общественных собраниях; магия — нет, хуже того, КОЛДОВСТВО — в самом воздухе, которым дышат в Европе, Америке, Австралии: чем более цивилизована и культурна нация, тем более ужасные и сильнодействующие испарения бессознательной магии она выделяет и накапливает в окружающей атмосфере...

Табуированная и осмеянная магия никогда, конечно, не будет принята под своим законным названием; все же наука начала иметь дело с этой подвергнутой остракизму наукой под современными масками, и весьма широко. Но что же в имени? Потому, что волк научно определен как животное *genus canis* [рода собак], можно ли сделать из него собаку? Люди науки могут предпочесть называть магию, исследованную Порфирием и объясненную Ямвлихом. *hysterical hypnosis* [истерическим гипнозом], но это не делает ее в меньшей степени магией. Результат первичного *откровения* ранних рас благодаря их «*божественной династии*» *царей-наставников* стал *внутренним* знанием в Четвертой расе, расе Атлантов; и это же знание называется сегодня в своих редких случаях «аномального» достоверного проявления, *медиумичностью*. Тайная история мира, сохраненная лишь в удаленных, надежных убежищах, одна бы могла, откровенно говоря, поведать нынешним поколениям о тех силах, которые лежат в скрытом виде и остаются совершенно неизвестными в человеке и природе. Именно ужасное злоупотребление магией Атлантами привело их расу к полному уничтожению и — к забвению. Рассказ об их колдовстве и дьявольском очаровании достиг нас благодаря классическим писателям, в фрагментарных отрывках, как легенды и сказочные истории для детей, и как истории, приписываемые малым народам. Отсюда и презрение к некромантии, черной магии и теургии. Фессалийских «ведьм» высмеивают в наши дни не меньше, чем современного медиума и легковерного теософа. Это опять-таки результат *колдовства*, и никто не должен никогда испытывать недостаток мужества при употреблении этого термина; ибо постоянное неправильное употребление этой магии заставило адептов, «сынов Света», глубоко спрятать ее после того, как их греховные последователи нашли себе водную могилу на дне океана; и таким образом сделать ее недоступной для непосвященной расы, последовавшей за Атлантами. Это то колдовство, которому обязан мир своим нынешним неведением. Но кто или какая группа людей в Европе или Америке поверит такому сообщению? Никто, за одним исключением; и это исключение обнаруживается в римском католицизме и его духовенстве; но даже они, хотя и обязанные в соответствии со своими религиозными догмами признавать существование магии, приписывают ей сатанинское происхождение. Вот та теория, которая, без сомнения, до нашего времени мешает заниматься магией с научных позиций.

Но все же, *volens nolens* [волей неволей] науке приходится это делать. Археология в своих наиболее интересных областях — египтологии и ассириологии — неизбежно соприкасается с магией. Ибо магия столь тесно связана с мировой историей, что, если последняя и захочет быть когда-нибудь написанной сама по себе и содержать правду, и *ничего* кроме правды, то в этом, вероятно, у нее ничего не получится. Если археология все еще рассчитывает на открытия и сообщения об иератических писаниях, которые будут свободны от этого ненавистного предмета, тогда, мы опасаемся, что ИСТОРИЯ никогда не будет написана.

Можно выразить глубокое сочувствие и легко вообразить затруднительное положение различных ученых академиков и ориенталистов из Французского Королевского общества. Вынужденные расшифровывать, переводить и интерпретировать заплесневевшие древние папирусы, надписи на стелах и вавилонских *ромбах*, они обнаруживают себя в любой момент лицом к лицу с МАГИЕЙ! Выполненные по обету жертвоприношения, резные изображения, иероглифы, магические заклинания — все принадлежности этого ненавистного «суеверия» — пристально смотрят им в лицо, требуют их внимания, наполняют их самой невыносимой растерянностью. Подумайте только, какими должны быть их чувства, например, в следующем случае. Откопали некий безусловно драгоценный папирус. Это *посмертный* документ, предоставленный осифицированной душе²⁰⁰ некоего царевича или даже фараона, написанный черными и красными иероглифами ученым и знаменитым

200

Читателю нет нужды рассказывать о том, что в Египте каждая душа, вновь рожденная в течение своего 8000-летнего цикла, одушевляется после смерти тела и *осифицируется*, то есть становится «Осирисом», таким образом, личность сводится к своему высшему принципу, *духу*.

писцом, скажем, IV династии, под наблюдением египетского иерофанта, принадлежащего к классу, который рассматривали во все века как наиболее ученый из ученых среди древних мудрецов и философов. Утверждения, содержащиеся в нем, были записаны в торжественные часы смерти и погребения царя-иерофанта, фараона и правителя. Целью этого папируса было проведение «души» в ужасное царство Аменти, к его судьями, туда, где сказанная ложь перевешивала любое другое преступление. Ориенталист уносит папирус и посвящает его интерпретации дни, возможно недели, труда — лишь для того, чтобы обнаружить в нем следующее заявление: «В XIII-ом году и во втором месяце *Шуму*, на 28-ом дне того же месяца, мы, первый высший жрец Аммона, царя богов, Пенотман, сын представителя (или заместителя)²⁰¹ высшего жреца Пионкимоана, и писец храма Соссерсухона и некрополя Бутгамонму, начали одевать почившего царевича Узирмари Пионоха, и т. д., и т. п., подготавливая его для вечности. Когда все было готово, *мумия соизволила воскреснуть и поблагодарить своих слуг, а также принять покрывало, выполненное для него руками «плакальщицы», Нефрелит Нимутхой, ушедшей в вечность многие и многие годы назад — «за несколько сотен лет до того!»* Все это написано иероглифами.

Это может быть и ошибочным прочтением. Существуют десятки весьма достоверных папирусов и записи более интересных историй и рассказов, чем этот, подтвержденных Санхуниафоном и Манефоном, Геродотом и Платоном, Синцеллом и десятками других писателей и философов, которые упоминали данный предмет. Эти папирусы очень часто приводят в пример с той же серьезностью, как любой исторический факт, не нуждающийся в особом подтверждении, о целой династии царей-манов, то есть *призраков и привидений*. То же самое обнаруживается и в историях других народов.

Все народы говорят о своих первых и наиболее ранних династиях²⁰² правителей и царей, которых греки называли *манами*, а египтяне — *урваганми*, как о «богах», и т. д. Росцелин попытался интерпретировать такое загадочное утверждение, но безуспешно. «Слово маны обозначает *урваган*», — говорит он, — «и это слово в своем буквальном смысле обозначает внешний образ, и мы можем предположить, если возможно соотнести эту династию с неким историческим периодом, что слово относилось к *некоторой форме теократического государства, представленного образами богов и жрецов*»!²⁰³

Для того чтобы признать некую династию, по всей видимости, живых, во всяком случае, действующих и правящих царей, которые, оказывается, были просто манекенами и образами, потребовалось бы гораздо большее расширение границ современной доверчивости и легковерия, чем даже в случае «*царских призраков*».

Не являлись ли все эти иерофанты и писцы, фараоны и цари-посвященные — глупцами или мошенниками, сообщниками и лжецами, либо верившими сами, либо пытавшимися заставить других людей поверить в такие неправдоподобные истории, если не было истины в самом основании? И все это в течение тысячелетий, от первой до последней династии?

О *божественной* династии Манов текст «Тайной доктрины» трактует более подробно; но некоторые такие подвиги могут быть выписаны из достоверных папирусов и извлечены из археологических открытий. Ориенталисты нашли способ для спасения: они хотя и форсируют публикацию содержимого некоторых знаменитых папирусов, но называют их сегодня *небылицами* дней фараона такого-то. Средство остроумное, хотя и не совсем честное. Литературные саддукеи могут весьма порадоваться.

Одним из таковых является «Папирус Лепсия» из Берлинского музея, ныне наконец выкупленный последним у наследников Ричарда Лепсия. Он написан иератическим письмом на архаическом египетском (старокоптском) языке и считается одним из наиболее

---

²⁰¹ «Заместитель» было именем, которое давалось отцу «Сына», усыновленного высшим жрецом-иерофантом, так как эти люди оставались неженатыми и усыновляли «Сыновей» с целью передачи своей силы и преемственности.

²⁰² Тайная Доктрина учит, что такие династии состояли из божественных существ, «эфирных образов человеческих созданий», на самом деле, «богов», в своих святилищах астральных телах; это были *шишиты* предыдущих манвантар.

²⁰³ Росцелин в «*Storia degli Monumenti dell'Egitto*», том I, стр. 8, утверждает, что Манефон и древние хроники едины во мнении, чтобы переводить слово *manes* как *nekhuēs*. В Хрониках Евсевия Неизвестного, обнаруженных в Милане и снабженных примечаниями кардиналом Мэем, слово *nekhuēs* переводится также как *urvagan*, «внешняя тень», или «эфирный образ человека»; иначе говоря, *астральное тело*.

выдающихся археологических открытий нашего века, так как он предоставляет нам даты для сравнения и исправляет некоторые ошибки в порядке династического преемства. К сожалению, *недостает его наиболее важных фрагментов*. Ученые египтологи, имевшие величайшие затруднения в его расшифровке, заключили, что это был «исторический роман XVI века до н. э.,²⁰⁴ восходящий к событиям, которые происходили во время царствования фараона Хеопса, предполагаемого строителя пирамиды того же имени, который жил в XXVI (?) веке до нашей эры». Он показывает жизнь египтян и состояние общества при дворе этого великого фараона, почти за 900 лет до маленького недоразумения между Иосифом и миссис Потифар.

Первое действие начинается с того, что царь Хеопс на троне, окруженный своими сыновьями, повелевает им развлечь его рассказами о седой древности и таинственных силах, которые проявляли мудрецы и маги при дворе его предшественника. Тогда царевич Хефрен рассказывает собравшимся об одном маге, который в эпоху фараона Небха сделал из воска крокодила и наделил его жизнью и *повиновением*. Муж поместил его в комнату своей неверной супруги, и крокодил покусал ее вместе с ее любовником и, схватив их, утащил в озеро. Другой царевич рассказал историю о своем дедушке, отце Хеопса, фараоне Сенефру. Будучи нездоровым, он велел одному магу прибыть к нему, и тот посоветовал ему в качестве лекарства посмотреть на игру двенадцати прекрасных девушек, резвившихся в лодке на озере невдалеке. Девушки повиновались, и сердце старого деспота «ожило». Но внезапно одна из девушек вскрикнула и начала громко плакать. Она уронила в воду озера, которое в данном месте достигало 120 футов глубины, дорогое ожерелье. Тогда маг произнес заклинание, призвал себе на помощь гениев воздуха и воды, и погрузив свою руку в волны, вернул ожерелье назад. Фараон был сильно поражен этим подвигом. Он больше не смотрел на двенадцать красавиц, «сбросивших одежды, покрытых сетью, и с двенадцатью веслами из эбенового дерева и золота»; но приказал совершить жертвоприношения *манам* тех двух магов, которые умерли. На это царевич Гардадату заметил, что высшие из таких магов *не умирают никогда* и что один из них живет до сих пор в городе Дейд-Снофру, и ему сейчас уже более ста лет; что его зовут Отец; и что он обладает таинственной силой воссоединять отрубленную голову со своим телом и возвращать его к жизни, а также обладает полной властью и может управлять львами в пустыне. Он, Отец, знал также, где можно достать исключительно необходимые материалы для храма бога Тота (бога *мудрости*), здание которого фараон Хеопс стремился воздвигнуть рядом со своей великой пирамидой. Услышав это, могущественный царь Хеопс выразил желание увидеть старого мудреца при своем дворе! Тогда царевич Гардату отправился в путешествие и вернулся назад вместе с великим магом.

После длительных приветствий, взаимных комплиментов и реверансов, согласно папирусу, состоялся долгий разговор между фараоном и мудрецом, который вкратце проходил таким образом:

— Мне сказали, о мудрейший, что твое искусство может воссоединить голову, отделенную от тела, с последним.

— Я могу сделать это, великий царь, — ответил Отец.

— Пусть приведут сюда без промедления преступника, — распорядился фараон.

— Великий царь, моя сила не распространяется на людей. Я могу воскресить лишь животных, — возразил мудрец.

Принесли гуся, обезглавили его и положили голову в восточном углу зала, а его тушку — у западной стены. Отец по очереди протянул свои руки в двух направлениях и пробормотал магическую формулу. Тотчас же тело птицы встало и перешло в центр зала, и голова перекатилась и встретилась с ним. Затем голова вспрыгнула на окровавленную шею; они соединились, и гусь вновь начал ходить, не хуже, чем до экзекуции.

Этот же удивительный подвиг Отец повторил с канарейками и с быком. После этого фараон пожелал узнать о проектируемом храме Тота.

Ман-мудрец знал все о старых останках храма, спрятанных в определенном доме в Гелиополе: но он не имел права открыть это царю. Откровение должно было придти от

²⁰⁴

Предположительно — в течение XVIII-ой царской династии, согласно синхронистическим таблицам Манефона, изуродованным до неузнаваемости умелым Евсевием, хитромудрым епископом Кесарейским.

старшего из трех близнецов Раддеду, жены жреца Солнца в городе Сахбу. Она зачнет сыновей-близнецов от Бога-Солнца, и эти дети сыграют важную роль в истории страны Хеми (Египта), поскольку они будут призваны править ей. Старший из них, перед тем как он станет фараоном, будет высшим жрецом Солнца в городе Гелиополе.

Услышав это, фараон Хеопс разорвал в горе свои одежды: его династия, таким образом, должна быть свергнута сыном божества, которому он воздвигал храм!

Здесь папирус обрывается; и поскольку значительная часть его отсутствует, потомкам отказано в возможности узнать, что предпринял фараон Хеопс в этой чрезвычайной ситуации.

Следующий фрагмент сообщает нам о том, что, очевидно, являлось главным предметом этого древнего рассказа — о рождении трех сыновей Бога-Солнца. Как только Раддеду почувствовала предродовые боли, великий Бог-Солнце призвал богинь Изиду, Нефтиду, Месехекту и Гекту, и послал их для помощи жрице, наставляя: «Она рождает моих трех сыновей, которые однажды станут правителями этой страны. Помогите ей, и они построят храмы для вас, совершат многочисленные воздаяния вином и жертвоприношения». Они сделали так, как он просил, и родились три мальчика, в один ярд длиной каждый, и с очень *длинными руками*²⁰⁵ Изида дала им имена, а Нефтида благословила их, две другие богини утвердили их счастливую судьбу. Три молодых человека стали в конце концов царями, основав V-ую династию, их имена были Усеркат, Сагурей и Какаи. После того, как богини вернулись в свои небесные дворцы, произошли некоторые великие чудеса. Зерно, принесенное в жертву матерям-богиням, вернулось обратно в закрома на дворе высшего жреца, и слуги сообщили, что невидимый голос распевал песнопения в честь рождения наследных царевичей, и были отчетливо слышны звуки музыки и танцев, относящихся к этому ритуалу. Это явление впоследствии принесло опасность для жизни будущих царей-близнецов.

Одна рабыня, наказанная однажды жрицей, убежала из дома и рассказала собравшейся толпе следующее: «Как она осмелилась наказывать меня, женщина, которая родила трех царей? Я пойду и извещу об этом фараона Хеопса, нашего господина».

На этом интересном месте папирус вновь обрывается; и читатель снова остается в неведении относительно того, что повлекло за собой это обвинение, и каким образом три брата-претендента избежали преследований верховного правителя.²⁰⁶

Другой магический подвиг, приведенный Мэритт Бей (*Mon. Dir.* pl. 9, Персидская эпоха) из таблички, хранящейся в Булакском музее, относится к Эфиопскому царству, основанному потомками высшего жреца Аммона, в котором царила абсолютная теократия. Он сам был богом, по-видимому, выбирающим царей по своей воле, и «стела 114, которая является официальным заявлением об избрании Аспалута, показывает, каким образом происходили такие события». (Гебал-Баркал). Армия, собранная невдалеке от святой горы Напата, избрала шесть офицеров, которые должны были присоединиться к остальным делегатам этой страны и предложить начать выборы царя.

«Придите», — говорит высеченная на камне легенда. — «придите, пусть мы выберем хозяина, который был бы похож на неотразимого молодого быка». И армия начала стелать,

---

²⁰⁵ Длинные руки в Древнем Египте обозначали, как и до сих пор в Индии, знак принадлежности к Махатмам, или адептам.

²⁰⁶ Это должно быть еще в большей степени печально, — говорит переводчик папируса, — потому что «детали этой легенды, невзирая на содержание папируса Лепсия, безусловно основываются на наиболее древней традиции; и по существу дела исходят от очевидцев и свидетельств, полученных из первых рук». Данные папируса полностью соответствуют известным фактам и согласуются с открытиями, сделанными египтологией, и неопровержимой информацией, полученной относительно истории и давно произошедших событий в этой «стране тайн и загадок», как ее назвал Гегель. Поэтому у нас нет никаких причин сомневаться в достоверности общего смысла рассказа, который содержится в этом папирусе. Это также открывает нам совершенно новые исторические факты. Так, мы прежде всего узнаем, что Хефреп (или Хафра) был сыном Хеопса; что V-ая династия зародилась в городе Сахбу; что первыми ее тремя фараонами были три брата — и что старший из близнецов был высшим жрецом Солнца в Гелиополе перед тем, как взойти на трон. Бедные деталями, они становятся необычайно важными для истории событий, удаленных от нас более чем на сорок веков. Наконец, папирус Лепсия — это исключительно древний документ, написанный на древнеегипетском языке, в то время как события, о которых в нем рассказывается, могут быть, по своей *оригинальности* (магия?), помещены рядом с лучшими египетскими текстами, переведенными и опубликованными знаменитым египтологом и археологом, м-ром Масперо, в его работе «Contes de l'ancienne Egypte».

говоря — «Наш хозяин с нами, а мы его не знаем!» А другие вторили, «Да, но мы можем узнать его, хотя до сих пор никто, кроме Ра (бога) не делал этого: пусть великий Бог убережет его от зла, где бы он ни был...» Тотчас же вся армия завопила — «Но этот бог есть Аммон-Ра. на Святой Горе, и он — бог Эфиопии! Предадим же себя ему; не говорите в неведении о нем, ибо слово, сказанное в неведении о нем, это не есть добро. Пусть выберет он, этот бог, который есть бог Эфиопского царства, со дней Ра... Он поведет нас, так как все эфиопские цари — его рук дело, и он дает царство тому сыну, которого он любит». «Вот что сказала целая армия: *Воистину, это самая выдающаяся речь... во все века*».

Далее текст показывает нам делегатов, совершивших должным образом обряд очищения, перешедших в храм и распростершихся перед гигантской статуей Аммон-Ра, формулирующих свою просьбу. «Эфиопские жрецы могущественны. Они знают, как создавать призрачные образы и статуи, способные двигаться и говорить, и служить в качестве оболочек для богов; это искусство они сохранили от своих египетских предков».

Все члены царской семьи проходят в процессии перед статуей Аммон-Ра, — и все же он не двинулся. Но как только Аспалут приблизился к ней, огромная статуя берет его обеими руками и громко восклицает: «Вот ваш царь! Вот ваш хозяин, который будет распоряжаться вашими жизнями!» — и армейские военачальники приветствуют нового фараона. Он вступает в святилище и коронуется богом, лично, его собственными руками; затем приближается его армия. Торжество заканчивается раздачей хлеба и пива. (Гебал-Баркал.)

Существует много папирусов и древних надписей, доказывающих без малейшего сомнения, что тысячи лет высшие жрецы, **маги и** фараоны — так же, как и народные массы — *верили* в магию, более того, практиковали ее; последнее, вероятно, может быть приписано искусному обману. Статуи должны были быть *специально подготовлены*; ибо, если бы они не были сделаны из определенных элементов и камней, и не создавались бы под определенным знаком зодиака, в соответствии с предписаниями магического искусства, то *божественные* (или, если угодно, *дьявольские*) силы, или СИЛЫ, которые, как ожидалось, оживляли такие статуи и образы, не могли бы быть приведены в действие подобным путем. Гальваническая батарея должна быть изготовлена из особых металлов и материалов, а не из выбранных наудачу, если кто-либо хочет вызвать ее магическое действие. И фотограф должен добиться определенных условий затемненности и использовать особые химикаты, прежде чем он сможет достичь намеченной цели.

Около двадцати лет назад археология обогатила себя весьма любопытным египетским документом, выражающим взгляды этой древней религии по поводу призраков (*манов*) и магии в целом. Его называют «Магический папирус Харриса» (*Papyrus Magique*). Он исключительно любопытен тем, что имеет отношение к эзотерическим учениям оккультной теософии и наводит на глубокие размышления. Но об этом — в нашей следующей статье о магии.

